

Т. И. Хорхордина

ИСТОРИЯ
АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Учебник

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

Т. И. Хорхордина

ИСТОРИЯ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Учебник

Допущено
Учебно-методическим объединением
вузов Российской Федерации
по образованию в области историко-архивоведения
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению
034700 «Документоведение и архивоведение»
и специальности 030402 «Историко-архивоведение»

Москва
2012

УДК 930.25(075)
ББК 79.3я73
Х79

Ответственный редактор
чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. *Е.И. Пивовар*

Утверждено на заседании кафедры
истории и организации архивного дела
10.11.2009 г., протокол № 3

Художник *Михаил Гуров*

ISBN 978-5-7281-1297-6

© Хорхордина Т.И., 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

Оглавление

<i>Введение</i>	9
 <i>Раздел I</i>	
Эмпирическое архивоведение	19
 <i>Глава 1</i>	
История зарождения архивоведческих знаний в России (XI–XV вв.)	23
 <i>Глава 2</i>	
История архивоведческой мысли в XVI–XVII вв.	30
Опись Царского архива как источник по истории организации архива и становления архивоведческих знаний	31
История становления архивоведческих знаний в архивах приказов	32
И.М. Висковатый	37
 <i>Глава 3</i>	
Архивоведческая мысль петровской Руси: истоки и последствия Генерального регламента	47
Генеральный регламент Петра I и его влияние на развитие архивного дела	47
М.Г. Собакин	55
Н.Н. Бантыш-Каменский	59
И.М. Стриттер	62
Г.Ф. Миллер	63

Глава 4

От эмпирического архивоведения к основам традиционной науки об архивах	76
П.И. Баранов	76
П.И. Иванов	77
К.К. Злобин	79
Д.Н. Блудов	80
<i>Примечания</i>	82
<i>Контрольные вопросы</i>	87
<i>Список источников и литературы</i>	88

Раздел II

Традиционное архивоведение	93
----------------------------------	----

Глава 1

Создание основ традиционной науки об архивах	97
Г.А. Розенкамф	97
С.М. Соловьев	102
М.И. Семевский	107
М.А. Оболенский	109
Н.В. Калачов	112
Петербургский археологический институт	122
И.И. Зубарев	127
И.Е. Андреевский	133
А.П. Воронов	137
А.Х. Востоков	142
К.Ф. Калайдович	143
И.Д. Беляев	147
Н.Н. Оглоблин	148

Глава 2

Научный вклад Д.Я. Самоквасова в развитие архивоведческих знаний	150
Д.Я. Самоквасов	150
П.Я. Дашков	168
Николай Михайлович (Романов)	169

Глава 3

Кризис традиционной науки об архивах	173
Проект МВД «Положение об охране древностей» 1911–1912 гг. и его значение	173
Съезд Губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений 1914 г. и его значение для развития архивоведческой мысли	177
<i>Примечания</i>	183
<i>Контрольные вопросы</i>	190
<i>Список источников и литературы</i>	191

Раздел III

Становление классического (фундаментального) архивоведения	
---	--

Глава 1

Классическое архивоведение как ступень развития архивоведческой мысли в конце XIX – начале XX в.	209
А.С. Лаппо-Данилевский и гуманитарные основы классического архивоведения	209
Московский археологический институт и его роль в развитии архивоведческой мысли	225

Глава 2

Историко-теоретический анализ вклада Союза российских архивных деятелей в историю архивоведческой мысли	236
Ф.А. Ниневе	236
А.И. Лебедев	241
С.Д. Шереметев	251
В.К. Клейн	254
Б.С. Пушкин	255
Н.В. Голицын	258
К.Я. Здравомыслов	259
Д.Н. Егоров	260
С.М. Горяинов	263
Д.Б. Рязанов	264
С.Ф. Платонов	269
С.А. Белокуров	277
С.К. Богоявленский	279

М.М. Богословский	282
В.Н. Бенешевич	285
В.Н. Архивы и власть в 1920-е годы	287
В.И. Пичета	293
А.Ф. Изюмов	295
В.И. Веретенников	299
Итоги первого периода деятельности ГУАД	302
И.В. Пузино	305

Глава 3

А.С. Николаев и роль историко-архивной общественности в становлении и развитии классического архивоведения	309
Архивные курсы при Петроградском археологическом институте	309
Московские архивные курсы	314
А.С. Николаев	316
М.Н. Покровский	331
В.В. Максаков	335
С.П. Мельгунов	338
Б.И. Николаевский	341
I Всероссийская конференция архивных деятелей и архивоведческая мысль	346
В.В. Снигирев	357
С.В. Рождественский	372
А.Е. Пресняков	376
Е.В. Тарле	382
Ю.В. Готье	384

Глава 4

Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского: вклад в развитие архивоведческой мысли	387
Г.А. Князев	389
А.И. Андреев	394
И.Л. Маяковский	408

<i>Примечания</i>	417
<i>Контрольные вопросы</i>	432
<i>Список источников и литературы</i>	433
<i>Заключение</i>	443

Учебник «История архивоведческой мысли» предназначен для студентов, обучающихся по специальности 030402 – Историко-архивоведение и по направлению 034700 – Документоведение и архивоведение (уровень магистратуры). Учебная дисциплина «История архивоведческой мысли», читаемая на кафедре истории и организации архивного дела, представляет собой изложение генезиса, становления и развития архивоведческой мысли в России, связывающее в единое целое систему взглядов отечественных архивоведов и историков на вопросы архивной теории, истории и практики.

Актуальность настоящего издания определяется отсутствием комплексного учебника по дисциплине «История архивоведческой мысли», которая преподается в Историко-архивном институте РГГУ с 1996 г. В данном учебнике впервые обобщен процесс развития архивоведческой мысли в России с XI в. по 20-е годы XX в.

Социальная, научная и практическая значимость данной учебной дисциплины заключается в осознании студентами постоянно возрастающей ценности архивов как основного элемента «новой глобальной информационной инфраструктуры» (по терминологии ЮНЕСКО) и научной мысли, характеризующей уровень творческого самопознания Человека и общества. В этом контексте большое внимание уделяется изучению характерных особенностей изменения традиционной структуры «историк–архивист–архивы». В результате изучения материала студент должен отчетливо представлять себе взаимообусловленность и взаимосвязанность эволюционных процессов, отражающих динамику профессий архивиста и историка.

Структура учебника соответствует программе курса, подготовленного кафедрой.

Предмет дисциплины – динамические процессы возникновения, становления и поэтапного развития системы архивовед-

ческих знаний в России в контексте гуманитарных дисциплин новейшего времени.

Цель дисциплины – сравнительно-историческое изучение опыта индивидуальной работы крупных ученых-архивоведов и историков-архивистов, а также их научных школ, которые заложили теоретические, методические и организационные основы архивного дела в России.

Задача дисциплины – выработка у студентов навыков применения общих гуманитарных знаний к сфере истории архивоведения, умения различать общее и особенное при анализе разрозненных теорий, концепций и оценок на основе междисциплинарного подхода к анализу предлагаемого материала – опубликованных и неопубликованных источников по истории архивоведческой мысли.

Кроме того, указанная цель предполагает решение следующих задач:

- научить студентов самостоятельно выявлять и оценивать с использованием историко-компаративных методов научного анализа характерные черты и особенности развития архивоведения в контексте общей истории Отечества;
- сформировать у студентов умение объективно анализировать личностные аспекты историко-архивоведческой мысли;
- выявить взаимосвязь истории разработки и реализации проектов архивных реформ и архивного строительства и состояния государственного и культурного строительства в стране.

Нижняя хронологическая граница учебного материала (XI в.) определяется началом создания первых архивов и зарождением архивоведческих знаний в Древней Руси. Верхняя хронологическая граница (20-е годы XX в.) связана с рождением классического архивоведения (вершиной архивоведческой мысли в России, по определению С.О. Шмидта) и является точкой отсчета, поворотным этапом, когда процесс свободного развития архивоведческой мысли в России был искусственно прерван и намечился поворот к технологическому архивоведению. При определении хронологических рамок истории становления науки об архивах мы исходим из общепринятой в науковедении концепции о стадийном развитии всякой системы научных знаний в процессе освоения мира и самопознания человека: от

эмпирического этапа до уровня теоретического осмысления накопленных данных.

Новизна учебника состоит в том, что история архивоведения рассматривается не как деперсонифицированный набор сведений о безличностной цепи законодательных актов, правил, положений и т. д., а как процесс интеллектуального творчества ученых, объектом исследования которых стал самоценный архивный документ, отражающий историю развития системы «личность–общество–государство».

При изучении истории архивоведческой мысли в России студент должен включиться в диалогический процесс выявления центральных, поворотных точек генезиса, становления и развития науки об архивах как неотъемлемого элемента динамической системы гуманитарных знаний.

Широта диапазона межнаучных и междисциплинарных связей архивоведения обусловлена тем, что оно, являясь дисциплиной исторического цикла наук, имеет объектом исследования документы и системы документов и решает информационные задачи. Это определяет место архивоведения, равно как и истории архивоведения, в системе наук, а также его связь с другими дисциплинами.

Представленная в учебнике дисциплина – история архивоведческой мысли – тесно связана с такими дисциплинами, как история, источниковедение, документоведение, история государственных и общественных учреждений, археография, вспомогательные исторические дисциплины. Отсюда и преемственность знаний, полученных студентами при изучении данных дисциплин, и соответствующие приемы междисциплинарных связей. Например, с архивоведением и историей архивоведческой мысли традиционно тесно связана археография (теория и методика публикации документов), поскольку при анализе архивоведческих взглядов ученых необходимо ввести в научный оборот их труды, в том числе неопубликованные.

Изучение документоведения и, соответственно, истории делопроизводства необходимо для описания личных фондов ученых и анализа их творческого наследия (в частности, для создания исторической справки фонда).

История учреждений связана с историей государства и права, но в большей мере является частью исторической науки, с которой ее объединяет как историзм в объяснении закономерностей и явлений, в данном случае в развитии архивоведческой мысли, так и ее связь с конкретной исторической обстановкой.

Отношения истории архивоведческой мысли с источниковедением определяются тем, что при введении в научный оборот созданных учеными источников необходимо провести источниковедческий анализ научных трудов архивоведов с использованием соответствующих приемов и методов. Источниковедческий подход включает и привлечение приемов вспомогательных исторических дисциплин – палеографии (при установлении авторства), исторической хронологии, генеалогии (при проведении жизнеописания) и др. В соответствии с требованиями, которые предъявляются к вспомогательным историческим дисциплинам на современном этапе гуманитарного знания, необходимы также выявление репрезентативного корпуса источников, разработка типологии, атрибуция выявленных источников. Эти приемы, разрабатываемые вспомогательными историческими дисциплинами, используются архивоведением для установления авторства, фондовой принадлежности, времени и места создания источников по истории архивоведческой мысли.

Таким образом, формой освоения представленного в учебнике материала является умение студентов применять междисциплинарные знания, полученные при изучении указанных дисциплин, тесно связанных с архивоведением.

Как было отмечено выше, в России нет обобщающего труда по истории архивоведческой мысли. Однако существуют труды, посвященные отдельным сторонам деятельности отечественных архивов и архивоведению. Первые работы об архивной науке появились одновременно с рождением архивоведения в качестве вспомогательной исторической науки в последней трети XIX – начале XX в. Н.В. Калачов, И.Е. Андреевский, Д.Я. Самоквасов, В.С. Иконников, А.П. Воронов в своих статьях и книгах обозначили предмет и границы складывающейся архивной науки, определили основные этапы ее истории. Инициаторы открытия и проведения первых Архивных курсов при Петроградском археологическом институте выпустили следующие курсы лекций по направлениям учебного плана: 1) «История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке»; 2) курс лекций И.Л. Маяковского «Исторический очерк архивного дела в России».

Учебник Г.А. Князева «Теория и техника архивного дела» увидел свет в 1935 г. Книга И.Л. Маяковского впоследствии была квалифицирована как первое учебное пособие по истории архивного дела. Маяковский сформулировал ряд идей, которые

сохраняют свое значение и в настоящее время: архивное дело есть наука, обладающая теорией и строго научными методами; архив есть «живой организм», самоорганизующийся из «хаоса» и имеющий свое индивидуальное лицо; архивы, органически связанные с той «почвой», на которой они возникли, способствуют, выражаясь современным языком, формированию национальной идентичности.

В архивных лекциях С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, В.В. Бартольда, Г.Ф. Церетели, И.Л. Маяковского и других звучали понятия «архивистика», «архивный фонд», «архивная коллекция», «принцип недробимости фонда», «гуманитарная сущность архивов».

Учебные пособия и учебники, созданные в 1940–1970-е годы, отражают утилитарный уровень требований советского государства. Для студентов Историко-архивного института пишут учебные пособия А.В. Чернов (История и организация архивного дела в СССР. – М., 1940), И.Л. Маяковский (Очерки по истории архивного дела в СССР. – М., 1941), К.Г. Митяев (Теория и практика архивного дела. – М., 1946), В.В. Максак (История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945. – М., 1969), коллектив авторов (Теория и практика архивного дела. – М., 1966).

С развитием науки и техники разнообразились источники комплектования. В архивы все больше поступали документы, созданные на новых носителях (кинофотофоно). Вторая мировая война, вызвавшая огромный рост документации, поставила перед СССР и другими странами проблему модернизации архивных служб. Происходит пересмотр важнейших положений архивоведения, касающихся экспертизы ценности документов, источников комплектования, теории НСА, устанавливается контроль ГАС над делопроизводством ведомств (В.Н. Автократов, А.В. Елпатьевский, В.В. Цаплин и др.). Централизованное управление архивами в СССР способствовало ускоренной концентрации документов в центральных и местных архивах, установлению централизованного управления ими, эффективному контролю за сохранностью документов в ведомствах и учреждениях и передаче их на государственное хранение. В 1950–1980-е годы вышло большое количество учебных пособий и учебников по различным темам и областям истории и теории архивоведения и архивного дела (С.О. Шмидт, Ю.Ф. Кононов, М.С. Селезнев, В.И. Вяликов, Г.А. Дремина, И.П. Козлитин, Т.В. Кузнецова, З.В. Крайская, К.И. Рудельсон, Н.В. Бржостовская, А.Д. Степанский, В.Н. Автократов, В.Н. Самошенко, В.Е. Корнеев, Н.А. Орлова, Б.С. Или-

заров, Е.М. Бурова, Е.В. Старостин и др.). Авторы этих учебных изданий показали многообразие подходов к трактовке важнейших вопросов развития архивного дела. Наивысшим достижением в области отечественного архивоведения стали труды В.Н. Автократова, подытожившие в известном смысле теоретические и методические разработки ВНИИДАД. Вместе с тем замедление процесса описания архивных документов и составления НСА сдерживало развитие отечественной исторической науки.

Кризисные явления в конце XX столетия, отразившиеся на многих сферах экономической, политической и духовной жизни нашего общества, ударили и по архивной науке. Попытки энтузиастов приступить к написанию фундаментальных отечественных учебников по архивоведению заканчивались неудачей. В лучшем случае удавалось издать авторские курсы по истории, теории и методике архивоведения, в том числе: *Старостин Е.В.* История России в зарубежных архивах (М., 1994); *Он же.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии (М., 1997); *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. 1917–1980-е годы (М., 1994); *Она же.* Российская наука об архивах. История. Теория. Люди (М., 2003); *Козлов В.П.* Российское архивное дело (М., 1999); *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания (М., 2005); *Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бурова Е.М.* Архивоведение. 4-е изд. (М., 2006) и др.

Настоящий учебник, суммируя достижения ученых-архивоведов предшествующих эпох, предполагает частично заполнить образовавшийся пробел.

При изучении первого этапа истории архивоведческой мысли (раздел I «Эмпирическое архивоведение»), который охватывает период от зарождения элементарных систем хранения письменных документов и появления профессии архивиста до разработки основ архивной методики во второй половине XIX в., основной акцент делается на историко-теоретическом осмыслении опыта постановки архивных (исторических) частей в приказном и коллежском делопроизводстве. В данном разделе изучаются взгляды первых архивистов на процессы классификации архивных материалов и их описания (от И.М. Висковатого до Н.Н. Бантыш-Каменского), анализируются роль и значение Генерального регламента Петра I, а также его влияние на развитие архивного дела и архивоведческой мысли в России. Деятельность Г.Ф. Миллера и его последователей рассматривается в контексте концепции переворота в отношении к научной

ценности архивного документа как источника официальной историографии. Кульминационный пункт этапа эмпирического архивоведения определяется тем, что если в XVI – первой половине XIX в. ученые-архивисты видели своей задачей разрушение исторических фондовых структур и замену их формально-логическими (коллекционными) структурами, то к середине XIX в. российская архивоведческая мысль вплотную приблизилась к осознанию самоценной сущности архивов.

Начало второго этапа (раздел II «Традиционное архивоведение») связывается с периодом деятельности Н.В. Калачова – первого представителя идеи «демократизации» архивного дела, воплощенной в проекте архивной реформы и создании губернских ученых архивных комиссий. Появление науки об архивах было вызвано разработкой и реализацией реформ во второй половине XIX в., в которых ее основоположник Н.В. Калачов принимал самое деятельное участие. Особенность второго этапа заключается в изменении утилитарно-прагматического подхода к архивам, который идет в сторону признания самоценности архивных документов, включая частновладельческие коллекции и архивы личного происхождения. Появляется теоретическое обоснование Калачовым равноценности документов официального происхождения, имевших в основном договорно-правовой характер, и документальных свидетельств об историческом прошлом не только государства, но и отдельной личности, семьи, рода. В интересах науки создаются исторические архивы и разрабатываются проекты радикальных реформ общегосударственной системы архивов. Завершение этого этапа развития архивоведческой мысли датируется по времени первого упоминания идеи об архивном фонде в учебнике «Архивоведение» А.П. Воронова и полемики Д.Я. Самоквасова по поводу калачовского проекта архивной реформы. В разделе детально анализируется, кем, когда и почему осуществляется переход от традиционного к классическому этапу становления науки об архивах.

Третий этап (раздел III «Классическое архивоведение») характеризуется радикальной сменой парадигмы в отношении историков с архивистами в конце XIX – начале XX в. К началу XX в. архивоведческая мысль приобрела черты классической науки, достижения которой представляют собой значительный вклад в историю мировой науки в целом и архивоведческой мысли в частности. Российское архивоведение становится частью гуманитарной системы знаний. Короткий период открытия ар-

живов связывается с совместной реформаторской деятельностью ученых в рамках Союза РАД. Особое внимание уделяется гуманитарным аспектам профессиональной деятельности архивоведов и архивистов в работах А.С. Лаппо-Данилевского, А.С. Николаева, И.В. Пузино, Д.Н. Егорова и других, а также анализу взаимоотношений историков и архивистов. В связи с этим мы опираемся на важное в методологическом плане замечание В.Н. Автократова о том, что переломным моментом («точкой бифуркации», соответствующей введенному В.П. Козловым понятию «проблемное звено архивоведения») было решение, принятое в 1918 г. участниками реформы архивного дела, о выборе исторического (фондового) принципа в качестве основополагающего. Архивоведение обратилось, говоря языком методологии науки, к классификации по естественному, «внутреннему» признаку в соответствии с законом фондообразования.

Таким образом, материал ориентирован на изучение основных этапов развития архивоведческой мысли в контексте гуманитарных дисциплин, а также конкретного вклада архивистов и архивоведов в становление и развитие архивоведческих знаний. Студенты должны отличаться высокой степенью культуры при обращении как с документами, которые уже отложились в архивохранилищах, так и с теми, которые рождаются и живут на их глазах. Воспитание отношения к реальному и потенциальному архиву как к неотъемлемой части национальной и мировой истории ориентировано на будущего профессионала с университетским образованием.

История архивоведческой мысли излагается в гибкой диалектической связи с реальной действительностью, позволяющей ощутить «дыхание» архивов как живого организма.

Основным методом изложения в учебнике избран историко-логический, помогающий осмыслить историю отечественной архивоведческой мысли в четкой временной последовательности, с выделением ключевых моментов.

Прежде чем студент приступит к знакомству со списком источников и литературы, полагаем целесообразным сделать важное предварительное замечание. Специфика разделения литературы и источников заключается в том, что многие из создателей науки об архивах одновременно сами были историографами и историками архивного дела в России. Это обусловило необходимость привлекать их труды в качестве литературы по отношению к различным периодам генезиса, становления и развития науки об архивах и

одновременно анализировать их в качестве источников в случаях, когда изучается система архивоведческих взглядов самих авторов, определяются их роль и место в истории отечественной архивоведческой мысли. Поэтому их работы в соответствующих главах учебника вынесены в раздел источников.

В результате обстоятельного освоения учебного материала, источников и литературы, в том числе с помощью ответов на контрольные вопросы, студенты должны получить профессиональные знания в области процессов и явлений, характеризующих архивные реформы в России, а также уметь выявлять общее и особенное при историко-компаративном анализе научных трудов отечественных ученых-архивоведов. Кроме того, студенты должны знать:

- основные этапы становления и эволюции архивоведческой мысли;
- содержание архивных реформ в России и историю их разработки, а также попытки их реализации во взаимосвязи с общей историей страны;
- законы формирования и правила функционирования архивной системы как сложного историко-культурного феномена;
- основные работы крупнейших ученых-архивоведов, а также их научные школы, которые заложили теоретические, методические и организационные основы архивного дела в России;
- основные нормативно-правовые документы в области архивного дела, их значение и историю разработки.

В итоге изучения дисциплины студент получает представление о специфической сфере возникновения диалога культур на различных этапах самопознания человека.

Студент должен научиться применять общие приемы научного исследования в малоизученной сфере истории архивоведческой мысли на основе современной парадигмы междисциплинарного подхода к анализу исходного документального, в том числе архивного, материала.

Обучение в рамках данной дисциплины предполагает воспитание студента как самостоятельно мыслящего исследователя, уважающего и продолжающего богатые традиции работы в архивах в условиях формирования глобальной информационной сети на основе принципа свободы доступа к национальным архивным фондам.

По окончании изучения материала студент должен осознать сложность поиска оптимального решения вопроса о наиболее эффективном сочетании административной (управленческой) и гуманитарной функций архивов в конкретных условиях государственного устройства, политического режима и общественной атмосферы России в различные периоды истории. Эти проблемы представляются автору учебника наиболее важными и перспективными при изучении данного учебного курса.

Раздел 1

ЭМПИРИЧЕСКОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ

Главной чертой смены этапов в процессе становления науки об архивах является уровень свободы, обеспечивающей возможность саморазвития социокультурных феноменов. При таком подходе эмпирический характер архивоведения характеризуется максимумом несвободы развития архивов, их незащищенностью перед произволом представляющих органы власти чиновников, а в архивоведении – признанием приоритета потребительско-утилитарных качеств архивов перед объективно-ценностными.

На первом – эмпирическом – этапе истории архивоведческих знаний архив, библиотека и музей представляют собой единый конгломерат документов, отбираемый для хранения по субъективным причинам. При этом приоритет отдается договорно-правовым документам (актам). В приказной системе делопроизводства «архив» рассматривался как часть государственной казны («хранил царских») наравне с другими ценностями государя и государства, а в монастырях и в частных коллекциях к нему относились как к древней святыне «археологического» характера. Подобное раздвоение смысла понятия «архив» в бюрократическом и бытовом пластах русской культуры – характерный признак архивоведческой мысли на эмпирическом этапе ее становления. Только со времени Генерального регламента берет начало устойчивая тенденция сводить многозначный термин «архив» к однозначному его определению как места хранения документов, потерявших оперативное, практическое значение.

Поскольку создание основ науки об архивах неразрывно связано с индивидуальным творчеством отечественных архивистов, в разделе приводится характеристика их конкретного вклада в отечественное архивоведение. Установлено, что думного дьяка И.М. Висковатого с большой долей обоснованности можно назвать первым отечественным архивоведом и архивным деятелем, который создал «по своему разумению» Царский ар-

хив (Государеву казну) и руководил внутриархивной работой служащих.

В разделе анализируются подготовительные материалы и последняя редакция главы 44 Генерального регламента «О архивах». Рассматриваются значение и влияние Генерального регламента Петра I на развитие архивного дела и архивоведческой мысли в России.

Установлено, что первую научную дефиницию дал архиву В.Н. Татищев в труде «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» – определение историко-юридического характера сущности архивов как места хранения «государственных писем», которое поднимает роль и значение архивов до государственного уровня.

Необходимость совершенствования организации архивов осознавалась просвещенными деятелями XVIII в. В связи с этим анализируются архивоведческие взгляды М.Г. Собакина, Н.Н. Бантыш-Каменского, Г.Ф. Миллера. Характеристикой научного вклада П.И. Баранова, П.И. Иванова, К.К. Злобина, Д.Н. Блудова, представлявших разные, практически противоположные позиции по отношению к роли и месту архивов в общественной жизни и системе органов государственной власти, завершается анализ содержания эмпирического периода развития архивоведческой мысли. Переход от эмпирики к устройству архивов на научно систематизированной основе рассматривается как первая «точка бифуркации» в становлении науки об архивах.

Глава 1 ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ АРХИВОВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ (XI–XV вв.)

Вначале необходимо определиться, насколько оправданна точка зрения, в соответствии с которой уже в IX, максимум в XI–XII вв., задолго до петровских преобразований на Руси, существовали, если не по названию, то по своей сути, архивы? Мнения исследователей по данному вопросу расходятся.

Академик А.И. Соболевский в своем курсе лекций «Славяно-русская палеография» однозначно относит собрания рукописных книг, а также правительственных и частных грамот (документов) XI–XIV вв. к категории архивов («новгородский архив», «псковской архив», «архив московских князей», «архивы митрополитов, епископов, монастырей, церквей» и т. д.)¹.

С другой стороны, В.С. Иконников считал необходимым различать древние библиотеки и архивы. В отличие от княжеских, церковных и монастырских библиотек и собраний памятников письменности, появление которых он датирует временем Ярослава I, первое известие о Московском архиве он относит только ко времени Ивана III и Василия Ивановича. Ссылаясь на соответствующую опись, помещенную в Актах археографической экспедиции (Вып. 1. № 289), Иконников пишет: «Можно думать, что систематическое собрание материалов в княжеском дворце установилось уже при Иване III, так как большая часть дел, упоминаемых в этой описи, начинается с этого времени»².

И.И. Зубарев во введении к «Сборнику статей по архивоведению» утверждал, что «с Петра Великого начинается на Руси, если можно так выразиться, новая эра в архивном деле». Но при этом нужно иметь в виду, что следующей эпохой в развитии архивного дела он считал наступившую в 1869 г. «славную эпоху Калачова»³, т. е. понимание эры и эпохи у него носит довольно импрессионистский характер.

Истоки противоречий в определении хронологии генезиса архивов кроются в отсутствии в то время научного консенсуса по отношению к употреблению терминов «архивы», «архивное дело». На это обратил внимание еще И.Л. Маяковский, который отдельную главу «Архивы до-Московской Руси» в труде «Исторический очерк архивного дела в России» (Пг., 1920)

предварял следующим замечанием: «Нити преемственности русских архивов возводятся обычно не дальше приказных архивов Московского государства, и корни их кажутся не достигающими глубин Киевской Руси. В курсах по архивоведению обыкновенно указывалось на то, что древняя Русь не знала письменного делопроизводства, и, следовательно, ни о каких архивах в ней и речи быть не могло. В виде исключения отмечался архив в Пскове, известный под именем Ларя св. Троицы, существование которого объяснялось особыми местными условиями, а именно, развитием юридической письменности вследствие оживленных торговых сношений с немцами.

Между тем в наших исторических и юридических памятниках мы можем найти ряд указаний на то, что *архивы существовали уже в древней Руси не как исключительный, а как обычный институт* (выделено нами. – Т. Х.), если только не искать в таких архивах актохранилищ в современном строгом смысле этого слова. Такими хранилищами в до-московской Руси были не княжеские учреждения, слишком непостоянные и потому ненадежные, а храмы и монастыри как центры всех тех сторон жизни, которые творили тогдашнюю письменность»⁴.

Здесь важным представляется замечание Маяковского о сторонах жизни, которые творили письменность, и о связи письменности с возникновением потребности в архивах. Бытийно-онтологические аспекты жизнедеятельности человека порождали потребность в фиксации следов его пребывания на земле, хотя, естественно, он сам еще не осознавал этого.

И.Л. Маяковский придерживался необычной, оригинальной точки зрения, созвучной современному синергетическому толкованию сути архивов. Так, настаивая на необходимости в процессе поиска особых архивохранилищ в домосковской Руси отказаться от разграничения понятий «документы» и «книги», он писал: «Древнерусский человек и на те и на другие смотрел с одной и той же чисто практической стороны: если какая-либо «духовная», или «порядная», или «заемная» и тому подобные грамоты являлись удостоверением и укреплением его права здесь на земле, то всякая религиозно-нравственная книга была для него таким же ограждением его права в загробной жизни»⁵. К сожалению, в донучный, эмпирический период развития архивного дела это проявлялось и в том, что соответствующие документы и рукописные книги стали корректировать и даже уничтожать, чтобы восстановить свои права как на Земле, так и на Небе.

Это относилось и к летописям, продолжалось в архивохранилищах допетровского времени, прошло через регламенты и канцелярские правила послепетровского времени и было осознано как недопустимое явление только с появлением в архивах профессионально подготовленных археографов – специалистов по составлению описей и описанию их на научной основе.

Как писал историк русской церкви и ее архивов А.В. Карташев, «после капитальных исследований академика А.А. Шахматова мы рассматриваем теперь нашу начальную летопись как наложение многих документов и работу многих авторов, а систему ее хронологии в первых ее частях как совершенно искусственную». По его мнению, «язычнику Олегу принадлежит невысокая честь чистки летописных записей о совершившемся в Киеве, особенно о ненавистных ему деяниях Аскольда и Дира. А его торгово-военные походы на Царьград в 909 и 911 гг. раздуваются в казенной летописи в нечто героическое»⁶. Тем самым сознательно нарушался событийный или, точнее, «событийно-перечневой», «объективно-погодный» характер изложения в летописях. В результате мы получали каждый раз новые «архивы», объективно отражавшие другой уровень исторического сознания нации.

Не случайно один из исследователей летописей Б.А. Романов на основе своих наблюдений за переделками «погодных» текстов написал труд под характерным названием «Люди и нравы Древней Руси»⁷, а академик Д.С. Лихачев рассматривал летописи вместе с другими произведениями художественного творчества в книге «Поэтика древнерусской литературы» (выделено нами. – Т. Х.)⁸.

Интуитивно первые любители русской старины, к которым нужно отнести первых отечественных историографов и археографов, обладавших тонким пониманием целостности национальной русской культуры, стремились выявлять подлинные древние тексты вдали от официальных хранилищ, в удаленных селениях еретиков и раскольников, там, где они воспринимались и сохранялись в первозданном виде. Речь, в частности, идет о таких коллекционерах древностей, как А.И. Мусин-Пушкин и его сотрудники, П.М. Строев и члены Румянцевского кружка, митрополит Евгений (Болховитинов) и другие⁹. Иными словами, сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация: бережное отношение к старым архивам сохранялось в специфической народной среде, уравнивавшая пренебрежительное отношение к ним представителей официальной идеологии, отдававшим приоритетное значение документам, имеющим лишь утилитарно-прагматическое значение.

Организатор и руководитель археографических экспедиций по северным областям России в начале XX в. В.И. Срезневский писал, что степень уважения к старой книге и знание ее оказывает обратно пропорциональным развитию общей грамотности и православия¹⁰. Впрочем, отсутствие общей грамотности могло сказаться в том, что «ревнители древнего благочестия» с не меньшей страстью, чем их противники, уничтожали произведения «нового письма».

Древние архивы выживали в силу того, что они формировались по обе стороны мировоззренческих процессов, обнаруживая тем самым свою онтологическую, над-временную сущность. В этом принципиальном противостоянии двух подходов к «полезности» архивов архивоведение не могло не выступать в своей ограниченной, односторонней, эмпирической ипостаси. Наука об архивах в ее целостном выражении не была востребована и поэтому не могла возникнуть на данном этапе.

Однако вместе с накоплением документов постепенно накапливались и знания об архивах и их организации. Духовный мир и жизнедеятельность человека находили материальное воплощение и в фиксированных письменными знаками следах его пребывания на земле. Из разрозненных документов формировались материальные «сгустки» памяти – комплексы документов, которые люди стремились сохранить и передать своим потомкам наравне со всем, что было нужно им для выживания. Летописные источники свидетельствуют, что отечественные архивы начинают складываться со времен Киевской Руси. Документы все больше выступают в качестве важных регуляторов повседневной действительности. Личные взаимоотношения между людьми, а также политическая деятельность властных структур сопровождалась документальными подтверждениями в виде договоров, обязательств и разного рода «памяток» и «грамоток», а также большого количества актов, официально закрепляющих заключение торговых сделок, установление пошлин, правила их взимания и т. п. Кроме того, после крещения Руси церковь и монастыри создают свои архивы, где требовалось хранить разного рода религиозно-нравственные руководства, собрания книг, летописей, договоров и пр. Таким образом, и экономическая, и политическая, и духовная жизнь народа требовала создания особого рода актохранилищ, которые приблизительно до XVIII в. в России одновременно выполняли функции библиотек.

В Древней Руси важные для княжеской власти письменные документы собирались и хранились вместе с материальными ценностями и денежными средствами в казне («скотнице», «казенке»), а также в храмах и монастырях. Наряду с книгами накапливались жалованные грамоты, купчие, записи лиц, которые получали в пользование земельные угодья, и т. д. С принятием христианства и формированием духовенства в церквях и монастырях стали создаваться сокровищницы (ризницы), в которых вместе с церковной утварью, облачениями и другими принадлежностями культа хранились книги, грамоты князей на пожалование церквям и монастырям угодий и привилегий, записи разных вкладов и другие документы, отражавшие их особое положение в государстве. С ростом монастырского хозяйства и имущества, расширением земельных владений увеличиваются и собрания книг и документов, которые стали храниться отдельно от остальных ценностей ризниц. Документы хранились в казне митрополита и епископов, монастырские документы – в церкви каждого монастыря под наблюдением игумена.

При изучении архивов и архивного дела в русских землях мы можем констатировать не только наличие в них письменных богатств и их хранилищ, но и практику учета и описания этих рукописей. Целевое назначение описей сводилось к учету и охране документальных материалов. Так, составитель Ипатьевской летописи поместил под 1288 годом перечневую роспись собрания книг и рукописей, пожертвованных владимиро-волынским князем Владимиром Васильковичем в разные монастыри Волыни и Черниговской земли. Это первая опись, дошедшая до нас. Роспись эта еще весьма краткая, но если сравнить ее с простым суммарным упоминанием в «Повести временных лет» о переводе и копировании книг при Ярославе Мудром (1037): «исписаша книги многи», то роспись предстанет как показатель уже имевшихся некоторых навыков учета письменных ценностей.

Кроме того, использование росписи летописцем свидетельствует о том, что она была составлена и хранилась в архиве князя. В ней приведены такие данные, которые были не только удержаны памятью, но и своевременно записаны (возможно, на самих рукописях) и использованы составителем росписи. Так, в росписи отмечено, какие книги принадлежали еще отцу Владимира Васильковича, какие переписал и даже переплел сам Владимир Василькович, какие рукописи были куплены и за какую цену: «...молитвенник же купил... и да на ней восемь гривен кун...».

Это уцелевшее в летописи свидетельство не является единственным аргументом в пользу существования в XII–XIII вв. учета письменных ценностей. Об этом говорит сама практика тогдaшних архивов. Архивы не могли бы проводить работу по разысканию нужных документов, по подбору и копированию нужных материалов, если бы в них не существовало хотя бы элементарных перечней наличных документов.

Еще одним примером наиболее ранних дошедших до нас описей могут служить опись Кирилло-Белозерского монастыря последней четверти XV в., а также перечень рукописей Слуцкого Троицкого монастыря 1494 г.

Практика деловодства и хранения документов в XIV–XV вв., зафиксированная в Псковской судной грамоте, показывает, что она была уже традиционной и сложилась в более раннее время. Из Псковской судной грамоты мы узнаем, что государственным архивом Пскова – «Ларем святой Троицы» – заведовало особое должностное лицо – ларник, который являлся не только хранителем документов, но и был облечен полномочиями на скрепление частноправовых актов печатью.

В церквях и монастырях делопроизводство вели под руководством высшего духовенства «диаки» (псаломщики, дьячки). В целях единообразия делопроизводства в митрополии как в центре руководства церковью разрабатывались образцы документов разного рода, из которых составлялись своеобразные пособия по делопроизводству – формулярники. В них показывалось, «како написать от святителя наместнику», «како написать грамоту игумену» и т. п. Церковных «диаков» стали привлекать и светские феодалы, и приблизительно с XIV в. термином «дьяк» стали называть должностных лиц, ведущих письменное делопроизводство.

Таким образом, говоря о возникновении архивов и архивоведческих знаний в Древней Руси, можно констатировать, что документальные материалы в указанный период еще не обособились от книжных собраний и от вещественных ценностей. Все это хранилось в казнах, т. е. для письменных ценностей еще не были созданы хранилища – архивы в собственном смысле этого слова. В XIV–XV вв. архивные материалы также являлись составной частью текущего делопроизводства, т. е. хранилища документов еще не были самостоятельными структурными подразделениями. Однако с течением времени наиболее старые и в значительной степени потерявшие практическое значение документы стали складываться в специальные помещения – «казенки».

По мере поступления московским князьям документальных материалов объединяемых земель их собирали в великокняжескую казну на Казенном дворе, первоначально являвшуюся одновременно и сокровищницей материальных ценностей, и государственным архивом, и государственной канцелярией. Однако с 90-х годов XV в. происходит выделение из государственной казны документов, которые образовали отдельный государственный архив, и таким образом можно говорить о зарождении Московского великокняжеского архива. Документы требовалось всегда держать наготове для московского великого князя, чтобы использовать их в политических целях после победы над рядом удельных князей. Поэтому с них снимались копии, которые соединялись в особые сборники, получившие позднее название «копийные книги».

Возрастающее значение письменных документов привело к началу их учета и описания. Описи, составленные в XIII–XV вв., в большинстве случаев являлись краткими, бессистемными перечнями книг или рукописей. Отдельные описи представляли собой краткие инвентари или описания отдельных рукописей. В кратких инвентарях обычно указывались название рукописи или книги, ее формат, материал, на котором она написана, иногда имя ее владельца, состояние. В подробном описании отмечались заглавие, начальные слова текста, число листов. Описи служили и средством разыскания документальных материалов для использования последних в справочно-практических целях.

Глава 2 **ИСТОРИЯ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XVI–XVII вв.**

Как уже было сказано, постепенно «казенки» (с конца XV в.) стали хранилищами только документов. Эта перемена была связана, с одной стороны, с выделением документов из государственной казны как таковой, а с другой – с возникновением приказов, при которых создавались архивы, называвшиеся «казнами» или «казенками». Кроме того, необходимо отметить, что с объединением земель в конце XV – начале XVI в. сформировалась потребность в создании постоянно действующих центральных исполнительных органов управления – приказов. В процессе выполнения своей роли в системе государственных учреждений приказы собирали и учитывали прежде всего юридические акты и другие письменные документы, которые требовались как органам власти, так и населению. Это нашло свое отражение в том, что первым приказным архивам придавалось государственное значение. Постепенно хранилища юридических актов, документов и книг превращались в фундамент зарождающейся русской государственности. Правительство начинает интересоваться и постановкой работы по описанию документальных материалов, требуя от приказов, под угрозой опалы, «дела описать и счесть, а описные книги и счетные списки... объявить великому государю».

Выделенные же из государственной казны документы не растворялись в приказах, а образовали Московский великокняжеский архив, который стал основой Государственного (Царского) архива России.

Рассмотрим становление и развитие архивоведческих знаний в XVI–XVII вв. на примере истории крупнейших «казенных» архивов утилитарно-прагматического назначения в эмпирический период развития архивов. Особенности построения текста в этой главе обусловлены тем, что изложение ведется на основе историко-генетического и доксографического принципов, а анализ проводится в рамках концепции триединой (онтологической, гносеологической и социокультурной) сути архивов.

Опись Царского архива как источник по истории организации архива и становления архивоведческих знаний

Царский архив с самого его создания, т. е. с конца XV в., по мнению Н.П. Лихачева находился при Посольском приказе в заведовании думного посольского дьяка. Другой исследователь (С.А. Белокуров) установил, что до того, как Царский архив попал в Посольский приказ, его документы хранились в великокняжеской казне. Царский архив в своей терминологии назывался «Казной» или «Государской казной», в отличие от государственной казны, обозначавшей обычно Постельную казну государя. Слово «казна», как установил С.О. Шмидт, имело тогда несколько значений. Так называли и всякое имеющее ценность имущество, и место хранения ценностей (вещей и документов), и учреждение, в ведении которого находились ценности. Археографической экспедицией П.М. Строева (1829–1835) был обнаружен в Петербургской Публичной библиотеке рукописный сборник, в котором находилась относящаяся к 70-м годам XVI в. опись Царского архива. История этой описи следующая.

Дьяк И.М. Висковатый в 1556–1562 гг. составил опись архива, которую называли «книгами Ивана Михайлова». Новый дьяк, Андрей Васильев, сменивший в 1562 г. Висковатого, составил на основании этой описи новую опись – «переписную тетрадь». По мнению С.О. Шмидта, А. Васильев составил ее под руководством Висковатого, поскольку тот продолжал оставаться руководителем Царского архива. За время его дьячества (1562–1570) опись была испещрена множеством различных помет, и, когда дьяком был назначен Андрей Щелкалов (1570–1594), он велел подьячим «перебелить опись», которая и дошла до нас. В описи имеются пометы, указывающие, кому или в какое учреждение выданы из архива документы. Некоторые документы описаны каждый в отдельности, другие – под общим заголовком, составленным обычно по корреспондентскому признаку. В описательных статьях еще нет обозначения признаков и особенностей документов. Состояние документов отмечено лишь в одном случае, когда об изъятых у Новгорода грамотах сказано, что «те грамоты попорчены у дьяков в Новгороде». Во многих случаях содержимое ящиков обозначается глухо: «рознь», «списки рознь», «разные дела» и т. п.

Во время польской интервенции начала XVII в. опись была вывезена в Польшу. Следы ее пребывания в Польше остались в

виде тиснения «Акты великого княжества Литовского» на корешке переплета книги, в которой она была сброшюрована вместе с другими похищенными материалами. В 1794 г. опись в составе названного сборника вернулась в Россию.

Чтобы обеспечить сохранность наиболее ценных материалов, они помещались «в мешочках», «в сафьяновом меху», а уже затем складывались в ящики.

История становления архивоведческих знаний в архивах приказов

Чтобы упорядочить процедуру поиска документов, каждый приказной архивист – дьяк или подьячий – заводил собственную систему их систематизации и учета. Этим людям были доверены важные дворцовые секреты и тайны государственного значения. Характерной особенностью Посольского, Поместного и Разрядного приказов было то, что они по-прежнему рассматривались в качестве «государской казны», «хранил царских». Документальные ценности еще не отделялись от остальной массы материально-денежного имущества. Способы хранения в этих архивах свидетельствуют о тщательной заботе властей о документах – они хранились в «ящиках», «ящичках, облаченных кожею», «ларчиках дубовых», «коробьях новгородских», «ларцах», а также в «мешочках холщевых», «сундуке казачьих дел», «Литовском ящике бархатном» и т. п.

Первая датированная выписка из дел Посольского приказа относится к 1549 г. и принадлежит его руководителю дьяку Ивану Михайловичу Висковатому, управлявшему Посольским приказом с 1556 по 1570 г.

При нем в «посольскую избу», которая находилась в Кремле на площади недалеко от места, где впоследствии построили колокольню Ивана Великого, поступили в архив древнейшие грамоты московских князей начиная с Ивана Даниловича (Калиты). Здесь они хранились вместе с другими делами архива в отдельных ящиках, ларцах и коробьях, без строгой системы. Систематизация архива и организация его текущего делопроизводства стали одной из первых задач Висковатого, которую он не довел до конца в связи с постигшей его опалой и казнью. Опись не была закончена. Отметим, что отдельные документы часто изымались из архива и сопровождали царя и высших дипломатов в их поездках. В 1565 г. при преемнике Висковатого думном

дьяке Андрее Васильеве была построена особая Посольская палата с отдельными каморками в «казенке», где хранились архив и библиотека с многочисленными печатными и рукописными книгами, географическими картами и атласами. На основании архива Посольского приказа составляются первые труды по официальной истории российского самодержавия.

Среди многочисленных видов документов, хранившихся в архиве Посольского приказа, интересны, например, статейные списки – отчеты посольств в форме дневников, в которых фиксировались подробные ответы по всем «статьям и пунктам наказов», полученных от правительства, а также подробные записи обо всем, что русские дипломаты видели, слышали, говорили и делали за границей. Отличительной чертой отчетов русских послов, как и другой посольской документации, является их фактографичность, определявшаяся самим назначением статейных списков и наказов – сообщать как можно больше самых разнообразных сведений. В них зачастую содержится даже воспроизведение прямой речи действующих лиц. Так, помимо воли создателей официальных бумаг в архив проникли свидетельства живого быта, объективно отражавшие уровень культуры и самосознания русского дипломата и человека той поры.

В целом в организации хранения документов Посольского приказа как архива действующего учреждения заметна тенденция к систематизации дел в зависимости от их практического использования в приказной работе. В архив комплектовались и тематические собрания документов: «походные дела» царя Алексея Михайловича, группа документов о женитьбе датского королевича Вальдемара на дочери царя Ирине и др. Вместе с духовными и договорными грамотами XIV–XVI вв. и группой документов боярского правительства 1610–1612 гг. эти собрания дел являлись сформировавшимися документальными коллекциями, своеобразными историческими архивами Посольского приказа, которые формировались от случая к случаю. Основу архива Посольского приказа составляли посольские книги и столбцы дел, размещавшиеся первоначально в дубовых и окованных железом ящиках, обитых бархатом, или в осиновых коробьях и холщовых «мехах».

К концу XVI в. дела главным образом группируются по двум разделам: дела европейских государств и дела «азиатские».

Первая опись (переписная книга) относится к 1614–1615 гг. Она была составлена окольничим князем Д.И. Мезецким и дьяком П. Даниловым после окончания польско-литовской интер-

венции. Предпочтение отдавалось описанию «государственных дел» внутриполитического характера, перешедших из Царского архива, и «посольских дел» (основная масса документов внешних сношений России).

В 1626–1627 гг., после пожара в Кремле и Китай-городе, дворцовым дьяком И. Болотниковым и дьяком Стрелецкого и Печатного приказов Г. Нечаевым под руководством окольничего, начальника Челобитного приказа Ф.Л. Бутурлина была составлена новая переписная книга. В ней значатся «грамоты, и записи, и книги, и столпы, и всякие посольские приказные дела, старые и новые, в коробьях и ящиках».

С 1626–1627 гг. документы разделились на «старые» (XIV – начало XVII в.) и «новые» (начиная с 1613 г.).

В 1632–1634 гг. все документы Посольского архива по указу царя и патриарха Филарета были пересмотрены и описаны судьей Печатного приказа окольничим Л.И. Долматовым-Карповым и дьяком Казанского дворца И. Переносовым. В 1635 г. важнейшие из них, в частности подлинные международные договоры XVI–XVII вв. и некоторые внутриполитические документы, хранившиеся в архиве в особых ящиках, выделили в особую часть и перенесли «для охраненья» непосредственно на Казенный двор.

В 1648 г. при царе Алексее Михайловиче посольские дела разобрали и переписали еще раз. В 1653 г. дела хранились «за печатью» ближнего боярина Б.И. Морозова, позднее их разобрал думный дворянин Гавренев. В 1667 г. все посольские дела передали по описи в ведение начальника Посольского приказа боярина А.Л. Ордина-Нащокина. После его ухода из приказа дела еще раз были проверены боярином князем Одоевским и в 1673 г. переданы в ведение вступившего в управление Посольским приказом окольничего Артамона Матвеева, по распоряжению которого в том же году на все дела было составлено новое генеральное описание.

По состоянию на конец XVII в. в архиве в основном хранились дела по сношениям с другими государствами и народами (дипломатические дела), по управлению городами, подведомственными приказу, а также фонды тех приказов, которые были объединены с Посольским. Дела других приказов хранились в архиве особо.

По мнению историков архивного дела С.К. Богоявленского, И.Л. Маяковского и В.Н. Самошенко документальные материалы

архива Посольского приказа целиком вошли в состав Московского архива Коллегии иностранных дел в 1724 г. Г.А. Дремина, следуя утверждениям бывших директоров Московского Главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) И.Ф. Амона и Ф.А. Бюлера, а также специально изучавший описи архива Посольского приказа В.И. Гальцов относят дату его ликвидации к марту 1720 г., т. е. к дате указа Петра I, согласно которому ассессор (позже – архивариус) Коллегии иностранных дел Алексей Почайнов начал разборку и описание архивных дел Посольского приказа.

Архивная практика Посольского приказа XVII в. оказала значительное влияние на уровень развития русского архивного дела и архивоведческой мысли, что особенно наглядно проявилось в образцовых для своего времени организации и систематизации документов в Московском архиве Коллегии иностранных дел.

Документальные сведения об архиве Разрядного приказа сохранились с 1531 г. Разнообразное документальное собрание Разрядного приказа, или Разряда, отражало все стороны его деятельности. Приказу вменялось ведение ратного (военного) дела во всем государстве. Московский пожар 3 мая 1626 г. уничтожил огромное количество старых дел. Была составлена опись документов, вынесенных из огня. В 1627 г. на основе документов архива в приказе была составлена «Книга Большому чертежу» – замечательное по своему исполнению и содержанию историко-географическое описание России (два списка «Книги» хранятся сегодня в Российском государственном архиве древних актов). На протяжении целого века она служила практическим пособием при направлении служилых людей на государеву службу.

В 1666 г. «под смотрением» начальника Разрядного приказа думного дьяка Д.И. Башмакова было проведено генеральное описание всех материалов архива, сохранившееся до наших дней.

Обзор деятельности крупнейших российских архивов периода «приказной» системы управления государством показывает, что их состав и содержание полностью зависели от степени влияния при Дворе их управляющих и соответственно того ведомства, которое они представляли. Если в XIV–XV вв. архивные материалы еще являлись составной частью текущего делопроизводства (т. е. хранилища документов еще не были самостоятельными структурными подразделениями), то с течением времени наиболее старые и почти утратившие практическое значение документы стали складываться в специальные помещения – «казенки». Снятые с документов копии передавались

в соответствующие столы и полаты. Дела хранились по столам и полатам в соответствии со структурой учреждений. Таким образом, нашими предками был интуитивно понят и применен принцип происхождения.

Как отмечал И.Л. Маяковский, «государственное хозяйство, рассматривавшееся Московскими государями как чисто личное хозяйство, скоро переросло примитивные формы управления им при посредстве личных слуг и потребовало для дальнейшего своего функционирования целого ряда учреждений. Естественно, что и продукт письменного делопроизводства, вызывавшегося к жизни усложнявшимися государственными задачами, стал отлагаться не в личной «великокняжеской» или в «государевой» казне, а в государственных учреждениях», что не изменило отношения к ним, так как «в тогдашнем архивном деле старые документы и дела обычно не отделялись от текущего делопроизводства»¹¹. Специальные архивные знания при этом не требовались по определению, поскольку каждый сановник изобретал ту систему, которая казалась ему наиболее подходящей для отыскания нужных для них самих справок.

При этом в обитых бархатом и окованных серебром ящиках могли храниться царские грамоты и важнейшие международные договоры, а дела, отнесенные к «малоактуальным», выносились в «сторонние полатки» («казенки»), где они и гнили без какого бы то ни было присмотра прямо на полу.

Такая оценка не противоречит господствовавшему в допетровское время «охранительному» характеру архивного дела в целом, для которого типичны обвинения со стороны крупных сановников в адрес низших служащих в том, что «твои государевы дела промокли». Не помогали и строжайшие административные меры наказания. Им подвергались все те же «старые и молодые подьячие», которым, например, в 1685 г. вменялось «всякие дела делать и беречь со всяким опасением и радением. А буде впредь какие помеченные выписки и указы учнут держать в каком небрежении, или что потеряют, или челобитчикам и, кому какое дело надобно, без указа показывать или списывать дадут: и про то по указу великого государя будет учинен розыск со всякою жесточью, а по розыску виноватым наказанье нещадное, по вине и делу смотря»¹². Но трудно было уберечь дела, если они по личному указанию царя Алексея Михайловича переносились «наверх» князем Одоевским и печатником Башмаковым в таком составе: «Четыре меха киндячных с государскими верховными

письмами и грамотами, четыре книги в полдесть родословных царственных и о княжении великих князей, ящик липовый белый, а в нем книги и столпы, коробочка беленькая, а в ней сосуды церковные, пуговицы серебряные, ящик с мешком, а в нем 6 колокольцев птичьих серебряных золоченых, да два ящика, да коробка большая писаная же, а в них книги и тетради и столпцы» и т. д.¹³ Меньшее внимание оказывалось «малоактуальным» документам, оставшимся «внизу», в «полатцах»; они заведомо не привлекали царского внимания и поэтому оставлены были на произвол судьбы. А ведь, как указывает исследователь архива Посольского приказа В.И. Гальцов, «видимо, это и был “архив” Приказа в узком смысле этого слова» в отличие от текущей документации¹⁴. Именно так, к сожалению, выглядит в большинстве случаев ведомственный «архив бесполезных дел» по сравнению с «архивом текущего делопроизводства», относящимся к периоду эмпирического архивоведения.

Историко-генетический обзор деятельности крупнейших и лучших архивов Российского государства «докалачовского» периода подтверждает указание И.Л. Маяковского на недостаточность эмпирического подхода к архивам. До наших дней сохраняет значение его вывод, сделанный на основании детального анализа истории архивного дела до середины XIX в., о необходимости «претворить тревогу о судьбе наших архивов из платонической и пассивной в творческую и найти ей реальное применение, направив эту тревогу на избавление архивов от тех частью добросовестно-невежественных, частью сознательно-тенденциозных приемов и экспериментов, примеры которых мы видели, и на замену их строго научными методами»¹⁵.

И.М. Висковатый

Типичной фигурой для эмпирического периода архивного дела допетровского времени можно назвать дипломата и думного дьяка Ивана Михайловича Висковатого (?–1571)¹⁶, которого с большей долей обоснованности можно назвать первым отечественным архивным деятелем, во всяком случае из числа тех, о ком имеются достаточно достоверные исторические сведения.

Происхождение и дата рождения И.М. Висковатого неизвестны. Впервые его имя встречается в документах 1542 г., в которых он назван подьячим (т. е. был чином явно невысок), и

сообщается, что он писал перемирную грамоту с Польшей. Но уже в 1549 г., через два года после венчания на царство, 19-летний Иван IV предписывает образовать Посольский приказ, причем в выписке из соответствующей грамоты, составленной в 1565 г., подчеркивается, что «приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подьячих».

С.О. Шмидт, отмечая, что в официальной терминологии XVI в. Царский архив назывался Казной, или Государской казной, в отличие от государевой казны, обозначавшей обычно Постельную казну государя, которой ведал А.Ф. Адашев, указывает, что первое повеление И.М. Висковатому – «грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатями положить в казну» – датируется 9 мая 1554 г. Он же первым установил, что, хотя Висковатый был назначен печатником, т. е. хранителем Большой царской печати, в 1561 г., в реальности же эти обязанности он исполнял и в 1553–1560 гг., будучи, по словам Ивана IV, «ближним верным думцем»¹⁷.

Именно в качестве печатника и думного дьяка И.М. Висковатый имел непосредственное отношение к Царскому архиву, что подтверждается его первыми описями, составленными либо самим Висковатым, либо под его руководством. Как пишет С.О. Шмидт, «печатником и главным хранителем архива, сосредоточившего все важнейшие документы внутренней и внешней политики государства, в том числе касающиеся династии и лично государя (например, “изветы”), Висковатый стал, видимо, после того как в дни боярского “мятежа” 1553 г. обнаружилось “шатание” казначея и печатника Н.А. Фуникова»¹⁸. Он приводит важное в историко-архивоведческом смысле угрожающее замечание митрополита Макария в адрес Висковатого во время заседания собора летом 1553 г.: «знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков»¹⁹.

Примечательна характеристика, данная «первому русскому архивисту» составителем Ливонской хроники Б. Руссовым: «Иван Михайлович Висковатый – отличнейший человек, подобного которому не было в Москве: его уму и искусству как москвитя, *ничему не учившегося* (выделено нами. – Т. Х.), очень удивлялись иностранные послы»²⁰. Еще до официального повышения в дьяки царь повелел боярам и настоящим дьякам титуловать его этим званием при исполнении им дипломатических поручений и в присутствии иностранных послов.

Став главой Посольского приказа в 1549 г., Висковатый спустя почти два десятилетия закрепил эту дату в собственноруч-

но изготовленной выписке из царской грамоты как дату начала самого приказа. В находившемся в ведении Висковатого Царском архиве содержалось огромное количество рукописных книг и различных государственных актов московских великих и удельных князей, их родословные, различные следственные материалы и, наконец, текущая делопроизводственная документация.

Говоря сегодняшним языком, в его руках оказался арсенал материалов компрометирующего характера, что было особенно взрывоопасно во времена опричнины. В переписных книгах и перечневых описях сохранились многочисленные пометы, свидетельствующие о том, что именно Висковатый не только номинально возглавлял, но и лично участвовал в описании Царского архива: «По Ивановым книгам Михайлова», «По Иванову письму Михайлова» и т. п. Здесь же хранятся личные пометы Висковатого о выдаче архивных документов для использования в текущей работе различных госучреждений. По мнению С.О. Шмидта, «опись Царского архива была составлена Висковатым, видимо, в связи с передачей в архив ящиков с документальными материалами. Возможно, что этой описи предшествовала еще одна опись, содержащая описание первых 137 ящиков, состоявших в основном из документов первой половины XVI века»²¹. Будучи высокообразованным дьяком, т. е. секретарем, письмоводителем, правителем канцелярии (до XIV в. письменные памятники употребляют как синоним «дьяка» слово «княжий писец»), Висковатый прекрасно ориентировался в фондах вверенного под его начало архива.

В 1553 г. И.М. Висковатый выступил против нововведений возглавлявших русскую церковь Макария и Сильвестра в области иконописи и в январе 1554 г. был на три года отлучен от церкви. В оскорбительной форме священный собор предписал ему «ведать свой чин» и не воображать себя «головой», будучи «ногой». Тем не менее первоначально его служебное положение не пошатнулось: он по-прежнему возглавлял Посольский приказ. Его ставка на государя, т. е. на светскую власть, оставалась непреклонной, что не мог не оценить Иван Грозный. Более того, Г.К. Котошихин характеризует Висковатого так: «секретарь тирана и заместитель казначея». Но с лета 1562 г. он, по-видимому, перестает непосредственно заниматься делопроизводством Посольского приказа, поскольку переключается на ведение переговоров с иностранными послами.

В одну из его служебных отлучек из России посольские дела переходят в ведение «Царского Величества думного дьяка»

Андрея Васильева и ставленника Захарьиных Никиты Фуникова, стоявшего во главе Казенного приказа. Тем не менее, как считает С.О. Шмидт, переписная тетрадь А. Васильева и его новая опись, «были составлены, вероятнее всего, тоже под руководством Висковатого, так как он в эти годы продолжал оставаться начальником Царского архива и еще в 1567 г. присылал А. Васильеву в Посольскую избу список о приезде шведского посольства»²².

Последним свидетельством причастности Висковатого к делам архива Посольского приказа является его активная деятельность в процессе составления «Лицевого свода» – своего рода исторической энциклопедии XVI в., содержащей изложение событий «от сотворения мира» до царствования Ивана IV. Свод неоднократно редактировался в соответствии с необходимостью выделить заслуги или вину того или иного исторического лица, но имя Висковатого в нем неизменно превозносится и даже было запечатлено в нескольких миниатюрах. Но уже в 1571 г. его привлекли к дознанию по так называемому московскому делу. Вначале в числе многих высших приказных чинов был арестован и казнен родной брат Висковатого – Третьяк. Висковатый сам себе подписал приговор, советуя царю, чтобы он «в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он впредь не то что воевать, но жить будет, если он казнил столько добрых людей». Характерен ответ царя: «Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось» (выделено нами. – Т. X.).

В результате Висковатого обвинили в намерении передать Новгород польскому королю, а Астрахань и Казань – султану. И.М. Висковатый, имя которого должно занять достойное место в отечественной истории архивного дела, был публично казнен на «Поганой луже». Его распяли на кресте из бревен и расчленили живого на глазах царя и толпы первым из более чем ста человек, в число которых входили руководители и высокопоставленные сотрудники госаппарата, включая бывшего его помощника думного дьяка А. Васильева и государева казначея Н. Фуникова, которого сварили, обливая кипятком²³.

О личности других архивистов допетровской эпохи мы знаем гораздо меньше. Исследователь архива Посольского приказа В.И. Гальцов одним из первых констатировал зависимость подбора лиц, привлекаемых к составлению архивных описей, от роли и места архива в соответствующем приказе. Так, в 1614 г., пишет В.И. Гальцов, описание дел архива возглавил окольный князь

Даниил Иванович Мезецкий, «который был весьма влиятельной фигурой первой половины XVII в.». Он принимал деятельное участие в подавлении восстания И.И. Болотникова и в событиях Смутного времени, считался одним из приятелей патриарха царя Филарета.

Как установил В.И. Гальцов, сотрудник и помощник князя Мезецкого дьяк П. Данилов, почти десять лет проработавший в архивохранилище Посольского приказа, 16 февраля 1616 г. по царскому указу получил сорок соболей, причем в указе специально отмечалось: «а пожаловал государь его за то, что был он у его государева дела в Посольском приказе, у разбору и у росписи старых и новых посольских дел»²⁴. Очевидно, такой архивный тандем (князя и дьяка – практика, знатока топографии и характера документов, находившихся в архиве) был достаточно типичен для допетровской эпохи. Естественно также, что архивист-профессионал при этом занимал подчиненное положение и его роль сводилась к безоговорочному выполнению приказов начальников.

Самоценность архивов как сложившихся исторически органических целостностей при этом не принималась во внимание. В рамках эмпирического архивоведения они рассматривались только с точки зрения их утилитарной ценности. Наглядно подтверждается этот тезис господствовавшим «изстари» принципом распределения дел в Посольском приказе по повытьям, во главе которых стояли старые (старшие) подьячие. При этом количество и компетенция отдельных повытий постоянно изменялись. Так, если при начальнике приказа А.С. Матвееве дела, ведомые в Посольском приказе, разделялись между четырьмя старыми подьячими (Степаном Полковым, Петром Долгово, Емельяном Украинцевым и Борисом Михайловым), то уже через два года их было пять, потом шесть, причем из прежних начальников упоминается только Борис Михайлов (первое повышение – дела шведские, голландские, гамбургские, грузинские, «горских черкесов» и калмыков), а в 1702 г. эти же дела были распределены между третьим (дела шведские и голландские), четвертым (гамбургские) и пятым (грузинские) повытьями. При этом дела по описям каждый раз пересоставлялись и передавались от одного начальника к другому²⁵.

Анализ перечней поступлений в архив показывает, что туда постоянно перемещались из действующих учреждений дела,

---

* Автор выражает благодарность д-ру ист. наук А.И. Костанову за любезно предоставленные сведения о Якутской приказной избе.

утратившие практическое значение для текущей деятельности учреждений, а также дела «особого свойства» (например, дела царствования «лица с известным титулом», т. е. Ивана Антоновича). Были и процессы обратного характера, которые только подтверждают наличие постоянного хаоса и неразберихи в архивном деле эмпирического периода.

О развитии и разнообразии описательных приемов в указанный период может свидетельствовать «рописной список» местного архива – Мангазейского таможенного архива 1636 г., замечательного обстоятельным описанием документов таможенной избы. «Это описание, – отмечал Н.Н. Оглоблин, – совершенно исключительное среди известных мне архивских описей XVII в. Нигде не приходилось встречать таких подробных и обстоятельных отметок о внешнем состоянии документов, как в Мангазейском росписном списке...». Мангазейский росписной список – образец инвентарной описи: после краткого заголовка документов идут отметки о количестве листов в документе, о состоянии всех или нескольких листов. Опись таможенного архива Мангазеи имела четкую структуру: сначала шли «книги», затем «столпы», в конце – документы «в свертках» и «в связках». Внутри разделов документы располагались строго по хронологии. Опись дает подробное представление о содержании книг и даже отдельных документов.

Однако в дальнейшем возрастающие объемы хранения документов, видимо, уже не позволяли делать их подробное описание, и старым бумагам уделялось все меньше внимания. Исключением, пожалуй, может служить замечательный памятник истории архивного дела и эволюции архивоведческой мысли в Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. – «переписная книга» архива Якутской приказной избы. Эта опись впечатляюща по объему – 574 листа – и тщательности описания документов. Она интересна методикой и техникой описания документов. Опись снабжена своего рода предисловием с изложением грамоты Сибирского приказа от 30 мая 1701 г., где предписывалось «столпы и книги, буде где подраны – переклеить погодно и переписать в тетради на перечень». Сделав опись, все «столпы и книги и всякие дела, и впредь которые будут велено держать в великой бережи... и класть сряду в сундук... а к сундукам приложить ярлыки – в какой сундук и какие столпы и дела и книги положены, чтоб скорее и удобнее можно сыскать...». Опись составлена по хронологии, и весьма подробно: «грамоты» и «книги» большей частью описаны – каждый документ отдельно,

а остальные по «столпам». Некоторые грамоты описаны очень обстоятельно, представляя иногда целые выписи⁷. В конце описи, где идут конечные годы XVII и начальные XVIII в., документы расположены по столам приказной избы. Эта опись – по существу первый справочник к документам об освоении Восточной Сибири. Из нее можно заключить, что на рубеже XVII–XVIII вв. в главных центрах Сибири, как и в целом по России, еще не было разделения документальных материалов на собственно исторические и делопроизводственные архивы.

В.И. Гальцов в исследовании «Приказной архив XVII века»²⁶, которое во многом основывалось на работах С.О. Шмидта²⁷, а также на результатах собственного изучения «Описи Царского архива XVI в. в архиве Посольского приказа 1614 г.»²⁸ и ряда фондов РГАДА, аргументировано определил характерные особенности архивного дела эмпирического периода.

И в XVI, и в XVII в. под казной («казенкой», «хранилами царскими») понимались все государственные, или государевы, ценности, в том числе и документы, поступавшие на государственное хранение. Документальные ценности не были еще отделены от остальной массы государственного имущества.

По мере развития государственных учреждений, усложнения в них делопроизводства и увеличения количества документов в приказах стали появляться свои хранилища ценностей, которые также называли казной. К ним уже можно применять, хотя и с оговорками, термин «архивохранилище».

О масштабах бюрократического бумаготворчества свидетельствуют такие цифры: только за один 1619 г. подьячие Разрядного приказа израсходовали около 133 тыс. листов «дестной» бумаги, исписав при этом 22 кувшина чернил (примерно по два в месяц), и сожгли 9700 свечей.

Изучение материалов по истории архивов XVI–XVII вв. (прежде всего архивных описей) показывает, что именно текущий архив считали основным типом архивов того времени. При этом отсутствовало четкое разграничение между документами, только что вышедшими из делопроизводства (актуальная или оперативная часть архива), и архивными документами прошлого (историческая часть архива). При таком подходе к формированию архива у него могло быть сразу несколько фондообразователей. Например, у Царского архива, как установил С.О. Шмидт, это Боярская дума, личная царская канцелярия и Посольский приказ. Регламентированный порядок и установленные для всех

приказов единые сроки передачи решенных дел в архив отсутствовали.

Специального термина для обозначения архивного документа, как и для архива, не было. В описи Царского архива некоторые документы разделялись на «старые» и «новые»: единых критериев определения «возраста» документа не существовало.

Ценность архивного документа определялась в основном его политической ценностью. Это особенно характерно для XVII в.: подьячие специально отбирали «государственные и посольские дела», отделяя их от массы «приказных дел», причем наиболее ценные хранились в особых дубовых или кипарисовых ящиках, обитых железом снаружи и бархатом изнутри, а другие могли остаться «меж писем в небрежении». При этом довольно часто допускалось искусственное формирование дел по тематическому или целевому признаку («походные дела» царя Алексея Михайловича, документы русско-шведских посольских съездов 1650–1660-х годов, группа дел о женитьбе датского короля Вальдемара и др.).

Система хранения решенных дел в текущем архиве соответствовала структуре учреждения. В процессе делопроизводства служащие приказа, руководствуясь степенью востребованности документов в текущей работе, раскладывали их по сундукам, ящикам, коробьям или (в конце XVII в.) по полкам и шкафам, где они могли впоследствии остаться на долговременное хранение.

Основной формой делопроизводства до начала XVIII в. были столбцы – форма ведения дел, а затем их хранения посредством склеивания однородных документов. Преобладающее количество столбцов – типичная форма приказного делопроизводства XVII в. Хранить и пользоваться ими при растущих объемах документации было крайне сложно. Это наглядно видно из царской грамоты Петра I енисейскому воеводе Б.Д. Глебову от 11 декабря 1700 г., в которой отмечалось: «...дел случается во все годы много, и те дела до нынешнего времени писали в столбцы на одной страницы, и в том исходило бумаги много, а дела клеили в столбцы и собирали в годовые большие столбцы, которые, лежа в полатах, от сырости расклеивались и гнили и мыши портили, и для справок частных ради приисков во много и разбивании с краев и в срединах те большие столбцы дрались, и от того многие старые дела и указы, валяясь по разным местам в небрежении, терялись и вовсе пропадали, и многие трудности и отпускам мешкоты и остановки от того чинились».

Помимо столбцовой, в приказах использовалась и другая форма документов – тетради. Архивные дела (столбцы, книги и тетради) нумеровались. На единицах хранения также стали указывать их местонахождение. Благодаря этому взятое дело можно было вернуть на прежнее место.

Приемы описания и порядок расположения документальных материалов в описях XVI в. более совершенны, чем в XIII–XV вв. Описание уже не ограничивается перечислением книг. В описях дается перечисление документов, которое производится в разных вариантах. В одних описях документы даются как отдельно, так и по группам, в других описях – только по группам, образованным по корреспондентскому признаку. По сравнению с описью Царского архива описи конца XVI в. становятся более конкретны и детальны. Глухие суммарные заголовки сменяются подробным раскрытием документа. Обозначаются даты, перечисляются печати, писчий материал, язык документа. Начинают нумероваться единицы хранения, причем номера заносятся в опись при соответствующих описательных статьях. В XVII в. наблюдается дальнейшее усовершенствование приемов и способов описания документальных материалов. Глухие заголовки, как правило, заменяются более подробными, раскрывающими отличительные признаки документов. В описях этого времени обозначается и содержание документов. Оно чаще всего дается в виде подробного пересказа, с оценкой подъячим фактов, содержащихся в описываемых документах.

Касаясь приемов описания документальных материалов в это время, следует отметить, что они часто определялись характером описываемых материалов: отдельные грамоты, например, описывались более подробно, чем столбцы, а столбцы более подробно, чем книги и тетради. Если при описании грамот в описи помимо кратких заголовков давался пересказ содержания и приводились цитаты, то при описании книг и тетрадей в описи давался лишь общий заголовок для целой группы однородных книг и тетрадей.

В архивах Поместного и Разрядного приказов в XVII в. начинают разрабатываться кроме описей и другие справочники – «указатели» к описям, которые назывались обычно «азбуками». «Азбуки» представляли собой описи документов с вынесенными на поля инициалами упоминаемых в тексте лиц.

Более совершенными являлись «азбуки по алфавиту», т. е. выписанные в отдельную тетрадь фамилии и географические

наименования с указанием поисковых данных необходимых единиц хранения. Таким образом, в XVII в. описи являются главным образом средством учета и охраны документальных материалов, наведения и выдачи по ним справок практического характера.

В результате устройство архивов, как и их описи, представляются, по справедливой оценке Е.В. Старостина, «классический образец прагматического подхода к классификации, при проведении которой сохранялся учрежденческий комплекс документации, но внутри него документы распределялись в интересах использования с применением различных принципов (хронологического, предметного, номинального и т. п.)»²⁹. Однако развитие архивов шло еще на эмпирической основе, и утилитарно-прагматический подход к ним являлся преобладающим, еще не сложился систематизированный взгляд на классификацию, хранение и описание документов. Таким образом, подтверждается справедливость вывода И.Л. Маяковского: «Вследствие отсутствия научного взгляда на архивное дело драгоценные документы погибали в таком огромном количестве, что до нашего времени дошла от них лишь ничтожная часть. Были ли ближайшими причинами этого стихийные бедствия, небрежение архивных деятелей или даже прямые распоряжения правительства, но *первопричина гибели заключалась именно в отсутствии в архивном обиходе точно установленных граней архивного дела как науки*»³⁰ (выделено нами. – Т. Х.).

Глава 3
**АРХИВОВЕДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
ПЕТРОВСКОЙ РУСИ:
ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО РЕГЛАМЕНТА**

**Генеральный регламент Петра I
и его влияние на развитие архивного дела**

Генеральный регламент – это первый законодательный акт, устанавливающий основные принципы производства, регистрации, группировки, описания документов, важнейшие их разновидности, которые с небольшими изменениями сохранились на протяжении XVIII и XIX вв.

По существу содержание архивной (44-й) главы Генерального регламента адекватно корреспондирует с реформаторской деятельностью Петра I в области центрального управления. С принятием Генерального регламента архивы были отделены от текущего делопроизводства. Тем не менее отношение к оценке роли и места этого документа в архивоведческой литературе не столь однозначно. Выявлены две противоположные точки зрения.

В.Н. Самошенко вслед за Д.Я. Самоквасовым считал, что Генеральный регламент и другие аналогичные документы способствовали качественному улучшению архивного дела и ознаменовали наступление золотого века для архивов. «По Генеральному регламенту, – писал он, – должность архивариуса как руководителя архивов была единственной. Однако в наиболее важных для правительства архивах положение со штатами было значительно лучше. Уже в 1720 году для упорядочения материалов Петербургского архива Коллегии иностранных дел в помощь архивариусу выделялось семь канцелярских служителей. Позднее увеличиваются штаты и в некоторых других архивах. В указах Петра I встречалась такая формулировка: “Положить в архив к вечному известию”, что свидетельствовало о понимании важного значения архивных документов как исторических источников»³¹.

В то же время И.Л. Маяковский придерживался принципиально другой точки зрения. Оценивая ближайшие и отдаленные последствия для архивного дела петровских реформ, не имевших научного обоснования, он писал, что на практике они открыли простор в определении ценности тех или иных документов

и позволяли подходить к ним с самой разнообразной меркой. Одним из результатов этого явилось в архивном смысле искусственное обособление так называемых «древних актов» от дел XVIII и XIX веков и диаметрально противоположные взгляды на ценность той или иной группы: бюрократия не ценила старых дел и кое-как заботилась лишь о позднейших делах, нужных для ведомственных справок, архивные же деятели, наоборот, ценили зачастую лишь «старые акты», не особенно заботясь о сохранении позднейших дел. Вследствие такого взгляда даже те, кто признавал необходимость для архивистов научной подготовки, рассматривал последнюю узко. В результате же таких противоположных взглядов правительства и архивных деятелей документы и той и другой искусственно созданной категории, конечно, погибали»³².

Чтобы определить действительную роль и место Генерального регламента в целом и, в частности, его главы «О архивах» в становлении научной системы архивоведческих знаний, необходимо исходить из того, что регламент относился прежде всего к определению основ новой системы делопроизводства – коллежской. В связи с этим особого внимания заслуживает специальная глава под названием «О преимуществе коллегий». Помимо определения состава коллегии и обязанностей ее членов в регламенте приводится схема организации коллежских канцелярий и контор. Общая постановка делопроизводства возлагалась на *секретаря коллегии*. Ведение протоколов и наблюдение за исполнением принятых решений вменялось в обязанности *нотариуса*. Собрание всех документов, их систематизация и регистрация были возложены на *регистраторов* (чин регистраторский). Хранение документов, а также ведение канцелярии входили в служебные обязанности *актуариусов*. Генеральный регламент подробно расписывал также функции других должностных лиц (*канцеляристов, копиистов, переводчиков* – для письменных переводов, *толмачей* – для устных и даже *вахмистра* – сторожа коллегии).

С особой тщательностью был проработан вопрос о регистрации документов, которая должна была обеспечить выполнение двух задач: учет входящей и исходящей корреспонденции и контроль за ее исполнением. Прежде всего в коллегиях вводился особый журнал (повседневная записка), в который по алфавиту, числам и месяцам записывалось содержание всех дел с указанием имен, в них упоминаемых, а также куда и кому они были направлены. Были подробно расписаны все остальные виды регистрационных записных книг. В частности, имелось указание

на необходимость составления отдельных росписей законченных и незаконченных дел, копии которых (реестр) президент коллегии должен был «держатъ на столе, дабы непрестанно в памяти было».

Систематизация «вершенных» (законченных производством) и «невершенных» дел связывалась с процессом их производства. Все документы по одному вопросу образовывали одно дело в соответствии с вопросом-предметным признаком, хотя не исключались и другие критерии (так, в особую группу выделялись и формировались в хронологическом порядке входящие документы, полученные от царя и Сената). К регламенту прилагался особый список – «толкование иностранных речей, которые в сем регламенте».

Таким образом, Генеральный регламент касался организации делопроизводственного процесса в рамках новой, коллегиальной, системы управления государством.

Необходимо сделать акцент на том, что первоначальный проект Генерального регламента был составлен Генрихом Фиком, который, в свою очередь, использовал шведский источник «О порядке в канцеляриях» от 22 сентября 1661 г. и заимствовал оттуда нормы для установления бюрократических канцелярских порядков в русских учреждениях³³.

Именно в этом документе впервые введено понятие «архив» («архива»), а лица, заведующие ими, названы *архивариусами*. Правда, строго говоря, эти термины появились ранее: так, по Регламенту об учреждении Сената (1711) при нем предусматривалась должность *архивариуса*, и уже в 1720 г. архивариусу сенатскому предписывалось «исправлять возложенное на него дело по регламенту, без всякого упущения». Но только в Генеральном регламенте архивам отведена небольшая, но четкая по формулировкам глава, которая, судя по сохранившимся черновым редакциям с «А» до «М», разрабатывалась, как и весь регламент, очень тщательно.

Окончательный, 44-й, номер и последнюю редакцию глава «О архивах» приобрела после правок, внесенных рукой обер-секретаря Сената Анисима Щукина и сенатского секретаря Позднякова по резолюциям членов Правительствующего Сената и лично Петра: «Исправить».

Ее содержание: «Книги, документы, дела, учиненные регистратуры, когда оные три года в Канцелярии и в Конторе лежали, потом в Архив с роспискою Архивариусу отдаются,

только из того изъяты суть особливые уставы, регламенты и все те документы и книги, которые в Коллегиях и Канцеляриях и Конторах для справки, и правила их всегда при них имеют быть. И дабы Коллегия и их Канцелярия знать могли, куда и в который Архив им вышеупомянутые письма надлежит отдавать: того ради повелевает Его Царское Величество иметь два Архива, один всем делам всех Коллегий, которые не касаются приходу и расходу, быть под надзиранием Иностранных дел Коллегии, а которые касаются приходу и расходу, тем быть под надзиранием Ревизион-Коллегии».

Таким образом, почти на столетие раньше, чем в Западной Европе, в Генеральном регламенте Петра I был декларирован принцип централизации в хранении архивного материала для всех коллегий и подведомственных им канцелярий и контор, для чего предусматривалось учреждение только двух архивов, хотя этот принцип остался только на бумаге.

Как отмечал В.Н. Самошенко, укрупнение ведомственных архивов и создание 12 коллегий вместо многочисленных приказов с нечеткими функциями способствовали более компактному отложению однородных или близких по своему характеру фондов³⁴. Однако речь идет именно о вновь образуемых фондах, а не об архивах.

Но «великий процесс переселения архивов» из приказов в коллегии, из Москвы в Петербург, из ведомства в ведомство оказался во многом губительным для «старых» дел.

Не случайно именно с петровскими преобразованиями связывал И.Л. Маяковский начало того «длительного хаоса, который наступил в архивном деле». В процессе слома старой системы аппарата управления государством был разрушен и весь пласт фондов, отложившийся во времена Московской Руси в ходе естественно-исторического процесса. Понимание этого придет только на следующем этапе развития архивного дела, когда, как писал И.Л. Маяковский в 1918 г., «мы являемся свидетелями и даже участниками того момента, когда этот процесс уже изжил себя, и наши архивы, наконец, нашли себе места, отысканные им по строго научным принципам»³⁵.

В данном случае речь идет о том колоссальном влиянии, которое имеют смена парадигмальной установки архивоведения, переход от прагматического, донаучного периода к новому пониманию «самоудовлетворяющей» (И.Л. Маяковский) сущности архивов и архивного дела.

Четко, постатейно в Генеральном регламенте определены роль и место всех канцелярских работников коллегии: секретаря, нотариуса, переводчика, актуариуса, регистратора, канцеляристов, копиистов и даже «молодых людей для обучения при канцелярии». Архивариусу предписывается в главе «О архивах» принимать под расписку все то, что сочтут нужным отдать ему канцелярии и конторы, и отдавать им их назад для справок по первому же требованию. В развитие положений Генерального регламента Петром Великим были изданы многие дополнительные постановления по архивной части, включая регламентацию ведения и сохранения документов. Функции архивных служащих сводились к двум: надзирание за документами и их охранение и выдача справок. При этом внимание уделялось карательной системе воспитания должного рвения в службе у архивистов. Так, для устранения нерадивости, считавшейся основной причиной медлительности и неуспешности работ по выдаче справок, были введены различные системы записей, ведомостей и отчетов, в соответствии с которыми принимались суровые меры репрессивного характера. Повытчику надлежало следить, чтобы подчиненные ему служащие «не скучали за описью», но в то же время он должен был наказывать тех, у кого в ходе работы (а ее продолжительность была установлена до 15 часов!) «завсегда бывает шум и непринадлежащие до архива речи употребляют, когда им должно упражняться в делах».

Вместе с тем сами сановные заказчики не слишком, мягко говоря, уважительно относились к труду архивистов. Например, когда при возведении Шуваловых в графское достоинство понадобилось разыскать в Разрядном архиве их родословную, последовало распоряжение: пока родословная не будет разыскана, «канцелярских служащих держать под караулом, без выпуска». Иногда караул усиливался заковыванием в «железо». Более того, сами служащие изначально подозревались в возможности злоупотреблений и поэтому вахмистру (сторожу) вменялось в обязанность следить за служащими при выходе из архива, «не имеют ли они при себе каких архивских дел». В архивариусы требовалось «выбирать людей трезвого жития и неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях не замеченных». По мнению Маяковского, при таких односторонних мерах профессиональный уровень служащих не повышался и описи – наиболее важный результат их архивных работ – отличались крупными недостатками. «На смену тщательности и сравнительной подробности и точности московских описей пришли торопливость, небрежность и неопределенность»³⁶.

Подытожим сказанное.

1. Генеральный регламент был направлен прежде всего на введение правил, определяющих именно делопроизводственную деятельность новых учреждений – Сената и коллегий, причем архивная работа рассматривалась как составная часть делопроизводственного процесса.

2. Глава 44 определяла устройство и порядок функционирования архивов: делопроизводство учреждения было разделено на текущий архив (канцелярию), который хранил документы не более трех лет, и собственно архив.

3. Впервые архив отделялся от канцелярии. По образцу шведских архивов предполагалось размещать и хранить документы в особых хранилищах.

4. Предусматривалось также создание двух центральных архивохранилищ «под надзором» Ревизион-коллегии и Коллегии иностранных дел, но эта мера не была реализована на практике.

5. Вся система регистрации документов, составление к ним алфавитов (реестров личных имен и дел) были прямо и непосредственно направлены на организацию справочной работы по документам.

Документы должны были поступать в архив уже учтенными (для этого составлялись реестры законченных дел с пронумерованными в них листами), систематизированными и в сопровождении алфавитных указателей, хотя это требование ведомствами, занимавшими более высокое иерархическое положение по сравнению с архивной частью, на практике не выполнялось.

Неразрывная «канцелярская» связь, которую устанавливал регламент между текущим делопроизводством и архивами, исключала постановку вопроса о необходимости проведения специальных описательных работ в архивах в интересах научного использования документальных материалов. Даже формально продекларированный в Генеральном регламенте принцип централизованного управления всеми архивными процессами (в частности, установление единого порядка учета документальных материалов в текущем делопроизводстве и в архиве) в последующем не был реализован.

Архивы создавались и жили преимущественно по внутриведомственным правилам.

Итоговую оценку последствиям архивных преобразований при Петре I дал И.Л. Маяковский, в своем анализе исходивший из представления о «самодовлеющем» значении архивов и необ-

ходимости научного обоснования любых реформ в этой области. Он подчеркивал, что воззрения Петра на московскую старину неизбежно обрекали многие архивные документы, бывшие дотоле действующим справочным материалом, на отмирание. Прежним архивам трудно было найти место в общей государственной стройке еще и потому, что развивающееся интенсивное делопроизводство новых учреждений быстро отлагало и новые мощные напластования документов, постепенно вытеснявшие из поля зрения преобразователя старые архивные отложения. «Все эти условия и предопределили тот длительный хаос, который наступил в архивном деле в петровское время»³⁷.

Методологически важным является указание Маяковского на то, что Регламент представлял собой пример расхождения теории и практики, «в результате чего многие мероприятия оставались лишь на бумаге и вскоре забывались». В то же время Маяковский ни в коем случае не склонен отрицать положительные стороны Петровских реформ, или, по его терминологии, «здоровых по своему замыслу» идей. Первое место он отводит идее централизации архивов и их частичной концентрации, хотя, как замечает Маяковский, эта концентрация производилась большей частью случайно, вне зависимости от того исторического происхождения дел, которое, «по современным нам понятиям, превращает их в определенный фонд, имеющий право на вполне определенное место и в определенном архиве»³⁸.

Отметим в этой связи значение слов о праве архивного фонда. Здесь уже намечен путь к преодолению беспорядка архивов, пониманию их самоценности, чего невозможно достигнуть, не преодолев узкие рамки эмпирического периода развития науки об архивах.

Анализ архивных преобразований Петра, предпринятых без достаточной научной подготовки, был бы неполным, если бы мы не рассмотрели еще одну мифологему. Академик В.С. Иконников подчеркивал, что при Петре I были сделаны первые распоряжения о собрании древних рукописей, редких книг и документов из монастырей и церквей, на основании которых (в указе от 20 декабря 1720 г.) губернаторам и вице-губернаторам предписывалось «во всех монастырях, епархиях и соборах прежние жалованные грамоты и другие курioзные письма оригинальные, также и те исторические рукописные книги пересмотреть и переписать, и те переписные книги прислать в Сенат». Затем в феврале 1722 г. это распоряжение было повторено³⁹.

Справедливости ради надо указать, что сам Иконников, хотя и относил эту инициативу Петра к числу его научных стремлений, отмечал, что попытка Петра создать своего рода кунсткамеру для курьезных документов древней письменности не привела ни к каким результатам: «Ни уверения грозного царя, ни благие намерения не могли подвинуть на дело их владельцев. Весьма немногие из них прислали до 40 книг, большую частью духовного содержания или житий, в числе которых как бы случайно попались четыре хронографа и четыре летописца. Уже по смерти Петра Великого Сенат сделал запрос Синоду (в 1727 г.) о положении этого дела, который ни к чему, однако, не привел»⁴⁰.

Говоря об изменениях, произошедших в архивном деле в первой половине XVIII в., необходимо отметить, что в 1700–1726 гг. была отменена столбцовая форма ведения дел. Преобладающее количество столбцов являлось типичной формой приказного делопроизводства. Хранить и пользоваться ими при растущих объемах документации было крайне сложно. 11 декабря 1700 г. была отправлена царская грамота из Сибирского приказа енисейскому воеводе по именному указу Петра I. Эта грамота – важнейший документ, появление которого связано с реформированием всего государственного делопроизводства и переходом от столбцовой формы документации к тетрадно-книжной. В грамоте речь шла о писании деловых бумаг не в столбцах, а «в лист и на обеих сторонах в тетради», отчего расход бумаги будет меньше, «да и в тетрадах и в книгах лежат дела прочнее».

В грамоте подробно излагались новые правила формирования дел и описания документов, включая их оглавление и внутреннюю опись. Главной целью этой работы было улучшение и ускорение выдачи архивных справок. Грамота регламентировала порядок хранения старых документов, с которых для практического использования предписывалось снять в тетради заверенные копии. Выборочному копированию подлежали в основном государственные указы и грамоты, которые после 1695 г. в разные сибирские города посланы.

Таким образом, Петр I продолжил эмпирический период развития архивного дела, не подведя под него научного обоснования.

М.Г. Собакин

Дополняя историко-генетический анализ доксмографическим, нужно указать на малоизученный аспект значения Генерального регламента, который состоит в том, что он в целом дал возможность талантливым личностям проявить себя даже в такой «непрестижной» области, как архивистика.

Ярким примером такой судьбы являются жизнь и труды архивного деятеля Михаила Григорьевича Собакина (1715–1773) – поэта, сенатора и начальника Московского архива Коллегии иностранных дел.

М.Г. Собакин происходил из древнего боярского рода. В XVI–XVII вв. многие представители рода Собакиных были боярами, окольными, возглавляли приказы. После окончания Сухопутного шляхетного корпуса он был направлен в армию поручиком.

Переломным в судьбе М.Г. Собакина стал февраль 1744 г., когда Коллегия иностранных дел приняла его «рассуждение об архиве, в котором дела и по ныне не токмо еще не описаны, но порядочно не разобраны, а дело сие весьма нужное», причем здесь же упоминается особо «старый архив», под которым подразумевались документы, относившиеся к периоду до 1700 г. В результате этого «рассуждения» ассессор публичной экспедиции Коллегии иностранных дел М.Г. Собакин был назначен «главным при архиве той Коллегии старом и новом, в котором находятся дела, происшедшие от давних лет с иностранными областями»⁴¹. М.Г. Собакину вместе с назначенными в архив канцелярскими служителями поручалось разбирать и описывать хранившиеся в архиве и вновь поступающие дела, «дабы сие дело, то есть архив, в надлежащую исправность как возможно скорее привести».

Отметим, что в архивоведческой литературе неправомерно большое значение отводится более ранней инструкции, отписанной 24 марта 1720 г. канцлером Г.И. Головкиным архивариусу Алексею Почайнову, в соответствии с которой ему надлежало разобрать документальные материалы по государствам, т. е. так, как эти материалы хранились в архиве Посольского приказа, затем описать их с указанием инвентарных номеров и, наконец, сложить для хранения в виде «дел» в шкафах (текст инструкции и ее оценку приводит Е.В. Старостин в главе «Происхождение фондового принципа классификации документов»)⁴².

Собакин в одном из первых своих доношений, датированном 28 февраля 1744 г., резко раскритиковал систематизацию дел,

произведенную Почайновым. Он указал на путаницу, вызванную предпринятым Почайновым делением всей министерской корреспонденции в алфавитном порядке по первой букве фамилий корреспондента и адресата. При этом письмо, например, Куракина, находившегося в Голландии, князю Долгорукову во Францию помещалось под буквой «К», ответ на это письмо Долгорукова – под буквой «Д», а письмо князя Куракина на ту же тему к князю Головкину – на букву «Г». Собакин потребовал, чтобы все письма, касающиеся одного вопроса, были объединены в одно дело. Он руководствовался полученными для себя лично более поздними указаниями, которые хотя и подтверждали инструкцию 1720 г., но рекомендовали «сверх оной ему асессору обо всем, что до лутчего и скорейшего исправления того дела касаются и принадлежит, и каким образом разбор тех дел по дворам удобнее производить, сочинить изъяснение или проект обстоятельной инструкции о всем архиве и оный к апробации представить без умедления»⁴³.

С июля 1745 г. Собакин был неоднократно отзывается в Санкт-Петербург, и в это время его замещал асессор У. Иванов. В мае 1760 г. Собакин вновь возглавил МАКИД на постоянной основе и пребывал в этой должности до 1772 г. В конце жизни он был тайным советником и сенатором. (Это первый случай такой бурной карьеры архивного деятеля. Другие примеры – сенатор А.Ф. Малиновский и, наконец, сенатор и академик Н.В. Калачов. Кажется, на этом список сенаторов-архивистов прерывается.)

Умер М.Г. Собакин в 1773 г., не пережив опалы, – за год до этого Екатерина II уволила его в отставку за то, что, будучи товарищем московского генерал-губернатора, он испугался чумы и не принял надлежащих мер⁴⁴.

Главной заслугой М.Г. Собакина является разработка проекта, посвященного упорядочению архива и описанию документального материала МАКИД в целях обеспечения его лучшего использования для научных и практических нужд. Проект развернутого плана организации документов МАКИД был им составлен в середине 1740-х годов, утвержден коллегией в 1759 г. и направлен в архив для использования в практической работе. Определим его роль и место в становлении науки об архивах.

1. Основное внимание в проекте плана уделялось классификации и систематизации документальных материалов в соответствии с принципом их деления на «старые» и «новые» дела, а затем по иностранным дворам. Систематизацию документальных

материалов Собакин справедливо рассматривал как основу построения архива.

2. В отношении «старых» дел Собакин выступил за необходимость сохранить исторически сложившиеся группы документальных материалов (например, «дела малороссийские», «дела новгородского приказу четверти», «дела княжества Смоленского» и пр.). Для более детальной группировки материалов он рекомендовал пользоваться признаками, которые затем получили название номинальных, предметных, корреспондентских, хронологических.

3. Каждая обособленная в соответствии с предложенной схемой классификации группа дел должна была помещаться в особом, помеченном литерой шкафу, поскольку Собакин подчеркивал неудобство их хранения в сундуках и ларях. После этих улучшений, писал Собакин, «прииск дел будет столь же легок и весел, сколь ныне тяжел и досаден».

4. Проанализировав описи, в том числе и оставшиеся еще со времен Посольского приказа, он пришел к выводу о крайнем их несовершенстве. Прежде всего записи не соответствуют действительности: дела, упоминавшиеся в старых описях, не указаны в более поздних, а части дел, перечисленных в описях, вообще нет в наличии. Кроме того, «после описей поныне неописанные в сумятице дела без призрения оставлены были, и многие совсем погнотены, а у множайших начал и концов нет». Внушала ему сомнение и достоверность описей, так как они не скреплены и «разными писаны руками». Он предложил составить описи двух видов: шкафные описи (носившие систематический характер), а также генеральную опись архива, «дабы в предбудущие годы и по нас люди, растеряв и не брежа дела, такую же не могли извиниться как до ныне оговоркою».

5. Важное историческое значение имело выдвинутое им требование уважать права архивов. Так, отмечая недопустимость требования выдавать «дела кусками в разные места» и осуждая частое невозвращение дел, Собакин рекомендовал на место взятых дел и документов класть записку о том, куда дело отправлено, когда и по какому указу, «ежели из стола вынуто, то в это место положить такую же записку, и будет не надолго требование, а не возвращается долго, о том можно упомянуться, когда же дело назад придет».

М.Г. Собакин столкнулся с невозможностью реализовать свой четко составленный план из-за отсутствия квалифицирован-

ных кадров и денежных средств: «Наибольшая трудность поныне состояла и еще состоит в людях, кто стар, кто дряхл, кто порочен или не делен, а наконец, кому и на ум некогда не прихаживало при архиве труды свои показать, те однако все же наперед сего к архиву, как к тихому пристанищу, усердное имели прибежище, в твердой надежде, что конца тому делу по смерти их или выпуск оттуда никогда не будет»⁴⁵. Одним из первых в отечественном архивном деле он начал систематически обращаться к высокопоставленным чиновникам с разъяснением важного государственного значения архивов: «Совсем видится было бы излишне в пространное здесь вступать рассуждение, как о нужде и потребности, так и о важности и пользе того, чтобы государственной Коллегии иностранных дел архив приведен и всегда содержан был в изрядном порядке. Но в каком и поныне состоянии один из тех архивов, о которых слово идет, находится, без жалости показать не можно. Однако же, *нужно для возбуждения ревности тех, от кого дело зависит, дабы поправлено, сохранено и в надлежащий порядок приведено было погибающее сокровище, которое ни за какие миллионы нигде достать будет не можно*» (выделено нами. – Т. X.)⁴⁶.

Ф.А. Бюлер отмечал, что когда резиденция была перемещена в Петербург, то из оставшихся в Москве свитков, столбцов и дел посольского и иных приказов образовался новый в России архив, «который по справедливости можно также назвать дедушкой всех русских архивов». Екатерина II потребовала к себе на прочтение некоторые документы архива и, «желая иметь Историю России, признала этот архив за настоящую руду драгоценнейших в сем отношении материалов»⁴⁷.

Нужно сказать, что именно благодаря усилиям Собакина Екатерина II выделила средства для покупки в интересах архивохранилища дом генерал-аншефа кн. А.М. Голицына в Москве (угол Колпачного и Хохловского переулков, «близ Ивановского монастыря»).

За уважительное отношение к «старым» делам и максимальное возможное в условиях XVIII в. учитывание их сложившейся (фондовой) структуры М.Г. Собакин заслуживает почетного места в истории создания научной основы архивоведения.

Непосредственные преемники на посту управляющего, который по указу Екатерины занимали М.Н. Соколовский, Н.Н. Бантыш-Каменский и И.М. Стриттер, явились прямыми продолжателями начинаний Собакина, хотя и не внесли по сравнению с ним ничего принципиально нового в архивоведение как науку.

Н.Н. Бантыш-Каменский

Одним из крупнейших и наиболее типичных для эмпирического архивоведения деятелей является Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814).

Жизни и трудам Н.Н. Бантыш-Каменского посвящена значительная по объему литература⁴⁸. Проанализируем его место и роль как архивного деятеля.

Образованнейший архивист своего времени, Н.Н. Бантыш-Каменский был представителем редкого в донaupный период развития архивного дела сословия профессионалов, принципиально не допускавших даже мысли о каком-нибудь «насилии» над исторически сложившимися архивными фондами. Он родоначальник новой дисциплины (мы бы предложили термин «архивография»), которая требовала скрупулезного и полнoстного описания каждого документа и составления подробных описей по библиотечному принципу.

Н.Н. Бантыш-Каменский – историк, археограф, архивист, библиограф, писатель, почетный член Императорской Академии наук, член Императорского общества испытателей природы, действительный член Московского общества истории и древностей российских. Архивной службе он посвятил 52 года жизни, из них более 30 (с 1783 по 1814 г.) – в должности управляющего Московского архива Коллегии иностранных дел.

Николай Николаевич Бантыш-Каменский родился в г. Нежин Черниговской губернии. Отец его, Николай Константинович Бантыш, волошский (молдавский) дворянин, после Прутского похода 1711 г. «по отбытию светлейшего волошского господаря князя Дмитрия Кантемира в Россию, претерпев многие беды и разорения от турков, принужден был выехать в Россию». Мать – Анна Степановна Зертис-Каменская, дочь переводчика гетмана Ивана Мазепы, родная сестра московского архиепископа Амвросия. Первоначальное образование Н.Н. Бантыш-Каменский получил в Нежинской греческой школе и в Киевско-Могилянской академии (1745–1754).

После переезда в Москву в 1754 г. он по рекомендации архиепископа Амвросия был определен в Заиконоспасское училище при Московской духовной академии. Одновременно посещал Московский университет, где слушал лекции по предметам, которые не входили в учебную программу Московской духовной академии. Блестяще владел латинским и французским, а также

древнееврейским, греческим, немецким, итальянским языками. В качестве полиглота был приглашен канцлером гр. Н.И. Воронцовым на дипломатическую службу, но предпочел работу архивариуса (актуариуса), поступив в 1763 г. на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. Его служба началась во время переезда архива в старинное каменное здание, купленное казной специально для архива у генерал-аншефа А.М. Голицына.

Начиная с 1765 г. Бантыш-Каменский как ученый работал под непосредственным руководством академика Г.Ф. Миллера. В начальный период своей научной деятельности он опубликовал исторические исследования, в частности «Историческое описание о времени царствования и о форме титулов царевны Софии Алексеевны» (1766), «Кто из великих князей начал писаться Государем всея России и с которого времени?» (1766). Но с 1769 г. он целиком посвящает себя составлению описей, обзоров, справочников и библиографических описаний хранящегося в МАКИД материала. Эта работа нашла частичное отражение в фундаментальном архивном справочнике «Алфавит всем входящим и исходящим делам архива с 1720 по 1811 г.», который представляет собой 94 книги-реестра архивных дел. В 1770-х годах он составил «Реестр историческим и церемониальным делам», хранящимся в архиве, а также «Реестр европейским и азиатским правящим дворам и их послам в России с наидревнейших времен». В 1780-х годах подготовил и издал «Дипломатическое собрание дел между российскими и польскими дворами, с самого оных начала по 1700 г.» (в 5 т.), «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 год» (в 2 т.), «Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжении оной через века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении», «Реестр и описание малороссийских и татарских дел» и много других трудов.

По свидетельству современников, «такой многоопытный человек, как начальник министерского Архива иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский, стал неоспоримо важнейшим пособником в великом для той эпохи историческом труде Карамзина, скажем прямо – настоящим его благодетелем, уже и тем одним, что сообщил ему неизданную доныне опись архивским делам»⁴⁹.

Составленные Бантыш-Каменским описи до сих пор помогают архивистам и исследователям ориентироваться в документальных фондах коллежского архива, хранящихся в РГАДА.

С 1811 г. он руководил созданной им же Комиссией печатания государственных грамот и договоров при МАКИД.

К концу жизни Бантыш-Каменский почти оглох, стал плохо видеть и страдал от болезни, приобретенных вследствие многочасовой непрерывной работы в полуподвальных тесных помещениях, плохо освещенных и заваленных кипами старых бумажных связок и свитков. Здесь он по просьбам исследователей вел поиски документов о самых различных областях знаний и разных исторических эпохах. Его бесценную помощь получили Н.И. Новиков при составлении биографий для «Опыта исторического словаря о русских писателях» и «Древней российской Вивлиофики», А. Щекатов и Л.М. Максимович при составлении географических словарей, Ф.О. Туманский и И.И. Голиков при написании работ о Петре I.

Впоследствии А.С. Пушкин работал над обширной коллекцией документов по пугачевскому движению, которую Бантыш-Каменский «приватно», т. е. без официального на то соизволения, собрал в 1773–1775 гг. в подземельях своей «архивы» и сохранил для потомков. Благодаря его усилиям архив был организованно эвакуирован из Москвы накануне вступления в столицу французских войск в 1812 г. и тем самым спасен от разграбления и гибели во время московских пожаров. Затем Бантыш-Каменский лично возглавлял работы по реэвакуации архива в Москву, где у него в период сопровождения архивов и их хранения в эвакуации сгорели собственный дом вместе с богатейшей личной библиотекой, а также 18 портфелей рукописей – плод полувековой работы. Некоторое время жить ему пришлось в казенном флигеле МАКИД.

Тем не менее уже в июне 1813 г. он по поручению графа Н.П. Румянцева завершает подготовку материалов для I тома «Собрания государственных грамот и договоров». После его выхода в свет Бантыш-Каменский писал графу: «Бессмертную Ваше Сиятельство сделали Отечеству услугу, даровав свет толико лет лежавшим в пыли и забвении бесценным российским древностям!»

Эту оценку едва ли не с большим основанием можно сегодня обратить и самому Бантыш-Каменскому. Прекрасно изданные четыре тома «Собрания» in folio, содержащие около тысячи исторических актов русской истории начиная с 1265 по 1696 г., являются одним из важнейших источников исторической науки. Кроме того, он принимал активное участие в издании собственных

переводов учебных пособий для духовных училищ по латинской, французской и еврейской грамматике, а также переводов учебников по риторике, философии, истории и т. п. Большинство археографических работ самого Бантыш-Каменского несмотря на их важное значение были опубликованы только во второй половине XIX – начале XX в. Так произошло, в частности, с его капитальным исследованием в четырех томах «Обзор внешних сношений России», который содержит краткое аннотированное описание документов об отношениях России с западноевропейскими государствами с 1481 по 1802 г.⁵⁰

С 1799 г. Бантыш-Каменский – действительный тайный советник. За архивную, археографическую и издательскую деятельность он был награжден орденами св. Иоанна Иерусалимского (1800), св. Владимира 3-й степени (1802), св. Анны 1-й степени (1808) и другими знаками отличия российского государства.

Вместе с М.Г. Собакиным, относившимся с уважением к отложившимся в архивах массивам документов, Н.Н. Бантыш-Каменского можно по праву считать одним из духовных предшественников основателя науки об архивах Н.В. Калачова, который не просто чтит его память и называл «наиболее трудолюбивым архивистом из всех служивших в архиве КИД ученых и любителей древностей», но и ставил в пример своим сотрудникам его описи как «замечательные по своей тщательности и верности»⁵¹.

И.М. Стриттер

Звание помощника Миллера заслуживает упоминающийся в истории отечественного архивного дела Иван Михайлович Стриттер (Stritter Johann Gotthelf) (1740–1801).

Приведем отдельные факты, свидетельствующие о его роли и месте в отечественном архивном деле.

И.М. Стриттер (Штриттер) – историк, почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1787). В Россию приглашен из Германии в 1766 г. Был корректором Петербургской академической гимназии и адъюнктом в Академии наук. 1 октября 1778 г. именным указом его перевели в помощь академику Г.Ф. Миллеру в Московский архив Коллегии иностранных дел в чине коллежского асессора, где он участвовал в составлении по указаниям Миллера «описи печатным книгам и манускриптам, до Российской и соседственных государств истории касающим-

ся». После смерти Г.Ф. Миллера в 1783 г. Стриттер получил чин надворного советника и по именному указу вместе с М.Н. Соколовским и Н.Н. Бантыш-Каменским возглавил архив. В 1797 г. он статский советник, а в 1800 г. вышел в отставку по болезни. Основные труды Стриттера издавались на латыни, на русском же языке выходили их сокращенные варианты. В 1783 г. по заказу Комиссии об учреждении народных училищ Стриттер начал писать курс «История Российского государства» и успел довести изложение до 1599 г. На русский язык были переведены и изданы в Санкт-Петербурге в 1800–1802 гг. только три части, содержащие сведения по истории России с древнейших времен до 1462 г. По оценке К.Н. Бестужева-Рюмина, книга представляет собой «скучную и сухую компиляцию, любопытную более по замечаниям на нее Екатерины»⁵².

Менее заметной и самостоятельной фигурой, даже по сравнению со Стриттером, не говоря уже о Бантыш-Каменском и Миллере, был почти не упоминаемый в современной архивоведческой литературе Мартын Никифорович Соколовский (1799–?) – переводчик и архивист.

М.Н. Соколовский родом был малороссиянин, «слободских полков мещанский сын». Преподавал французский язык в гимназии Московского университета, а в 1762 г. определен переводчиком «порутчицкого ранга» в МАКИД. В 1765 г. ему поручены «смотрение» за библиотекой архива и разбор столбцов европейских дворов. С 1770 г. Соколовский – смотритель Трактатной палаты, в 1779 г. – секретарь архива. В 1783 г. по завещательной рекомендации Г.Ф. Миллера он именным указом назначается вместе с Н.Н. Бантыш-Каменским и И.М. Стриттером управляющим архивом. С 1799 г. Соколовский – действительный статский советник⁵³.

Г.Ф. Миллер

По мнению большинства историков и историографов исторической науки, именно Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705–1783) открыл принципиально новую главу в истории российского архивного дела⁵⁴. Г.Ф. Миллер родился в 1705 г. в Вестфалии в семье ректора гимназии. Посещал Лейпцигский университет. В молодости принадлежал к категории студентов, которые, по словам Шлецера, полагали, что нигде нельзя легче

добиться успеха, чем в России. В Россию приехал 20-летним юношей, недоучившись в университете, в 1725 г. и был определен в только что основанную Академию наук. П.П. Пекарский в своей «Истории Императорской академии наук в Петербурге» приводит признание из автобиографических записок Миллера, которые ускользнули из поля зрения позднейших исследователей, но очень важны для оценки уровня архивоведческих знаний Миллера: «Я более прилежал к сведениям, требуемым от *библиотекаря*, рассчитывая сделаться зятем Шумахера (И.Д. Шумахер – советник и глава библиотеки АН. – Т. Х.) и *наследником его должности*»⁵⁵ (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.). И лишь когда у него исчезла надежда сделаться его зятем, он счел нужным продолжить другой, ученый, путь.

Поддерживаемый на первых порах влиятельным Шумахером, Миллер после приезда преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии, вел протоколы академических заседаний и канцелярии. В 1728 г. он начинает издание «Примечаний к Санкт-Петербургским Ведомостям» – первого русского литературного и научно-популярного журнала, рассчитанного на широкий круг читателей. «Примечания» выходили в течение почти 15 лет, их издание было прекращено только в 1742 г., но в том же XVIII столетии они еще трижды переиздавались. В 1731 г. Миллер получил звание профессора, с 1732 г. начал выпускать сборник статей о России: «*Sammlung Russischer Geschichte*» (1732–1765, 9 т.). По существу это был первый русский исторический журнал, хотя он издавался на немецком языке – в XVIII в. немецкий язык знали практически все образованные русские люди. Именно на его страницах Миллер не только поместил ряд собственных сочинений, но и осуществил первую публикацию летописных текстов.

В ходе второй камчатской экспедиции Витуса Беринга Миллер объездил многие населенные пункты Западной и Восточной Сибири (Березов, Усть-Каменогорск, Нерчинск, Якутск и др.). Десятилетнее (1733–1743) пребывание в Сибири было расценено потомками как своего рода научный подвиг. Оно обогатило Миллера массой ценных сведений по этнографии и местной археологии. Не случайно Миллер стал одним из героев романтической поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский».

Особенно важна была вывезенная ученым громадная коллекция архивных документов; сам он использовал для написанной им «Истории Сибири» только небольшую часть их. Именно

во время экспедиции в Сибирь Миллер открыл для науки делопроизводственные источники.

Как установили современные исследователи его наследия С.С. Илизаров и А.Б. Каменский⁵⁶, Миллер в ряде работ, в частности в «Опыте новейшей истории о России» (1761), которая рассматривалась им как продолжение «Истории Российской» Татищева, впервые в исторической науке употребил термин «источник». Но именно рационально-потребительское отношение к вырванным из естественной среды обитания документам как к «сырью» для дальнейших историографических исследований и сформировало его архивоведческие взгляды. Научные материалы, привезенные Миллером из Сибири, могли бы полностью обеспечить ему безбедное существование на его родине, в Германии, или в любой другой европейской стране. Однако он принял другое решение: по возвращении в Петербург в 1748 г. стал русским подданным. В 1749 г. Миллер выступил в Академии с речью «Происхождение народа и имени российского». Некоторые академики, в том числе М.В. Ломоносов и С.П. Крашенинников, сочли эту «скардную диссертацию предосудительной для России». Миллер обвинялся в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может». Нетерпимость, с какой была встречена теория скандинавского происхождения варягов – основателей русского государства («норманнская теория»), в значительной степени объяснялась тогдашними политическими отношениями России со Швецией. Напечатанный текст речи был сожжен, и его публикация состоялась только в 1768 г. в «Allgemeine historische Bibliothek» (под заглавием «Origines Rossicae», т. IV).

Ко второй половине 1740-х годов относится и конфликт Миллера с П.Н. Крекшиным, который, как пишет А.Л. Шапиро, «хотя и успешно собирал исторические источники, был малограмотным историком и непорядочным человеком»⁵⁷. Суть конфликта заключалась в том, что Крекшин представил в Сенат «Родословие великих князей, царей и императоров», доказывая, что Романовы происходят непосредственно от Рюриковичей и выводятся не то от Романа Васильевича Ярославского, не то от Романа Ростиславовича Смоленского, которого, по словам В.Н. Татищева, Крекшин спутал с Романом Мстиславовичем Галицким. Отрицание этой галиматии (по выражению А.Л. Шапиро) со стороны Миллера побудило Крекшина подать на него донос с обвинением «в собирательстве хулы на русских кня-

зей». Опасность обвинения состояла в том, что Миллер действительно собрал коллекцию выписок из летописей и древних исторических сочинений, которые предоставлял в пользование Крекшину. Сенат и Академия несколько месяцев занимались разбором «дела Миллера». В 1750 г. академические разногласия отозвались на Миллере разжалованием его из академиков в адъюнкты и понижением жалованья с 1000 до 360 р. в год. Но М.В. Ломоносов, выступавший в других случаях непримиримым противником Миллера, в данном споре выступил в его защиту. Он дал отрицательный отзыв на «мнение господина Крекшина», признав необоснованными попытки доказать происхождение Романовых от Рюриковичей. Дело против Миллера было прекращено⁵⁸.

Тем не менее историку был нанесен ощутимый удар, от которого он в полной мере не оправился до конца жизни. В последующей полемике с Ломоносовым по «варяжскому вопросу» Миллер сформулировал свое кредо ученого, в соответствии с которым историком может быть только человек без отечества, без веры и без государя⁵⁹. Такая формулировка была неприемлема для русских ученых того времени, хотя Миллер в данном случае выступал как объективный ученый, твердо отстаивая критерии научности, а не «полезности» исторического знания. При этом его личное отношение к России было таким, что даже Шлецер, отнюдь не питавший к Миллеру дружеских чувств, вынужден был назвать его «горячим патриотом в отношении достоинства России». Впрочем, вскоре неудовольствие властей предержавших с него было снято.

С 1754 г. в звании конференц-секретаря Академии Миллер вел обширную переписку с иностранными учеными, приглашал профессоров для работы в Московском университете. В 1755–1765 гг. он редактировал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» – первое периодическое научно-литературное издание на русском языке. В нем участвовали В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский и другие виднейшие представители науки и культуры того времени, а также публиковались первые русские переводы Вольтера, сочинения ранних английских просветителей, излагались теории К. Линнея и фон Юсти. Сам Миллер на страницах журнала помещает призывы писать правдивую историю России (статьи «Сумнительства, касающиеся до Российской истории», «Предложения как исправить погрешности, нахо-

дящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве»).

1 января 1765 г. указом Екатерины II Миллер назначен главным надзирателем московского Воспитательного дома с оставлением при Российской академии наук в звании историографа. В решении уехать из Петербурга немаловажным обстоятельством было стремление использовать богатства находящихся в Москве крупнейших архивных собраний того времени. Так, еще в 1746 г. в отвергнутом академическим начальством проекте создания исторического департамента Академии наук он писал: «Весьма бы полезно было, чтоб историографу со своею экспедициею жить в Москве, ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякие известия способнее и скорее получены быть могут, также и в рассуждении того, что тамошние архивы историограф сам пересматривать имеет».

Попав в Москву, Миллер почти сразу же начал хлопотать о переводе в Архив Коллегии иностранных дел, хотя должность, на которую он мог рассчитывать, была явно ниже занимаемой им при Воспитательном доме.

9 января 1766 г. он направил вице-канцлеру князю А.М. Голицыну письмо, в котором изложил свои взгляды на архивы и архивное дело:

1766. Его сиятельству вице-канцлеру князю Голицыну Александру Михайловичу от коллежского советника Миллера из Москвы от 9 генваря 1766 года:

Принося низжайшую благодарность Вашему Сиятельству за продолжение Вашей ко мне милости, оказанной в письме Вашем от 29-го декабря, я буду ответствовать точным и подробным образом на предложенные мне вопросы, прося только Ваше Сиятельство не скучить, естли ответ мой будет немного долог. Естли я соглашусь принять на себя должность смотреть над архивами, то конечно не для того, чтобы я хотел более жалованья, нежели теперь получаю, и не для получения ранга. Я весьма доволен своим щастием. Я никогда не искал наружной отмены, стремясь единственно только оказать услуги Империи, которой я служу уже более сорока лет. Во-первых, я старался привести в совершенство Российскую Историю, которую, хотя мне должно было оставить, однако я, оставя оную с великим сожалением, люшусь опять войти в сие дело и трудиться также для Академии, от которой я получу пенсион, естли буду употреблен к архивам. Пусть Коллегия определит мне жалованье, сколько она рассудит за благо по моим заслугам. Я с благодарностью

буду доволен всем, что мне определено будет от столь просвещенных и благодетельных министров. Как господину Собакину препоручены дела коллегий в Москве, то я почту себе за честь трудиться под его дирекцією. Знание его и опыты будут мне предводительствовать к лучшему исполнению моей должности. Не зная еще, в каком состоянии находятся теперь архивы, я не могу ничего сказать, каким образом их привести в порядок, но хочу представить Вашему Сиятельству мое мнение, каков сей порядок быть должен.

Можно считать архивные пиесы под двумя видами и разделить их на два класса.

Первый класс содержать будет пиесы, кои не имеют более никакого сопряжения с теперешними делами, но кои служат к познанию истории, географии и дают сведения о состоянии наук, художеств, законов, нравов, коммерции, мануфактур, земных продуктов и проч.

Второй класс будет содержать пиесы, кои касаются особенно до Министерства, кои могут быть сопряжены во всякое время с государственными делами, как внутренними, так и внешними, и быть потребными в негоциациях с Главными дворами в Европе.

Сие распределение классов может быть положено основанием архивного порядка, но оно только подлежит до одного основания, сверх же того потребно другое, которое я различу по подписям. Я уже означил подпись первого класса, кои суть: история, география, науки и художества, законы и нравы, коммерция, земные продукты.

Подпись второго класса суть трактаты союзные, мирные, пограничные, субсидные, коммерческие, письма царей Российских к разным Дворам, письма к ним от помянутых Дворов, представления чужестранных Министров, ответы и внушения, учиненные сим министрам, инструкции, повеления, рескрипты, данные и посланные к российским Министрам, резидирующим при Дворах чужестранных, рапорты и реляции сих Министров, дела партикулярных людей, и проч.

Дела и негоциации каждого государства, каждого Двора, каждого министра должны быть положены вместе. Одни только негоциации, продолжаемые многими министрами, практикующие об одной материи, в коих многие Дворы были заинтересованы, сии только одни, я бы исключил из вышеупомянутого распределения.

Сей архивный порядок можно назвать систематическим.

Остается другой, хронологический, по которому можно разучредить пиесы, принадлежащие к одному делу, следуя их числам. Если же число не поставлено, можно искать по истории.

По приведению Архивы в порядок можно учинить каталог, так полный, чтоб не было в нем пропущено ни малейшего листочка. Сей

каталог будет служить более росписью для тех, кто в Архиве после нас будут, нежели реестром для скорого приискания нужных пиес.

Можно оные находить весьма легко, если Архива будет разобрана по классам, подписям и годам.

Представляя себя к сему распределению и к учинению каталога, я обещаюсь хранить тайну всяким образом ненарушимо.

Я не сообщу никому ничего без точного повеления моих Главных.

Буду также наблюдать, чтоб архивы были всегда в том порядке.

Буду предлагать Коллегии, естли что по моему мнению должно быть опубликовано для чести нации, для совершенства истории и наставления тех, кто в дела вникают.

Коллегия соблаговолит дать мне в помощь двух или трех молодых людей, кои бы хорошо знали свой язык и были бы искусны в чужестранных языках. Я могу через них оставить потомству знания, приобретенные мною в России.

Что надлежит до исправления двух должностей, о чем Ваше Сиятельство приказали мне доложить Вам, надобно признаться, что один человек не может объять их пространства. Я говорил в прежнем моем письме только об одном генеральном надсмотрщике Воспитательного дома, которое я могу исправлять в случае, если Его Превосходительство Иван Иванович Бецкий не захочет меня отрешить совсем от оной должности. Но необходимо долже быть другой, который входил бы в подробности, касающиеся до экономии, до строения, до подрядчиков, до щетов и денежных расходов. Сии вещи не могут быть исправляемы ни с какою другою должностію. Они занимают и требуют особливого на то человека. Я знаю, сколько я мало способен к таким делам, потому что они против моей склонности. К сему месту потребен человек проворный, знающий в том обходиться и бескорыстный, каковых в Петербурге найти не трудно. Можно дать ему то жалованье, которое я получаю от Воспитательного дома, потому что я буду иметь оное от Коллегии.

Буду просить только, чтоб в уважение моих трудов позволено мне было жить в Воспитательном доме с топкою и содержанием теперешним. Я не найду, может быть, дома ближе к Архивам, как тот, в котором я теперь живу.

Однако как бы то ни было, я буду доволен всем тем, что будет мне назначено и определено.

Уверен, что через милость и великодушное снисхождение Вашего Сиятельства дело кончится к моему удовольствию.

Имею честь быть⁶⁰.

Как указывал В.Н. Автократов, цитируя деловую часть письма Миллера⁶¹, примечателен тот факт, что Миллер, еще не приступив к работе в МАКИД, уже ясно представлял основания будущей работы. Этот факт не просто примечателен. Он характерен для историографа, который рассматривает архивы лишь как своеобразную библиотеку, содержащую нужные для него источники. Необходимо при этом учесть, что человек, пишущий программу полного преобразования архива, в нем еще даже не работал. Показательно, что Миллер именно так и обосновывает свое предложение услуг князю Голицыну: «Не зная еще, в каком состоянии находятся теперь архивы, хочу представить Вашему Сиятельству мое мнение, какой сей порядок быть должен».

В.Н. Самошенко, справедливо отмечая умозрительность плана Миллера («он соответствовал планам К. Линнея»), в то же время считал, что в вопросах классификации архивных документов и организации системы их хранения Миллер сыграл отрицательную роль⁶².

Через два месяца, в конце марта 1766 г., желание Миллера было удовлетворено: именным указом ему повелевалось находиться при архиве коллегии «для разбору и описи дел».

Работать Миллер начал сразу же, не желая «время препроводить втуне», настолько активно, что ему подчас приходилось превозмогать «жестокую болезнь в голове, для которой из ноги кровь пустил». Действительно, он не мог быть доволен состоянием архива, в котором еще ни один документ не был, с его точки зрения, изучен, а прямое начальство из Московской канторы Коллегии иностранных дел считало, что все «челобитческие дела» следует уничтожить, так как «тех людей и в живых нет и по челобитью их тогда же решение чинено».

В то же время он не без удивления обнаружил, что его идея деления архива на два класса уже реализована, поскольку архив «как бы на два департамента разделен», причем это разделение сохранялось вплоть до конца деятельности Миллера. Детально проанализировав содержание плана Миллера и результаты его реализации на практике, Г.А. Дремина имела все основания сделать вывод о том, что Миллер подходил к организации документальных материалов архива крайне формально, учитывая номинальные признаки документов, их внешние особенности, а не происхождение документов. Г.А. Дремина отмечала, что нельзя согласиться с делением материалов архива Миллером на «общие государственные» и «частные государственные», так как эта сама

терминология искусственная и непонятная. Во-вторых, нельзя признать правильным деление Миллером документальных материалов на «грамоты», «министерские дела» и т. п. В результате исторически сложившиеся комплексы материалов по сношениям с отдельными государствами были разрушены. «В целом можно сказать, что план Миллера является образцом того, как нельзя систематизировать материалы любого архива. По сравнению с планом Собакина Миллер сделал шаг назад в организации архива. Он разрушил архивные фонды, исторически сложившиеся уже в деятельности Посольского приказа и сохранные Собакиным». И далее: «не Собакин, а Миллер начал создавать архивные коллекции по формальным признакам» и, наконец, к великому сожалению, «план Миллера не остался на бумаге, а был проведен в жизнь»⁶³.

Таким образом, невозможно придумать оптимальную схему систематизации архива на эмпирической, т. е. вненаучной, основе, без учета его органической целостности.

Важную роль в укреплении репутации Миллера как ведущего русского историографа сыграл интерес Екатерины II к русской истории. По ее заказу он написал «Известия о дворянах российских» (1766), причем сразу на русском языке (обычно он писал на родном ему немецком, а потом сам редактировал русский перевод с немецкого оригинала).

Английский историк и путешественник Уильям Кокс, произведения которого были популярны в России в конце XVIII в., так отзывался о Миллере после личного знакомства с ним: «Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно. Я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках. Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке»⁶⁴.

Кокс пишет о Миллере, которому исполнилось уже 74 года, – возраст преклонный, особенно по тем временам. Тем не менее только за год до этого Миллер предпринял путешествие по русским городам, в результате которого появились исторические очерки о Коломне, Можайске, Рузе, Звенигороде, Дмитрове,

Саввино-Сторожевском монастыре, Троице-Сергиевой лавре и Переславле-Залесском.

Ряд неизданных документов и трудов Миллера хранится в его личном архиве. Этот архив – одна из богатейших коллекций документов, которую незадолго до смерти он продал государству вместе с библиотекой. Указом Екатерины II их велено было хранить в архиве Коллегии, куда они поступили после кончины ученого. Так образовался фонд РГАДА «Рукописный отдел библиотеки МГАМИД», более известный как «портфели Миллера».

В начале 30-х годов XIX в. документы фонда Миллера, относившиеся к Академии наук, были отправлены в Петербург, в академический архив. Материалы «портфелей», оставшиеся в МГАМИД, были описаны в 40–50-х годах XIX в. Этими описями (в машинописных копиях) пользуются исследователи и сегодня. Как истинный архивист Миллер хранил всякую, даже совсем бесполезную на первый взгляд бумажку, в результате чего в его «портфелях» можно найти сведения едва ли не по любому вопросу, связанному с прошлым России.

Автор нескольких десятков трудов по истории России, ученый с мировым именем, Миллер не нажил состояния, не был отмечен чинами и наградами. Лишь за два месяца до смерти историк, находившийся на русской службе около 60 лет, получил чин статского советника и ордена Владимира 3-й и 1-й степеней. Ровно за месяц до кончины он написал своего рода завещание «Представление в рассуждении архива к его сиятельству графу Остерману», в котором просил поручить совместное директорство архивом своим ближайшим сотрудникам и помощникам Н.Н. Бантыш-Каменскому, И.М. Стриттеру и М.Н. Соколовскому.

Объективная историческая оценка вклада Г.Ф. Миллера в архивное дело должна учитывать как его достоинства, так и недостатки. Умозрительный план официального царского историографа Миллера по переустройству архива был вполне характерен для библиографического подхода к организации архивных материалов. Эти недостатки и увидели первые исследователи. Так, Л.И. Шохин опубликовал резкий отзыв о системе Миллера, направленный в 1845 г. Д.Н. Блудову директором МГАМИД М.А. Оболенским, под началом которого начинал свою архивную деятельность Калачов: «Вашему сиятельству известно, как много навредила немецкая система Миллера Московскому главному архиву. Рассортировав по своей теоретической системе акты, он сбил естественное расположение их по приказам, столам, повывтам

и т. д. От этого часто не знаешь, где чего искать должно и каким образом известный акт мог попасть в наш архив. Это затруднение чувствовал и наш бессмертный Карамзин»⁶⁵. В.Н. Автократов справедливо считал библиографический подход Миллера к архивным комплексам отражением рационалистического мировоззрения, характерного для просвещенных людей XVIII в. Отсюда их страсть – весь мир, включая все живое и неживое, разложить по полочкам, подчинить умозрительной схеме. Такая парадигма научного знания создавала не порядок, а иллюзию порядка, не знание, а иллюзию знания.

В.Н. Автократов объяснял это тем, что каждый документ рассматривался как самостоятельный объект, равный в классификационном отношении отдельной книге. В результате здесь сформировалась коллекционная система (она сохранилась до сих пор), заменившая историческую фондовую систему⁶⁶. И далее он приводит справедливую критику, с которой выступил в 1864 г. директор МГАМИД М.А. Оболенский по отношению к миллеровской систематизации дел Посольского приказа.

По словам Оболенского Миллер, пожертвовав для *произвольной своей системы* древним административным разделением дел по приказам, смешал все эти дела и все бумаги их вместе и потом *самовластно* разделил и раздробил их на особые рубрики под названием разных небывалых в древнем нашем производстве подразделений дел: исторических, церемониальных, тайных, весьма тайных и множества других и т. п. «За таким произвольным смешением и разделением почти всех документов потрачивается громадное количество труда на восстановление всего этого в необходимый, *естественный* (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.) порядок, в каком хранились дела в архиве Посольского приказа, разделенные по приказам, по четьям, по поветьям и по столам»⁶⁷.

Скрупулезные описания Бантыш-Каменского помогли сохранить следы прежнего устройства архива, в определенной степени самортизировали разрушительные последствия миллеровской схемы, смягчили ее схоластичность и нежизненность.

Подытожим итоги архивного дела и развития архивоведческой мысли в XVIII столетии.

1. В 1700–1726 гг. столбцовое делопроизводство было отменено, так как столбцы не отвечали нуждам возрастающей справочной работы. Под влиянием развития книгопечатания и в целях улучшения сохранности документов в делопроизводство стало внедряться ведение дел на листах книг и тетрадей.

2. В XVIII в. выявилось два подхода к организации хранения документов. В «текущих» архивах действующих учреждений в основном сохранялся прежний порядок классификации архивных дел, выработанный еще в канцеляриях, – принцип происхождения («провениенцпринцип»). В исторических архивах начинает проявляться другой подход, который в своей основе можно назвать библиографическим: каждый отдельный документ рассматривался в качестве самостоятельного объекта и приравнивался в классификационном отношении к книге. Этот подход (распределение материалов по принципу принадлежности – «пертиненцпринцип») мы рассмотрели на примере перегруппировки документов в МАКИД (см. разделы, посвященные М.Г. Собакину, Г.Ф. Миллеру).

3. С середины XVIII в. начались попытки установления единой системы организации документальных материалов архива. Если М.Г. Собакин стремился сохранить существовавшее в архиве хранение материалов по государствам и по хронологическому признаку, то его преемник Миллер ввел совершенно иную систему организации материалов, разделив их по формальным признакам и разрушив в основном то, что существовало в архиве до Миллера. В схеме же Бантыш-Каменского в разной степени нашли себе место и старые способы хранения документальных материалов, и план Собакина, и план Миллера и других. В результате указанных организаций и реорганизаций в архиве сложилась к концу XVIII в. весьма сложная и *искусственно созданная* система размещения, обработки и хранения документальных материалов, превратившая фонды Посольского приказа, Коллегии иностранных дел, ее конторы и других учреждений в многочисленные архивные коллекции, сохранившиеся до нашего времени⁶⁸.

Представляется важным отметить принципиальные различия в оценке роли и места в архивном деле Собакина и Бантыш-Каменского, с одной стороны, и Миллера – с другой. Если следовать известной классификации С.В. Рождественского, которую он основал в статье «Историк – археограф – архивист» (1923), то Собакин был архивистом и археографом (точнее архивографом, т. е. составителем архивных описей), Бантыш-Каменский – археографом (составителем архивных описаний и обзоров, а также публикатором архивных материалов) и историком, а Миллер – архивистом-библиотекарем и историком-исследователем. Напомним, что по наблюдению Рождественского «в XVIII веке каждый *историк* являлся, если можно так выразиться, своим собственным архео-

графом, проделывая *в своих личных интересах* (выделено нами. – Т. Х.) ту работу по систематическому собиранию и опубликованию материала, на которую должно было опираться его изложение»⁶⁹.

Кроме того, в середине XVIII в. В.Н. Татищев впервые в отечественной науке высказал мысль о том, что успешное исследование России невозможно без проведения широко организованного и продуманного издания источников. Исходя из собственного понимания феномена архивов («архив значит место такое, где государственные письма нужные яко тайные, тако и иные хранятся») он тем самым подчеркнул их общегосударственное, а не узковедомственное значение. В.Н. Татищева можно считать автором одного из первых проектов реформ архивного дела в России. Это связано с его идеей создания корпуса пособий справочно-информационного и научно-справочного характера. Он формулирует широкую задачу – составить описание всех русских хранилищ: «Для того нужно во всех городах древним письмам и архивам обстоятельные описи иметь и их в добром порядке ... хранить». Впоследствии идея создания «справочных депо», в которых можно было бы получить информацию обо всех отечественных архивных фондах, была использована в проектах архивных реформ Н.В. Калачова и А.С. Лаппо-Данилевского.

4. Описи во второй половине XVIII в. находят все большее распространение, число описанных документальных материалов увеличивается, до некоторой степени совершенствуются и формы, и методы составления описей. Однако описи в этот период носят все еще инвентарный характер, хотя в отдельных архивах уже делаются попытки организовать описание документальных материалов не только для практического, но и для научного использования.

5. В результате реформы госаппарата в 1775–1785 гг. число местных учреждений и архивов при них возросло. В целом для России XVIII в. характерны увеличение числа ведомственных архивов и окончательное закрепление принципа ведомственного хранения архивных документов.

В XVIII в. возникают исторические архивы (МАКИД, Разрядно-Сенатский, Поместно-Вотчинный, Петербургский и Московский государственные архивы старых дел), которые хранили в основном документацию, потерявшую практическое значение. Материалы этих архивов значительно шире, чем других архивных учреждений, привлекались исследователями и публиковались в научных целях.

Глава 4
ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АРХИВОВЕДЕНИЯ
К ОСНОВАМ ТРАДИЦИОННОЙ НАУКИ
ОБ АРХИВАХ

П.И. Баранов

В рамках эмпирического архивоведения архивы представляли собой *объект* воздействия, их самоценность не принималась во внимание. Но все дело было в акцентах, т. е. в степени уважения к исторически сложившимся органическим «сгусткам» внутри архивных комплексов. Архивисты и архивографы приоритет отдавали их более или менее осознаваемой и потому неприкасаемой целостности. Примером такой деятельности может служить бережное отношение к архивным документам, которое проявлял заведующий Сенатским архивом Платон Иванович Баранов (1827–1884).

Он представляет собой фигуру архивиста «переходного периода» – в архивный обиход еще не вошла провозглашенная Калачовым наука об архивах, а в практике новые принципы обращения с документальными массивами в архивохранилищах уже пробивали свою дорогу⁷⁰.

П.И. Баранов окончил училище правоведения. С 1865 г. до последних дней жизни, т. е. около 20 лет, состоял заведующим (директором) Сенатского архива. Он хорошо понимал высокое государственное и научное значение архивов. В своих служебных записках министру юстиции Баранов называл архивы отечественными сокровищами, в которых хранится «сырой, но драгоценный материал, без которого немислимы верные очертания исторических эпох».

«При строгой последовательности бытовых явлений в известные периоды жизни народной, – писал он в предисловии к первому тому своей трехтомной описи «Архив Правительствующего Сената», – всякий архив, кроме интереса историко-прагматического, непременно заключает в себе множество данных для уяснения прошлого, последствия которого отражаются в настоящем и создаются живущим поколением»⁷¹.

Во время работы в Сенатском архиве Баранов, по его собственным словам, преследовал две главные цели: привести в известность и строгий порядок документы и бумаги, хранящие-

ся в архиве; издавать описи и тексты важнейших документов к общему сведению.

В течение первых пяти-шести лет с момента вступления Баранова в заведование архивом работа в нем состояла в наведении элементарного порядка: подбор дел по учреждениям, размещение их по отдельным группам в хронологическом порядке, подсчет и нумерация дел и связей, наклейка надписей, указывающих учреждение и время нахождения документов и дел в данном месте. При этом из груды дел, которые без разбору ставились на первое свободное место и даже сваливались на пол, он сумел воссоздать целостные фонды делопроизводств 23 учреждений и расположить их «в естественной связи». Он отверг какие бы то ни было поползновения к дроблению документов по тематическому признаку. Эта черновая работа была закончена только в начале 1872 г.

Вторую задачу Баранов видел в печатании описей и сборников документов и бумаг, особенно высочайших указов и повелений, которые не вошли в Полное собрание законов. Итогом усилий Баранова явилось издание первого тома «Описи», охватившего время царствования Петра I и вышедшего в свет в 1872 г., второй том (с 1725 по 1749 г.) был издан в 1875 г., третий (с 1749 по 1762 г.) – в 1878 г. Затем он начал подготовку издания документов периода царствования Екатерины II и Павла I, но они увидели свет после кончины Баранова в сборнике под названием «Сенатский Архив», но уже не в виде описи, а в виде полного текста самих документов.

П.И. Иванов

Еще одним примером подобного рода понимания сути архивной работы может служить деятельность непосредственного предшественника Н.В. Калачова на посту управляющего МАМЮ Петра Ивановича Иванова (1794–1864).

Деятельность его подробно описана в работе Л.И. Шохина «Московский архив Министерства Юстиции и русская историческая наука»⁷². Ограничимся краткой ее характеристикой.

П.И. Иванов учился в Московском университете, служил в Департаменте уделов, был помощником управляющего московской удельной конторой (1828), членом вотчинного департамента (1833), председателем московской комиссии по составлению свода запрещений и разрешений на имения (1839) и чиновником за обер-прокурорским столом.

В 1835 г. он как член вотчинного департамента вошел в состав комитета, которому поручено было сделать московские сенатские архивы доступными для пользования, для чего требовалось составить подробные их описания и распределить документы по их значению. Комитет существовал до 1842 г., но выполнил лишь незначительную часть своей задачи. Обязанности по продолжению работы взял на себя П.И. Иванов, занявший вновь учрежденную должность инспектора московских сенатских архивов (1842–1852).

В 1852 г., после объединения архивов в Московский архив Министерства юстиции, его назначили управляющим. Труды Иванова имели в свое время большое значение: в них помещались неизданные архивные материалы и они впервые знакомили с историей архивов. К подобного рода работам можно отнести его «Описание государственного разрядного архива» (М., 1842); «Путеводитель по государственным архивам, состоящим в правительственном сенате в Москве» (М., 1845); «Описание государственного архива старых дел» (М., 1851).

Обширный архивный материал содержится также в таких трудах Иванова, как «Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших» (М., 1836); «Обозрение писцовых книг по Московской губернии» (М., 1840); «Опыт исторического исследования о межевании земель в России» (М., 1846); «Сборник палеографических снимков» (М., 1844); «Сборник снимков с древних печатей» (М., 1858).

Ему же принадлежит редактирование и других научных изданий московских архивов: «Описание первой степени архива вотчинного департамента» (М., 1839); «Обозрение писцовых книг по Новгороду и Пскову» (М., 1841); «Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица» (М., 1853).

Как свидетельствуют приведенные данные, архивисты в начале и середине XIX в. выполняли в архиве в основном археографические задачи. На очереди встало решение проблемы теоретического осмысления различий между археографическим и собственно архивоведческим направлениями в работе архивиста. В то же время высокопоставленные чиновники и историографы, придерживавшиеся «миллеровского» направления, считали возможным дробить материалы в зависимости от интересов пользователя.

К.К. Злобин

Ярким примером подобного подхода может служить деятельность директора Государственного архива МИД (с 1864 г. – Государственный и Санкт-Петербургский Главный архив Министерства иностранных дел) Константина Константиновича Злобина (1814–1877).

Как пишет П.П. Пекарский (1827–1872), работавший в Госархиве МИД с 1862 г., К.К. Злобин неустанно говорил о распределении всех дел на разряды и составлении алфавитного указания имен. «Я ужаснулся громадности работы, которой Злобин даже не подозревал. В архиве в иных описях под буквой “Р” стояло до 20 книг под заглавием “Разные дела”. Все это зависело от того, как Бог на душу положит. Начальник Госархива МИД Поленов для казового конца наскоро отобрал по несколько бумаг, разбил их на множество нелепых разрядов (между ними был “О награждении чиновников знаками отличий”), собрал также далеко не все, впрочем, письма и бумаги царской фамилии, и все это торжественно сложил в так наз. Секретное помещение. Здесь – вместе со знаменитым донныне нераспечатанным делом о декабристах и разными конвертами под государевой печатью очутились, по милости Поленова, и ведомости полковые, отчеты о постройке кораблей и разная иная дребедень. [Злобин] непременно хотел раскладывать дела на множество мелких разделов, а мне желательно было расположить бумаги по царствованиям. Мои представления не имели успеха, потому что Злобин, раз забрав себе что-нибудь в голову, не уступал уже ни перед какими доводами. Вследствие этого ныне в Государственном архиве 28 разрядов, из которых более чем половина покажутся очень смешными и ненужными для будущих архивистов и исследователей. По милости этого деления у нас теперь имеются отделы: бумаги, касающиеся до лиц Императорской фамилии, письма высочайших особ между собою, переписка высочайших особ с частными лицами. Есть разряд дел секретных по государственным преступлениям, бумаг Тайной канцелярии и, наконец, дел просто секретных, в последнем отделе довольно поспешно поставлены рядом дела о петербургских времен Елизаветы и переписка о масонах. Честь такого курьезного соединения всецело принадлежит Злобину, и все мои представления о бессмыслице от подобных сопоставлений остались тщетными. Не могу также пройти молчанием еще одного забавного распоряжения Злобина: он лично ненавидел Сперанского по каким-то

отношениям его к отцу своему, и поэтому бумаги о Сперанском, не имеющие никакого уголовного характера, он с особенным злорадством положил в разряд дел о государственных преступниках и торжественно заявил о том мне»⁷³.

Д.Н. Блудов

Приведем очерк о жизни и деятельности еще одного полновластного «хозяина» архивов эмпирического периода развития архивоведения. В нем весьма оригинально сочетаются черты образованного человека александровской эпохи и высокопоставленного чиновника-бюрократа позднейшего времени. Он был, если можно так выразиться, «идеологом» архивного дела при Николае I и Александре II. Речь идет о графе Дмитрие Николаевиче Блудове (1785–1864)⁷⁴.

Д.Н. Блудов происходил из старинного дворянского рода. В 1800 г. он поступил на службу под начальство Н.Н. Бантыш-Каменского в Московский архив Коллегии иностранных дел, где вращался среди «архивных юношей», спасавшихся от военной службы. Из них Блудов особенно близко сошелся с А.Я. Дашковым, через которого познакомился и впоследствии подружился с В.А. Жуковским. По восшествии на престол императора Александра I Блудов перешел на службу в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Позднее он занимал дипломатические должности в Стокгольме и в Лондоне. После возвращения из Англии Блудов занялся переводом и изданием «Документов для истории дипломатических сношений России с западными державами 1814–1822 годов». Ему пришлось разрабатывать русскую дипломатическую терминологию.

В юности он принимал живое участие в литературном движении начала XIX в. Знаменитый «Арзамас» получил свое название от сатирической статьи Блудова «Видение в Арзамасе». Почти все главные художественные произведения той эпохи читались в доме Блудова еще в рукописях. Блудов издал последний, неоконченный том «Истории...» Карамзина и заведовал изданием посмертных стихотворений Жуковского.

В 1825 г. император Николай I по рекомендации Карамзина назначил Блудова делопроизводителем верховной следственной комиссии по делу 14 декабря. По окончании дела о декабристах Блудов стал статс-секретарем и товарищем министра народного

просвещения. В 1827 г. им был составлен указ о непринятии детей крепостных крестьян в учебные заведения. С 1832 г. он управлял Министерством внутренних дел, в 1837 г. его назначили министром юстиции, в 1839 г. – главноуправляющим II отделения Собственной Его Величества канцелярии, членом Государственного совета и председателем Департамента законов. В 1842 г. Блудову пожаловали графское достоинство. Под его редакцией II отделение выпустило два издания Свода законов (1842 и 1857 гг.). В 1845 г. было обнародовано составленное II отделением «Уложение о наказаниях». В 1861–1862 гг. Блудов председательствовал в Государственном совете и Комитете министров.

По поручению императора Николая I он разрабатывал некоторые архивные документы, но сам оставил лишь несколько исторических заметок и брошюру «Последние часы жизни императора Николая I». Тем не менее современники считали его главным консультантом Николая I по архивной части.

Блудов был создателем в Петербурге Государственного архива Российской империи. Но, как писал Маяковский, «хотя эпоха Николая I и считается обыкновенно одним из лучших времен развития археологии и археографии, тем не менее именно его категорически выраженная воля вдохновила все ведомства на ревностное уничтожение архивных материалов»⁷⁵.

Отметим, что указанное противоречие мнимое – археология и археография должны рассматриваться (и рассматриваются) как самостоятельные отрасли деятельности ученых и коллекционеров.

Когда при постройке для Сената и Синода нового здания было решено переместить часть Сенатского архива и Архива старых дел в новое помещение, архивисты сразу определили, что объем места для их размещения недостаточен. Тогда Николай отдал распоряжение часть документов старого Архива «перевезти в Москву для присоединения к Архиву старых дел, там находящемуся, из Сенатского архива некоторые секретные дела по принадлежности передать в Архив иностранной коллегии и затем из числа обыкновенных дел Сенатского архива те, кои теперь уже не заключают в себе никакой ценности и не нужны для будущего времени, можно по строгому разбору уничтожить». Комментируя это распоряжение «верховой власти», Маяковский пишет, что согласование действий при осуществлении этой серьезной меры установлено не было, и каждое министерство по собственному усмотрению, не направляемое и не сдерживаемое никаким об-

щим законом, вырабатывало свои инструкции и приводило их в исполнение. При этом разрозненные и несогласованные мероприятия отдельных министерств, которые ярко выявились при Блудове, дополнялись, как саркастически отмечает Маяковский, «естественной чиновничьей психологией», а именно: «Видя, что из всех сторон архивной действительности лишь одна сторона обращает на себя внимание правительства, и поощряется им разборка и уничтожение дел, архивные чиновники проявляли в этой области максимум соревнования и усердия, достойных лучшего применения»⁷⁶.

Когда при Александре II было разрешено начать рассекречивание некоторых архивных документов, считавшихся ранее государственной тайной и включавших материалы о выступлениях против царизма, Блудов помог профессору А.Н. Попову издать сборник документальных материалов о Степане Разине. Он также руководил подготовкой и изданием четырехтомника «Дворцовые разряды» (СПб., 1850–1855). В 1855 г. он был назначен президентом Российской академии наук и сохранил эту должность до самой смерти.

Так, в обстановке противоречий между различными подходами к архивному делу и хаоса в приемах и методах обработки архивных материалов заканчивалась эпоха господства эмпиризма в архивном деле. Стихийно зрела настоятельная потребность в теоретическом осмыслении основ архивной службы. В этом системном противоречии к середине XIX в. и выявилось «проблемное звено», для решения которого Н.В. Калачову понадобилось сделать трудный выбор между «бумагами» и «документами», а также искать «золотую середину» между двумя принципиально разными взглядами на работу архивиста: как архивариуса ведомственной регистратуры и как архивиста – археографа исторического архива, что и привело его к формулированию «оснований науки об архивах», т. е. замене прагматического (эмпирического) архивоведения традиционной наукой об архивах.

Примечания

¹ См.: *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография: Лекции. 2-е изд. СПб., 1908. С. 3.

² *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн 1. С. 104–105.

³ Сборник статей по архивоведению / Под ред. И.И. Зубарева. СПб., 1910. Т. 1. Кн. 1. С. 16, 35.

⁴ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 39, 40, 42.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ *Карташев А.В.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 74.

⁷ См.: *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966.

⁸ См.: *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971.

⁹ См.: *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

¹⁰ См.: *Срезневский В.И.* Поездка в Петрозаводск и Заонежье: июнь 1903 г. // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. 9. Кн. 3. С. 20.

¹¹ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 53, 57.

¹² Там же. С. 58–59.

¹³ Цит. по: *Самоковасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в 17 веке. М., 1902. С. 24.

¹⁴ *Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 139.

¹⁵ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 15.

¹⁶ Очерк составлен по: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 26; *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 68; Государственный архив XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимина. Ч. 1–3. М., 1978. Ч. 1. С. 103–104; *Шмидт С.О.* К истории Царского архива середины XVI века // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 364–407; *Он же.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 206; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.: Справ. / Сост. В.И. Савва. М., 1983. Вып. 1. С. 23–87, 92–97; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV – начале XVI века. М., 1961. С. 148 (примеч. 27); *Гальцов В.И.* Описи XVII века документов Посольского приказа // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 86–99 и др. При составлении доксграфического очерка мы в основном пользовались материалами исследования С.О. Шмидта (1958) и исторического очерка Н.М. Рогожина «Иван Михайлович Висковатый», опубликованного в

главе «Посольских дел оберегатели» в сборнике «Око всей России». М., 1989. С. 54–71.

¹⁷ Шмидт С.О. К истории Царского архива середины XVI века // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 304, 395.

¹⁸ Там же. С. 306.

¹⁹ Там же. С. 307.

²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 208–212. Цит. по: «Око всей России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 55.

²¹ Шмидт С.О. К истории Царского архива. С. 397–398.

²² Там же. С. 390.

²³ См.: О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. М., 1925. С. 84–85.

²⁴ Гальцов В.И. Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII в. С. 139.

²⁵ См.: Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.

²⁶ См.: Гальцов В.И. Приказной архив XVII века (К вопросу о типологии архивов Российского централизованного государства) // Архивы СССР. История и современность. М., 1989.

²⁷ См.: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

²⁸ См.: Гальцов В.И. Описи Царского архива XVI в. в Архиве Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.

²⁹ См.: Старостин Е.В. Архивы России. Методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. С. 30.

³⁰ Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 15.

³¹ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. С. 54, 56.

³² Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 15–16.

³³ См.: Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. М., 1910. С. 12–33; Генеральный регламент // Воскресенский Н.А. Законодательные памятники Петра 1. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 412.

³⁴ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. С. 38.

³⁵ Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 113.

³⁶ Там же. С. 132–135.

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ Там же. С. 117.

³⁹ ПСЗ. Вып. 6. № 3693 и 3908; Исполнительный указ Новгородской приказной палаты в новгородский митрополичий разряд // Московитянин. 1855. № 17–20. С. 11–12. Цит. по: *Иконников В.С.* Указ соч. С. 113.

⁴⁰ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. С. 114.

⁴¹ *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР: Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел. М., 1959. С. 38.

⁴² См.: *Старостин Е.В.* Происхождение фондового принципа классификации документов // Архивы России. С. 30.

⁴³ *Илизаров С.С.* Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999.

⁴⁴ См.: *Лобанов-Ростовский С.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 2. С. 228–230. Соответствующая выписка хранится в личном фонде В.Н. Автокротова (ГАРФ. Ф. 10018. Д. 158. Ч. 1).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 32. Л. 65-А.

⁴⁶ Там же. Л. 66.

⁴⁷ *Бюлер Ф.А.* Московский Главный архив и его прежние посетители // Сб. трудов МГАМИД. М., 1883. Вып. 3–4. С. 53–62.

⁴⁸ См., напр.: *Белокуров С.А.* Из записной книги Н.Н. Бантыш-Каменского. М., 1899; Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Т. 1; Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 468–471; Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 115; *Кобленц И.Н.* Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) и его материалы по русской библиографии // Теория и практика библиографии. М., 1969; *Илизаров С.С.* Московская интеллигенция XVIII века; *Козлов В.П.* Н.Н. Бантыш-Каменский и некоторые вопросы актовой археографии второй половины XVIII в. // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978; *Козлова Н.А.* Труды Н.Н. Бантыш-Каменского по истории России // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982. С. 287–293 и др.

⁴⁹ ОР ГБЛ. Ф. 277. Д. 2. Л. 19. Цит. по: *Долгова С.Р.* Алексей Федорович Малиновский // Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 179.

⁵⁰ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России: В 4 т. М., 1894–1902.

⁵¹ *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Сб. ст. по архивоведению. СПб., 1910. Т. I. Кн. 1. С. 39.

⁵² См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1; Цит. по: История исторической науки в дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1991. С. 28. На основе материалов, которые Стриттер присылал

из Москвы, Российская академия наук издавала «Продолжение древней российской вивлиофики» (СПб., 1786–1802. Ч. 1–11).

⁵³ Биографические сведения приведены по: *Илизаров С.С.* Указ. соч. С. 18.

⁵⁴ Основные биографические данные и важнейшие сведения о научных взглядах Миллера см.: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб., 1870. Т. 1. С. 317 и далее; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. Гл. 10; *Соловьев С.М.* Герард Фридрих Миллер (Фридрих Иванович Миллер) // Современник. 1854. № 10. С. 115–150; *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. С. 126; *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. 1965. Ч. 2; *Князев Г.А.* Герард Фридрих Миллер: К 150-летию со дня смерти // Вестник АН СССР. 1933. № 11; *Джаксон Т.Н.* Герард Фридрих Миллер // Историки России XVIII–XX веков.: Архивно-информационный бюллетень. № 9. Вып. 1. М., 1995. С. 16–21; *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 191–194 и др.

⁵⁵ *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. Т. 1. СПб., 1870. С. 317–318.

⁵⁶ См.: *Каменский А.Б.* Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. 1989. № 1; *Илизаров С.С.* О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1986.

⁵⁷ *Шапиро А.Л.* Указ. соч. М., 1993. С. 191–192.

⁵⁸ См.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 11, 541–543.

⁵⁹ Цит. по: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 381.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 3. Д. 43. Л. 1–4. Перевод (под текстом пометка «Выписано из стола входящих и исходящих дел МГАМИД. 1766. Л. 2»).

⁶¹ См.: *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений XIX – начала XX в. // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 309–310.

⁶² См.: *Самошенко В.Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 26.

⁶³ *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Указ. соч. С. 51–52.

⁶⁴ Цит. по: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 318.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 164. Цит. по: *Шохин Л.И.* Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России: Опыт ха-

рактеристики по архивным документам // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 190.

⁶⁶ *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений. С. 299.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 31. Текущие дела. Д. 793. Л. 9об.–10. Цит. по: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 307–308.

⁶⁸ *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Указ. соч. С. 67.

⁶⁹ *Рождественский С.В.* Историк – археограф – архивист // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 1.

⁷⁰ Памятная книжка Сенатского архива. СПб., 1913.

⁷¹ *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената: В 3 т. СПб., 1872–1878. Т. 1. С. 8.

⁷² См.: *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука (далее – МАМЮ). М., 1999.

⁷³ Воспоминания П.П. Пекарского об его службе в Государственном архиве: Сообщ. И.А. Бычкова // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 268–272.

⁷⁴ Очерк составлен по: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание); *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 60–63, 104, 127.

⁷⁵ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 144–145.

⁷⁶ Там же. С. 145, 148.

Контрольные вопросы

1. Зарождение архивов и архивоведческих знаний в Древней Руси.
2. Архивы-библиотеки церквей и монастырей в XI–XIII вв.: особенности хранения письменных документов на Руси.
3. Казна князей – место хранения государственных документов.
4. Зарождение традиций описания книг и архивных документов в эпоху Киевской Руси и в период феодальной раздробленности.
5. Особенности организации центральных (правительственных) и альтернативных (частновладельческих, монастырских и др.) архивов.

6. Истоки архивоведческой мысли в России в XVI в.
7. Опись Царского архива XVI в. как источник по истории архивоведческих знаний.
8. Особенности хранения и систематизации документов Царского архива.
9. Эволюция архивов: от царской казны к архивам приказов.
10. Особенности организации архивов приказов в XVII в.
11. Особенности описания документов в архивах приказов в XVII в.
12. История архивоведческой мысли в России в XVIII в.: генезис и развитие.
13. Инструкция архивариусу А. Почайнову – первый нормативно-методический документ по организации архива.
14. Генеральный регламент Петра I и его влияние на развитие архивного дела.
15. М.Г. Собакин о систематизации документальных материалов как основе построения архива.
16. Сущность классификации архивных материалов Г.Ф. Миллера в МАКИД.
17. Г.Ф. Миллер и развитие архивоведческой мысли во второй половине XVIII в.
18. Взгляды В.Н. Татищева на научно-справочный аппарат архивов.
19. Использование архивных документов в трудах историков во второй половине XVIII – начале XIX в.: историко-архивоведческий анализ.
20. Архивоведческая мысль конца XVIII – начала XIX в. о трех структурах описей.
21. План систематизации архива Н.Н. Бантыш-Каменского.
22. Развитие архивоведческой мысли в первой половине XIX в.

Список источников и литературы

Источники

- Генеральный регламент 1720 г. // Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. М., 1910. С. 12–33.
- Инструкция А.Д. Почайнову 7 августа 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3534.

Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. 193 с.

Литература

Учебники и учебные пособия

- Каменский А.Б.* Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект: Учеб. пособие по спецкурсу. М., 1991. 72 с.
- Кононов Ю.Ф.* История личных фондов государственных деятелей России XVII – первой половины XIX в.: Учеб. пособие / Под ред. Н.В. Бржостовской. М., 1964. 85 с.
- Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1960. 339 с.
- Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела: Учеб. пособие. М., 1946. 248 с.
- Самошенко В.Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1989. 247 с.
- Старостин Е.В.* Архивы России. Методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. 46 с.
- Самошенко В.Н.* Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начало XX в.). М., 1990. 214 с.
- Старостин Е.В.* Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): Учеб. пособие. М., 2011. 253 с.
- Хорхордина Т.И., Волкова Т.С.* Российские архивы. История и современность: Учеб. М., 2012. 416 с.

Обязательная литература

- Богословский М.М.* О трудах С.А. Белокурова по русской истории // М.М. Богословский. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 115–125.
- Володихин Д.М.* Архивы русского средневековья. М., 1996. 36 с.
- Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1983. С. 134–144.
- Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVII века // Советские архивы. 1984. № 5. С. 19–24.
- Гальцов В.И.* Архивные описи в приказном делопроизводстве XVII в. // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984. С. 5–16.

- Гальцов В.И. Описи XVII века документов Посольского приказа // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 86–98.
- Гальцов В.И. Переписная книга Посольского приказа 1632 г. как исторический источник // Проблемы источникововедения и историографии: Сб. науч. тр. Калининград, 1999. С. 14–21.
- Зимин А.А. Государственный архив и учреждения опричнины // Общество и государство феодальной России: Сб. ст. М., 1975. С. 296–304.
- Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999. 370 с.
- Каменский А.Б. Академик Г.Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII в. // История СССР. 1989. № 1. С. 41–47.
- Каменский А.Б. Г.Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII в. // Советские архивы. 1989. № 2. С. 25–32.
- Козлов В.П. Труды Н.Н. Бантыш-Каменского по истории России // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982. С. 287–293.
- Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981. 167 с.
- Козлова Н.А. Н.Н. Бантыш-Каменский и некоторые вопросы актовой археологии второй половины XVIII века // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 98–101.
- Колесников И.Ф. Устройство и ведение архивов: Курс специальный. М., 1910. 252 с.
- Костанов А.И., Эскин Ю.М. Архивы и архивное дело в Сибири и на Дальнем Востоке в допетровский период // Отечественные архивы. 2006. № 4. С. 3–19.
- Лебедь М.А. Архив Приказа книгопечатного дела: реализация московских изданий в 1620-е гг. // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 28–38.
- Лукашевич А.А. К истории делопроизводственной документации России XVIII в. // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 7–13.
- Назин И., Рабинович М. Архивы Древней Руси // Архивное дело. 1938. № 3 (47). С. 221–232.
- Санин О.Г. Архив Кабинета Петра I // Вестник РГГУ. Серия «История (Документоведение, архивоведение)». М., 2008. № 8 (08). С. 197–213.
- Санин О.Г. Деятельность по комплектованию, описанию и систематизации МАКИД в 1720–1730-х гг. // Тр. ИАИ РГГУ. Т. 38. М., 2011. С. 96–110.
- Старостин Е.В. К вопросу о периодизации истории архивов // Отечественные архивы. 1999. № 6. С. 3–10.
- Старостин Е.В. От «Хранил царских» Ивана Грозного до Архива Президента Российской Федерации // Вестник архивиста. 1999. № 2–3 (50–51). С. 109–115.

- Сухова Н.Ю.* Архивный фонд Учебного комитета при Святейшем синоде: история, состав и содержание // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 38–21.
- Шмидт С.О.* К истории Царского архива середины XVI века // Тр. МГИАИ. 1958. Т. 11. С. 364–407.
- Шмидт С.О.* К истории составления описей Царского архива XVI века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 54–65.
- Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. 278 с.
- Шобухов М.Н.* Обзоры архивных фондов (история и методика их составления). М., 1959. 68 с.
- Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России / Под ред. К.Г. Митяева. М., 1955. 68 с.

Дополнительная литература

- Автократова М.И., Буганов В.И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. 336 с.
- Ардашев Н.Н.* История Вотчинного архива до 1812 г. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. С. 153–398.
- Белокуров С.А.* Библиотека и Архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года // Чтения императорского общества истории и древностей российских. М., 1877. Кн. 1. С. 1–80.
- Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. 336 с.
- Бухерт В.Г.* Московские архивы в 1812–1813 гг. // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 94–99.
- Гоздаво-Голомбиевский А.А.* История Разрядного архива (1711–1812): Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1888. Т. 5. С. 1–152.
- Долгова С.Р.* Алексей Федорович Малиновский // А.Ф. Малиновский. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 176–229.
- Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. 631 с.
- Зубарев И.И.* Прошлое и настоящее русских архивов (краткий исторический очерк). СПб., 1911. 47 с.
- Каманин И.* Чем должны быть описи архивов?: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). М., 1895. 11 с.
- Козлов В.П.* Российское архивное дело. М., 1999. 335 с.

- Колесников И.Ф.* Древние рукописи: От памятника старины до исторического источника. М., 1914. 32 с.
- Костанов А.И.* Документальная история Сибири (XVII – середина XIX в.): Историко-архивоведческое исследование. Владивосток, 2007. 348 с.
- Левина С.А.* Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 г. // Тр. МГИАИ. М., 1960. Т. 16. С. 148-159.
- Лихачев Н.П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. 240 с.
- Макаров С.В.* История Главного межевого архива и использование его документов (1768–1917 гг.) // Советские архивы. 1991. № 5. С. 23–32.
- Малиновский А.Ф.* К истории Московского главного архива коллегии иностранных дел. М., 1899. 14 с.
- Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. 171 с.
- Оглоблин Н.Н.* Обзорение историко-географических материалов XVII – начала XVIII вв., заключавшихся в книгах Разрядного приказа. М., 1884. 370 с.
- Оглоблин Н.Н.* Провинциальные архивы в XVII веке. (Очерк истории архивного дела в России). СПб., 1886. 133 с.
- Памятная книжка Московского архива Министерства юстиции. М., 1890. 173 с.
- Петровская И.Ф.* Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII – первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 18–66.
- Самоковасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке. М., 1902. 47 с.
- Успенский А.И.* Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. М., 1912–1914. 738 с. Вып. 1–3.
- Черепин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1948. Ч. 1. 472 с.
- Шимко И.И., Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Архив старых дел до 1812 г. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. С. 399–507.
- Шмидт С.О.* Путь историка: Избр. труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.

Раздел II
ТРАДИЦИОННОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ

Как видно из предыдущего раздела, российское архивное дело вплотную подошло к осмыслению самоценной сущности архивов. На эмпирическом уровне профессиональными архивистами была осознана необходимость сохранения в документальных собраниях их естественно сложившихся связей. И.Л. Маяковский имел достаточно оснований, чтобы объяснить этот факт тем, что исторические архивы, находившиеся вне постоянного административного кругозора министерств, первоначально не обращали на себя их внимания. Это обстоятельство позволяло им жить, до некоторой степени, своей собственной жизнью и продолжать без ломки свою работу, которая была отчасти налажена в предыдущее время¹. Однако затем начинается столкновение двух тенденций: в 1850–1860-х годах почти в каждом из министерств создаются единые архивы (как правило, в ведении Департамента общих дел), кульминацией чего явилась концентрация исторических архивов (Вотчинного, Разрядного и Архива старых дел) в МАМЮ (1852) с первоначальным подчинением его обер-прокурору Общего собрания московских департаментов Сената и соединение в 1864 г. Государственного и Главного архивов иностранных дел в Государственный и Санкт-Петербургский Главный архивы иностранных дел под управлением одного директора. В то же время проявляется и приобретает колоссальные масштабы и другая тенденция: неправительственная деятельность ученых, коллекционеров и общественных деятелей, цель которой лучше всех выразил П.М. Строев: «Не довольно Москвы для поприща нашей деятельности: пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную»².

Таким образом, перед архивами и архивистами встала проблема выживания: или раствориться в системе бюрократических учреждений, предназначенных для выдачи справок, т. е. в лабиринте департаментов, ведомств и министерств, или вновь, как в древние времена, потерять свое своеобразие, стать разновиднос-

тиями библиотек утилитарного назначения, предназначенных для предоставления историкам старинных актов, рукописных и старопечатных книг и т. п. Именно на этом «проблемном поле» появляется «наука об архивах» Н.В. Калачова и постепенно уходит с арены эмпирическое архивоведение, существовавшее как бы между двумя полюсами – чиновничьим произволом и «библиотечным» дилетантизмом историков.

Иначе говоря, угроза полного бюрократизирования архивов с ликвидацией их исторической самоценности и связанная с этим необходимость профессионального самосознания архивистов и породили «феномен Калачова».

Историко-генетический принцип помогает выявить целостную картину истоков и результатов этого феномена, т. е. проанализировать его как один из «жизнеспособных всходов», появившихся «на почве бережно соблюдавшихся лучшими архивистами научно-архивных традиций»³. Вот почему важно отметить в первую очередь преемственную основу новаторских идей Калачова.

Глава 1

Создание основ традиционной науки об архивах

Г.А. Розенкампф

Первым отечественным архивистом, пытавшимся теоретически осмыслить самоценную суть архивов и необходимость создания архивной науки, был барон Густав Андреевич Розенкампф (1764–1831).

В посвященной проекту архивной реформы Розенкампфа работе А.Н. Макарова⁴ главное внимание уделяется ее организационной стороне, а также изложению его взглядов на различные формы описей (реестров).

Однако как раз в «технологической» сфере, детально проанализированной А.Н. Макаровым, барон Розенкампф оказался наименее оригинальным. М.Г. Собакин, Н.Н. Бантыш-Каменский и их единомышленники на практике достигли более значительных результатов.

Вклад барона Розенкампфа можно оценить только в контексте становления подлинной науки об архивах.

Во введении к «Сборнику статей по архивоведению» (СПб., 1910) И.И. Зубарев (ниже ему посвящен отдельный доксографический очерк) значительную часть объема своего исследования посвятил анализу археографических работ А.И. Мусина-Пушкина, А.Н. Оленина и Ф.А. Толстого, живших на рубеже XVIII и XIX столетий. Он констатирует, что уже со времен митрополита Евгения Болховитинова, графа Н.П. Румянцева и П.М. Строева взгляд на архивы понемногу стал изменяться⁵.

Такой вывод о совпадении достижений в области археографии и архивоведения нельзя признать достаточно обоснованным: он запутывает вопрос о становлении «ремесла» архивиста и науки об архивах как самостоятельной области теоретических знаний. Зубарев, подробно изложив последствия «эпохи бумажных предписаний по устройству архивов», которую отождествляет с именами Бантыш-Каменского (отца), Малиновского, Строева, Калайдовича, Васюкова, Востокова, Кеппена и многих других приближенных сотрудников графа Н.П. Румянцева, вынужден был признать, что «правила были введены новые, а взгляды на архивы у департаментского начальства оставались старые. Закон говорил одно, а на деле было совершенно иное»⁶.

В работах В.П. Козлова⁷ детально выяснена суть *археографических новаций*, внесенных в архивное дело археографами этого периода – членами кружка Мусина-Пушкина и Румянцевского кружка.

В книгах К.Г. Митяева и М.Н. Шобухова⁸ подробно рассмотрены приемы и методы архивно-описательных работ, которые применяли П.М. Строев, А.Х. Востоков, П.И. Иванов, Н.В. Калачов, Д.Я. Самоквасов и другие ученые.

Л.И. Шохин в монографии «МАМЮ и русская историческая наука» проанализировал различные системы *археографических описаний*, применяемые во второй половине XIX – начале XX в., и изложил полемику сторонников различных взглядов на них.

Речь идет о науке, которую В.Н. Автократов определил как «естественно-научную теорию архивного дела» в отличие от собственно архивоведения, имеющего прикладной характер⁹. Это положение вписывается в рамки концепции о постепенном усложнении понимания онтологической, гносеологической и социокультурной функций архивов в их целостности. Принцип уважения к фонду (провениенс-принцип) выступает в рамках такого подхода как частный случай уважения к архиву – неотъемлемого элемента системы «человек – общество – государство». Только в таком контексте можно оценить новаторство и преемственность архивоведческих взглядов Калачова и его школы по сравнению с предшественниками.

Без выяснения общеархивоведческих положений барона Розенкампа нельзя отчетливо выявить «теоретическое ядро» (если использовать известный термин В.Н. Автократова) в науке об архивах, создание которой принадлежит Н.В. Калачову, И.Е. Андреевскому, А.П. Воронову и другим представителям традиционного архивоведения.

8 апреля 1820 г. старший член совета Комиссии составления законов действительный статский советник барон Г.А. Розенкамф направляет «План о приведении в лучшее устройство архивов вообще» главноуправляющему этой комиссией действительному тайному советнику 1-го класса и кавалеру князю Петру Васильевичу Лопухину. В нем после изложения отдельных замечаний о прилагаемых к рапорту реестрах пишет: «Между тем, припоминая, что за несколько пред сим времени Вашей Светлости угодно было поручить мне изложить мнение о лучшем устройстве архивов, я имею честь представить записку о сем предмете»¹⁰. При этом Г.А. Розенкамф имеет смелость вставить в рапорт следу-

ющий пассаж: «Если записка сия, равно как и образцы реестру Архиву комиссии заслужат одобрение Вашей Светлости, то не благоугодно ли будет Вам, Светлейший князь, довести об оных до сведения Государя Императора»¹¹.

Неизвестно, прислушался ли Лопухин к пожеланию подчиненного, но проект реестров он одобрил. В то же время Розенкамф был уволен из состава комиссии в 1822 г. и находился в отставке без пенсии с 1826 г.

Начало проекта и последующий ход рассуждений будут зеркально повторяться в аналогичных планах Калачова, Андреевского, Самокусова и других архивоведов. Предоставим слово самому Г.А. Розенкамфу:

«Порядочное устройство государственных архивов – есть предмет не только немаловажный, но, можно смело сказать, один из полезнейших и необходимых, на который правительство должно обратить свое внимание.

Истина сия признана всеми просвещенными европейскими державами. В Англии, Франции и Германии устройство архивов приведено в самое цветущее и сообразнейшее с их целью положение. Но в России часть сия еще далека от своего совершенства.

Что сказали бы о частном человеке, имеющем в разных губерниях движимое и недвижимое имущество, который вместо того, чтобы собрать все крепости, акты и сделки на свое имение, рассеял бы их по многим местам, не сделав даже общей описи? Тем более правительство обширной империи должно затрудняться и нередко иметь недостаток в нужных сведениях, когда документы, содержащие в себе не токмо разные крепости, сделки и прочие акты на государственное и частное имущество, одним словом, самые источники законов – рассеяны во ста и более местах, так что правительству весьма трудно знать, где находятся бумаги, принадлежащие к одной и той же части управления, а еще менее иметь общее обозрение всех частей его.

В вышеуказанных краях затруднения сии не могут встретиться, потому что в оных все архивы соединены в один состав и приведены в надлежащий порядок, чему даже и бывший Польский архив служит примером. Итак, кажется, что сия часть, совершенно забытая, требует особенного внимания со стороны правительства. Отчего же происходит такое затруднение?

Единственно от непорядочного устройства старых архивов. Начальство, управляющее архивами, почитает их частью весьма

маловажную и, так сказать, постороннюю для себя, употребляет к тому таких чиновников, которых ни к каким важным трудам не считает способными, оставляет их в совершенном забвении и лишает через способных людей всякой охоты употребить себя на службу по сей части. Вот главнейшие причины, почему при нынешнем положении архивов никоим образом не можно не только ожидать от них никакой пользы, но и нет и малой надежды, чтобы часть сия когда-либо усовершенствовалась, если правительство не примет к тому надлежащих мер.

Меры сии суть вкратце следующие.

Подчинить все имеющиеся ныне как в здешней, так и в московской столице архивы, исключая Архив Коллегии иностранных дел, особому управлению под наименованием: Главное управление архивов.

На первый случай составить всем вышеупомянутым архивам по свойству предметов каждого из них полные хронологические реестры, а потом соединить их в общем алфавитном и систематическом реестре.

По составлении таковых реестров приступить к главной и прямой цели архивов, то есть соединить все сии источники законодательства, истории и статистики в особом государственном архиве и приуготовить их для способнейшего употребления во всяком случае.

Для сего определить сведущих людей, кои могли бы усовершенствовать себя в так наз[ываемой] *архивной науке*.

И наконец, представлять Государственному совету об успехах в занятиях Управления архивов ежегодный отчет, разделяя оный по разным частям законодательства».

Далее следовало примечание: «План сей вместе с предыдущим от архива комиссии представлен был г. главноуправляющему для поднесения Государю Императору»¹².

Спустя полвека Калачов пройдет путь, намеченный Розенкампом, начиная с доклада «Архивы» на I Археологическом съезде в 1869 г., затем публикации в «Сборнике государственных знаний» статьи «Архивы, их государственное значение, состав и устройство» и заканчивая учреждением в 1873 г. комиссии об устройстве архивов и созданием Археологического института с введением в учебную программу курса «Основания науки об архивах».

Таким образом сенатор, правовед и архивист Н.В. Калачов практически реализовал идеи, впервые сформулированные бароном, правоведом и архивистом Г.А. Розенкампом.

Почему же ему удалось то, чего не удалось ни Розенкампу, ни всем его предшественникам? Это произошло прежде всего потому, что взгляды Калачова отвечали изменению в обществе и государстве отношения к архивам, которое было обусловлено радикальной сменой к середине XIX в. научной парадигмы в целом и социальной обстановки в пореформенной России в частности. В определенной степени эта взаимообусловленность перемен учитывалась исследователями.

Л.И. Шохин связывает возникновение «славной эпохи Калачова» (термин И.И. Зубарева) с подъемом русской исторической науки с середины XIX века, [который] «...проявился в количественном росте исследований, в том числе основанных на архивных документах, но главным образом в повышении их качественного уровня, осознании задачи широкого изучения документальных источников как необходимого условия дальнейшего научного прогресса. Вследствие этого исторические архивы в России, как и в других странах Европы, приобретали черты научно-исследовательских учреждений, зачастую руководимых крупными учеными»¹³. Эта оценка совершенно справедлива для объяснения «феномена Калачова» и возникновения науки об архивах.

Необходимо проанализировать характер причинно-следственных связей между подъемом исторической науки и возникновением качественно иного отношения к архивам именно в середине XX в. В данном случае нужно принимать во внимание более глубокие и тонкие механизмы изменения парадигмы человеческого знания как в целом, так и в конкретно-исторических условиях в частности.

Определяющее значение в возникновении качественно иной коллизии (по сравнению со временем Розенкампа и его предшественников) имели новые научные взгляды на изменяющиеся общественные процессы и роль человека в них. Само появление науки об архивах совпадает с распространением в России в 60-х годах XIX в. понятия «цивилизация», которое В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» уже трактует как «общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина»¹⁴.

Именно к этому периоду относится ряд открытий в науке, опрокинувших прежнюю систему представлений о мире и человеке: выход в свет трудов Ч. Дарвина по теории эволюции (1859), разработка Д.И. Менделеевым периодической системы химических элементов (1869). В пореформенную Россию проникают

позитивистские взгляды основоположника социологии О. Конта, причем одна из первых публикаций «Исторические идеи Огюста Конта» принадлежит Д.И. Писареву (1865). Все активнее заявляет о себе новый социальный слой – интеллигенция. Создается сеть бесплатных библиотек, открывают свои двери для широкой публики Политехнический музей (1872), чуть позже – Исторический музей (1873). Активизируется движение за расширение прав университетов. Как писал в эти годы выдающийся русский хирург и общественный деятель Н.И. Пирогов, «университет выражает современное общество более, чем все другие учреждения. Университет – лучший барометр общества. Где политическая жизнь общества качается ровно, как часовой механизм, где политические страсти не доходят до незрелого поколения, там в университете на первый план выступает его прямое назначение – научная деятельность»¹⁵.

Наука в целом – и историческая наука в частности – перестает быть уделом аристократов, она стремительно демократизируется. П.И. Бартенев в 1862 г. начинает издание журналов «Русский архив», основой которых становится культ факта и персонифицированное отношение к истории¹⁶.

Н.В. Калачов пришел в архивы именно в момент, когда почти все науки вместе с государством и обществом занялись поисками своей родословной и выявлением смысла своего существования. Приведем краткие очерки о жизни и деятельности виднейших русских историков, сыгравших важную роль в процессе слияния теории и методики архивного дела в едином русле формирования общественного и профессионального самосознания русского общества и упрочения российской государственности.

С.М. Соловьев

Первым в этом списке по праву должен быть назван классик исторической науки, знаток архивного дела, источниковед, академик Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879)¹⁷.

Он считается основоположником русской истории как особой научной дисциплины, «потому что в его трудах на смену “философской” и литературно-художественной историографии века “просвещения”, завершенной на русской почве “Историей государства Российского” Н.М. Карамзина, выступила историческая наука с новым конструктивным принципом обобщения исторического материала»¹⁸.

С.М. Соловьев родился в Москве, в семье протоиерея, за- коноучителя (преподавателя Закона Божьего) в Московском коммерческом училище. В 1833 г. 14-летний Соловьев поступил в 3-й класс 1-й Московской гимназии. Вспоминая отрочество, он писал, что наиболее сильное впечатление на него в то время произвела «История государства Российского» Карамзина. «Я прочел не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний, но некоторые тома я любил читать особенно, здесь действовал во мне отроческий патриотизм, любил я особенно времена счастливые, славные для России. Двенадцатый том мне не очень нравился именно потому, что в нем описывались одни бедствия России»¹⁹. После успешного окончания гимназии весной 1838 г. он поступил на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета.

О том времени он писал: «Время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними, ибо у нас господствовало философское направление. Гегель кружил нам всем голову, хотя очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им из лекций молодых профессоров. И моя голова работала постоянно, схватив несколько фактов, я уже строил из них целое здание»²⁰.

После окончания университета в 1842 г. Соловьев стал домашним учителем детей гр. А.Г. Строганова, бывшего члена Кружка молодых друзей Александра I. В течение более двух лет жизни в семье Строганова (1842–1844) он посетил Австрию, Германию, Францию и Бельгию, прослушал лекции лучших европейских профессоров того времени (философ Ф. Шеллинг, географ К. Риттер, историки Л. Ранке, Ф. Шлоссер, Ф. Гизо, А. Тьер, Ж. Мишле и др.). Вернувшись в Москву, стал готовиться к сдаче магистерского экзамена, для которого выбрал тему «Об отношениях Новгорода к великим князьям».

Текст вызвал противоречивые оценки. Близкий к славянофилам М.П. Погодин назвал диссертацию очень хорошей в качестве магистерской, но «вполне неудовлетворительной» как профессорской, зато «западник» Т.Н. Грановский, прочитав ее, «восплясал от радости».

Вслед за магистерской Соловьев написал и защитил докторскую диссертацию «История отношений между князьями Рюрикова дома». В ней на первый план он выдвинул идею становления государства и его институтов.

С 1851 г. ежегодно выходят тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, каждый из которых вос-

принимался тогда совсем не так, как сочинения предыдущих историописателей.

Эту разницу А.Е. Пресняков сформулировал следующим образом: «Соловьев мог бы назвать свой главный труд “Историей государства Российского” в ином и более глубоком смысле, чем Карамзин: как историю русской государственности. “Правительство, – так рассуждал он [Соловьев], – в той или иной форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни... Правительство, какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка. Соловьев сравнивает государственную организацию с хирургической повязкой, наложенной на разрозненные живые ткани в ожидании, что они, связанные механически, постепенно срастутся внутренней, органической связью. Соловьев – центральное лицо в сей русской историографии, так как в его труде – итог предыдущей подготовительной работы, *итог, сделавший русскую историю наукой*”» (выделено нами. – Т. Х.)²¹.

В речи по случаю его избрания в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете, произнесенной 4 февраля 1859 г., Соловьев с полным на то основанием назвал себя архивным тружеником. В его расписанной буквально по минутам жизни времени на занятия в архивах уделялось первостепенное внимание.

Соловьеву по праву принадлежит приоритет в систематическом изучении делопроизводственных материалов XVII – первой четверти XIX в. Он первым начал разрабатывать методику отбора источников и работы с ними. Выявление источников по исследуемой проблеме в максимальном объеме и ознакомление с ними ученых-коллег рассматривались Соловьевым как гарантия защиты от односторонних оценок и прямых натяжек и наскоков, характерных для предшествующей школы историописателей. Отсюда многочисленные цитаты, а порой и полное воспроизведение документов в его трудах, которые составляют не менее двух третей объема этих трудов.

Используя покровительство графа А.Г. Строганова и свое положение преподавателя великих князей – наследников престола, он добился разрешения работать с документами в Государственном архиве Российской империи, архивах Синодальной библиотеки, Сената, Военного и Морского министерств, Петербургском и Московском архивах МИД. С разрешения А.М. Горчакова в 1852 г.

ему был открыт доступ к новым делам архива МИД за первую половину XIX в. В то время условия работы в читальных залах многих архивохранилищ были экстремально тяжелы.

П.И. Бартенев так вспоминал о работе Соловьева в старом здании МГАМИД (в Хохловском переулке): «Там уже не только сырость, но в помещении рукописей – туман от сырости. Обою уже гнили. Соловьев острит, утверждая, что последний том его Истории никак не может быть сух, так как он работал с ним в архиве»²².

Сам Соловьев писал о своих занятиях с архивными документами: «Ученый должен был развернуть громадное так называемое колесо, столбец, перебитый и перебивающийся под его руками, причем глаза, рот и нос наполняются желтоватым порошком, польза от которого для здоровья должна быть определена медиками»²³. Только за первую половину 1860 г. им были просмотрены и сделаны выписки из сорока связок документов Преображенского приказа и Тайной канцелярии, в том числе из дел о крестьянской войне 1773–1775 гг.

Параллельно он работал с материалами Госархива за вторую половину XVIII в. Общее же число изученных им за год дел переваливает за несколько сотен. Он становится профессором Московского университета, а после образования историко-филологического факультета – его первым деканом (1864–1870).

В 1871 г. Соловьев назначен ректором Московского университета. Он отличался предельной собранностью, дисциплинированностью, организованностью в работе (студенты проверяли часы по началу соловьевских лекций), а также преданностью науке.

В результате интриг редактора «Московских ведомостей» и министра народного просвещения Д.А. Толстого он в 1877 г. был вынужден оставить должность ректора и ординарного профессора. Соловьев обратился к канцлеру А.М. Горчакову с просьбой рекомендовать его на место директора МГАМИД, но отказ барона Ф.А. Бюлера разрешить ему перевод в столицу помешал реализации этого плана. Пока же он был вынужден читать лекции в университете в качестве стороннего преподавателя.

В статье «С.М. Соловьев как преподаватель» его бывший студент В.О. Ключевский вспоминал: «С закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед, не спеша, низким регистром своего немного жирного баритона начинал он говорить свою лекцию и в продолжение 40 минут редко поднимал тон. Чтение Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства,

ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете. Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтоб под видом народной истории сказывать ему детские сказки о народном богатстве»²⁴.

В ходе чтения лекций Соловьев пришел к осознанию настоятельной необходимости написать капитальный труд по истории России: «Пособий не было, Карамзин устарел на глазах у всех, надобно было, для составления хорошего курса, заниматься по источникам: но почему же этот самый курс, обработанный по источникам, не может быть передан публике, жаждущей иметь русскую историю полную и написанную, как писались истории государств в Западной Европе?»²⁵

Этой работе Соловьев посвятил всю оставшуюся жизнь. М.П. Погодин и славянофилы встретили вышедший в 1851 г. 1-й том «Истории» Соловьева резкими нападками, обвиняя автора в том, что «угол его зрения далеко отстоит от нормального». Но историка поддержали ученые государственной школы, в том числе Н.В. Калачов. Соловьев не отступил от своих позиций, и с тех пор с удивительной регулярностью на протяжении почти 30 лет он публиковал ежегодно по очередному тому «Истории России с древнейших времен».

Последний, 29-й, том, в котором рассказ доведен до начала Пугачевского восстания во время царствования Екатерины II, вышел уже после его смерти в 1879 г. Одновременно с написанием этого монументального труда, составившего целую эпоху в русской историографии, он продолжал работать над другими историческими исследованиями. Они отражали разносторонний круг его интересов и всегда вызывали полемику в среде коллег («Публичные чтения о Петре Великом», 1872; «Император Александр I. Политика. Дипломатия», 1877; серия журнальных статей «Писатели русской истории XVIII века»: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредиаковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон» и др.). В 1872 г. Соловьев был избран действительным членом Российской академии наук.

Безнадежно больной и не встающий с кресла, он просил у близкого к наследнику престола К.П. Победоносцева устроить разрешение о доставлении материалов из архива на его московскую квартиру в Денежном переулке – работа над «Историей России...» продолжалась до последних дней жизни ученого.

Имея огромный опыт исследовательской работы, Соловьев видел основную задачу архивных учреждений в скорейшем приведении в порядок архивов, составлении верных описей и изданиях их. Он не был сторонником публикации интересных, но не связанных логически и тематически между собой материалов. «Пестрые сборники иногда вместо облегчения затрудняют исследователя».

М.И. Семевский

Еще одним ученым, оказавшим значительное влияние на выработку нового взгляда на архивы в «калачовский период», был Михаил Иванович Семевский (1837–1892)²⁶ – основатель и издатель ежемесячного исторического журнала «Русская старина», который выходил в Петербурге с 1870 по 1918 г.

Современники называли журнал «высшим историческим апелляционным судом» и «олицетворением русской Немезиды». Родился М.И. Семевский в Великолукском уезде Псковской губернии в дворянской семье среднего достатка. Из этой многодетной семьи (шесть братьев и сестра), видимо благодаря влиянию отца, отставного военного, любителя-историка и страстного коллекционера предметов старины, вышло два крупных историка – основатель «Русской старины» Михаил Иванович и его брат Василий Иванович, профессор, автор известных работ о времени Екатерины II и декабристах, один из редакторов журнала «Голос минувшего». М.И. Семевский обучался в Полоцком и Константиновском кадетских корпусах, в 1855–1856 гг. служил офицером в лейб-гвардии Павловского полка, расквартированного в Москве. В это время вращался в кругу литераторов, а также слушал лекции профессоров Московского университета. Тогда же у Семевского начали проявляться любовь к изучению русской истории и стремление к литературным занятиям. Первым печатным трудом его была статья в «Москвитянине» (1856. № 12) «О фамилии Грибоедовых»; в следующем году он издал «Великие Луки и Великолуцкий уезд», историко-этнографическое исследование (С.-Петербург). В 1857 г. Семевский вернулся в Петербург, стал преподавать русский язык и историю в 1-м кадетском корпусе. В 1861 г. вышел в отставку, служил в государственной канцелярии, в Главном комитете по устройству сельского состояния. В 1882 г. в чине тайного советника оставил службу.

Будучи чиновником, Семевский одновременно (1850–1860-е годы) опубликовал около ста исследований по русской истории, главным образом XVIII в. Наиболее значительные из них «Царица Прасковья» («Время». 1861. № 2–5), «Слово и дело» («Светоч». 1861; «Иллюстрация». 1862), «Императрица Екатерина I и семейство Монсов», «Сторонники царевича Алексея», биография царицы Е.Ф. Лопухиной, «Фрейлина Гамильтон». Ему принадлежит одна из самых выразительных жалоб по поводу запрета на доступ в архивы для исследователей: «В прежнее время, в царствование Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившего бумажного хлама, или хорошо устроенные кладовые, куда не проникал ни один нескромный взор. Очень редко, совершенно случайно, выходили из этих кладовых в крайне скромных размерах новые сведения, большею частью по запросу самого августейшего их хозяина. Поинтересовался, например, Николай Павлович о судьбе Артемия Волынского, о судьбе правительницы Анны Леопольдовны – и вот чиновниками крайне секретно составлялись две, три записки и оставались в копиях в руках весьма немногих лиц»²⁷.

С 1870 г. начал выходить в свет журнал «Русская старина». Название Семевский позаимствовал у Н.М. Карамзина, который так озаглавил одну из своих статей в журнале «Вестник Европы» (1803). В ней содержалась дорогая для Семевского мысль: «...мы так худо знаем Русскую старину, любезную для сердца Патриотов!» С выпуском «Русской старины» литературная деятельность Семевского сосредоточилась исключительно в этом издании, где он поместил ряд примечаний, объяснений, некрологов, отчетов и других статей. Кроме того, за это время он издал некоторые памятники русской истории, например «Записки Андрея Тимофеевича Болотова» (1870), «Записки князя Я. Шаховского» (1872), «Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха» (1891), альбом «Русские деятели в портретах» (пять выпусков, 1882–1891), а также «Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.» (1888) и т. д. В то же время «Русская старина» сыграла важную роль в привитии читающей публике вкуса к чтению исторических источников в их «сыром виде», поддержав и развив традиции «Русского архива» П.И. Бартенева.

Семевский полагал (и эта мысль сохраняет свою актуальность), что на пути к развитию народного самосознания изучение родной истории и преимущественно новейшего времени, основан-

ное не на личных взглядах того или иного писателя, но на подлинных исторических документах, всего более может способствовать этому развитию²⁸. Несомненной заслугой «Русской старины» является спасение от исчезновения многих документов из частных архивов, которые мы знаем теперь только по публикациям в этом журнале, поскольку подлинники не сохранились.

Благодаря стараниям Семевского журнал превратился, по отзывам современников, в «неофициальную кафедру русской истории» для многотысячной аудитории. Многие публикации самого Семевского являются результатом его увлечения полевой археографией – записью документальных сведений со слов очевидца. С 1877 г. до самой смерти он состоял гласным Санкт-Петербургской думы, а в 1883–1885 гг. – товарищем городского головы. Особенно много внимания он уделил городской училищной комиссии, членом которой состоял. Семевский являлся членом Археографической комиссии и почетным членом Археологического института.

М.А. Оболенский

Бурный взлет исторической науки, связанный с приходом в нее ярких, неординарных личностей, а также взаимопроникновение революционных для своего времени научных идей (в частности, распространение аналогий любого явления живой и неживой природы, включая архивы, с «саморазвивающимися организмами»), которое опиралось на новую парадигму научного знания, – все это объективно обусловило в последующем характер взглядов Калачова – одного из самых образованных людей своего времени. Чтобы оценить его вклад в отечественное архивное дело, приведем доксографический очерк о современнике Калачова, его непосредственном начальнике в период работы в МГАМИД и управляющем этим архивом Михаиле Андреевиче Оболенском (1805–1873)²⁹. Родился М.А. Оболенский в г. Тульчине Подольской губернии. В 1825 г. после окончания Пажеского корпуса поступил на службу в лейб-гвардии Финляндский полк. Участвовал в войне с Турцией и военных действиях в Польше. Был ранен. В 1831 г. уволен с военной службы в чине капитана и определен в канцелярию наместника его императорско-царского величества в Царстве Польском гр. И.Ф. Паскевича-Эриванского. В 1833 г. по ходатайству Паскевича был принят в ведомство

Министерства иностранных дел с причислением к МГАМИД. Занимал должности старшего переводчика, главного смотрителя Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Как об археографе впервые заявил о себе изданием в 1836 г. Супральской рукописи. В 1839 г. выступил с инициативой издания писцовых книг.

В 1840 г. после смерти управляющего МГАМИД А.Ф. Малиновского именным указом Оболенского назначили управляющим. Он прежде всего старался укрепить в архиве принцип единоначалия. После некоторых опрометчивых публикаций сочинений иностранцев о древнем русском государстве («дело Флетчера») стал проявлять крайнюю, порой даже излишнюю осторожность. Именно о таком Оболенском не без иронии вспоминал П.И. Бартенев: «Бумаги у него делились на секретные, секретнейшие и тайне подлежащие».

Оболенский был утвержден в должности управляющего МГАМИД. В его подчинении находились более 40 служащих, в том числе Н.В. Калачов, собиратель русского фольклора А.Н. Афанасьев и другие.

В конце 1849 г. в МГАМИД приступили к выявлению и копированию документов для издания «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными», которое было предпринято по инициативе Д.Н. Блудова. В этих работах Оболенский принимал непосредственное участие. Он также продолжал руководить подготовкой ряда других изданий, основанных на материалах фондов МГАМИД. С января 1863 г. на МГАМИД были распространены «Правила для допущения к занятиям в Государственном архиве», в соответствии с которыми исследователи получали допуск к документам «или по высочайшим повелениям, или по распоряжению вице-канцлера».

Документы до 1762 г. предоставлялись исследователям без всякого затруднения.

Считались не подлежащими огласке уголовные и следственные дела, «в коих речь идет о разных придворных отношениях и событиях», а также бумаги и письма, касающиеся домашней жизни особ императорской фамилии или лиц к ним близких. Не подлежали выдаче документы Тайной экспедиции времени Екатерины II и позже, а также «все бумаги, которые заключали в себе сведения о современных государственных вопросах или о лицах, недавно живших или находившихся еще в живых, наконец, переписка особ императорского дома».

Как установил В.Г. Бухерт, Оболенский предполагал открыть для исследователей более широкий круг источников, но «Правила» были приняты им к исполнению.

О взглядах Оболенского на задачи архивной деятельности может дать представление его программное высказывание: «Назначение вечного архива, как обыкновенно оно понимается, и как я всегда понимал его, – это собственно самое тщательное, самое непогрешимое и до мелочи строгое хранение его документов. Отсюда самая прямая, неизбежная и чрезвычайно важная обязанность всякого служащего при архиве – это именно такое бережное хранение архивских сокровищ»³⁰.

Сменивший Оболенского на посту управляющего МГАМИД после его смерти барон Ф.А. Бюлер, подытоживая плоды его 34-летнего управления, писал, что об Оболенском не следовало бы забывать, что он издал на свой счет 18 книг и брошюр, заключавших драгоценные исторические материалы, и подобно знаменитым предшественникам своим завещал архиву все приобретенные им книги и рукописи³¹.

Оболенский состоял членом Археографической комиссии и членом-корреспондентом Академии наук.

Первой его работой была «Деньги Великого Новгорода» (1834). Самое крупное его исследование – «О первоначальной русской летописи», появившееся после его смерти в «Исследованиях и заметках князя Михаила Андреевича Оболенского» (1875). Главные из изданных им собраний материалов: «Супральская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи» (1836), «Летописец Переяславля Суздальского» (1851), «Новый летописец» (1853, сокращенная редакция), «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича» (1856), «Письма русских государей и других особ царского семейства» (1861–1862), «Сборник кн. Оболенского» (11 выпусков, 1838–1840), «Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России» (4 выпуска, 1847–1848).

В отличие от Миллера или Блудова он не смог проявить себя в архивистике как обладатель оригинальной системы взглядов, хотя его архивная деятельность сказалась на устройстве архивов в целом положительно.

Проведенное выше сопоставление взглядов различных историков-архивистов дает возможность лучше оценить значение поворотного этапа в истории отечественного архивоведения, который принято называть калачовской эпохой.

Н.В. Калачов

Рассмотрим жизнь и деятельность Н.В. Калачова исходя из концептуальной посылки о том, что в архивном деле явственно ощущалась нехватка научной базы, которая отвечала бы общему уровню развития отечественной науки и особенно сложившейся к этому времени как науки истории.

Николай Васильевич Калачов (1819–1885)³² родился 26 мая 1819 г. в селе Алексино – имении отца, отставного штабс-капитана артиллерии Василия Андреевича Калачова, предводителя дворянства Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. Домашним воспитанием его занимались гувернеры-иностранцы. Один из них – доктор философии Гегерман – внушил ему любовь к истории. С 1831 г. Калачов учился в Москве: сначала в частном пансионе Чермака, а затем (с 1833 г.) в Московском дворянском институте. В 1836 г. он по настоянию отца поступил на юридический факультет Московского университета. Еще будучи студентом, написал исследование «О Судебнике царя Иоанна Васильевича», опубликованное в «Юридических записках», издававшихся П.Г. Редкиным (т. I и II). В 1840 г. Калачов окончил университет и поступил на службу в Археографическую комиссию в Петербурге, но в 1843 г. переехал в Москву для занятий в архивах под руководством П.М. Строева. По домашним обстоятельствам (в связи с кончиной отца) был вынужден подать в отставку со службы в Археографической комиссии и уехать к себе в имение, чтобы заняться хозяйством и заботой о младших братьях.

В 1846 г. он вернулся в Москву и занял место библиотекаря в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Одновременно продолжил работу в Археографической комиссии с откомандированием для занятий в Москву. В том же году Калачов защитил магистерскую диссертацию на тему «Предварительные юридические исследования для полного объяснения Русской Правды». Одновременно он возобновил службу чиновником в Археографической комиссии с прикомандированием к Московскому округу³³. В 1847 г. его учитель по Московскому университету М.П. Погодин опубликовал на страницах журнала «Москвитянин» открытое письмо под названием «О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьева по части русской истории».

Как отмечает М.П. Мохначева, в этой работе М.П. Погодин, ученый и педагог с 20-летним стажем работы в науке, литературе,

журналистике и издательском деле, продемонстрировал широту понимания содержания профессиональной научно-исторической, историографической, археографической, архивной и даже библиотечной работы³⁴, что было характерным для универсальной парадигмы знаний, сложившейся к середине XIX в. Именно здесь он из всех своих воспитанников, включая С.М. Соловьева, особо выделил Н.В. Калачова, назвав его «самым тщательным из всех молодых ученых, любящим науку для науки, трудолюбивым».

В ходе работ в архивах Калачов разыскивал актовый материал, копии с которого доставлял в Археографическую комиссию. Он не оставил работу в комиссии и после того, как в 1848 г., с уходом из Московского университета К.Д. Кавелина, получил кафедру истории русского законодательства, которую возглавлял до 1852 г. Как профессор Калачов обращал главное внимание на так называемую внешнюю историю права, посвящая большую часть своего курса критическому обзору и разбору памятников русского законодательства. В этом сказывалась определенная школа, следы которой носит и исследование Калачова «О значении Кормчей в системе русского права» (впервые опубликовано в «Чтениях Общества истории и древности», 1847), упрочившее за ним авторитетное положение в истории русского права.

В 1850 г. Калачов начинает издавать «Архив историко-юридических сведений о России». Кроме вопросов древнего русского законодательства в Архив помещались исследования о древней жизни вообще, но с учетом новых направлений, которые получили свое развитие в тот период в области истории, филологии, этнографии благодаря трудам Соловьева, Кавелина, Буслаева, Афанасьева и других. С 1857 г. Архив стал выходить под названием «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». В 1852 г. Археографическая комиссия поручила ему публикацию «Дополнений к актам историческим».

Для собирания материалов Калачов совершил в 1852 и 1853 гг. археографическое путешествие по Владимирской, Саратовской, Орловской, Самарской, Тамбовской, Рязанской, Симбирской, Тверской, Ярославской, Московской, Нижегородской, Пензенской губерниям России, где обследовал не только архивы официальных учреждений, но и некоторые частные собрания. Итог наблюдений – вывод о катастрофическом положении провинциальных архивов.

В 1857 г. Калачов оставил университетскую кафедру и переселился в Петербург для работы в архиве II отделения

Собственной Е. И. В. канцелярии. Здесь ему было поручено отредактировать 3-е издание «Свода гражданских законов». Одновременно он продолжил работать в Археографической комиссии, подготовив целый ряд изданий: три тома «Актов, относящихся до юридического быта древней России», два тома «Писцовых книг», три книги «Докладов и приговоров Сената за 1711 и 1712 гг.», три тома «Архива государственного совета» и т. д.

В указателе, составленном А.А. Востоковым («Исторический вестник». 1887. Кн. 5), перечислены названия 16 изданий, вышедших под редакцией Калачова. В ходе подготовки и проведения аграрных реформ 1860-х годов Калачов, назначенный членом редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, работал над юридической частью проектов реформ. Уже первый его доклад «О прекращении крепостного права» отличался юридической обоснованностью и научной обстоятельностью.

С 1864 г. Калачов – редактор и член комиссии по составлению проекта судебной реформы. Его инициативе обязана своим существованием, например, ст. 130 Устава гражданского судопроизводства, впервые узаконившая применение на суде обычного права. В этом же году Петербургский университет присвоил ему степень доктора гражданского права, а в 1868 г. его избрали почетным членом совета университета.

Будучи председателем комиссии, учрежденной при Географическом обществе для собирания народных юридических обычаев, он опубликовал в «Этнографическом сборнике» исследование «Артели в древней и нынешней России», а в «Сборнике государственных знаний» – статью «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России». В целях подготовки кадров для судебных учреждений нового типа Калачов организовал в Санкт-Петербурге кружок молодых юристов, где обсуждались вопросы практического судопроизводства. Позднее содействовал учреждению в Москве юридического общества, был первым его председателем и положил начало «Юридическому вестнику». Калачов заслужил высокие оценки современников, которые характеризовали его как человека разносторонних дарований, принадлежащего к числу тех, кто оказывал значительное влияние на развитие науки того времени. По словам одного из современников, «его любовь к архивам и к архивному делу беспредельна»³⁵. В 1865 г. происходит резкая перемена в жизни и судьбе Н.В. Калачова – он занял пост управляющего МАМЮ.

Имея к этому времени звание сенатора и титул тайного советника, он воспользовался широкими полномочиями для осуществления в МАМЮ активной и независимой деятельности. Его главной целью на первых порах было вывести архив из состояния крайнего беспорядка, который благоприятствовал массовым хищениям и бесконтрольному уничтожению документов.

В архиве в первую очередь было сформировано из сотрудников с высшим образованием особое «ученое отделение», главная задача которого состояла в систематическом описании хранящихся документов. Под редакцией Н.В. Калачова начинают выходить «Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ». МАМЮ при Калачове все больше принимает черты научного учреждения. Но он понимал, что решать судьбы российских архивов необходимо в масштабах всей страны. В это время Археологическое общество готовилось провести в Москве I Археологический съезд.

Как отмечал председатель общества гр. А.С. Уваров, созыв ученого съезда представлял собой одну из мер, но «самую действенную и коренную, для уничтожения равнодушия к русским древностям и для возбуждения общего, живого участия к русской археологии». Он ссылаясь на положительный в этом смысле опыт Англии, Франции и Германии: принятие этой меры в России принесло бы больше пользы, чем в других странах, где ученые специалисты чаще и удобнее могут сноситься между собой. У нас такие съезды, общением всех ученых сил, развили бы и саму археологию и общественную любовь к ней³⁶.

Калачов решил воспользоваться трибуной съезда, состоявшегося в 1869 г., и выступил на нем с докладом «Архивы» о необходимости архивных реформ. Впервые здесь им была озвучена мысль о том, чтобы превратить архивы из «складочного листа покойников» и «лабиринтов» в научные учреждения и «богатые сокровищницы, из которых исследователи будут черпать сведения, дающие жизнь и плоть их идеям и соображениям»³⁷. Однако вопреки надеждам Калачова доклад не вызвал интереса у собравшихся. Он прошел незамеченным. Никакого решения по нему не было принято. Это объяснялось в первую очередь специфическим характером аудитории: среди полутора сотен делегатов не было ни одного профессионального архивиста, а повестка дня включала только археологические вопросы.

Н.В. Калачов решил изменить тактику, проведя огромную подготовительную работу. Он опубликовал текст своего доклада

в газете «Русский мир» и добился включения в повестку дня следующего съезда отдельного пункта под названием «Обсуждение мыслей Н.В. Калачова об устройстве архивов»³⁸.

На II Археологическом съезде, состоявшемся в 1871 г., он зачитал доклад под расширенным названием «Архивы, их государственное значение, состав и устройство», предварительно ознакомив с его содержанием членов специальной комиссии. Делегаты Археологического съезда полностью одобрили представленный им проект архивной реформы, который обсуждался уже не как мысли и предложения одного автора, а как коллегиальное мнение членов комиссии.

Суть проекта архивной реформы состояла в следующем.

1. Все существующие архивы должны быть разделены на текущие, справочные при каждом учреждении и центральные исторические. Центральные исторические архивы делились на две группы: министерские (центральные архивы при высших правительственных учреждениях) и губернские (центральные архивы для каждой губернии). В будущем допускалась возможность создания Единого центрального архива.

2. В каждом справочном архиве предусматривались разборочные комиссии: им вменялось отбирать из текущих дел ненужные для справок массивы документов и передавать их в исторические губернские архивы. Не имеющие научного значения документы должны были уничтожаться, а отобранные в результате тщательного рассмотрения документы передаваться в архивы министерств или других высших ведомств на постоянное хранение. Часть материалов, относящихся к местной истории, губернские исторические архивы могли оставлять для хранения у себя.

3. Предназначенные к уничтожению материалы могли быть уничтожены только после окончательного разрешения Главной архивной комиссии, которой должна была подчиняться вся архивная сеть. Таким образом, ставился вопрос о создании единого органа управления архивным делом.

4. После представления Кабинету министров разработанное Калачовым положение о создании особой межведомственной Комиссии об устройстве архивов было утверждено правительством 27 февраля 1873 г.³⁹ Временная комиссия об устройстве архивов была создана при Министерстве народного просвещения по особому ходатайству Археологического съезда. Она осталась в истории архивного дела как «калачовская». До самой смерти в 1885 г. Н.В. Калачов был ее бессменным председателем.

Комиссия начала работу с составления и рассылки по ведомствам анкеты с вопросами для сбора сведений о русских архивах. Сразу же выяснились негативные последствия неразработанности теоретических вопросов архивного дела, и в частности архивной терминологии. Так, архивариус архива канцелярии Московского генерал-губернатора Барилевский на вопрос № 9 («Как размещены документы: по годам, по ведомствам или по предметам?») ответил кратко: «Документов никаких нет»⁴⁰.

Главным содержанием работы комиссии была разработка мер в рамках проекта архивной реформы, представленного Калачовым.

Однако большинство разработок межведомственной комиссии осталось только на бумаге. Наибольший интерес из них представляют проекты Положения о Главной архивной комиссии, которую предполагалось создать для методического руководства и контроля за ведомственными архивами, особенно в части, касающейся хранения и уничтожения документальных материалов. В 1873 г. по результатам работы комиссии и в связи с предпринятым ею изучением ведомственных правил по уничтожению документов их ликвидация на местах временно прекращается. Тем не менее разработать единые правила для всех бюрократических канцелярий и самостоятельных ведомств не удалось. После смерти Калачова массовое уничтожение архивных материалов по собственным ведомственным инструкциям и правилам возобновилось с прежней силой.

В 1875 г. Калачов за свой счет объездил архивы Бельгии, Голландии, Англии, Франции, Австрии и Италии, обращая главное внимание на вопросы профессиональной подготовки кадров архивистов и программы архивного образования. Особое внимание Калачова привлекла Школа хартий в Париже. Он назвал ее образцом, которому должна следовать Россия в деле подготовки образованных деятелей русских архивов⁴¹.

В 1882 г. Калачов был избран членом Академии наук. По его ходатайству было построено новое помещение для архива Министерства юстиции, открытое уже после его смерти.

По свидетельству А.А. Востокова, Калачов простудился на сквозняке при осмотре [нового] здания МАМЮ осенью 1885 г., когда еще не успели вставить стекла и оконные рамы. Болезнь усугубила тяжелое состояние Калачова и преждевременно свела его в могилу.

Подытоживая результаты организационной деятельности Калачова, нужно признать, что из крупномасштабного и целост-

ного плана реформ ему удалось добиться осуществления только нескольких частных предложений в области улучшения состояния архивного дела в России, перечисленных ниже.

1. В 1878 г. в Петербурге был учрежден Археологический институт. Правда, вопреки проекту «калачовской комиссии» его открыли как частное учреждение и на благотворительные средства, а не как государственное учебное заведение.

Директором института, который первоначально размещался на квартире Калачова, стал сам владелец квартиры. Программа занятий определялась лично Калачовым в соответствии с задачами, которые он ставил перед архивным работником: «Состоя сам начальником одного из важнейших наших архивов, я не мог не поддаться соблазнительной мысли употребить все свои старания к тому, чтобы и в нашем отечестве образовалось *сословие таких архивистов, каких мне удалось видеть на Западе* (выделено нами. – Т. Х.). Архивариус должен обладать достаточными знаниями, не только специальными по своему предмету, но и общеобразовательными»⁴².

Актуальны слова Н.П. Лихачева, сказанные по поводу учрежденного Калачовым института: «Не беда, если не все слушатели Института станут учеными специалистами. Простое ознакомление с курсами, читаемыми в институте, дает возможность каждому из них оказать при случае большие услуги Родине. Куда бы ни закинула судьба бывшего слушателя института, он везде окажется на страже науки. Не забудет отметить местонахождение первобытных древностей, разберется в разных культурах, укажет на все значение совместного нахождения монет с вещами. При перестройках, реставрациях и уничтожении памятников церковных, якобы для вящего благолепия, всякий слушатель Института попытается остановить несведущих. Встретится архив – и тут, не будучи специалистом по архивному делу или коллекционером, всякий бывший в Институте припомнит, как надо обращаться с документами, описывать их и располагать по известной системе»⁴³. Очевидно, в данном случае речь идет не о подготовке архивистов на специальном отделении, а о пользе университетского принципа обучения специалистов, когда общая культура помогает выпускнику даже непрофильных отделений справиться с конкретными архивоведческими задачами.

2. Потеряв надежду на проведение общенациональной реформы архивного дела под правительственным контролем, Калачов решил в качестве временной, но безотлагательной меры воспользоваться общественной инициативой. При поддержке Академии наук

он начал добиваться учреждения губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Первые комиссии в соответствии с Положением 1884 г. были образованы в Рязанской, Тамбовской, Орловской и Тверской губерниях. На них была возложена обязанность осуществлять осмотр предназначенных ведомствами для уничтожения дел с целью отобрать из их числа те, которые представляют научную ценность, и передать спасенные от гибели документы для хранения в губернских исторических архивах.

Драма ГУАК заключалась в том, что они действовали при полном отсутствии юридической основы для реализации своих прав и полномочий, крайней скудности выделяемых средств и абсолютной нехватке постоянных помещений и квалифицированных кадров архивистов. Тем не менее комиссии сыграли важную роль в развитии архивного сознания на местах, в частности в объединении творческих сил.

Проанализируем суть созданной Калачовым науки об архивах. И.И. Зубарев вскоре после кончины Калачова дал следующую оценку: *«Благодаря ему, у нас появилась новая наука, составляющая вполне самостоятельную отрасль исторического знания (выделено нами. – Т. Х.): изучение возможно лучшего устройства архивов, исследование и критика различных систем расположения и хранения документальных источников, выяснение задач деятельности архивистов и т. п. – таковы предметы архивоведения»*⁴⁴.

Будучи соратником и единомышленником Н.В. Калачова, Зубарев первым отметил важную особенность системы подготовки архивных кадров в «калачовском» институте: *«Положенная Н.В. Калачовым во главу угла при самом учреждении института национальность как основная стихия русской археологии по-прежнему составляет его гордость. И по-прежнему институт имеет громадное значение в общем движении русского самосознания»* (выделено нами. – Т. Х.)⁴⁵.

Изучение научного наследия Н.В. Калачова дает возможность сделать выводы, свидетельствующие о его непосредственной роли в создании отечественной *науки об архивах*.

1. Калачов первый теоретически осмыслил человеческий фактор в становлении и развитии архивов. От фетишизации роли государства в жизни и смерти архивов он перешел к определению того, что составляет цель архивных занятий, в чем заключается задача лиц, специально приставленных к этому делу, *«...известных под именем архивистов, и в каком положении находятся теперь архивы как за границей, так в особенности у нас»*⁴⁶.

2. Калачов первым выявил государственно-юридическое и социальное значение архивов, тем самым он вывел архивоведение из замкнутых рамок узкопрофессиональных, «технологических» знаний на простор гуманитарных дисциплин историко-юридического характера.

3. Калачов первым определил архивы как общенациональное достояние, не разделяя их на центральные и провинциальные, ведомственные и частные. Поэтому свои историко-теоретические работы он адресовал широким кругам общества, т. е. не только и даже не столько профессионалам, сколько «неспециалистам дела», видя в разорванности связей между ними одну из главных причин «бесконечных опустошений» в архивах, которую он характеризовал как невежество правительственных и частных лиц. Последние, по его мнению, не осознавали важного значения актов, не относящихся непосредственно к их кругу занятий, к их собственности или к их домашней жизни: «Печальное положение архивов было следствием неуважения нашего к тому, что в них хранится, или, лучше сказать, незнания того, что бумаги и клочки, нередко истребляемые крысами и гибнущие от сырости, заключают в себе иной раз драгоценнейшие данные для истории нашего государственного или, по меньшей мере, провинциального быта».

4. Он первым сформулировал необходимость понимания государством, обществом, а также каждым культурным гражданином научного значения архивов как необходимого фундамента для начала любых созидательных работ в области архивного строительства: Чем раньше правительство признает возможным положить начало означенным [в программе реформ Калачова. – Т. X.] учреждениям или же сознающие важность их частные лица окажут необходимое содействие к их осуществлению, тем более выиграет наука сохранением от гибели полезных ей материалов, а самые архивы тем самым подвергнутся надлежащему устройству⁴⁷.

Как следует из этих рассуждений, Калачов вплотную подошел к пониманию самоценности архивов с точки зрения государства, общества и каждой отдельно взятой личности.

5. Калачов первым определил необходимость единого *научного подхода* к разработке некоторых общих правил, касающихся ведения дел, производящихся в каждом правительственном и присутственном месте, а также к размещению их для вечного хранения. Он сформулировал необходимость теоретической разработки единых принципов комплектования и экспертизы ценности

документов: «Легко уничтожить все, что попадет под руку, но если дело, действительно не нужное для учреждения, в котором оно производилось, имеет за собою тем не менее интерес исторический или представляется любопытным в отношении юридического, сельскохозяйственного и т. п., то неужели можно его уничтожить? Однако и оставлять такое дело в этом архиве не следует. Так куда же с ним деваться, кому его сдать для дальнейшего хранения?»⁴⁸ Отметим, что сам Калачов исходит из принципиального положения о том, что следует уничтожать как можно меньше и лишь при крайней необходимости.

Более того, на заседании межведомственной Комиссии об устройстве архивов, которое состоялось под председательством Калачова 6 октября 1875 г., он ужесточил свою мысль, дав знаменитую формулировку: «Перечень бумаг или дел, подлежащих уничтожению, должен быть категорически и ясно изложен. Лучше лишних сто дел хранить, чем уничтожить десять нужных»⁴⁹.

6. В итоге поисков компромисса между ведомственными чиновниками, стремящимися к разгрузке своих делопроизводительных регистратур, и «учеными архивистами» Калачов приходит к важной в архивоведческом контексте идее признания *дуалистической (двойственной) природы архивов*. В связи с этим он провозгласил важность создания *многоуровневой системы архивохранилищ с централизованным управлением*: «...мелькает уже мысль о необходимости устройства *центральных ученых архивов*, в которых исследователи, жаждущие изучения своего предмета на основании первых источников, могли бы черпать нужные им сведения из дел, имеющих для них значение еще не тронутых наукою рудников. Таким образом, назначение специального архива в одно и то же время и разрослось и *раздвоилось* (выделено нами. – Т.Х.), а цель архивных занятий разделилась на две: одна из них составляет впредь прямую задачу архивариуса, а другая – задачу археографа, приставленного к документам, имеющим исключительно научное значение, с целью облегчать к ним доступ исследователей»⁵⁰.

После обсуждения тезисов Калачова было принято решение, имеющее сегодня (в связи с возникновением негосударственной части Архивного фонда России) особую актуальность, о том, что отнесение дел и документов к разряду подлежащих уничтожению или временному хранению (что, в сущности, равносильно уничтожению) должно зависеть от соглашения архивариусов с начальством того ведомства, дела которого разбираются, и в случае разногласий между ними решать вопрос в пользу того мнения,

которое клонится к сохранению дела. Тем самым Калачов заложил научные основы единой методики комплектования и экспертизы ценности документов в условиях различных форм собственности и ведомственного беспредела, над созданием которой бьются и современные специалисты, ведя поиски решения этих проблем.

7. Калачов первым обосновал важное государственное и общественное значение *профессии архивиста*. По его мнению, состав архивов, особенно провинциальных, должен быть преобразован «прежде всего специальным подготовлением для этого дела лиц, получивших уже перед тем высшее образование».

Он подчеркивает, что это должны быть лица, не только «приготовленные специально к своему делу», но и глубоко проникнутые убеждением в том, что своей деятельностью они приносят пользу и науке, и обществу. От степени распространения архивоведческих знаний в широком смысле этого слова Калачов ставит в прямую зависимость как повышение в среде народа уровня образования, так и усиление любви к своей родине и в особенности к своей местности, которому способствует наглядное изучение памятников их истории.

Этот тезис, положенный в основу деятельности ГУАК и развитый позднее в историко-теоретических и краеведческих работах Маяковского в 1920-е годы, а ныне воплощаемый в научной и практической деятельности С.О. Шмидта и его единомышленников, также сохраняет свою актуальность и остроту в наши дни.

8. Термин «основания науки об архивах» Калачов использует для собирательного названия комплекса вспомогательных исторических дисциплин, преподаваемых в Археологическом институте с целью подготовки специалистов по русской старине для занятия мест в правительственных, общественных и частных архивах⁵¹. В связи с этим особое значение приобретает приведенный в его статье краткий исторический очерк развития архивного строительства в России с XIII по начало XIX столетия, представляющий собой сжатый конспект его лекций в институте.

Петербургский археологический институт

Становление института как центра подготовки архивистов-профессионалов происходило не просто. В статье «Санкт-Петербургский археологический институт. 1878–1903» его директор Н.В. Покровский (занял этот пост после Н.В. Калачова,

И.Е. Андреевского, А.Н. Труворова и В.И. Сергеевича) вспоминал: «С самого начала образования института на него оказывали давление с двух сторон. Даже аристократы мысли и знания того времени скептически относились к широким планам Калачова: одни (гр. С.Г. Строганов) советовали ему обучать слушателей института только архивоведению и разве в виде роскоши знакомить с памятниками христианской старины, другие (гр. А.С. Уваров) находили, что в археологическом институте нужно преподавать главным образом первобытную археологию, что не нужно да и не может быть у нас никакого архивоведения. Позднее, уже на исходе 20-летия института, нас стали упрекать в том, что мы ввели в институт первобытную археологию, и что лучше, вместо академических занятий в институте, занимать слушателей практическими работами по описанию и хранению архивных дел. Наконец, в самом исходе 25-летия грянул гром из Москвы от ученого профессора, археолога и архивиста (Покровский имеет в виду Д.Я. Самоквасова. – Т. Х.), что все учреждения – Археологический институт, и ученые архивные комиссии, и губернаторы, и высшие власти – только тем и занимаются, что разрушают исторически сложившиеся фонды, что у нас нет в России ни профессоров, ни слушателей, ни работ и что необходимо создать в России новых докторов архивоведения по особому рецепту и добыть миллионы денег на приведение в порядок архивов. Очевидно, здесь уже сказывается не простое незнание дела, но и странная тенденция»⁵². В своей критике программы подготовки архивистов в Археологическом институте Самоквасов был во многом прав, но это относилось только к периоду директорства А.Н. Труворова и самого Н.В. Покровского, когда акцент был сделан на чтение курсов лекций для слушателей – любителей археологических древностей и предметов старины.

При Калачове и Андреевском баланс между подготовкой специалистов по разным отраслям археографии и архивоведения выдерживался достаточно четко. ПАИ создавался для подготовки специалистов по русской старине, для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных. Лица, имеющие высшее образование, принимались в студенты с двухлетним сроком обучения; без высшего образования – в вольнослушатели с трехлетним сроком обучения. В Положении об Археологическом институте из года в год фиксировался один и тот же набор учебных предметов: палеография вообще и в особенности русская, русские древности по частному и обществу быту до XVIII столетия включительно вообще и в особенности по части юридической,

хронология, генеалогия, нумизматика, сфрагистика, геральдика, древняя география вообще и в особенности России до XVIII столетия включительно, основания науки об архивах⁵³.

Курс «Основания науки об архивах» читали сами директора института – Калачов, а после его кончины Андреевский, что придавало им особое значение.

Научно-методический характер лекций определил сочетание в них истории, теории и методики архивного дела. Об этом свидетельствуют воспоминания слушателя Археологического института первого выпуска (1878–1880) Н.Н. Оглоблина. Курс архивоведения Калачов начал с истории русских архивов, затем перешел к теории архивного дела и литературе предмета. Особенно обстоятельно он говорил о разных видах «ученых описей» и «обозрений». Этой части архивоведения Калачов отдал шесть лекций, а с седьмой перешел к подробному обозрению старинных актов всевозможных родов и видов, с какими приходится иметь дело архивисту. «Это были блестящие определения и ценные характеристики документов, сделанные глубоким знатоком дела. В семнадцати лекциях III и IV семестров Калачов сделал детальную оценку всех старинных и более новых актов по XVIII веку включительно»⁵⁴.

Итогом научно-архивоведческих размышлений Калачова является вывод о том, что цель устройства архивов не будет достигнута, если архивными помещениями не будут заведовать специалисты по этой части, известные под именем архивистов⁵⁵.

Калачов дал оценку состоянию архивного дела в России в последний период своей жизни: на быстрое развитие архивного дела и архивных занятий за последние 10 лет «с недоумением и уважением смотрят и иностранцы, отдавая в этом отношении должную справедливость и заботам нашего правительства и даровитости нашего народа»⁵⁶.

И.Л. Маяковский дважды – в 1920-е и в 1940-е годы – анализировал вклад Калачова в отечественную науку об архивах. В первой работе Маяковский подчеркивает, что как архивист Калачов начал свои занятия под руководством П.М. Строева и, таким образом, является носителем лучших архивных и археографических традиций⁵⁷. Он излагает суть его выступлений на Первом и Втором археологических съездах и высказывает мнение, что главным результатом было создание комиссии для подготовки архивной реформы, которая добилась решения двух основных вопросов: о прекращении массового уничтожения документов

(правда, решение вопроса большей частью осталось на бумаге) и о централизации управления архивами в отдельном ведомстве.

Маяковский подробно описывает историю противодействия ведомств архивной реформе, особенно выделяя позиции министерств иностранных дел и военного. Особой заслугой Калачова он считает создание на свои средства и на своей квартире специальной школы архивистов в 1877 г.

Убедившись на горьком опыте, каким тормозом являлось несочувствие к его делу министерств, Калачов главное внимание обратил на обеспечение архивному делу общественного внимания и сочувствия в провинции, что нашло свое выражение в создании губернских ученых архивных комиссий.

Маяковский в результате анализа деятельности Калачова в области архивной науки приходит к следующему выводу: лежавшие в ее основе идеи лишь частью были проведены в жизнь – созданы были Археологический институт и архивные комиссии, но они не были забыты и «явились новым звеном в выковывавшейся с таким трудом архивной традиции».

Как видим, в 1918–1920 гг. Маяковский главное внимание обращает на организационную сторону деятельности Калачова и незавершенность его архивной реформы.

Другая тональность наблюдается в его оценке роли и места Калачова, которая содержится в статье, опубликованной спустя почти четверть века, «Н.В. Калачов как историк-архивист». Нужно учесть, что он рассматривал статью во многом лишь как повод для изложения своих собственных взглядов на науку об архивах, поскольку время и условия ее опубликования, связанные с разгаром борьбы с космополитизмом, не давали ему иной возможности⁵⁸.

Отсюда пафос статьи, заключающийся в том, что советским архивистам есть чему поучиться у Калачова, чтобы так полюбить архивное дело, как любил его он. Прививая молодежи, общавшейся с ним, любовь к документу, Калачов тем самым пробуждал и воспитывал в ней любовь к родной стране, обладающей несметными документальными богатствами о своем прошлом.

Статью Маяковский начинает с утверждения, что потребность в науке об архивах не переставала ощущаться в России с начала XIX в., опуская исходный тезис Н.В. Калачова о том, что соответствующая наука уже создана на Западе, а Россия должна догнать западные страны в этом отношении. Он подчеркивает, что именно благодаря Калачову эта наука об архивах стала действи-

тельностью, хотя речь идет в данном случае о создании им ее оснований (в нашей терминологии – традиционного архивоведения).

Вся научная деятельность Калачова была обусловлена взаимосвязью русской исторической науки в целом и специальных исторических дисциплин, особенно источниковедения, археографии и архивоведения. Юрист по избранной им профессии, Калачов стал уже со студенческой скамьи источниковедом, а затем и археографом. Вершина его научной деятельности – изучение теории и практики архивного дела. Маяковский формулирует суть системы основных теоретических положений архивоведения по трудам Н.В. Калачова, которые, правда, больше напоминают систему взглядов самого Маяковского.

Главное в системе Калачова – идея о необходимости достижения «гармонического синтеза двух назначений архива: обслуживание государственного аппарата и отдельных лиц в части выдачи деловых справок и удовлетворение запросов исследователей». Именно поиск гармонизации этой «раздвоившейся цели» («преобладала в то время первая цель») проходит красной нитью через всю его деятельность как архивиста. При этом главную заслугу Калачова Маяковский видит в стремлении ввести в архивном деле *научные* приемы систематизации документальных публикаций. Маяковский подробно рассматривает взгляды Калачова на проблему уничтожения архивных документов, акцентируя внимание на его требовании при разработке различных приемов описания исходить прежде всего из интереса исследователей.

Калачов решал эту проблему, учитывая в первую очередь самоценность исторических документов, отложившихся в архивах. Калачов выступал за подход к архивам не только как к оперативным органам, но и как к научным учреждениям, в связи с чем он утверждал, что необходимо открывать свободный доступ в наши архивы и по возможности делать известными хранящиеся в них документы. К сожалению, не удалось выяснить точный источник этой цитаты, хотя подобные высказывания у Калачова присутствуют.

Маяковский приводит идею Калачова о «приближении документальных богатств своей родины к широким народным массам», иллюстрируя ее созданием губернских ученых архивных комиссий. Создание таких комиссий было со стороны Калачова вынужденным шагом. Больше надежд он возлагал на широкую правительственную программу деятельности в этом направлении.

Взгляды Калачова составили существенный этап в развитии архивоведческой мысли дореволюционной России.

И.И. Зубарев

Идеи Калачова нашли свое воплощение и развитие в научной и учебно-преподавательской деятельности профессоров созданного им Археологического института. В первую очередь это относится к современнику и сподвижнику Калачова, сотруднику Археологического института Ивану Ивановичу Зубареву, который первым достаточно точно охарактеризовал историческую роль и место Н.В. Калачова в отечественном архивном деле.

Поиски в архивах биографических данных о Зубареве пока не дали положительных результатов⁵⁹. Важное и во многом уникальное место в истории становления науки об архивах И.И. Зубарев занял как составитель, редактор, издатель «Сборника статей по архивоведению» и автор обширного введения к нему. В первом томе (ч. 1), который вышел в Санкт-Петербурге в 1910 г., помещены портрет Н.В. Калачова и его статья «Архивы, их государственное значение, состав и устройство». В этом же выпуске опубликованы тексты журналов Комиссии по устройству архивов (с 17 марта 1873 г. по 16 апреля 1876 г.) и статья Н.Н. Оглоблина «Провинциальные архивы в XVII веке» с документальными приложениями.

В части 2 первого тома выпуска 1911 г. опубликованы «Отчет о поездке за границу инженер-архитектора К.Я. Маевского (с техническими рисунками и чертежами)», записка директора королевских баварских архивов д-ра фон Легера, составленная автором по личной просьбе Н.В. Калачова, и статья Ю.В. Готье «Стокгольмский Государственный архив» с приложениями. По мнению Л.И. Шохина, Зубарев собирался продолжить выпуск своего «Сборника статей по архивоведению». Так, в 1910 г. И.С. Беляеву, в частности, он заказал статью о МАМЮ: «Пишите все, что найдете нужным. С портретов Иванова, Калачова и Попова закажите фотографу копии».

В 1911 г. он вновь возвращается к этой теме: «Мне хотелось бы о московских архивах дать целый выпуск, приблизительно листов 9–10. Может быть, Вы мне это и поможете устроить? Буду очень благодарен». В последующих частях первого тома предполагалось поместить еще несколько статей об иностранных архивах.

Второй том Зубарев планировал посвятить публикациям статей о российских архивах, в том числе об архивах Сибири, Кавказа, Царства Польского, Прибалтийского и Привисленского краев и Финляндии.

В третьем томе предполагались статьи практического содержания по архивоведению. К сожалению, вышли только две части первого тома, остальные планы остались нереализованными.

Важное научное значение деятельности Зубарева обуславливалось единством его подхода к истории, теории и практике архивного дела. Он видел главную цель издания сборников в том, чтобы, с одной стороны, дать учебное пособие по архивоведению слушателям археологических институтов, а с другой – необходимое руководство архивариусам, специального образования не получившим, но стремящимся более или менее основательно познакомиться с историей архивного дела в России, с теорией устройства архивов и в особенности с практическими приемами для более успешного приведения в порядок архивного материала.

По замыслу Зубарева двухтомный «Сборник статей по архивоведению» должен был помочь работе новой Комиссии по устройству русских архивов, которая обязана заняться всесторонними исследованиями о современном состоянии и нуждах архивного дела и выработать одинаковые для всех архивов правила, которые должны быть внесены на обсуждение Государственной думы и Государственного совета.

Эти заключительные слова из его введения свидетельствуют о том, что Зубарев намеревался вернуться к реализации проекта архивной реформы Н.В. Калачова. Однако его инициатива не была поддержана. Введение к первому тому сборника заслуживает отдельного рассмотрения в связи с тем, что он первым в отечественном архивоведении попытался дать законченный очерк истории архивов как части «истории культурного человечества».

Автор дает оригинальную периодизацию истории архивного дела в России по эпохам, не совпадающую ни с одной из существующих.

Отличительной особенностью Зубарева является также стиль изложения: афористичные характеристики архивных деятелей и эмоциональность тона. Впоследствии этот стиль будет характерен для лекций и статей А.С. Николаева – основателя архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г.

Проанализируем содержание введения.

Зубарев объясняет природу стремления человека хранить «древние предметы и вещевые памятники»: «Каждому человеку свойственно в той или иной степени желание знать прошлое

своих предков – “старину стародавнюю” своего народа, а у более просвещенных и развитых людей таковое желание простирается на весь род человеческий»⁶⁰.

Несмотря на некоторую наивность изложения по сравнению с языком современной науки здесь отчетливо угадывается цивилизационный подход к анализу истории возникновения архивов в масштабе всего человечества.

Автор анализирует генезис письменной памяти человека, в которой он выделяет три взаимосвязанные стороны:

историческую («от поколения к поколению передаются не предания, а записи, полагается прочный фундамент достоверной уже истории данного народа»);

юридическую («документы, обеспечивающие права как частных лиц, так и права государства»);

гуманитарную («возможность воплощать отблеск Божества в человеке – его живую мысль и делать ее достоянием будущих поколений»)⁶¹.

Архивы и библиотеки Зубарев рассматривает как особые помещения для хранения письменных памятников, которым культурные народы во все времена придавали громаднейшее значение.

Он дает подробное описание письменных памятников Древней Руси начиная с договоров Олега с греками (X в.).

Приводя примеры отношения просвещенных людей к памятникам письменной культуры как к святыням, Зубарев вместе с тем акцентирует внимание на случаях невежественного отношения к ним, особенно, по его словам, характерного для начальства всех степеней. При этом он произвольно смещает хронологические рамки, в равной степени обвиняя и тех, кто «оклеивал пергаменными листами типографские станки в XVII веке», и тех, кто уничтожал документы «на законном основании» уже «лет 30–40 тому назад».

Зубарев ссылается на собственные наблюдения: «В правилах для хранения и уничтожения решенных дел по одному из наших министерств мы встретили нелепый пункт, в соответствии с которым “продаже не подвергаются только такого рода дела, содержание коих признается подлежащим тайне”. Такие дела уничтожаются сожиганием при отоплении печей в здании – !!?» (пунктуация автора. – Т. Х.). После указания на причины гибели документов, связанные с необразованностью мелких канцеляристов, Зубарев замечает, что старшие чины канцелярий – начальники отделений, делопроизводители и столоначальники, которые, по

меткому выражению Николая I, и правят государством, считают для себя унижительным вникать в такие «мелочи». Их понятия об архивном материале не идут дальше извлечения из него необходимых для себя справок и списывания, иногда целиком, составленных антецессорами докладов. Все обстоит так, как повелось с учреждения министерств и даже ранее.

Касаясь истории архивного дела, Зубарев особо выделяет деятельность Петра Великого, с которого «начинается на Руси, если можно так выразиться, новая эра в архивном деле». Ее содержание он сводит к основанию специальных учреждений для хранения письменных актов, документов и дел, указывая, что распоряжение Петра о централизации хранения архивного материала, на целое столетие опередившее в данном случае Западную Европу, осталось лишь на бумаге.

Затем он характеризует архивное дело при Екатерине I, Анне Иоанновне и Екатерине II, особо выделяя деятельность «первого в России ученого архивиста Федора Ивановича Миллера» – «немца по происхождению, русского по духу». Но в целом научной разработкой архивов никто не занимался, если же что-либо и предпринималось в этом направлении, то в большинстве случаев это было делом частной инициативы немногих отдельных личностей (Петр Великий, Татищев, Миллер и др.), со смертью которых умирали их благие порывы. По его мнению, только со времен приснопамятного митрополита Евгения Болховитинова, графа Н.П. Румянцева и П.М. Строева взгляд на архивы понемногу стал меняться. Рассказ об их деятельности он заключает выводом о том, что митрополит Евгений и граф Румянцев не только указали на громадное историческое значение архивных сокровищ, но и показали часть их всему просвещенному миру.

В хронологической схеме развития отечественного архивного дела он даже выделяет особый период: «Просветительская деятельность графа Румянцева на пользу Родине навеки занесена на скрижали русской историографии под названием “эпохи Румянцева”».

Впрочем, оговаривается Зубарев, одновременно было положено основание другой эпохе в архивном деле, которую можно назвать «эпохой бумажных предписаний по устройству архивов, никого и ни к чему не обязывающих».

В связи с этим он подробнейшим образом характеризует ведомственные инструкции и правила, делая резкий, но обоснованный вывод о том, что правила были введены новые, а взгляды

на архивы у департаментского начальства оставались старые. Закон говорил одно, а на деле было совершенно иное. «Директора департаментов в двадцатых годах прошлого (т. е. XIX. – Т. Х.) столетия решительно не придавали никакого научного значения архивному материалу, смотрели на него как на никому не нужный старый канцелярский хлам, а потому давали понять окружающим, что архив есть нечто совсем неважное, третьестепенное, в роде свалочного места, и что там порядочному чиновнику делать нечего... Самая должность архивариуса считалась унижительной, так как в ней всякий чиновник видел конец служебной карьеры. К сожалению, этот твердо установившийся взгляд, перекатываясь от одного чиновничьего поколения к другому, дошел, наконец, и до нашего времени!» Однако, пишет Зубарев, все лучшие люди России, и в частности «люди науки в XIX веке, все более и более сознавая важное значение архивных сокровищ *в государственно-административном, общественном и научном отношениях* (выделено нами. – Т. Х.), воочию убеждались в неудовлетворительном их состоянии, что, естественно, должно было вызывать с их стороны особую заботу об изменении к лучшему этого важного дела».

Таким образом, впервые архивное дело рассматривается как общенациональный предмет заботы «всех лучших русских людей XIX века». Развивая свою мысль, автор приводит в доказательство образование особых ученых обществ, принесших несомненную пользу исторической науке. Среди них он выделяет учрежденную 14 июля 1828 г. при Академии наук археографическую экспедицию, начальником и инициатором каковой был П.М. Строев.

Но все способы и меры, предпринимаемые к улучшению архивов со стороны ученых обществ, частных лиц и правительства, носили скорее частный характер и касались лишь одной стороны архивного дела. «Литературы по архивоведению, если не считать нескольких заметок и статей, особого значения не имевших, долгое время на Руси совершенно не было, *как не существовало и самой науки архивоведения*» (выделено нами, разрядка автора. – Т. Х.).

Ключевой тезис статьи Зубарева состоит в том, что только с 1869 г. начинает рождаться совершенно новое течение в архивном деле в России, давшее прекрасные результаты и по справедливости имеющее право быть названным «славной эпохой Калачова».

Итак, от эпохи дописанных памятников истории и архивов-библиотек к эпохе Петра Великого, а затем через «эпоху Румянцева и бумажных предписаний» – к «славной эпохе Калачо-

ва». Такова, согласно Зубареву, была логика развития архивного дела и отечественного архивоведения (он пишет это слово через два «ять», т. е. понимает ее не как ремесло, а как науку об архивах). Именно потому, что он обуславливает эту логику все большим осознанием обществом и самим государством архивов как жизненно важного для их существования и национального самосознания феномена, исторический очерк Зубарева можно считать первой оригинальной попыткой подлинно *научной* оценки генезиса, становления и развития системы архивоведческих взглядов от дописьменных времен и до «посткалачовского» периода.

В заключение он пишет, что в истории архивного дела в России высокое имя Н.В. Калачова и как проповедника новых взглядов на архивы, и как организатора археологических институтов и архивных комиссий, и как исследователя древнерусского права, и, наконец, как первого профессора по *архивоведению*, навсегда останется славным. Благодаря ему появилась новая наука, составляющая вполне самостоятельную отрасль исторического знания. «И если бы не рутинные взгляды некоторых ведомств и не нищенское содержание архивариусов, то, несомненно, большая часть русских архивов находилась бы в образцовом состоянии».

И.И. Зубарев считает научное изучение архивов составной частью всеобъемлющей науки, которую он называет отечествоведением, и этот предмет, по его мнению, необходимо изучать каждому гражданину: «В наших учебных заведениях всех типов и наименований требуются широкие познания обо всем на свете, кроме Родины». При этом особенно актуально звучат его слова о том, что в Западной Европе такой взгляд на изучение своей истории давно вошел в жизнь народа, а потому там дорожат самым незначительным памятником и прекрасно осознают, что беспорядок в архивах есть внутренняя болезнь государства, а потому там, не жалея ни средств, ни времени, давно уже принялись эту болезнь лечить и достигли блестящих результатов⁶². Отсюда следует его предложение об учреждении вновь *из специалистов-архивоведов* особой Комиссии по устройству русских архивов, которая займется всесторонними исследованиями о современном состоянии и нуждах архивного дела в России и «выработает *одинаковые для всех архивов правила, которые и должны быть внесены на обсуждение Государственной Думы и Государственного Совета*»⁶³ (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.).

Выведение архивного дела на уровень общенациональной задачи государственного значения дает достаточные основания

для того, чтобы считать И.И. Зубарева одним из основоположников науки об архивах нового типа, фундамент которой был заложен Калачовым и которая получила свое развитие уже в новом, классическом, архивоведении XX в.

И.Е. Андреевский

Другим продолжателем идей Калачова был Иван Ефимович Андреевский (1831–1891)⁶⁴.

Поскольку проект Андреевского по преобразованию архивов не был вынесен на суд широкой общественности, опубликованные источники по данному вопросу отсутствуют. Документы о его разработке и рассмотрении в правительственных сферах отложились в фонде Петербургского археологического института (РГИА. Ф. 119), а также в фонде Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 733). В частности, в фонде 119 (Оп. 1. Д. 48) находится записка Андреевского «О некоторых реформах Археологического института, в связи с его заботами о приведении в порядок русских архивов», анализ которой привел к выводу о преемственности основных идей Андреевского с аналогичными замыслами Калачова, хотя и на более локальном уровне. Основные биографические данные о жизни Андреевского находятся в формулярном списке ученого, хранящемся в Российском государственном историческом архиве.

И.Е. Андреевский – юрист-правовед и историк-архивист, один из первых русских архивоведов, родился в 1831 г. в семье известного петербургского врача.

Окончив гимназию, он в 1848 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1852 г. после окончания университета поступает на службу в камеру петербургского губернского прокурора и одновременно готовит магистерскую диссертацию на тему «О правах инородцев в России до вступления Иоанна III на престол Великого княжения Московского», которую защитил в 1854 г. Начиная с 1855 г. он более 30 лет преподавал в Петербургском университете, последовательно пройдя все ступени научной и административной иерархической лестницы – от адъюнкта до заслуженного профессора и ректора. В 1864 г. после защиты диссертации «О наместниках, воеводах и губернаторах» становится доктором государственного права. Анализу этой работы Н.В. Калачов посвятил отдельное исследование⁶⁵.

Главным научным трудом Андреевского является его двухтомный учебник «Полицейское право»⁶⁶. Н.В. Калачов пригласил его в Петербургский археологический институт для чтения курса лекций по истории полицейского права и земских учреждений.

После смерти Калачова в 1885 г. Андреевский сменил его на посту директора Института и заведующего кафедрой архивоведения, продолжая оставаться ректором Петербургского университета. С 1887 г. он полностью отдал себя работе на посту директора Института, развивая научные принципы Н.В. Калачова.

Как указывал К.А. Мазин, Андреевскому, незнакомому с практической работой архивов, было, вероятно, крайне трудно продолжить курс по архивоведению, не снижая того высокого профессионального уровня преподавания основной дисциплины, на котором читал его «король архивов» Калачов, но он сумел преодолеть это благодаря своему трудолюбию и усердию⁶⁷.

По его инициативе для изучения зарубежного опыта за границу был направлен выпускник Петербургского археологического института Н.С. Ланской, который познакомился с состоянием архивов Франции и Бельгии, а также прослушал курс лекций в Школе хартий в Париже.

В конце 1880-х годов Андреевский выступает с проектом архивной реформы, в основе которой лежит идея централизации управления архивным делом России. Предлагались следующие меры.

1. Функции центрального органа управления архивами должны были быть возложены на Петербургский археологический институт, который опирался бы в своей деятельности на губернские ученые архивные комиссии.

2. Все архивы делились на исторические и текущие, причем текущие исключались из предлагаемой системы архивной централизации.

3. В ведение ПАИ переходили уже существовавшие местные исторические архивы (Киевский, Виленский, Витебский и Харьковский).

4. Для документов столичных низовых учреждений предполагалось учредить архив в Петербурге.

5. В губернских центрах губернские ученые архивные комиссии должны были создавать исторические архивы. Все исторические архивы концентрировали документы 50-летней и более давности.

Проект реорганизации архивного дела, несмотря на свою ограниченность по сравнению с аналогичным проектом Калачова (из сферы его применения практически исключались крупнейшие исторические архивы Петербурга и Москвы: не подлежали включению в систему централизации архивы министерств иностранных дел, морского и двора, Государственного совета, Синода, МАМЮ, ВУА), являлся свидетельством дальнейшего развития отечественной архивоведческой мысли в эпоху, когда деятельность Калачова уже закончилась, а деятельность Самоквасова в этом же направлении еще не началась.

Много места в работах Андреевского занимает разработка мер по совершенствованию деятельности комиссий, целью которой он считал создание губернских исторических архивов в виде цельных коллекций актов, свидетельствующих о прошедшем губернии. Борьба за реализацию проекта реорганизации архивного дела на основе взаимодействия Петербургского археологического института и губернских комиссий в России окончилась неудачей.

После смерти Андреевского в 1891 г. его план реформ был оставлен без движения в министерских канцеляриях и других бюрократических учреждениях, куда был направлен для согласования. Этому способствовал отрицательный отзыв «покровителя института» великого князя Сергея Александровича, которому в свое время Андреевский преподавал основы государственного права. В записке, направленной ученому в ответ на посланный князю проект архивной реформы, говорилось: «Его Высочество, совершенно разделяя Ваше мнение, находя мысль правильною и предоставляя Вам, если надеетесь на успех, действовать по усмотрению, полагает, что проект вряд ли осуществим по грандиозности и обширности программы, неудобоисполнительности и встретит непреодолимые препятствия»⁶⁸.

К числу важных в теоретическом и методологическом планах идей Андреевского современные исследователи относят его предложения о централизации исторических архивов, создании единого карточного каталога для них, а также о публикации архивных документов особой важности в специальном приложении к «Вестнику Петербургского археологического института». Так, в одном из более поздних изданий работы «Наука об архивах» (СПб., 1887) в главе «Устройство архивов и их ведение» он писал: Ввиду предприятий, добытых Баварией, а также Пруссией и Бельгией, представляется весьма желательным иметь центральное управление всеми историческими архивами страны, на которое

могут быть возложены такие функции: 1. Сосредоточить в этом учреждении (конечно, постепенно) карточки всех исторических архивов. 3. Содействовать накоплению персонала работающих в архивах лицами знающими. 5. Содействовать установлению связи между историческими архивами и историческими обществами⁶⁹.

В 1890–1891 гг. он возглавлял общую редакцию Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, поместив там ряд крупных статей, в частности: «Архивы», «Архивоведение, или Наука об архивах», «Археологические институты и археологические школы», «Архивное право», «Архивные ученые комиссии».

Андреевский всегда подчеркивал роль Калачова, создавшего Петербургский археологический институт по образцу парижской Школы хартий. По его мнению, цель Школы – на научном поприще померяться силами с Германией и тем самым сохранить за Францией ее почетное место в Европе.

Для Андреевского, как и для Калачова и Зубарева, важно было обратить внимание правительства и общества на государственную роль архивов, на их место в процессе развития общенационального самосознания.

Для становления классической науки об архивах наибольшее значение имеет сформулированная Андреевским концепция единения архивов в масштабах «отдельной страны, а впоследствии – целого мира с целью обеспечения всеобщих научных работ». Именно эта часть его лекций выпала из поля зрения исследователей, поэтому представляется целесообразным проанализировать ее более детально.

Уже во введении к «Науке об архивах» он намечает пути к познанию сути архивов – к целостной характеристике их онтологической, гносеологической и социокультурной сторон. И.Е. Андреевский прежде всего разделяет значение архивов «в обширном» и в «тесном» толкованиях этого понятия.

Значение [архивов] в «обширном» смысле, по мнению Андреевского, определяется изначально тем, что «как отдельному человеку, размышляющему и действующему, так и единению людей, особенно же единению политическому, свойственно желание и стремление сохранить следы своих мыслей и деяний на будущее время»⁷⁰.

Со времен Калачова в русском архивоведении утвердилась концепция происхождения архивов в «обширном» понятии этого слова непосредственно из попыток человека зафиксировать память о своем пребывании на земле для будущих потомков. Это отныне становится своеобразной визитной карточкой отечествен-

ной науки об архивах, которая впоследствии определила характер классического архивоведения. Андреевский отмечает, что по мере развития письменности потребовалось создавать архивы «в тесном» значении этого понятия. И уже в этом тесном значении архив относится к четырем родам.

Архив как хранилище документов характера юридического.

Архив как хранилище правительственных и общественных документов, имеющих государственную важность. Особое значение в этом отношении [имеют] военные и финансовые архивы.

Архив как хранилище документов чисто исторических. Его связь и близость с библиотекой [несомненна], но отличие состоит в деле управления и способах пользования.

Архивы частных лиц и союзного строя (т. е. смешанного характера. – Т. Х.).

Затем следует вывод Андреевского, который служит «точкой бифуркации» между традиционным (эмпирическим) архивоведением и зарождающейся наукой об архивах нового типа – классическим архивоведением: «Наука об архивах пытается в настоящее время всем этим четырем видам архивов сообщить единство. Доставка такового в отдельной стране может иметь последствием *единение архивов целого мира*: обеспечение всеобщих научных работ»⁷¹. В этих строках, написанных в 1887 г., предвосхищена современная идея создания единого архивно-информационного пространства в глобальном масштабе.

А.П. Воронов

Последним представителем школы Калачова является Александр Петрович Воронов (1864–1912). Родился в Петрозаводске. Окончил с золотой медалью местную гимназию, затем историко-филологический факультет Петербургского университета, являлся сотрудником многих энциклопедических изданий рубежа XIX–XX вв.

Его работа «Архивоведение»⁷² носит во многом компилятивный характер, что, по-видимому, дало основание Д.Я. Самковасову назвать его случайным лектором, учителем гимназии и одновременно библиотекарем. «Курс этого лектора, – писал он, – читаемый по одному часу в неделю, не имеет ничего общего с “наукой архивоведения”, преподаваемой в западноевропейских университетах профессорами-специалистами»⁷³.

В Российском государственном историческом архиве⁷⁴ содержится указание на то, что А.П. Воронов несколько лет проработал архивариусом в Петербургском университете, неоднократно обследовал русские архивы и выезжал во Францию для знакомства с работой Школы хартий.

«Архивоведение» А.П. Воронова во многом представляет собой возврат к более узкому, чем у Калачова, Зубарева и Андреевского, пониманию архивов. Так, во введении он определяет значение слова «архив» (в переводе на современный язык) как «особое учреждение для хранения письменных актов и вообще бумаг, имеющих какое-либо историко-юридическое значение». Поэтому, с его точки зрения, летописи, записки, письма и т. п. должны храниться не в архиве, а в библиотеке.

Архивы в собственном смысле слова, по Воронову, представляют собой дела, выделенные из текущего делопроизводства, а исторические архивы соответственно те, которые окончательно отделились от текущего делопроизводства, т. е. в них хранятся материалы более или менее древние. По мнению ученого, главное значение архивов – практическое (юридическое): «Повсеместность архивов ясно свидетельствует о том, что эти учреждения созданы практической необходимостью, их очевидной пользой для обыденной жизни». Отсюда следует вывод: «На деятельность по устройству архива можно смотреть с двух точек зрения:

как на ограждение прав, которые принадлежат многочисленным разрядам так называемых юридических лиц,

как на услугу и, пожалуй, жертву, приносимую науке».

В комментариях к списку литературы Воронов указывает, что каждое министерство *имеет право* (выделено нами. – Т. Х.) давать инструкции и правила архивам своего ведомства, причем приводит длинный список правил, изданных, например, министерствами иностранных дел, юстиции, военным, морским, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ, св. Синода и т. п.⁷⁵

Соответствующим образом построена и его книга. Отдельные главы посвящены следующим темам: «Помещение и внешнее устройство архивов» (гл. 1), «Система расположения архивного материала» (гл. 2), «Описание дел и составление указателей» (гл. 3), «Принятие архивом дел и включение принятого в архивный материал» (гл. 4), «Выдача справок и допущение к занятиям посторонних лиц» (гл. 5), «Уничтожение дел» (гл. 6) и «Управление архивом и централизация архивов» (гл. 7). Все главы и разделы

представляют собой добросовестное изложение взглядов, содержащихся в доступной Воронову архивоведческой литературе. Но его концептуальные взгляды на суть и значение архивов, а также на задачи архивиста уже не отвечали достигнутому уровню архивоведческой мысли и в России, и в Западной Европе.

Отметим в этой связи, что в издании «Древности. Труды Археографической комиссии Имп. Археологического общества» Н.Н. Харузин (речь идет о сотруднике МАМЮ самоквасовского призыва, как его называет Л.И. Шохин в «МАМЮ и русская историческая наука») опубликовал для сведения русской научной общественности результаты анализа новейшей работы французского историка, источниковеда и архивоведа Ш. Ланглуа «Наука об архивах», опубликованной в «Revue internationale des archives et des Musees». Отмечая, что Ланглуа не знаком с русской архивоведческой литературой, Харузин акцентирует внимание русских читателей на том, что, по мнению французского ученого, в постановке архивного дела произошел коренной перелом сравнительно с еще недавним прошлым, а именно: «практические цели архивов, прежде бывших, по выражению автора, арсеналами для юридических доказательств своих прав, отходят все больше на второй план, их заменяют цели ученые: архивы обращаются в хранилище исторических сведений. Заведующие этими хранилищами за последние 100 лет сделали многое для обогащения их, благодаря их трудам возникла *наука об архивах в ее современном виде*» (выделено нами. – Т. Х.), хотя она, даже в Германии, по сравнению с теорией и практикой библиотечного дела, «находится еще в младенческом состоянии»⁷⁶.

Трудно предположить, что Воронов не был знаком с работой Ланглуа если не в оригинале, то хотя бы в изложении автора рецензии на монографию французского ученого, помещенную в доступных ему «Трудах Археографической комиссии». Тем не менее в целом его взгляды далеки от того понимания сути архивов, которое заявлено в работах его предшественников по Петербургскому археологическому институту и многих современников, включая Ш. Ланглуа.

Воронов переводит на русский язык немецкие понятия «archivwissenschaft» (французский синоним «science des archives») и «archivkunde» («service des archives»)⁷⁷. Калачов и особенно Зубарев, как показывает наш анализ, понимали характер науки об архивах гораздо шире. Они не сводили характер архивной науки к утилитарной задаче, связанной с выработкой основ наилучшего и

наипростейшего устройства и ведения архивов, обеспечивающего не только сохранность архивных материалов, но и удобство пользования ими в научных и деловых интересах. Правда, Воронов подчеркивает и важность второй задачи архивоведения – сделать содержание архивов известным и ввести его в научный оборот не только своего народа, но и международный. Но и такая формулировка уступает по глубине дефиниции задаче по «всемирному единению архивов», сформулированной И.Е. Андреевским.

Однако именно широкий диапазон изученных Вороновым русских и иностранных источников позволил ему включить в свои работы сведения о самых современных взглядах на архивную практику, которые он изложил в одной из глав «Архивоведения», а также в докладе «Французские областные архивы»⁷⁸. Воронов впервые в отечественной литературе употребил термин «фонд», давая его, впрочем, без перевода на русский язык. Касаясь вопроса классификации департаментского архива во Франции, он пишет: «Каждая серия представляет собой несколько так называемых fonds. Fonds – это совокупность бумаг, принадлежащих одному учреждению, одной корпорации, одной фамилии (очевидно, имеется в виду семья, род. – *Т. Х.*), одному лицу. Словом, fonds – это исторически сложившаяся группа дел. Классифицировать *par fonds* (по фондам. – *Т. Х.*) – значит соединить вместе те бумаги, которые были собственностью одного учреждения, одной корпорации, одной фамилии, одного лица. Внутри fonds бумаги располагаются смотря по удобству, или в хронологическом порядке, или в топографическом, или в алфавитном»⁷⁹.

Судя по приведенной выдержке, автор в конце XIX в. еще не вполне уяснил революционное значение принципа пофондовой систематизации дел, употребив механистическое понятие «соединить бумаги вместе». Во всяком случае, участники Киевского археологического съезда в 1899 г. в ответ на его выступление на съезде немедленно возразили, что средоточие всех архивов в одном из министерств едва ли можно признать и желательным, и возможным и что трудно, почти невозможно отделить от учреждений их архивы⁸⁰. Но уже в более поздней работе «Архивоведение» (1904) Воронов расширил и уточнил понимание принципа классификации по фондам, определив его как принцип систематизации дел на исторической основе. Именно он дал первое научное определение данного принципа: «Истинный принцип архивного порядка есть историческое распределение архивного материала. Эта система не навязывается извне, а вытекает

из самого содержания архива. *Все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве. Распознать эти организмы в архиве есть первая задача каждого истинного архивариуса. По удачному сравнению Делаборда, библиотека есть нечто, тогда как архив есть некто, а потому архив не может расчленяться произвольно, как библиотека. Каждый старый архив включает определенные, исторически сложившиеся составные части, которые должны быть обязательно сохранены»* (выделено нами. – Т. Х.)⁸¹.

В данном случае встречаемся с одним из редчайших явлений в истории науки: автор формулирует вполне очевидные для него принципы архивного дела, не отдавая себе отчета в том, что удачная трактовка французского понимания *fonds* как лучшей формы расположения архивного материала становится основой для революционной перемены во взглядах на все содержание работы архивиста и науки об архивах. То, что интуитивно осознавалось наиболее мыслящими представителями традиционного архивоведения, в чеканных строках Воронова стало самым кратким изложением «теоретического ядра» новой науки об архивах, которую называют классической.

Комментируя взгляды Воронова, В.Н. Автократов указал на то, что русский ученый справедливо отметил непоследовательность французских архивистов, которые, например, сохраняют наряду с фондовым принципом классификации искусственную группировку дел по сериям, выделяя за счет всех отделов документы в серию А (Акты верховной власти и государственного имущества), нарушая тем самым принцип целостности фондов⁸².

Даже у французских архивистов, по мнению Е.В. Старостина, не было однозначной оценки введенного ими принципа – принципа происхождения (уважения к фонду), который заменил предметно-логический принцип⁸³. Принцип происхождения ведет свое начало со знаменитой «Инструкции о приведении в порядок классификации архивов» МВД Франции от 24 апреля 1841 г., составленной Н. де Вайи для департаментской администрации.

Не касаясь специальных археографических проблем, исчерпывающим образом проанализированных в трудах современных исследователей (С.Н. Валк, В.П. Козлов, С.В. Чирков и др.), приведем в качестве примера два во многом противоположных подхода к задачам описания архивных материалов тех предшественников Калачова, взгляды которых доминировали во время его работы в МАМЮ.

А.Х. Востоков

В первую очередь отдельного доксографического очерка в этом плане заслуживает Александр Христофорович Востоков (Остенек) (1781–1864)⁸⁴ – филолог, поэт, археограф и архивист. Знаток истории русской литературы, автор знаменитой работы «Описание областного великорусского языка», первый издатель древнейшего памятника XI в. «Остромирово Евангелие», академик (1841).

Для истории архивного дела наибольший интерес представляет составленное и изданное А.Х. Востоковым в 1842 г. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея». В нем представлены научно-справочные сведения о почти 500 славянских и русских рукописях XIII–XIX вв. Над этим трудом он работал 18 лет. Многие из архивистов при описании документальных материалов использовали труд Востокова как образец, которому нужно следовать.

Востоков рассматривал описание как средство раскрытия содержания документальных памятников старины, способствующих «принести некоторую пользу ученому миру». Он был сторонником описей, построенных по алфавиту названий рукописей, или, как говорил, «по азбучному порядку заглавий, а не по форматам и не по содержанию». Иногда алфавитный порядок названий подменялся алфавитным порядком имен авторов рукописей.

Наиболее целесообразной системой построения описей Востоков считал *предметно-систематическую*, согласно которой предлагалось описываемые материалы группировать по содержанию и располагать в порядке их значимости. Однако этот теоретический принцип Востоков не мог в полной мере осуществить на практике.

Он писал, что предпочел бы разделить каталог рукописей по содержанию на отделения богословия, истории и т. д., если бы в одной и той же рукописи не содержались зачастую разнородные части, и к богословию, и к истории, и к другим предметам относящиеся.

В отличие от П.М. Строева, сторонника приемов краткого описания, Востоков стоял на противоположных позициях. Он подходил к описанию рукописей с точки зрения историка-археографа, *палеографа и языковеда*, а не архивиста. Считал обязательным при описании рукописей не только давать их заголовки, указывать формат, количество листов, писчий материал, датировать и т. д., но

и раскрывать самым детальным образом содержание каждой рукописи, обращая особое внимание на наиболее важные с точки зрения составителя описи места. Он требовал приводить в описании обширные выписки из документов, воспроизводить начертания букв, не исправлять ошибки писцов. Кроме того, А.Х. Востоков считал необходимым давать в описании анализ документов, точно устанавливать их авторскую принадлежность, адресата, место и время происхождения и т. д. В этой связи характерно его указание по поводу копирования одной из рукописей старославянского перевода греческой поэмы Константина Манассия в Ватиканской библиотеке: «Места нелюбопытные (по-видимому) для историка могут быть весьма любопытны и поучительны для грамматика и антиквария», поэтому в ней нельзя исправлять ни одной буквы.

Взгляды А.Х. Востокова нашли применение в составленном им описании рукописей Румянцевского музея. Описание получилось объемным: минимальный размер описательной статьи занимал пять-шесть страниц большого формата.

В дискуссии о принципах описания между Востоковым и Н.П. Румянцевым, с одной стороны, и П.М. Строевым и К.Ф. Калайдовичем – с другой, впервые в русской археографии оформились представления о двух типах научно-справочных пособий: *библиографическом* (учетно-регистрационного характера) и *энциклопедическом* (с элементами исследования источников, включенных в описания).

К.Ф. Калайдович

Для сравнения приведем изложение взглядов оппонента Востокова. Им был прежде всего Константин Федорович Калайдович (1792–1832)⁸⁵ – археограф, историк, активный член Румянцевского кружка.

Вся научная деятельность К.Ф. Калайдовича была связана с собиранием, описанием и изданием исторических источников. Только тогда, писал он в 1824 г., «должно ожидать открытий, когда многочисленные книгохранилища, на пространстве нашей империи рассеянные, будут ученым образом исследованы и описаны». Еще студентом он принимал участие в такого рода работах, описывая книжные коллекции Ф.Г. Баузе и П.К. Хлебникова. Окончив в 1810 г. Московский университет, напечатал ряд статей в «Вестнике Европы».

Выбранный членом Общества истории и древностей российских, Калайдович составил рефераты «О древностях славяно-русских», «Замечания на статью князя Щербатова об одной монете» и др. По его предложению общество предприняло издание «Русских достопамятностей». Он же стал и его редактором. В 1814 г. Калайдович поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел.

Вскоре его постигли неудачи: он запил, был замешан в громком скандале во Владимире. Чтобы избавить Калайдовича от судебного преследования, отец объявил его сумасшедшим. Полгода он провел в доме для умалишенных, а затем год в Песношском монастыре на положении послушника. После выхода из монастыря пробыл некоторое время в Калуге, где нашел ценную рукопись Кириши Данилова «Древнерусские стихотворения» и издал ее в 1818 г. с обстоятельным предисловием, представляющим первый опыт исследования русского былинного эпоса.

С 1817 г. К.Ф. Калайдович участвует в работах Румянцевского кружка; в должности контркорректора он принял участие в подготовке изданий Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском архиве Министерства иностранных дел. По его настоянию Общество истории и древностей российских выпустило 13 листов издания Лаврентьевской летописи. В том же 1817 г. он присоединился к знаменитой археографической экспедиции П.М. Строева. В этой поездке им были сделаны такие крупные находки, как «Судебник Ивана III» и знаменитый «Святославов изборник 1073 г.».

В 1818 г. Калайдович в рецензии на описание рукописи Академии наук *впервые в архивоведении* сформулировал основные принципы описания:

«Держаться предположенного однообразия плана, то есть, разделив рукописи по форматам, означать заглавие каждой особенными буквами. Дабы отделить свое чтение от древнего, сохранять везде верный счет листов, исчислять все статьи, нередко в рукописях под одним заглавием помещенные, замечать в оных только значащие приписки и в недостатке указания времени, к коему рукопись принадлежит, определять с вероятием век ее писания, тщательно замечая, уставным, полууставным почерком или скорописью она начертана».

Калайдович был сторонником форматного принципа расположения рукописей в каталогах – тогда возростала роль указателя. В нем он видел единственную систему и надежный ключ, где «под

означением автора приведены все разбросанные по библиотеке его творения, под наименованием известной книги собраны все номера одного названия». В результате на 729 страниц описания библиотеки гр. Ф.А. Толстого приходится 80 страниц «Азбучной росписи именам сочинителей, переводчиков, писцов, вкладчиков и других лиц, географическим названиям мест, монастырям, церквам и ученым предметам»⁸⁶. Речь идет о богатой коллекции памятников древней письменности, которая была собрана Толстым при деятельном посредничестве и содействии со стороны Калайдовича. Поэтому вполне справедливо, что Толстой поручил их описание именно ему. Этим он занимался с 1818 по 1824 г. Но затем граф, вопреки обещанию, продолжение описания поручил П.М. Строеву. Неожиданный удар потряс Калайдовича.

В это тяжелое время Калайдовича поддержал Н.П. Румянцев, поручивший ему составить описание славянских и русских рукописей Московской синодальной библиотеки. Калайдович принялся за работу, но смерть Румянцева окончательно его подкосила. У него вновь проявились признаки душевного расстройства.

В 1828 г. Калайдович пытается еще издавать журнал «Русский зритель». Однако полностью его здоровье так и не восстановилось. Он умер в 1832 г.

Следует отметить сочинение Калайдовича «Иоанн, экзарх болгарский», посвященное истории славянского языка и литературы в IX и X столетиях (1824). В приложениях помещены тексты сочинений и переводов Иоанна. Богатство представленного в нем нового материала и основательные выводы позволили занять этому сочинению одно из первых мест в ряду русских трудов по славянской филологии.

Из трудов и изданий Калайдовича наиболее известны: «Русские достопамятности» (ч. 1, 1815); «О языке Слова о полку Игореве» (1818); «Законы великого князя Ивана III и Судебник царя Ивана IV» (1819); «Памятники российской словесности XII в.» (1821). В «Памятники российской словесности» были включены творения Кирилла Туровского, Слово Даниила Заточника и пр., «Описание рукописей графа Ф.А. Толстого» (1825).

Среди трудов Калайдовича особо выделяются его теоретические разработки и практика применения правил составления описей. Он возражал Румянцеву и Востокову, которые видели научность описания в обширных выписках из источников, их филологическом и грамматическом анализе.

«Иное дело составить подробный и ученый каталог рукописям, – писал он, – который должен освещать неприкосновенные доселе книгохранилища верным указанием всего в них содержащегося, но совсем другое – дать душу сим тлеющим памятникам и оживить их». И пояснял: «Если историк объявляет требования, чтобы в нашем каталоге показаны были все отличия, находящиеся в хронографах, и сделаны из оных выписки, то такое же имеет право и оратор, и стихотворец, и медик, и математик, – т. е. или все и каждый, что практически неисполнимо, или никто»⁸⁷. Именно эти выработанные К.Ф. Калайдовичем принципы описания были поддержаны Н.В. Калачовым. Во многом они определялись состоянием современной ему исторической науки. Это была пора собирания исторического материала, из которого научной разработке доступны были лишь детали, частности. Отсюда теоретические положения, формулируемые Н.В. Калачовым в первый период его работы в МАМЮ. Таким образом, Калачов был преемником как минимум двух противоречивших друг другу подходов к обработке письменных памятников, и, работая с архивными материалами, он должен был сделать трудный выбор.

В практике описания рукописных книг и сегодня применяются в основном принципы и подходы, сходные с теми, которые разработал и использовал на практике К.Ф. Калайдович. Но это касалось только описаний и не относилось к масштабному перемещению архивных материалов по новой схеме систематизации.

Первым исследователем, который в 1948 г. провел аналогию между методикой анализа Русской Правды и архивоведческими взглядами Н.В. Калачова, был И.Л. Маяковский. В статье «Н.В. Калачов, как историк-архивист» он писал, что призывая на заре своей научной деятельности *юридический* (выделено нами. – Т.Х.) анализ содержания Русской Правды, Калачов разбил статьи памятника на систематические предметные группы, относящиеся к государственному праву, к гражданскому праву, к преступлению и наказаниям и судопроизводству⁸⁸.

Этот принцип систематизации изучаемых материалов Калачов *рекомендовал* применять и при упорядочении документальных материалов архивов. Подвергнуть документы какого-либо архива надлежащему разбору значит распределять их на отделы или разряды по различию их содержания, считал он.

В брошюре Калачова «Архивы» есть существенное примечание, свидетельствующее о требовании Калачова сочетать

логическую систематизацию с принципом недробимости фондов (такое название принцип получил позднее):

«Расположение документов, кажется, всего удобнее сделать прежде всего по местностям, а затем – по предметам ведомств и притом в хронологическом порядке. Разумеется, к этому надо приступать с осторожностью без искусственного дробления сложившегося комплекса дел, ибо нередко можно в одном производстве найти производство, разнородное ведомству, а *разделять документы нельзя*» (выделено нами. – Т. Х.)⁸⁹.

И наконец один из самых преданных воспитанников Калачова Н.Н. Оглоблин, работавший в ученом отделе МАМЮ, определил подход к хранению архивных материалов следующим образом:

«Как для юридических справок, так и для научных занятий в архиве весьма важно, чтобы дела известного учреждения хранились сосредоточенными в одном месте. Разделять дела одного учреждения между двумя и более местами хранения – вопиющее нарушение самых азбучных истин архивного дела»⁹⁰. В качестве примера добросовестного и в высшей степени профессионального труда архивистов МАМЮ приведем два кратких доксграфических очерка, посвященных лучшим сотрудникам архива, отдавшим все свои силы составлению описей.

И.Д. Беляев

Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873) проработал в МАМЮ с 1844 по 1852 г. Он руководил составлением описи грамот Коллегии экономии, которой Екатерина II передала управление секуляризованными церковно-монастырскими землями. В Московском государственном архиве старых дел, предшественнике МАМЮ, они хранились в виде беспорядочной груды документов. По существу их научное описание началось только после рапорта директора архива П.И. Иванова министру юстиции в конце 1847 г. и продолжалось до 1859 г.

В формуляре (личном деле) директор архива П.И. Иванов как особую заслугу И.Д. Беляева отметил, что он составил для архива формы описей, т. е. разработал методику описания архивных документов. При этом директор архива подчеркивал, что Беляев занимался этим «ученым трудом» в свободное от других служебных обязанностей время.

С 1852 г. он совмещал работу в должности начальника 2-го отделения (бывший Московский архив старых дел) с преподаванием на кафедре русской истории в Московском университете. Работая в архиве, ему приходилось преодолевать сильные боли от «бродячего ревматизма», полученного, по словам Беляева, в «архивных залах».

В 1851 г. он писал историку М.П. Погодину о том, что завален работой, не видит ни дня ни ночи, работа черная, срочная. Он подготовил научное описание тысяч столбцов Московского стола Разрядного приказа, которые затем были изданы в четырехтомном сборнике «Дворцовые разряды».

С 1848 по 1857 г. И.Д. Беляев был секретарем Московского общества истории и древностей российских. В 1865 г. перешел на постоянную работу в Московский университет в звании профессора. Ни у кого не нашлось ни малейшего повода упрекнуть его в непрофессионализме или в неуважении к архивным материалам.

Н.Н. Оглоблин

Другим представителем «школы МАМЮ», работавшим непосредственно под руководством Калачова, был Николай Николаевич Оглоблин (1852–?).

Н.Н. Оглоблин окончил Киевскую духовную академию. Поступив на службу в «ученое отделение» Московского архива Министерства юстиции, получил (под руководством Н.В. Калачова) специальную архивно-историческую подготовку в Московском археологическом институте. В «ученом отделении» работал при Калачове, его преемнике Н.А. Попове и Д.Я. Самоквасове в общей сложности 17 лет (с 1880 по 1897 г.). Был уволен Д.Я. Самоквасовым в результате резких разногласий по определению главных направлений работы архивиста.

В 1898 г. Н.Н. Оглоблин опубликовал резкую статью «Ответ недобросовестному критику» с подзаголовком «По поводу “Архивного инвентаря” Д.Я. Самоквасова». В ней он защищал принципы и методы работы своего учителя – Н.В. Калачова.

За время работы в архиве Оглоблин составил «Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа» (1884), затем в течение восьми лет занимался подготовкой к изданию «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа» (четыре части изданы

соответственно в 1895, 1898, 1900 и 1903 гг.), одновременно шесть лет служил архивариусом Литовской метрики.

Первая крупная работа, написанная Н.Н. Оглоблиным еще во время учебы в институте, – карта Полоцкого повета во второй половине XVI в. с обширной объяснительной запиской (III и IV книги «Сборника Археологического Института», 1880). В «Чтениях Общества истории и древностей российских», «Журнале Министерства народного просвещения», «Русской старине», «Киевской старине» и других журналах он опубликовал ряд найденных им документов, а также много статей, главным образом по истории Украины (Малороссии) и Сибири (XVII и XVIII вв.).

После 1902 г. исторические работы Оглоблина появляются редко, но в «Историческом вестнике», «Русском богатстве», «Вестнике знания» и других изданиях печатаются его путевые заметки и результаты наблюдений над провинциальными (особенно деревенскими) настроениями в период после событий 1905 г.

О том, как кончилась жизнь Оглоблина, известно мало. Л.И. Шохин установил, что его последнее письмо было датировано 15 марта 1918 г. и направлено из приволжского городка Васильсурска, где он прожил к этому времени около 10 лет.

Таким образом, ни Калачов, ни его последователи не нарушали на практике принципа недробимости фондов, хотя на раннем этапе они допускали при *описаниях* материалов возможность группировать их *в целях объяснения* по тематическому признаку, т. е. по предметным рубрикам, не разрушая исторически сложившейся целостности.

Итак, реальная картина в архивах, руководимых «мнимыми» оппонентами взглядов Калачова, оказалась противоположной той, которая сложилась в МАМЮ под руководством Калачова, когда этот архив, как указывают исследователи, был лучше всех организованным, наиболее интересным по составу документов и одним из самых прогрессивных из русских исторических архивов. Несмотря на некоторый спад архивоведческой мысли в конце XIX в., остается в силе утверждение Калачова о том, что на быстрое развитие архивного дела и архивных занятий в России за последние 10 лет (в 60–70-е годы. – Т. Х.) с уважением смотрят и иностранные, и отечественные исследователи⁹¹.

Глава 2

Научный вклад Д.Я. Самоквасова в развитие архивоведческих знаний

Д.Я. Самоквасов

В Российском государственном архиве древних актов особый интерес представляют источники, отложившиеся в фонде канцелярии МАМЮ (Ф. 337), а также часть фонда Московского археологического общества⁹², в котором хранятся первый вариант проекта Самоквасова, переписка по этому поводу с отдельными представителями научной общественности и черновой вариант протокола особого совещания по обсуждению архивной реформы (Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28, 30, 37). Давно назрела потребность в концентрации всех архивных материалов, содержащих сведения, полученные Самоквасовым при анкетировании архивов. Эти материалы в настоящее время хранятся в трех разных местах: в РГАДА, архиве Ленинградского отделения Института археологии РАН и Центральном историческом архиве г. Москвы⁹³. Как указывал К.А. Мазин, без восстановления первоначальной целостности собрания анкет трудно провести полноценное исследование деятельности Самоквасова и Московского археологического общества⁹⁴.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов – выдающийся русский архивный деятель, археолог, историк и теоретик российского государства и права. Тайный советник. Кавалер орденов св. Станислава, св. Анны, св. Владимира, Белого орла, Д.Я. Самоквасов родился в 1843 г. в обедневшей дворянско-казачьей семье на Черниговщине. После окончания Новгород-Северской гимназии поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, окончил его в 1868 г. и был оставлен на кафедре российского права для подготовки магистерской диссертации. В 1873 г. он становится исполняющим обязанности доцента Варшавского университета.

После защиты магистерской диссертации «Древние города России» в 1873 г. на юридическом факультете Университета св. Владимира в Киеве Самоквасов был утвержден советом университета в степени магистра государственного права, а в 1878 г. защитил докторскую диссертацию на тему «История русского права». С 1873 по 1892 г. он был профессором истории россий-

ского права в Варшавском университете и одновременно занимал различные административно-руководящие должности (с 1877 г. – секретарь, с 1887 г. – декан юридического факультета, с 1891 г. – ректор университета). С 1892 г. Д.Я. Самоквасов читает лекции по истории русского права в Московском университете – вначале приват-доцент, с 1894 г. – сверхштатный экстраординарный, а с 1900 г. – заслуженный ординарный профессор Московского университета. В 1897 г. он стал тайным советником.

Более четверти века, начиная с 1871 г. и почти до последних лет жизни, Самоквасов проводил археологические раскопки в разных губерниях России: Черниговской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Киевской, а также на Кавказе и в Привисленском крае (Польша). Бесценная личная коллекция, состоявшая из более чем 5400 археологических предметов, передана им в 1891 г. в Императорский русский исторический музей (Москва). Самоквасов являлся действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1873), Русского географического общества (1873), Русского археологического общества (1877), а также почетным членом Витебской, Калужской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Черниговской и Ярославской губернских ученых комиссий. Приказом министра юстиции от 29 января 1892 г. Д.Я. Самоквасов был назначен управляющим Московским архивом Министерства юстиции. С октября 1892 г. он представитель Министерства юстиции в Комиссии по преобразованию центральных архивов в Киеве, Вильно и Витебске. В историю отечественных архивов Самоквасов вошел как один из наиболее последовательных авторов идеи реформы архивного дела в России на основе его полной централизации.

В период работы руководителем МАМЮ Самоквасов пересмотрел основные методические принципы организации и обработки архивных источников. В частности, он настаивал на внедрении принципа ведомственного происхождения фонда. По поручению Московского археологического общества им был проведен сравнительный анализ российского и западноевропейского опыта организации и управления архивным делом. В 1899 г. для изучения состояния дел в российских архивах он разработал специальную архивно-статистическую анкету, которая включала графы для сведений об объеме фонда, степени его обработанности, учетно-справочной системе и т. п. В результате был получен огромный материал, содержащий конкретные данные о состоянии дел в более чем 700 ведомственных архивах. На основании

анализа комплекса анкет Самоквасов предложил централизовать архивную систему России с целью ввести единые научно-методические принципы организации архивного дела.

Основные положения его проекта архивной реформы состоят в следующем.

1. Для управления архивами государственных и общественных учреждений создается государственный единый орган.
2. Делопроизводство высших и центральных государственных и общественных учреждений до 1800 г. концентрируется в едином архивохранилище (Самоквасов предлагал для этого использовать МАМЮ).
3. Документы местных правительственных и общественных учреждений до 1800 г. хранятся в областных архивах, которые учреждаются в качестве своего рода архивных центров во всех губернских столицах и городах – центрах учебных округов.
4. Для документов после 1800 г. Самоквасов предлагал создать систему параллельных архивохранилищ, так называемых архивов регистратуры: в столице – единый «архив-регистратуру», а в каждой губернии – по одному губернскому «архиву-регистратуре», в который поступают материалы губернских, уездных и волостных правительственных и общественных учреждений.

Проект реформы Д.Я. Самоквасова был проникнут идеей придания высокого государственного значения архивному делу и подготовке соответствующих архивных кадров, в частности предусматривалось открытие школ для подготовки профессуры в области архивоведения при Московском и Киевском университетах. Проект реформы обсуждался на XI Археологическом съезде в Киеве (1899). Но в процессе бюрократического согласования его реализация была сведена на нет, против «московского проекта» централизации архивов выступили ряд крупных ученых из Санкт-Петербургской академии наук во главе с А.С. Лаппо-Данилевским.

Идеи Самоквасова о централизации архивного дела и принципах классификации архивных документов активно использовались в послереволюционный период организации архивного дела.

В историографии отечественного архивоведения трудно найти личность архивного деятеля, которая получила бы более противоречивые оценки, чем личность и труды Дмитрия Яковлевича Самоквасова. До революции его деятельность как архивиста пользовалась почти единодушным неприятием среди историков. После революции сложилась прямо противоположная ситуация, хотя его имя оставалось не таким популярным, как, например, имя Н.В. Калачова.

В историю отечественного архивного дела он вошел как автор одного из самых радикальных проектов архивной реформы. В то же самое время не было более ярого сторонника идеи отделения науки и системы научного образования от политики, или, выражаясь современным языком, поборника «деидеологизации» науки. Так, в 1901 г. он разработал собственный «Проект студенческих учреждений», в котором один из пунктов (№ 25) гласил: «В общих собраниях и других корпоративных учреждениях не допускается обсуждение политических вопросов под угрозой закрытия корпорации и ответственности перед университетским судом»⁹⁵.

Последнее десятилетие своей жизни Д.Я. Самоквасов полностью посвятил попыткам реализовать свой проект всеобъемлющей реформы архивного дела. Цель реформы он видел в максимальном облегчении условий научно-исследовательской работы в архивах для всех ученых. Он был яростным обличителем «архивного нестроения», т. е. ведомственной разобщенности архивов и отсутствия научно-справочного аппарата к историческим документам, без которого архивохранилища превращались в склады беспорядочно сваленных и гибнущих без всякого учета бесполезных для науки и государства бумаг.

Сам термин «архивное нестроение», активно использующийся при характеристике положения архивов в дореволюционной России в книгах и учебных пособиях, ввел именно Д.Я. Самоквасов. Речь идет прежде всего о его двухтомнике «Архивное дело в России», изданном в 1902 г., когда исполнился полувековой юбилей со дня образования МАМЮ. Первая книга, носившая во многом публицистический характер, так и называлась – «Современное архивное нестроение».

Вторая книга этого двухтомника называлась «Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России». Она носила более научный характер, и к ней прилагались две брошюры: «Проект архивной реформы и современное состояние окончательных (т. е. не комплекующихся, исторических. – Т. Х.) архивов в России» и «Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке».

Выступая по многим позициям против научно-теоретических взглядов своего предшественника на посту управляющего МАМЮ сенатора Н.В. Калачова, Самоквасов явился по существу единственным его продолжателем, пытаясь по-новому осмыслить и реализовать идею Калачова о реформировании архивного дела в России в новых условиях – в эпоху бурных перемен, поколе-

бавших устои Российской империи на стыке веков. Смысл реформы по Самоквасову состоял в максимальной централизации архивной системы, настолько важной и нужной для нормального функционирования российского государства, что во главе ее должен был встать лично августейший монарх или по крайней мере кто-нибудь из членов императорской семьи.

Ничего в этом направлении сделать ему не удалось.

Толчком для его занятий архивным делом послужила причина сугубо утилитарного характера. В неполных 16 лет он узнал от отца, что при очередной проверке законности дворянских прав его семья была вычеркнута из родословной книги Черниговского дворянства. Наверное, тут же Самоквасовы столкнулись с советами друзей решить вопрос исконно русским способом: дать взятку нужному архивисту, чтобы тот составил соответствующее заключение и «подправил» недостающие записи в древних бумагах. Так поступали многие.

Спустя более полувека знаток и историк архивного дела И.Л. Маяковский напишет, что едва четыре процента предъявлявшихся документов оказывались действительно законными. Для прекращения злоупотреблений правительство организовало в 1830-х годах три комиссии: для Белоруссии, Литвы и Малороссии. В эти комиссии, однако, не вошел ни один опытный архивный деятель. Они были составлены из чиновников местных учреждений. «Осмотр книг (родословных книг дворянства. – Т. X.) проводился комиссиями небрежно, они штамповали небрежно просмотренные книги, и это обстоятельство, не принеся никакой пользы, повело к еще худшим злоупотреблениям: число подложных документов возросло, так как в проверенные подобным образом книги фальсификаторы тем спокойнее вводили все новые и новые подложные документы. В 1840-х годах были организованы новые комиссии, заявившие, что актовые книги ни в коем случае дольше не могут оставаться разбросанными в многочисленных глухих местах»⁹⁶. Но результаты снова малоутешительные – для недобросовестных чиновников беспорядок в архивных бумагах оказывался выгодным, а выдача фальсифицированных архивных справок – прибыльным делом.

Так Самоквасов на примере судьбы собственной семьи ощутил негативные последствия «архивного нестроения». Нельзя сказать, что именно это определило характер его научных интересов на десятилетия вперед. После высокой оценки, которую дал российский император его деятельности как ученого-археолога,

лога, он посчитал свою историко-археологическую деятельность завершенной (хотя заниматься раскопками не прекратил до последних лет своей жизни). Но осталась память об отказе роду Самоквасовых в дворянском титуле в связи с утерей каких-то нужных бумаг в архивах. Теперь, став полным генералом (если привести его гражданский ранг тайного советника к военному статусу), он решил упорядочить этот архивный хаос, покончив с бесхозяйственностью и произволом мелких чиновников.

Стремление покончить с «разномыслием» в науке сочелось в нем со стремлением установить железный порядок и дисциплину во всем. Он заявляет, что причины современной слабой научной разработки памятников истории – это печальное современное состояние наших архивов древних актов и нашей археографии. «Нельзя изучать и знать древние законы, не имея перед глазами подлинных текстов и без объяснения их под руководством профессоров, как нельзя изучать и знать по теоретическим лекциям строения человеческого тела, систематики растений, положения географических урочищ, не имея перед глазами трупа, растений, рисунка, карты, объясняемых специалистом», – пишет он. И добавляет: «Но научная разработка актов этого рода, то есть “дел” государственных учреждений, встречает в наше время непреодолимые для ученых исследователей преграды в беспорядочности архивов, разрозненности однородных материалов по разным хранилищам и в отсутствии архивных описей, ограничивающих ученые работы в архивах древних актов немногими отделами документов, уже описанных и частью изданных»⁹⁷.

Такова была программа деятельности Д.Я. Самоквасова, которую он осуществлял с 1892 по 1911 г., т. е. с первых дней своей службы на посту управляющего МАМЮ и до самой кончины. Деятельность на архивной ниве он начал с того, что все-таки разыскал утраченные документы о своем дворянстве. Главным подтверждением принадлежности предков ученого к потомственному дворянству явилось то, что Самоквасовы уже в XVIII в. имели «недвижимое имение и крестьян, которыми могли владеть исключительно потомственные дворяне». Итоги своих архивных разысканий в 1893 г. он впоследствии обобщил в изданном под его руководством труде «Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений XV–XVIII столетий».

Сопоставляя методы архивной деятельности Калачова и Самоквасова, М.Н. Шобухов утверждал, что взгляды Самоквасова на типы и формы описания документальных материалов были

более последовательными, логичными и зрелыми, чем взгляды большинства его современников. Н.В. Калачов выдвигал два основных типа описания: 1) краткие инвентарные описи – для внутренних целей архива; 2) подробные «систематические» или «ученые» описания – для обслуживания интересов науки. Д.Я. Самоквасов выдвигал и отстаивал один тип описания – краткие инвентарные описи. Он считал, что инвентарные описи должны служить не только для учета, охраны и нахождения документальных материалов в архиве. Краткие инвентарные описи, по его мнению, должны быть вместе с тем средством раскрытия содержания документальных материалов, предназначаться одновременно как для практических, так и для научных целей⁹⁸.

Л.И. Шохин первым дал взвешенную и объективную оценку роли и места Самоквасова в архивоведении: «После смерти Самоквасова остались как бы две неравноценные части архивного наследия: скажем условно, “архивно-техническая” и “догматическая”. Коллеги заканчивали описание столбцов Разрядного приказа, но никто не пытался продолжать его реформаторские начинания. При всем различии последующих оценок принятых Самоквасовым правил систематизации и описания документов их воспринимали разумно. *В этой части Самоквасов не очень уж оригинален* (выделено нами. – Т. Х.), но он четко обобщил долголетний опыт и внедрил свои разработки на практике. Однако развитие исторической науки действительно требовало ускорить описание других комплексов источников помимо Разряда, независимо от того, как к этому относится лично Самоквасов. Что касается “проекта архивной реформы Самоквасова”, то он с самого начала сопровождался излишней шумихой и долго еще отношение к “проекту” во многом определялось конъюнктурой»⁹⁹. К.А. Мазин главное достоинство работы Самоквасова «Архивное дело в России» видел в приложенных ко второму тому монографии «Материалах для русской архивной статистики». В них без комментариев представлены ответы на разработанную им анкету, разосланную в 1899 и 1900 гг. Приложение послужило основанием для подготовки исследования Р.Н. Ефименко и Л.А. Ковш «К определению объема дел и состава справочников в архивах России (конец XIX – начало XX века)»¹⁰⁰.

В статье «Архивный инвентарь» Самоквасов писал, что Калачов в последние годы сам изменил свою точку зрения на задачи описания архивных документов, когда увидел, что официальное архивное издание «Описание документов» превратилось в сборник диссертаций молодых людей, окончивших курс в высших

учебных заведениях, а другие чиновники посвятили служебное время выборке архивных материалов для частных изданий. И поэтому он дал указание возвратить таких «ученых архивистов» к исполнению обязанности начинать описание каждого разряда документов с составления ими инвентарных описей. К сожалению, пишет далее Самоквасов, это распоряжение, как и многие другие, «направленные к исполнению архивными чиновниками своих прямых обязанностей, остались “мертворою буквою”».

По словам Самоквасова, сам Калачов видел причину пренебрежения архивистами канцелярской работой в том, что архивист может приобрести гораздо более славы и даже материального вознаграждения за исследования, составленные на основании своего же архива. Легче напечатать памятники, нежели составлять им описание или реестры с целью обнаружения последних.

Исходя из этого Самоквасов утверждает, что он только продолжает дело Н.В. Калачова и Н.А. Попова, настаивая на соблюдении закона, требующего от архивов инвентарных описей, удовлетворяющих не только практическим, но и научным требованиям. Для убедительности он ссылается также на В.С. Иконникова, П.А. Муханова, А.Ф. Бычкова, Н.И. Костомарова и других ученых и историков вплоть до Ш. Ланглуа, единодушно выступающих в пользу скорейшего упорядочивания внутренней структуры архивов силами его сотрудников в интересах науки.

Таким образом, в напечатанной форме архивный инвентарь служит лучшим средством охраны от расхищения документального архивного имущества и ознакомления с ним ученых. Тех, кто выступает против такого подхода к составлению инвентарных описей, Самоквасов называет «явлением старым, давно осужденным людьми, близко знавшими и знающими архивное дело». И поименно перечисляет этих «невежественных» приверженцев прежнего подхода¹⁰¹. Если следовать их методам работы, то приведение в порядок документов в МАМЮ заняло бы десятки, если не сотни, лет. Российская наука не может и не должна ждать, пока отдельные «ученые архивисты» будут удовлетворять свое тщеславие и даже откровенную корысть, а не заниматься своими прямыми служебными обязанностями как служащие архива. Таков вывод Самоквасова.

Свои требования к составлению инвентарных описей он считал не «архивно-технической» задачей в противовес «догматической» (по терминологии Л.И. Шохина), а важной частью реформы архивного дела, что соответствовало аналогичной

точке зрения Н.В. Калачова. Другое дело, что Калачов считал инвентарные описи нужными лишь для обеспечения сохранности архивных документов, а к научным относил соответственно систематические описи и описания¹⁰².

Самоквасов смотрел на инвентарные описи несколько шире. Настаивая на том, что в описательные статьи инвентарной описи обязательно должны входить архивный номер каждого документа в описанном отделе и его время, содержание, количество листов или склеек, дефекты и место размещения в архивном хранилище, он в то же время рассматривал эти требования как приблизительную схему, оговариваясь, что в каждом конкретном случае инвентарная опись может быть дополнена с учетом особенностей описываемых комплексов.

Вот почему технический план описания документов он составил, опираясь на резолюцию Высочайше утвержденной комиссии от 15 сентября 1892 г., гласившую, что «сохранить в порядке и целости архивный материал нашей историко-юридической жизни для будущих поколений – наша первая, прямая и священная обязанность, а исполнить эту обязанность возможно только посредством составления и печатания архивами инвентарных описей по форме описания МАМЮ».

Обеспечить порядок и целостность архивов – таков согласно Самоквасову служебный, научный и гражданский долг каждого архивиста.

Раздел «Результаты современного архивного нестроения в России» в монографии «Архивное дело в России» он начинает знаменательной фразой, объединяющей и «архивно-техническую», и «догматическую» стороны его системы взглядов о том, что следствием отсутствия в России ученых архивистов, описей архивов древних актов, общего для архивов всех ведомств законодательства, управления и контроля и централизации архивных материалов являются фальсификация и растрата документального «народного имущества» посредством расхищения, сожжения и распродажи на бумажные фабрики. И далее по каждому из пунктов [1) фальсификация архивных документов; 2) расхищение и умышленное сожжение государственных архивных материалов; 3) уничтожение государственных архивов пожарами и сыростью; 4) уничтожение архивов по министерским регламентам] следует изложенный с безукоризненной точностью фактов настоящий мартиролог документов, потерянных для будущих поколений из-за невежества или

корыстных соображений служащих госархивов и владельцев частных коллекций.

В концентрированном виде система научно-теоретических взглядов Самоквасова на архивное дело в России изложена в книге «Архивное дело в России» следующим образом: «Современное поколение русского общества не имеет права так легкомысленно уничтожать памятники истории и истории права своей Родины только потому, что в его среде еще нет людей, способных понимать, ценить и употреблять на благо своего Отечества архивные материалы, наследованные от предков, ценивших свое документальное имущество дороже денежного и передавших его нам для пользования и передачи *в целости и порядке* (выделено нами. – Т. Х.) грядущим поколениям. Разумный выход из современного противоречия между требованиями закона и практикой архивной службы в России может указать нам только знание прошлого русских архивов и современной постановки архивного дела в государствах Западной Европы, обладающих таким же широким развитием письменного делопроизводства, как наше Отечество, но не уничтожающих наследованное от предков документальное народное имущество, а тщательно его *сохраняющих в интересах государственных и научных*» (выделено нами. – Т. Х.)¹⁰³.

Таким образом, покончить с «архивным нестроением» стало для юриста-государственника Самоквасова патриотическим долгом. По существу, он хотел создать малую модель совершенной организации дел, которая могла бы послужить образцом для совершенствования управления всей государственной системой в целом. Это была, конечно, утопия, но первые два года в МАМЮ ему казалось, что он победит. Даже после смерти его покровителя Александра III в 1894 г. и событий 1905 г. Самоквасов еще продолжал идти в избранном направлении, правда, скорее по инерции, пытаясь реализовать свои проекты архивных преобразований сначала в масштабе всей страны, а потом в собственном архиве.

Выступая в августе 1899 г. на пленарном заседании XI Археологического съезда в Киеве с докладом «Централизация государственных архивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России», он изложил первоначальный вариант соответствующего проекта. Затем более подробно представил на рассмотрение специальной комиссии археографической секции съезда отдельный документ «Проект оснований архивной реформы в России». Как указывается в «Трудах XI Археологического съезда в Киеве», 10 августа в 10 часов утра референт Самоквасов начал доклад с изложения цен-

трализации архивного управления во Франции при Наполеоне I. Таким образом, главное внимание Д.Я. Самоквасов обращает именно на административно-управленческий аспект архивной реформы, который он понимает как централизацию архивов. Сообщая затем о ходе реформы в Швеции, Италии, Бельгии и Пруссии, он постоянно подчеркивает, что везде реформы осуществлялись в результате целенаправленной деятельности государства. В качестве успешно проведенной реформы он ссылается на опыт Великобритании, где королева Виктория провела полную централизацию государственных архивов, для чего в Лондоне отведено грандиозное здание, в котором сосредоточены государственные документы. Самоквасов подчеркивает именно эту, важную для него, мысль о том, что в Англии воспользовались планами Наполеона и управление архивами там находится под личным контролем королевы. Переходя к характеристике положения архивов в России, он критически оценивает работу губернских архивных комиссий: «Волею судеб дело архивов в губернии вручено 150–200 “ученым” в лице чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы барабанщиков и недорослей. Что до сих пор хранилось под опасением ответственности за растрату, то теперь, под прикрытием губернских архивных комиссий, смело черкающих опись архивов всех губерний, уничтожается без всякого страха ответственности»¹⁰⁴.

Самоквасов предложил собственный вариант состава губернских комиссий. По его мнению, в них должны входить архиепископ, губернатор, вице-губернатор, председатель окружного суда, управляющий казенной палатой, воинский начальник, предводитель дворянства, городской голова, настоятель монастыря и ректор семинарии. И завершил свое выступление примечательным выводом: «Для решения архивного вопроса важна непосредственная зависимость управления от Верховной власти»¹⁰⁵. Демонстративное подчеркивание Самоквасовым необходимости привлечь к управлению архивным делом высших чинов госаппарата и церковных иерархов в противовес представителям общественности, а также резкий тон по отношению к их труду оттолкнули от него ряд крупных ученых. К тому же Самоквасов был несдержан в оценке их способности объективно рассматривать положение архивов и определять их роль в государстве и обществе. В результате, например, А.С. Лаппо-Данилевский и П.Н. Милюков отказались участвовать в работе комиссии, специально созданной на съезде для рассмотрения «Проекта оснований архивной реформы в России», разработанного Самоквасовым.

В конечном счете в состав специальной комиссии вошли главным образом представители губернских комиссий и других добровольных общественных организаций, которых несправедливо обидел ученый. Поистине никто не сделал для провала идеи архивной реформы больше, чем сам ее автор – «тяжелый» Самоквасов.

Но что же легло на стол каждому из членов специальной комиссии?

«Проект оснований архивной реформы», представленный Д.Я. Самоквасовым, включал следующие пункты.

1. Учредить центральный орган архивного управления, подобный существующим в государствах Германии, Скандинавии, Англии, Голландии, Бельгии, Франции и Италии, который должен объединить управление государственными архивами разных ведомств и подчинить их общим правилам хранения и публичного пользования.

2. Документы по 1825 г. упраздненных и действующих высших и центральных государственных учреждений сосредоточить в одном центральном публичном государственном архиве (за исключением уже обладающих благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичного пользования).

3. Делопроизводства местных правительственных учреждений по 1775 г. сосредоточить в двенадцати центральных публичных областных архивах древних актов.

4. Областные архивы древних актов снабдить штатами служащих, рекомендованными Высочайше утвержденной комиссией 1892 г., и архивными зданиями германского типа так называемой магазинной системы.

5. Делопроизводства губернских и уездных правительственных учреждений от 1775 г. до документов 25-летней давности сосредоточить в губернских центральных публичных архивах.

6. Все исторические архивы следует сделать открытыми для исследователей.

Далее следует перечень функций *Центрального архивного управления*, которому вменяется в обязанность озаботиться снабжением центральных губернских архивов помещениями, специально приспособленными для хранения рукописей и соответствующими требованиям рационального архивоведения, установить порядок архивной службы, обеспечивающий хранение, классификацию, описание, издание и научную разработку государственных архивных материалов, разработать общие правила

хранения и публичности древних и новых актов делопроизводства общественных учреждений и некоторые другие.

Отдельным пунктом в проекте выделено требование немедленно издать циркулярное распоряжение по всем ведомствам о прекращении уничтожения каких бы то ни было бумаг, относящихся к делопроизводствам государственных и общественных учреждений, пока в России не будет создано Центральное архивное управление и не будут выработаны и изданы общие правила уничтожения ненужных актов делопроизводства государственных и общественных учреждений.

Более поздние варианты проекта предусматривали образование Центрального архивного управления (Центральный орган управления архивами государственных и общественных учреждений Российской империи) то при Государственном совете, архив которого должен был вместить делопроизводства по всем законченным в истекающем столетии делам высших и центральных учреждений империи, то при Комитете министров, то при Министерстве народного просвещения, а в самом последнем из проектов – создать его на базе МАМЮ. В нем предлагалось сгруппировать делопроизводства по 1800 г. включительно упраздненных и действующих столичных правительственных и общественных учреждений за исключением МИД.

Обсуждение проекта архивной реформы на заседаниях комиссии сопровождалось непрерывными скандалами. С.К. Богоявленский вспоминал, что участники заседаний протестовали не только против умаления прав губернских ученых комиссий, но и против некоторых основных принципов проекта Самоквасова¹⁰⁶. В итоге, как констатировал журнал «Русская мысль», киевский форум историков и архивистов оказался на грани провала, поскольку его все более характеризовали «нарушение элементарных правил научного метода, крайне смутное представление вообще о задачах науки, общий беспорядок и бестолковщина»¹⁰⁷.

Ученые-архивоведы потом еще долго продолжали спорить, был ли одобрен в конечном счете архивный проект Самоквасова или же он провалился в первом чтении. Даже в 1987 г. этот вопрос, по мнению К.А. Мазины, заслуживал особого внимания¹⁰⁸.

С одной стороны, совет XI Археологического съезда под председательством графини П.С. Уваровой после обсуждения предложений принял постановление: «Принимая в принципе проект Д.Я. Самоквасова об организации архивного дела в России, повергнуть к Державным стопам Его Императорского Величества

Государя Императора всеподданнейшее ходатайство об осуществлении организации архивного дела в ближайшем будущем и дозволении, чтобы проект этой организации был разработан при содействии лиц, которым дело устройства архивов знакомо и дорого»¹⁰⁹. С другой стороны, идет ли здесь речь о доработке проекта Самоквасова или предлагается разработать новый проект? Мазин считает, что именно проект Самоквасова, «хотя и с многочисленными оговорками, все же лег в основу будущего преобразования архивов». В целом научные взгляды Самоквасова (как по отношению к архивным описям и описаниям, так и по вопросам архивной реформы и подготовки архивистов) были попыткой закрепить то, что уже было достигнуто, «законсервировать» определенный уровень архивоведческих знаний. Новаторский характер деятельности открытого Н.В. Калачовым Петербургского археологического института и содержания лекций И.Е. Андреевского, И.И. Зубарева и А.П. Воронова по архивоведению он не оценил.

Представляется важным рассмотреть этот аспект архивной идеологии Самоквасова. Нужно отметить, что и здесь невозможно провести четкий водораздел между «архивно-технической» и «догматической» частями его наследия, которое у Самоквасова является таким целостным, как у немногих его современников.

В конце 1890-х годов Самоквасов выступил категорически против подготовки архивистов в Петербургском археологическом институте, считая его бесполезным элементом общественной архивной службы, которую, впрочем, он тоже считал ненужной.

В работе «Архивное дело в России» он писал, что в конце своей жизни Н.В. Калачов осознал бесполезность ПАИ для серьезной подготовки архивистов в России. «Не только в наших провинциях, но и в столицах не видно во главе архивов и ученых обществ тех “знатоков архивного дела и русской старины”, воспитание которых было задачей Петербургского археологического института по “Вступительному слову” Калачова, сказанному в день открытия института»¹¹⁰.

Нужно отметить, что мнение Самоквасова было не единственным. Аналогичную оценку деятельности института дал после смерти Н.В. Калачова и И.Е. Андреевского начальник Синодального архива и действительный член совета института А.Н. Львов в работе «Нужен ли нам Археологический институт и какой именно?» (СПб., 1899): «В институте нет профессора по главному предмету – архивоведению (через «ять», т. е. науке об архивах. – Т. Х.), равным образом не существует в институте и архивоведе-

ние ни теоретически, ни практически. В течение многих лет институт довольствуется по этим предметам случайным лектором, для которого не выработана даже программа чтений (имеется в виду А.П. Воронов. – Т. Х.)... Нам нужен институт специально для подготовки архивистов»¹¹¹.

В отличие от Львова Самоквасов, подходя к вопросу о недостатках деятельности Петербургского археологического института, стремится подчеркнуть значимость архивного дела на государственном уровне: «Пока в России не будет серьезно организовано преподавание архивоведения и архивоведения, до тех пор в нашем архивном деле будут господствовать варварские порядки, грозящие в недалеком будущем повсеместным расхищением и уничтожением тех источников научных знаний, на которых только и может созидаться правдивая история русского права и русского народа». Неспособность института справиться с таким положением он объясняет тем, что ПАИ создан в системе общественной архивной службы, нигде в мире не существующей, а в нашем Отечестве проявляющей ныне свою деятельность в 20 губернских архивных комиссиях, из которых каждая заключает в себе от 50 до 250 «ученых» членов.

Модель правильного отношения к подготовке архивных кадров он видит в странах Запада, где государственные архивы снабжены учеными специалистами архивной службы. «Там архивы приносят не только величайшую научную пользу, но и практическую – насущным интересам *государства, общества и частных лиц*».

Свое профессиональное кредо архивиста он сформулировал в главе «Правительственная архивная служба»: «Неописанные архивные материалы требуют большой и часто бесполезной затраты времени и труда при научных и практических изысканиях, допускают возможность фальсификаций посредством подчистки и перемены дат и имен и представляют собой легкую добычу для расхищения. По таким причинам законодательство требует от архивистов прежде всего составления и печатания архивных описей. По понятиям Запада нашего времени, в хорошем архиве можно “легко и безошибочно все отыскивать и хранить в целости”, а потому повсеместно воспрещаются в присутственное время работы архивистов по изданию и научной разработке научных материалов, пока имеются в архивах неописанные документы.

В России архивная служба признается делом неважным, является пасынком в учреждениях всех ведомств, а при таком воз-

зрении фальсификация и растрата драгоценного документального народного достояния – дело естественное. В интересах *государства, общества и частных лиц* (выделено нами. – Т. Х.) подготовку молодых людей к архивной службе в России должно организовать по образцу подготовки ученых архивистов на Западе».

В качестве практических мер Самоквасов предлагает следующее.

1. По крайней мере в двух университетах, Московском и Киевском, необходимо учредить профессуры для преподавания архивоведения. В Киеве и Москве имеются профессора, изучавшие архивное дело теоретически и практически, занимавшиеся в архивах древних актов и писавшие свои ученые работы по древним архивным материалам.

2. При Московском и Киевском государственных архивах нужно учредить архивные институты и поручить разработку программ профессорам архивоведения, а занятия по архивоведению – архивистам-практикам, приват-доцентам, состоящим на службе в архивах древних актов.

В приложении IX Самоквасов приводит им же разработанный курс лекций «Содержание науки архивоведения», который состоит из следующих частей: введение, часть общая (разделы «Значение и виды архивов»; «История централизации архивных материалов с практическими и научными целями»), часть специальная (разделы «История архивного законодательства, управления и контроля»; «Архивная служба»; «Порядок разбора, описания, хранения и уничтожения ненужных архивных материалов»; «Публичность, издание и научная разработка государственных архивных материалов»).

Во введении он определяет архивоведение как науку, состоящую из двух частей.

1. *Архивоведение* как наука, имеющая своей специальной задачей изучение истории архивов, архивного законодательства и истории и деятельности учреждений, оставивших акты и документы своего делопроизводства, составляющие содержание ныне существующих государственных и общественных архивов.

2. *Архивоведение* как наука, дающая практические сведения, необходимые для рациональной постановки архивной службы по хранению в порядке и целости, классификации, описанию и изданию подлинных архивных документов и уничтожению ненужных архивам бумаг.

В разделе «Значение и виды архивов» он разделяет такие понятия, как *канцелярское дело, регистратуры (текущие архивы), отделение документов от актов делопроизводства в регистра-турах, виды архивов практического значения: архивы частные, церковные, монастырские, городские, земские, дворцовые и государственные.*

В разделе «История централизации архивных материалов» изложение темы рекомендуется начать с выяснения вопроса о становлении архивов как хранилищ историко-юридических материалов, имеющих практическое и научное значение. Самоквасов предлагает дать характеристику централизации русских государственных архивных материалов в XVII и XVIII столетиях и довести ее до проектов общей архивной реформы в России, направленной к централизации архивных материалов и архивного управления.

В разделе «Порядок разбора, описания, хранения» акцентируется внимание на классификации архивных материалов и порядке их распределения в архивном хранилище и *архивных фондах*. Характерно, что Самоквасов употребляет термин «фонды» уже как общепринятый и не нуждающийся в пояснении. Значительное место отведено описанию архивных материалов с практическими и научными целями, видам и формам архивных описей. Этот раздел имеет особенно важное значение для выявления научно-теоретических взглядов Самоквасова. Целесообразно привести соответствующий комментарий самого ученого, что наглядно свидетельствует о концептуальной преемственности его позиции от основы, заложенной Калачовым. Так, поясняя характер правил, соблюдения которых он требовал от архивистов при выполнении работ по составлению и печатанию архивных описей, Самоквасов прямо ссылаясь на слова Калачова из статьи «Архивы, их государственное значение, состав и устройство», цитируя их по «Сборнику государственных знаний»: Как ни полезно составление архивных описей, немногие из специалистов архивного дела готовы принять на себя эту работу. «При своих занятиях архивист может приобрести гораздо более славы и даже материального вознаграждения за свои исследования, составленные на основании своего же архива, легче печатать памятники, нежели составлять описания или реестры с целью обнародования этих последних» (выделено Самоквасовым. – Т. X.). Но далее следует комментарий Калачова, опущенный Самоквасовым: Нужда составляет добросовестных, но не обеспеченных в средствах к жиз-

ни архивистов отдавать свое служебное время службе интересам местных археографических комиссий и ученых обществ.

Как видим, Калачов понимал и прощал своим сотрудникам то, что Самоквасов понимал, но не прощал. Его жесткость объясняется не столько особенностями характера, сколько бескомпромиссностью, когда речь шла о жизни и смерти архивов. В связи с этим приведем его мнение по поводу разрушения фондов, о котором он, касаясь предполагаемого упорядочения архивных материалов, говорит в разделе «Московский архив древних актов военного ведомства (Лефортовский архив)»: «Начальник архива живет в Петербурге, а архивный личный штат, предоставленный самостоятельной, бесконтрольной деятельности, составляют столоначальник, помощник столоначальника, 6 писарей и два сторожа. Поручение описаний архивных актов “людям грамотным самых различных положений” и скудно вознаграждаемым за архивный труд всегда имело своим следствием уничтожение древних архивных материалов, составление никуда негодных описей и бесполезную трату средств государственного казначейства».

И далее следует тезис, доказывающий глубину понимания Самоквасовым коренной проблемы архивного дела уже в начале прошлого века:

«В настоящее время повсеместно *воспрещается разрушать исторически слагавшиеся архивные фонды каким бы то ни было “новым” распределением дел и документов*, так как опыт показал вред таких распределений во многих отношениях. Повсеместно документы группируются в архивах по учреждениям – фондам, а документы учреждений – в порядке топографическом и хронологическом. В таком порядке распределены ныне документы Лефортовского архива, и Главный штаб, *по требованиям науки* (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.), не имеет права заменить эту систему каким бы то ни было новым порядком, связанным с разрушением того состава дел и связей, в каком они получены из данных учреждений». В этом разделе, несмотря на некоторую упрощенность понимания термина «фонд» и сведение принципа недробимости к регистратурпринципу, присутствует более четкое понимание Самоквасовым существа архивной классификации как жизненно важной для судьбы архива работы, чем, скажем, в теоретическом курсе лекций Воронова. Позднее именно тезис о неразрушимости исторически сложившихся в ведомствах фондов станет основным в полемике Д.Я. Самоквасова

с А.С. Лаппо-Данилевским, только начавшим свою археографическую (эдиционную) деятельность.

В последнем разделе «Публичность, издание и научная разработка государственных архивных материалов» Самоквасов выделяет необходимость разъяснения порядка издания архивных материалов государственными архивами, археографическими комиссиями, учеными обществами и частными лицами. При этом особое внимание он обращает на условия выдачи архивных материалов посторонним лицам для занятий в архивных помещениях с практическими и научными целями¹¹².

П.Я. Дашков

Представление об эпохе традиционного архивоведения будет неполным, если не привести сведения о представителе «параллельного» архивного дела, т. е. коллекционной деятельности, которая развивалась вне сферы государственных архивов. Таким деятелем был, например, Павел Яковлевич Дашков (1849–1910)¹¹³ – известный собиратель рукописей, гравюр, портретов и книжных редкостей.

П.Я. Дашков происходил из старинного дворянского рода. Действительный статский советник. Первоначальное воспитание получил в Швеции, окончил курс Александровского лицея и, лишь формально числясь на государственной службе, сосредоточился на собирании исторических документов, гравюр, манускриптов. Обладая тонким историческим чутьем, он собрал коллекцию документов по самым разным эпохам – от редчайших рукописей времен Петра I и Екатерины II до воззваний и листовок русского революционного подполья.

С течением времени у П.Я. Дашкова в его родовой деревне и в старинном (петербургском) доме образовалось огромное частное архивное собрание. Широко смотря на свою задачу, он приобретал семейные архивы, письма частных лиц, фотографии, официальные документы. В свое время его собрание пользовалось не меньшей популярностью, чем государственные книгохранилища и архивы, поскольку было более доступно, чем многие из них. Практически все исторические издания начиная с 1880 г. не обошлись без его ближайшего участия и ценных советов. Списки некоторых документов из своей коллекции П.Я. Дашков опубликовал в «Русском архиве» (1878).

Николай Михайлович (Романов)

Историографическое исследование науки об архивах периода Калачова – Самоквасова мы закончим кратким очерком об историке, источнике, археографе и архивоведе великом князе Николае Михайловиче (Романове) (1859–1919)¹¹⁴, который достойно завершил этап традиционного архивоведения, совместив в своей деятельности утилитарное и научно-археографическое отношение к архивам.

Николай Михайлович (Романов) родился в семье сына императора Николая I великого князя Михаила Николаевича и баденской принцессы Цецилии, в православии нареченной Ольгой Федоровной. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военную карьеру он завершил в 1903 г. начальником дивизии.

Великий князь имел разносторонние интересы. В течение ряда лет он систематически вел метеорологические наблюдения на озере Ильмень, был автором многотомного труда на французском языке о чешуйчатокрылых насекомых. Состоял членом Энтомологического общества в Париже, почетным председателем Императорского российского общества плодоводства и председателем Русского географического общества. Однако его важнейшие труды связаны с отечественной историей. С 1899 г. он почетный член Русского исторического общества, в 1909–1917 гг. – его председатель. Согласно уставу в задачу Русского исторического общества входило «собирать, обрабатывать и распространять в России материалы и документы, до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и находящиеся у частных лиц»¹¹⁵.

Как историк Н.М. Романов ввел в научный оборот большое число источников (по истории царствования Александра I, истории русского портрета, русским некрополям в России и в Париже). Основным трудом его стало двухтомное исследование «Император Александр I», в котором автор ставил задачей выявить на основе источников характер и деятельность Александра Павловича «не только как государя и повелителя земли русской, но и как человека».

В 1915 г. решением совета профессоров Московского университета Николаю Михайловичу была единогласно присвоена степень доктора русской истории «honoris causa», причем в постановлении специально отмечалось, что в его капитальных иссле-

дованиях «приведены ценные архивные документы, не появлявшиеся до сих пор в печати и составляющие новый исторический материал, отражающий совершенно до того не исследованные моменты Александровской эпохи». Он принимал активное участие в съездах историков, археологов и архивистов.

Несмотря на то что великий князь был отнюдь не единственным, кто допускался в государственные архивохранилища, ему благодаря особой целеустремленности и скрупулезности часто удавалось обнаруживать документы, которые считались давно утраченными. Так было, например, с богатейшим собранием писем Александра I к сестре Екатерине Павловне. Кроме того, Николай Михайлович широко использовал частные и семейные архивы высокопоставленных чиновников и близких ко двору вельмож. По оценке С.О. Шмидта, «Николай Михайлович был историком по призванию, более того, историком-архивистом, историком-археологом. Монархист по убеждениям, он верил в то, что “личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси”, а приближенные к власти “новые люди” могут способствовать обновлению – даже “полному” – высших государственных учреждений и всей системы государственного управления»¹¹⁶.

Последней его работой стало исследование о реформах М.М. Сперанского, которое он писал в тюрьме. Мы знаем о нем только по письму Николая Михайловича заведующему научной секцией Наркомата по просвещению РСФСР и руководителю отечественных архивов Д.Б. Рязанову от 6 января 1919 г.: «Седьмой месяц пошел моего заточения в качестве заложника в доме предварительного заключения. Я не жаловался на свою судьбу и выдерживал молча испытания. За эти долгие месяцы я упорно занимаюсь историческими изысканиями и готовлю большую работу о Сперанском, несмотря на все тяжелые условия и большой недостаток материалов. Убедительно прошу всех войти в мое грустное положение и вернуть мне свободу. Я до того нравственно и физически устал, что организм требует отдыха хотя бы на три месяца»¹¹⁷.

Решение пришло быстро. По постановлению Петроградской ЧК от 24 января 1919 г. великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Павел Александрович и Дмитрий Константинович были расстреляны во дворе Петропавловской крепости.

Как указывается в предисловии к 19-му выпуску серии научных трудов «Книга в России» (1991), это издание – «запоздалая дань памяти выдающемуся ученому». Здесь, в частности, опубликованы послужной список великого князя, каталог выставки

«Научные труды великого князя Николая Михайловича» и обзор «Августейший историк»¹¹⁸.

Особое место Николая Михайловича (Романова) в развитии науки об архивах определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, он был единственным, кто мог и пытался объединить все направления архивной деятельности – и государственное, и общественное, и частное – единой задачей собирания источников для написания научной истории Отечества. Стремление Калачова придать архивному делу общественный характер он старался соединить на научной основе с проектом Самоквасова по установлению централизованного управления архивами со стороны государства. Объединяющим началом выступало здесь обеспечение на законодательной основе дела охраны памятников истории России и максимальное облегчение доступа в государственные, общественные (формируемые ГУАК) и частные архивы широкого круга исследователей. Характерна его позиция по отношению к реформированию архивного дела в России.

Есть свидетельство академика С.Ф. Платонова, который в докладной записке об организации Центрального архивного управления утверждал, что «новым духом» реформ реально и ощутимо повеяло именно в 1911 г., когда на годичном собрании Русского исторического общества, возглавлявшегося Николаем Михайловичем, император [Николай II] поручил Историческому обществу разработать вопрос о положении архивного дела в России и способах его улучшения¹¹⁹.

Николай Михайлович предпринимал реальные шаги к сплочению всех патриотических сил России вокруг задачи приблизить наступление лучших времен для архивного дела. Так, 29 октября 1911 г. правительство в лице министра внутренних дел представило в Государственную думу «Проект о мерах к охранению памятников древности» и «Положение об охране древностей» со специальным приложением «О губернских ученых архивных комиссиях», которые ввиду их значимости требуют отдельного рассмотрения. На заседании комиссии Государственной думы, посвященном обсуждению законопроекта об охране древностей от 16 мая 1912 г., все меры, предложенные правительством, были одобрены. Эти документы представляют собой важную веху в развитии науки об архивах и соответственно в попытке разработки политики государства в области архивного строительства на научной основе. По существу Николай Михайлович (Романов) волею судеб стал переходной фигурой, объединившей две эпохи:

предреволюционную, вместе с которой окончился период традиционного архивоведения, и постреволюционную, ознаменованную рождением классического архивоведения.

В этой связи особый интерес представляет Первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий, проходивший 6–8 мая 1914 г., в работе которого вместе с председателем Русского исторического общества великим князем Николаем Михайловичем приняли участие действительные члены общества. Среди них отметим князя Н.В. Голицына, В.С. Иконникова, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Лихачева, С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и других ученых.

Все они, за исключением арестованного и вскоре после революции расстрелянного Н.М. Романова, а также В.С. Иконникова, работавшего в Киеве, впоследствии стали активными участниками Союза российских архивных деятелей.

Материалы съезда вынесены для специального анализа, поскольку работа съезда и его решения представляют исключительную важность (см. гл. 3).

Глава 3

Кризис традиционной науки об архивах

Проект МВД «Положение об охране древностей» 1911–1912 гг. и его значение

Как уже отмечалось, 29 октября 1911 г. Министерство внутренних дел направило на рассмотрение Государственной думы представление № 27281 и законопроект «О мерах к охранению памятников древности», а также проект «Положения об охране древностей» с приложением к нему особого разъяснения «О губернских ученых архивных комиссиях».

Напомним, что архивы того времени относились к области изучения археологии, которая рассматривалась как комплексная историческая наука о древностях в самом широком смысле этого слова. В указанных источниках архивы и архивное дело оговариваются особо. Так, глава первая «Положения общие» проекта «Положения об охране древностей» гласит:

«Древностями, подлежащими охране, почитаются все те памятники зодчества, ваяния, живописи и иного искусства, равно как первобытной древности, *а также акты и рукописи, которые на основании сего положения признаны имеющими значение источников познания и любви к отечественной истории*» (выделено нами. – Т. Х.).

Смысл законодательной инициативы правительства определялся необходимостью создать в Петербурге центральный охраняющий орган, который, состоя из представителей заинтересованных ведомств и ученых специалистов, объединил бы деятельность местных охраняющих учреждений, являлся бы для них органом общего руководства и надзора и вместе с тем наблюдал бы за повсеместным исполнением закона об охране древностей.

Предлагая назвать соответствующий орган Комитетом по охране древностей при Министерстве внутренних дел, проект предусматривал следующие предметы его ведения:

- 1) объединить дело охраны древностей на всем пространстве империи, в частности объединить деятельность местных органов;
- 2) распределить между ними денежные пособия для развития их охраняющей деятельности;
- 3) учесть отдельные ведомственные интересы;

- 4) создать орган охраняющей власти;
- 5) наблюдать за точным исполнением закона об охране древностей на всем пространстве империи.

В качестве неотложной меры признавалось необходимым оформить в законодательном порядке правило, в соответствии с которым всякое предположение правительства, от какого бы ведомства [оно] ни исходило, в части, относящейся к задачам Комитета по охране древностей, получало дальнейшее движение не иначе как после предварительного рассмотрения в Комитете. Следующее правило устанавливало, что Комитету принадлежит разрешение разномыслий, возникающих по охране древностей между учреждениями и лицами, ему подведомственными, и теми лицами и учреждениями различных ведомств, в ближайшем заведовании или управлении коих означенные древности находятся.

Затем следовал важный пункт: «Министр внутренних дел полагал бы необходимым в изменение и дополнение существующих узаконений определить особые правила по вопросу об *охранении рукописей, актов* (выделено нами. – Т. Х.), а равно памятников живописи, ваяния и иного искусства, принадлежащих к собраниям разных правительственных мест, музеев, хранилищ и библиотек всех ведомств и учреждений». Поэтому министр посчитал необходимым объявить все предметы, принадлежащие к собраниям правительственных мест, музеев, хранилищ и библиотек всех без исключения ведомств и правительственных учреждений, подлежащими охране, даже если эти предметы и не были в отдельности внесены в охраняемые Комитетом по охране древностей списки подлежащих охране древних памятников.

Что же касается сохранения документов, принадлежащих к *архивам разных правительственных учреждений*, в проекте указывалось, что для этих целей существуют уже на местах губернские ученые архивные комиссии, которые пользуются своим правом в указанных законом случаях высказываться по вопросу об уничтожении старых архивных дел.

В отношении охранения *архивов центральных установлений* приходится считаться с разнородностью существующих по данному предмету в разных ведомствах особых правил. Поэтому, определяя, что в решении вопроса об уничтожении старых дел, принадлежащих к архивам центральных правительственных установлений, должны непременно участвовать представители Императорской Академии наук и Императорской Археологической комиссии, а также лицо, назначаемое Комитетом по охране

древностей, «министр внутренних дел признает необходимым установить, что самый порядок уничтожения сих дел определяется соответствующими законоположениями и изданными на сей предмет особыми правилами».

В этих разделах содержится интересная модель взаимоотношений центрального правительственного органа по охране исторических ценностей с действующими ведомствами и учреждениями. Это касается достижения компромисса с целью сохранить текущие архивы в интересах исторической науки.

Данный аспект проявляется и в отношении коллекций и архивов, которые находятся в частной собственности. В правительственном документе указывается, что особые трудности представляет вопрос о том, как следовало бы построить отношение государства и вообще начала государственной охраны древностей к тем памятникам старины, которые находятся в частной собственности.

«С одной стороны, несомненно, что если предоставить эту группу памятников в полную волю их собственников и объявить начало государственной охраны некомпетентным, раз памятник находится в частной собственности, то последствием этого, как уже достаточно показал опыт, явится, во-первых, гибель многих памятников, и во-вторых, значительное их поступление в торговый оборот, при котором массами они будут вывозиться из страны, что едва ли может соответствовать интересам русского просвещения и культуры.

С другой же стороны, было бы нецелесообразно на первых порах, пока в обществе еще не заложено сознание в действительной необходимости возможно более широкой охраны древностей, рисковать принятием каких-либо интенсивных мер по охране древностей, находящихся в частной собственности» (речь идет, по-видимому, о возможном целенаправленном укрывательстве владельцами своих частных коллекций и архивов от общественности и государства).

В проекте предлагалось, во-первых, предоставить правительству право на преимущественную покупку древностей, находящихся в частной собственности, если они продаются; во-вторых, установить некоторые ограничительные правила, касающиеся вывоза означенных древностей за границу. В нем также была изложена система наказаний: за незаконное изъятие предметов из собраний правительственных мест, музеев, хранилищ и т. п. виновный может быть подвергнут тюремному заключению

от двух до восьми месяцев; за вывоз их за границу без надлежащего на то разрешения предусматривается тюремное заключение от двух до четырех месяцев или денежный штраф в размере двойной стоимости вывезенных древностей.

В особый раздел выделен предмет ведения ГУАК. Правда, оговаривается, что точное указание перечня их обязанностей в законе было бы лишь закреплением уже существующего порядка. Новым является только обязательность согласия архивной комиссии на уничтожение архивных дел, каковое правило устанавливается в целях обеспечения надлежащей сохранности тех замечательных исторических документов, которые могут оказаться в составе местных архивов.

10 декабря 1911 г. Государственная дума приняла постановление, в соответствии с которым правительственный законопроект был передан для рассмотрения в думскую комиссию во главе с Е.П. Ковалевским. Комиссия заседала 9 и 19 апреля и 3 мая 1912 г. в присутствии следующих представителей ведомств: члена совета при министре внутренних дел, начальника Библиотеки и Архива Святейшего синода К.Я. Здравомыслова (одного из активнейших участников разработки декрета о реорганизации архивного дела в 1917–1918 гг. – Т. Х.) и юрисконсульты Министерства юстиции Широкова и Краузе.

Комиссия в основном приняла законопроект, но с оговоркой, касающейся древних памятников, составляющих частную собственность: «...законопроект МВД является, по мнению комиссии, весьма ощутительным стеснением права частной собственности, нарушением частных интересов и очень спорным с принципиальной точки зрения. Практически же, как показывает опыт применения иностранных законодательств, все меры такого рода могут свестись лишь к наблюдению за коллекционерами и, вообще, за покупкой и продажей древностей. При таких условиях скорее всего могут пострадать случайные любители и некрупные продавцы, а скупщики, комиссионеры и, вообще, более значительные продавцы, несомненно, найдут способы и средства обойти столь несовершенные меры охраны и вывезти за границу ценные собрания. В силу означенного все составляющие частную собственность древности изъеются из действия настоящего законопроекта, а вывоз предметов древности за границу не карается законом и почитается свободным от всяких запретов».

Были изменены и название органа по охране древностей, и его состав. Дума в заключении Бюджетной комиссии от 30 мая

1912 г. именует его Центральным комитетом, а постановление по законопроекту рекомендует придать ему *характер немногочисленной коллегии, состоящей из представителей науки и искусства, а не представителей ведомственных интересов*¹²⁰.

Таким образом, радикальный проект создания по инициативе правительства и при прямой поддержке Императорского двора межведомственного (более того, надведомственного) Комитета для охраны древностей, а также для объединения, направления, руководства и надзора за деятельностью всех учреждений и лиц, «призванных к таковой охране», был выхолощен в Думе, а затем постепенно сведен на нет из-за надвигавшихся бурных событий Первой мировой войны и последующих революционных потрясений. Тем не менее значение законопроекта 1911–1912 гг. состоит в том, что он, в частности, обозначил первый шаг на пути к созданию в условиях различных видов собственности единой Государственной архивной службы с широкими полномочиями. В нем учитывались как идеи, содержащиеся в проекте архивной реформы Калачова, так и основные концептуальные положения аналогичного проекта Самоквасова.

Съезд Губернских ученых архивных комиссий
и соответствующих им установлений 1914 г.
и его значение для развития архивоведческой мысли

Самый представительный форум членов ГУАК, состоявшийся в мае 1914 г., был создан по инициативе Русского исторического общества. Председатель общества великий князь Николай Михайлович в первый день работы съезда огласил поздравительную телеграмму императора Николая II. Во вступительном слове он сообщил делегатам, что император Николай II проявил большой личный интерес к работе съезда, в связи с чем, сказал Николай Михайлович, «я считаю своим долгом о всех занятиях, которые будут происходить здесь, подробно Ему доложить»¹²¹. Тем самым статус съезда был поднят на высший государственный уровень.

В повестку дня были включены жизненно важные вопросы, касающиеся деятельности ГУАК:

порядок производства осмотров местных архивов. Условия, которым должны удовлетворять архивные помещения и управления архивами;

полномочия ГУАК. Уничтожение старых дел. Отбор дел. Ревизия архивов;
материальное положение архивных комиссий. Должностные лица при комиссиях;
устройство центральных (в губернских городах) исторических архивов;
объединение деятельности ученых архивных комиссий.

Без анализа съезда нельзя определить переходный характер того этапа, на который вышли архивное дело и наука об архивах в самый канун революционных потрясений.

Первый аспект работы съезда состоит в том, что верховная власть чуть ли не впервые в русской истории, если не считать эпоху Петра I, обратилась лицом к проблемам архивов, посчитав их делом государственной важности. Но если Петр «расколол» архивы на две противоположные культурные традиции, уделив главное внимание государевым и приказным архивам, а стихийно создающиеся «народные», локальные архивы оставив за пределами своеобразной архивной «табели о рангах», то теперь предпринималась попытка выработать целостный научный подход к оценке государственной важности всей системы архивов в стране. Вот выдержки из выступления председателя старейшей в России Тверской ГУАК (создана еще при Н.В. Калачове) И.А. Иванова: «Осуществившееся ныне пожелание общества вступить в непосредственное живое общение с комиссиями и щедрая денежная помощь, в десять раз превысившая годичное пособие, отпускаемое им по бюджету, окрыляет всех нас надеждой и даже уверенностью в том, что архивное нестроение на Руси прекратится, что *важное государственное архивное дело* (выделено нами. – Т. Х.) будет выведено на прямую дорогу и поставлено на прочных незыблемых основаниях».

Второй аспект работы съезда заключается в том, что впервые на таком высоком уровне произошла консолидация позиций историков и архивистов. Об этом специально говорил в первый же рабочий день форума С.Ф. Платонов, который подчеркнул, что местные материалы получают в общенаучном обороте все большую важность. «Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни. Надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять, как должно, явления местной социальной или даже государственной жизни. Я хочу сказать, что местные документы, какими бы они на первый взгляд ни казались мелкими и

ничтожными, составляют первостепенную научную важность в глазах историка. Они представляются такой же драгоценностью русского государства и общества, как и фонды центральных архивов. Я хотел бы, чтобы это сознание сопровождало наш съезд от начала и до конца».

В словах С.Ф. Платонова намечен путь к повороту исторической науки лицом к «маленькому человеку», к бытовой истории повседневности, которую невозможно создать без опоры на местные архивы. Именно в этом заключался важный смысл идеи объединения всех архивов, включая центральные, губернские и ведомственные, в единую систему, которая была озвучена на съезде в процессе обсуждения пунктов повестки дня, озаглавленных «Полномочия ГУАК» и «Объединение деятельности ученых архивных комиссий».

Третий аспект работы съезда определяется выработкой научного отношения к проблеме уничтожения старых дел.

Профессор-юрист, историк права, действительный член Русского исторического общества А.Н. Филиппов в выступлении на съезде сказал, повторив по существу точку зрения Н.В. Калачова: «Говоря откровенно и по совести, меня этот термин – уничтожение старых дел – просто корбит. Его существование в культурном государстве невозможно. Если дела девать некуда, то разошлите их по разным учреждениям. С точки зрения научной – неважных дел нет, они все одинаково важны. Я приведу пример: среди тех дел, которые подлежали уничтожению, был предложен вопрос, подлежит ли уничтожению дело о рубле, о котором рассуждало одно из высших учреждений в империи. Я нашел, что это дело чрезвычайно важное, необыкновенно хорошо характеризующее финансовые отношения, все устройство финансового управления, если высшее учреждение империи, которое должно заниматься общими государственными делами, находит возможным и обязано даже заниматься обсуждением вопроса о том, что делать с рублем, дать этот рубль или не дать»¹²².

Здесь заключается важная мысль о возможности и необходимости концентрации архивных материалов в хранилищах разного уровня при наличии их централизованного учета в интересах научного использования.

Один из первых исследователей истории ГУАК Ю. Гессен обратил внимание на преемственность этой идеи с концепцией, положенной еще Калачовым в основу проекта создания архивной комиссии: местные архивы хранят у себя лишь бумаги справоч-

ного характера, прочие документы поступают в центральные архивы низшего разряда, где происходит разбор бумаг и где они остаются временно, до перехода их в центральные архивы высшего разряда, на вечное хранение. Разбором справочных дел занимаются комиссии из опытных чиновников данного местного учреждения, в центральных же архивах разбор документов возлагается на комиссию, состоящую наряду с чиновниками также из местных знатоков и любителей старины. Ни один документ не может быть уничтожен без рассмотрения по крайней мере двумя членами Главной архивной комиссии в Петербурге, состоящей по назначению правительства из лиц, знающих архивное дело. Здесь же Гессен приводит полный текст «Проекта Положения об описании и хранении губернских древностей», выработанный Калачовым. Эта идея не была осуществлена в полной мере. По словам академика АН К.С. Веселовского, который составлял отзыв на его проект, академия признала предположения Калачова весьма полезными и заслуживающими уважения с точки зрения научных интересов, но не сочла себя вправе предоставить заключение об их осуществлении, так как вопрос зависел единственно от соображений правительственных¹²³.

Многие идеи Калачова на съезде обрели вторую жизнь, поскольку участники форума – Академия наук, власть и архивисты – нашли общий язык.

В конечном итоге по результатам обсуждений и представлению Комиссии съезд принял следующее постановление.

«К вопросу об уничтожении старых дел

Съезд находит необходимым пересмотреть инструкцию 1886 года и последующие циркуляры министерств 1909, 1910 и других годов. При этом съезд признает, что правительственные и сословные учреждения не должны уничтожать дел до пересмотра их описей, а в случае надобности и самих дел учеными архивными комиссиями. Желательно, чтобы центральные органы правительства рекомендовали местным административным учреждениям упомянутое выше отношение к архивным делам и если потребуются, то развили бы сказанное правило *законодательным порядком*» (выделено нами. – Т. Х.).

Так по объединенной инициативе Русского исторического общества и ГУАК вновь возрождалась идея о восстановлении на законодательной основе своеобразной надведомственной Верховной архивной службы по охране древностей, которая была провалена Госдумой два года назад. Однако ни времени, ни сил

у правительства на реализацию данного предложения уже не оставалось.

Объективные причины неспособности режима осуществить все назревшие реформы очевидны. Отечественная архивоведческая литература исходит из того, что наступившие вскоре бурные события Первой мировой войны, а затем и революционные потрясения 1917 г. не дали осуществиться этим планам.

В этом контексте запоздалым предстает последнее решение съезда: в нем содержалась единодушная просьба делегатов к Николаю Михайловичу передать Государю императору ходатайство о принятии под Высочайшее покровительство всех губернских ученых комиссий и соответствующих им установлений, а также местных сотрудников Особой комиссии по архивной части, образованной в составе Императорского Русского исторического общества¹²⁴.

Так завершился первый съезд представителей ГУАК.

Секретарем Особой комиссии Русского исторического общества после смерти С.М. Середонина в начале 1915 г. был избран академик А.С. Лаппо-Данилевский, сосредоточивший в своих руках научное руководство деятельностью архивных комиссий на местах. В 1915–1917 гг. под его руководством были составлены и изданы под эгидой общества сборники законоположений и циркуляров по архивному делу в России, а также подготовлен сводный проект общей инструкции для работы комиссий и организована рассылка им общих указаний касательно просмотра дел и архивных фондов.

Идея объединения представителей архивной общественности России в рамках Русского исторического общества в качестве ее особой комиссии являлась выдающимся практическим достижением русской архивоведческой мысли дореволюционного периода. Тем самым было поколеблено на теоретическом уровне, хотя и не разрушено на практическом, представление о строгой иерархии архивов, в соответствии с которым, как писал научный руководитель Высшей школы общественных наук, содиректор журнала «Анналы» Марк Ферро (Париж), все документы, как и общество, поделены на категории, среди которых без труда можно угадать привилегированных, деклассированных, разночинцев и люмпенов. «В начале XX в. эта иерархия отражает взаимоотношения власть имущих: во главе кортежа самые авторитетные документы – государственные архивы, затем идет когорта печатных источников, с которых уже снят гриф секретности, [затем]

юридические тексты. Источники локальной истории, рассказы отдельных лиц замыкают этот кортеж: они занимают скромное место в разработке темы»¹²⁵.

Именно в России в 1914 г. впервые высшие органы власти и общество в лице объединенного союза историков и архивистов нашли взаимопонимание в поисках оптимально возможного варианта сотрудничества на благо исторической науки и государства. Правда, речь шла только о формальной, организационной стороне дела.

Содержательное наполнение этой идеи и ее осуществление на практике произойдет уже в марте 1917 г., когда историки и архивисты начнут совместную деятельность по реформированию архивного дела в рамках Союза российских архивных деятелей. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что смысл будущей архивной реформы задолго до ее реализации наиболее четко был выражен в словах отнюдь не революционно настроенного директора Архива Священного синода А.Н. Львова: «Сколько бы мы теперь ни жаловались и ни возмущались, до изменения существующего законодательства и строя, не признающего за архивами *исторического научного значения* (выделено нами. – Т. Х.), решительно ничего не выйдет»¹²⁶.

По существу это итоговая оценка состояния архивного дела в России к концу XIX в.

Проведенный анализ показывает, что к началу XX в. отечественная наука об архивах достигла следующих результатов.

1. Завершился период деления исследователей старины на антиквариистов (историков-археографов, занимавшихся сбором, критикой и публикацией источников) и историописателей, создававших свои труды «по мотивам» архивных документов, в соответствии с заданной концептуальной (идеологической, политической) основой. Архивы стали рассматриваться в качестве научной основы исторических и историко-юридических знаний.

2. Сложилось профессиональное сословие архивистов, активно занявшееся разработкой теоретического фундамента принципов и методов работы в архивах. Архивоведение все больше начало приобретать характер рефлексии (знания о знании), что нашло отражение в понимании содержательной стороны науки об архивах у Н.В. Калачова, И.И. Зубарева и И.Е. Андреевского.

3. В России появились признаки зарождения целостной системы исторического самосознания как неотъемлемого элемента научного мировоззрения. При этом архивное сознание стало рассматриваться как составная часть исторического самосознания

нации. Наиболее яркое выражение понимание государственного и даже общенационального значения архивов и архивного дела нашло в правительственном проекте реформы архивного дела в 1911–1912 гг. и работах съезда представителей ГУАК под эгидой Русского исторического общества в 1914 г. Таковы итоги формирования традиционной науки об архивах.

Выявленные документы показывают, что последующая радикальная реформа архивного дела в России имела прочную основу и во многом опиралась на преемственную связь с наукой об архивах, разработанной предыдущими поколениями отечественных архивистов и архивоведов.

Примечания

¹ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 149.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 162.

⁴ См.: *Макаров А.Н.* Проект архивной реформы бар. Г.А. Розенкам-
пфа. 1820 // Исторический архив. Пг., 1919. Кн. 1. С. 101–141.

⁵ *Зубарев И.И.* Введение // Сборник статей по архивоведению. СПб., 1910. С. 19.

⁶ Там же. С. 21, 24.

⁷ *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

⁸ *Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела: Учеб. пособие / Под ред. И.Л. Маяковского. М., 1946; *Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1955.

⁹ См.: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 295.

¹⁰ *Розенкампф Г.А.* План о приведении в лучшее устройство архивов вообще // Труды Комиссии составления законов. 2-е изд. СПб., 1821. Т. 1. С. 182.

¹¹ Там же. С. 183.

¹² Там же. С. 182–203.

¹³ *Шохин Л.И.* Н.В. Калачов во главе МАМЮ: По неопубликованным документам // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 132.

¹⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 574.

¹⁵ Пирогов Н.И. Избр. соч. М., 1953. С. 361.

¹⁶ См.: Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 63–64.

¹⁷ Очерк составлен по: Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 320–328; Он же. С.М. Соловьев как преподаватель // Там же. С. 289–301; Цамутали А.Н. Я родился историком: Сергей Михайлович Соловьев // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; Шаханов А.Н. Архивный труженик С.М. Соловьев // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997 и др.

¹⁸ Пресняков А.Е. Сергей Михайлович Соловьев и его влияние на развитие русской историографии: Речь на публичном заседании Союза архивных деятелей в память С.М. Соловьева 1 июня 1920 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 77.

¹⁹ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 232.

²⁰ Там же. С. 268.

²¹ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 80, 86.

²² Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 327.

²³ Соловьев С.М. Императорские советы в России в XVIII веке // Русская старина. 1870. Т. 2. № 11. С. 463.

²⁴ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 322.

²⁵ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 326.

²⁶ Очерк составлен по: Семевский М.И. Автобиографические наброски // Голос минувшего. 1917. № 9–10; Русская старина / Предисл., подгот. текстов и коммент. Е. Бронниковой // Наше наследие. 1988. № 3; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание) и др.

²⁷ Семевский М.И. Автобиографические наброски. С. 10.

²⁸ Там же. С. 13.

²⁹ Очерк составлен по: Костомаров Н.И. Князь Михаил Андреевич Оболенский. М., 1873; Бухерт В.Г. Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996.

³⁰ Цит. по: Бухерт В.Г. Указ. соч. С. 163.

³¹ Цит. по: Семевский М.И. Знакомые. СПб., 1888. С. 288.

³² Очерк составлен по: Багалеи Д.И. Памяти Н.В. Калачова. Харьков, 1886; Востоков А.А. Памяти Н.В. Калачова // Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 5; Колесников И.Ф. Николай Васильевич Калачов как архивовед. М., 1911; Оглоблин Н.Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878–1880) // Вестник археологии и истории. СПб., 1903. Вып. 15; Покровский Н.В. Санкт-Петербургский археологический институт. 1878–1903 гг. // Там же. 1904. Вып. 16; Маяковский И.Л. Н.В. Калачов, как историк-архивист // Труды

Историко-архивного института. М., 1948. Т. 4. С. 161–181; *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. М., 1999 и др.

³³ См.: *Багалец Д.И.* Памяти Н.В. Калачова. С. 4.

³⁴ Цит. по: *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука: В 2 кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1998. С. 298, 300.

³⁵ Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 5. С. 30.

³⁶ Труды Московского Археологического общества. М., 1865. С. 2–3.

³⁷ Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. 14.

³⁸ См.: Труды II Археологического съезда. СПб., 1871. Вып. 2. С. 11.

³⁹ См.: *Безобразов В.П.* Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 4. С. 191.

⁴⁰ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 1. С. 379.

⁴¹ См.: Вестник археологии и истории. 1886. Вып. 5. С. 63.

⁴² *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Сб. статей по архивоведению. СПб., 1910. Т. I. Кн. 1. С. 47.

⁴³ *Лихачев Н.П.* Из истории дипломатики (XIX в.). СПб., 1905. С. 3–4.

⁴⁴ См.: *Зубарев И.И.* Введение. С. 16.

⁴⁵ Там же. С. 39.

⁴⁶ *Калачов Н.В.* Указ. соч. С. 1.

⁴⁷ Там же. С. 2, 15, 19.

⁴⁸ Там же. С. 3, 33.

⁴⁹ Журналы Высочайше учрежденной Комиссии об устройстве архивов: Протокол заседания 8 октября и 17 декабря 1875 г. // Сб. ст. по архивоведению. С. 74.

⁵⁰ *Калачов Н.В.* Указ. соч. С. 3–4.

⁵¹ Там же. С. 4–5, 7, 10–11, 82.

⁵² *Покровский Н.В.* Санкт-Петербургский археологический институт. 1878–1903 // Вестник археологии и истории. СПб., 1904. Вып. 16. С. 11–13.

⁵³ См.: Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. С. 17–18; Там же. 1880. Кн. 4. С. 30.

⁵⁴ *Оглоблин Н.Н.* Из воспоминаний... С. 403.

⁵⁵ См.: *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение... // Сб. ст. по архивоведению. С. 31. Примечание.

⁵⁶ *Калачов Н.В.* Фамильный архив князей Куракиных // Сборник Археологического института. СПб., 1886. Кн. 5. Прил. С. 3.

⁵⁷ См.: *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 162–169; *Он же.* Н.В. Калачов как историк-архивист // Труды МГИАИ. 1948. Т. 4. С. 161–181.

⁵⁸ Подробнее см.: *Хорхордина Т.И.* «Неизвестный» Маяковский. М., 2001. С. 82–84.

⁵⁹ См.: *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 13.

⁶⁰ Сборник статей по архивоведению. Т. 1. Ч. 1. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 8–9.

⁶² Там же. С. 9. И.И. Зубаревым приведена цитата из статьи фон Легера «Баварские архивы», написанной по заказу Н.В. Калачова.

⁶³ Там же. С. 7–45.

⁶⁴ Очерк составлен по: РГИА. Ф. 119. Оп. 1; *Мазин К.А.* Проекты архивной реформы в России конца XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 66–82. Машинопись; *Мазин К.А.* Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX в. (Проект архивной реформы И.Е. Андреевского) // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1989. С. 88–93; *Андреевский И.Е.* Наука об архивах. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском Археологическом институте в 1885/6–1886/7 годах. СПб., литограф. изд., б. г.; *Он же.* Ученые архивные комиссии в 1886 году // Русская старина. 1887. Т. 41; *Он же.* Ученые архивные комиссии в 1887 году // Там же. Т. 42. 1888; *Он же.* Губернские ученые архивные комиссии в 1888 и 1889 гг. // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. 9; *Он же.* О значении разработки архивов для успехов кодификации // Наблюдатель. 1882. № 7; *Он же.* Десятилетие Археологического института // Русская старина. 1887. № 42; *Он же.* О Калачове как юристе и учредителе Археологического института // Вестник археологии и истории. 1886. Вып. 5.

⁶⁵ См.: *Калачов Н.В.* Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах», составленный по поручению Императорской Академии наук с приложением дополнительного исследования автора и обозрения проектов и бумаг комитета 6-го декабря 1826 г., относящихся к губернским учреждениям. СПб., 1867.

⁶⁶ См.: *Андреевский И.Е.* Полицейское право. СПб., 1874–1876. Т. 1, 2.

⁶⁷ *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 71.

⁶⁸ РГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 48. Л. 3об.

⁶⁹ *Андреевский И.Е.* Наука об архивах. СПб., 1887. С. 5.

⁷⁰ Там же. С. 3.

⁷¹ Там же. С. 4–5.

⁷² См.: *Воронов А.П.* Архивоведение: Конспект лекций, чит. в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1902. (Мы располагаем изданием 1904 г.)

⁷³ *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. С. 18. Примеч. 2.

⁷⁴ РГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 483. Л. 9, 42об.–44.

⁷⁵ Воронов А.П. Архивоведение. С. 1, 3–5.

⁷⁶ См.: Древности. Труды Археографической комиссии Императорского археологического общества / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. М., 1898. Т. 1. С. 130–138.

⁷⁷ См.: Воронов А.П. Архивоведение. С. 2–3.

⁷⁸ См.: Воронов А.П. Система расположения архивного материала // Архивоведение. С. 15–19; *Он же*. Французские областные архивы // Тр. XI Археологического съезда в Киеве. 1899 / Под ред. гр. П.С. Уваровой и С.С. Слуцкого. М., 1902. Т. 2. Ч. 1: Доклады по архивному делу. С. 43–47.

⁷⁹ Воронов А.П. Французские областные архивы. С. 46–47.

⁸⁰ См.: Труды XI Археологического съезда в Киеве. С. 74.

⁸¹ Воронов А.П. Архивоведение. С. 16.

⁸² См.: Автократов В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 308–309.

⁸³ См.: Старостин Е.В. Происхождение фондового принципа классификации документов // Старостин Е.В. Архивы России... С. 26.

⁸⁴ Очерк составлен по: Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842; Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сб. ст., читанных в отделении русского языка и словесности Академии наук. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1878; Шобухов М.Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955; Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

⁸⁵ Очерк составлен по: Калайдович К.Ф. Известие о древностях славяно-русских и об Игнatii Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1812; *Он же*. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А.И. Мусина-Пушкина // Записки и труды общества истории и древностей российских. Ч. 2. М., 1824; Записки важные и мелочные К.Ф. Калайдовича // Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Т. 3. Кн. 6: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825: Привлекалась также литература: Безсонов П.А. Материалы для жизнеописания К.Ф. Калайдовича и особенно для жизнеописания ученой его деятельности // Чтения ОИДР. М., 1862. Кн. 3; Козлов В.П. К.Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин: Автореф.

дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; *Он же*. Колумбы российских древностей. 2-е изд. М., 1982; *Он же*. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы древнерусской поэмы в XVIII веке. М., 1988; *Он же*. Роль К.Ф. Калайдовича в разработке принципов научного описания исторических источников // Советские архивы. 1975. № 2; *Он же*. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века.

⁸⁶ *Калайдович К.Ф.* Биографические сведения о жизни... С. 18, 26.

⁸⁷ Там же. С. 33.

⁸⁸ *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачов, как историк-архивист. С. 165. Поясним, что в данном случае речь идет о работе: *Калачов Н.В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 1846. Отд. 3. С. 73–138.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 373. Л. 34об.–35об. Цит. по: *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 128.

⁹⁰ Цит. по: *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 23–231.

⁹¹ *Калачов Н.В.* Семейный архив князей Куракиных. С. 5.

⁹² РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28, 30, 37.

⁹³ Там же. Д. 16, 25; Архив ЛО Института археологии РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 219–253, 280–309; ЦГИА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 180, 200, 257, 266, 309, 557.

⁹⁴ См.: *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 30.

⁹⁵ *Самоковасов Д.Я.* Проект студенческих учреждений. СПб., 1901. С. 101.

⁹⁶ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 158.

⁹⁷ *Самоковасов Д.Я.* Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе 1905 г. / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М., 1908. Т. 2. С. 154, 157–158.

⁹⁸ *Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. С. 38–39.

⁹⁹ *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 324.

¹⁰⁰ См.: *Ефименко Р.Н., Ковш Л.А.* К определению объема дел и состава справочников в архивах России (конец XIX – начало XX века) // Труды ВНИИДАД. 1978. Т. 8.

¹⁰¹ *Самоковасов Д.Я.* Архивный инвентарь // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 8. С. 59, 66, 68.

¹⁰² *Калачов Н.В.* Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Т. 1. С. 4.

¹⁰³ См.: *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 69 и примеч. на с. 70. С. 119, 131.

¹⁰⁴ Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. Т. 2. С. 30–31.

¹⁰⁵ Там же. С. 33.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1494. Л. 42.

¹⁰⁷ Русская мысль. 1899. № 92. С. 100.

¹⁰⁸ См.: *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 154.

¹⁰⁹ Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. Т. 2. С. 90.

¹¹⁰ *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 19–20.

¹¹¹ *Львов А.Н.* Нужен ли нам Археологический институт и какой именно? СПб., 1899. С. 14.

¹¹² *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 12–61.

¹¹³ Очерк составлен по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Россия. (Мультимедийное издание).

¹¹⁴ Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408; *Великий князь Николай Михайлович.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905–1909. Т. 1–5; Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. СПб., 1905–1914. Т. 1–7; *Он же.* Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1, 2; *Он же.* О подвигах русского солдата в 19 столетии и об его любви к Родине. Апрель 1917 г. / Подгот. к печ. Д.И. Исмаил-Заде // Родина. 1993. № 1; *Он же.* Письмо из заточения: Письмо Д.Б. Рязанову от 6 января 1919 г. / Подгот. к печ. Н. Сидоров // Наше наследие. 1992. № 25; Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. СПб., 1991. Вып. 19; *Лобашкова Т.А.* Публикаторская деятельность великого князя Николая Михайловича // Отечественные архивы. 1994. № 2; *Соловьев Ю.* Красный князь // Родина. 1993. № 1; *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994; *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; *Шокарев С.Ю.* Великий князь Николай Михайлович и становление охраны памятников некрополя // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 379–382 и др.

¹¹⁵ *Лобашкова Т.А.* Указ. соч. С. 36.

¹¹⁶ *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича. С. 275–276.

¹¹⁷ Великий князь Николай Михайлович: Письмо из заточения. С. 86–87.

¹¹⁸ Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. СПб., 1991. Вып. 19. С. 3.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408. Л. 2–5. Машинопись.

¹²⁰ Проект Министерства внутренних дел о мерах к сохранению памятников древности: Представление МВД в Государственную Думу от 29 октября 1911 г. № 27281 // Сб. материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. С. 371, 559–616.

¹²¹ Труды Первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений 6–8 мая 1914 г.: Стеногр. отчеты. СПб., 1914. С. 1.

¹²² Там же. С. 1–5, 27.

¹²³ См.: Гессен Ю. Из жизни архивных комиссий // Сб. материалов и статей: ред. журнала «Исторический архив». Вып. 1. Б. м., 1921. С. 7, 14–16, 20.

¹²⁴ Труды Первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений. С. 73–74.

¹²⁵ Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 1об.

Контрольные вопросы

1. Проект централизации столичных архивов Г.А. Розенкампа и его влияние на развитие архивоведческой мысли в XIX в.
2. «Ученая деятельность» кружка Н.П. Румянцева и архивоведческая мысль в России в XIX в.
3. Археографическая деятельность М.И. Семевского.
4. С.М. Соловьев и методика работы с источниками.
5. А.Х. Востоков и приемы описания документов.
6. К.Ф. Калайдович: основные принципы описания рукописей.
7. Н.В. Калачов о составе «науки об архивах».
8. Н.В. Калачов и создание губернских ученых архивных комиссий.
9. Вклад Н.В. Калачова в развитие архивоведческой мысли.
10. И.Е. Андреевский: проект централизации архивного дела.
11. Вклад И.Е. Андреевского в развитие архивоведческой мысли.
12. Развитие А.П. Вороновым идеи об архивном фонде.
13. Вклад И.И. Зубарева в развитие архивоведческой мысли.
14. Петербургский археологический институт и развитие архивоведческой мысли.
15. Д.Я. Самоквасов и его вклад в развитие архивоведческой мысли.

16. Проект архивной реформы Д.Я. Самоквасова.
17. Губернские ученые архивные комиссии и развитие архивоведческой мысли (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.)
18. Отечественная архивоведческая мысль на рубеже XIX – начала XX в.: идеи централизации.
19. Проект Министерства внутренних дел 1911 г. «Положение об охране древностей» и его влияние на развитие архивоведческой мысли.
20. I съезд губернских ученых архивных комиссий: значение для развития архивоведческой мысли.
21. I съезд губернских ученых архивных комиссий и разработка научного отношения к проблеме уничтожения «старых дел».
22. Великий князь Николай Михайлович и его вклад в дело объединения историков и архивистов России.

Список источников и литературы

Источники

Обязательные

- Андреевский И.Е.* Наука об архивах: Лекции, чит. в Санкт-Петербургском археологическом институте в 1885/6–1886/7 гг. СПб., 1887. 124 с.
- Андреевский И.Е.* О деятельности ученых архивных комиссий в 1885 г. СПб., 1886. 12 с.
- Багалец Д.И.* Памяти Н.В. Калачова: Реферат, прочитанный Д.И. Багалец в Историко-филологическом обществе при императорском Харьковском университете. Харьков, 1885. 20 с.
- «Было бы справедливо хотя бы часть ассигновок... предоставить Архиву Министерства юстиции»: Докл. записка старшего делопроизводителя И.С. Беляева управляющему архивом Д.В. Цветаеву. 1911 г. / Публ. подгот. Л.И. Шохин // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 92–102.
- Воронов А.П.* Архивоведение: Конспекты лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1901. 51 с.
- Воронов А.П.* Статьи по архивоведению: Пособие для слушателей С.-Петербургского археологического института. СПб., 1909. 32 с.

- Записка Н.Н. Ардашева о методике составления архивных справок. 1893 г. / Подгот. Л.И. Шохин // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 80–85.
- Записка И.Е. Забелина о комплектовании фондов Исторического музея // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 348–354.
- Из дневника архивиста И.С. Беляева / Подгот. Л.И. Шохин // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 61–74.
- Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и обустройство: Сб. статей по архивоведению. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1910. С. 1–47.
- Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство. СПб., 1877. 40 с.
- «Небрежное отношение к архивам – признак невысокого умственного уровня общества»: Записка подпоручика И.О. Шантыра об архиве военного ведомства в городе Ставрополе (1875 г.) / Публ. подгот. Н.В. Ушакова // Отечественные архивы. 2003. № 2. С. 59–86.
- Оглоблин Н.Н.* Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878–1880 гг.). СПб., 1903. 64 с.
- Письмо Д.Я. Самоквасова великому князю Сергею Александровичу о назначении директором Московского архива министерства юстиции / Подгот. Л.И. Шохин // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 311–313.
- Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение. 1852–1902. М., 1902. 38 с.
- Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 2: Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. 1852–1902. М., 1902. 178 с.
- Самоквасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902. 48 с.
- Труды Первого съезда представителей Губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 г. СПб., 1914. 107 с.

Дополнительные

- «В новой столице, опередившей старушку Москву в деле упорядочения архивов, можно работать с прохладцей»: Письма историка И.М. Покровского историку П.В. Знаменскому о работе московских и санкт-петербургских архивов. 1895–1896 гг. / Подгот. Г. Шамсутдинова // Отечественные архивы. 2007. № 3. С. 76–87.

- Великий князь Николай Михайлович. Письмо из заточения / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. Сидорова // Наше наследие. 1992. № 25. С. 86–87.
- Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / Подгот. С.Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 272–278.
- Греч Н.И. Памяти Александра Христофоровича Востокова. СПб., 1864. 15 с.
- Довнар-Запольский М.В. Обзор деятельности ученых губернских архивных комиссий. 1896–1898 гг. М., 1902. 10 с.
- Записка С.Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С.Д. Шереметева / Подгот. С.О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 178–185.
- Здравомыслов К.Я. Архив и библиотека Святейшего синода и консисторские архивы. СПб., 1906. 61 с.
- Иконников В.С. Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1890. Киев, 1892. 36 с.
- Калачов Н.В. Положение о Главной архивной комиссии: Проект. М., б. г. 3 с.
- Калачов Н.В. Доклад и протоколы Комиссии об устройстве архивов, представленный II Археологическому съезду. 1871 г. М., б. г. 25 с.
- Колесников И.Ф. Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России. М., 1908–1909. 308 с.
- Костомаров Н.И. Князь М.А. Оболенский. М., 1873. 40 с.
- Савёлов Л.М. В защиту губернских ученых архивных комиссий. М., 1904. 16 с.
- Смирнов А.И. Владимир Галактионович Короленко, как архивный деятель: Доклад, прочит. в Ярославском гос. университете на вечере, посвящ. памяти В.Г. Короленко. Ярославль, 1922. 16 с.
- Смирнов А.И. Очерки по истории архивного дела. Ч. I. Вып. I. Ярославль, 1922. 78 с.
- «Сохранить память о минувшем...» Архивариус И.А. Тихомиров о назначении и деятельности ЯГУАК / Публ. подгот. Я.Е. Смирнов // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 98–106.
- Срезневский И.И. Воспоминания о П.М. Строеве (июня 27-го 1796 – января 6-го 1876 г.). СПб., 1877. 20 с.
- Срезневский И.И. Несколько припоминаний о научной деятельности А.Е. Викторова. СПб., 1881. 23 с.
- Труворов А.Н. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий: Костромской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской,

Пермской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Ярославской за 1891 год. СПб., 1892. 28 с.

«...Управляемый мною архив имеет право на особое внимание высшего начальства...»: Письмо Д.Я. Самоквасова в Министерство юстиции. 1907 г. / Публ. Л.И. Шохина // Отечественные архивы. 2011. № 3. С. 100–111.

Успенский А.И. Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России: Пособие к лекциям по архивоведению, чит. в Московском археологическом институте. М., 1908–1909. 308 с.

Хованский Н. К характеристике у нас положения архивного дела // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 4–8.

Шереметев С.Д. Мемуары графа С.Д. Шереметева / Сост., подгот. текста и примеч. Л.И. Шохина. М., 2001. 736 с.

Литература

Учебники и учебные пособия

Обязательные

Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 1960. 339 с.

Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и С.-Петербурга. М., 1990. 212 с.

Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 216 с.

Старостин Е.В. Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): Учеб. пособие. М., 2011. 253 с.

Старостин Е.В. Архивы России. Методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. 46 с.

Хорхордина Т.И., Волкова Т.С. Российские архивы. История и современность: Учеб. М.: РГГУ, 2012. 416 с.

Дополнительные

Дрёмина Г.А., Чернов А.В. Из истории Центрального государственного архива древних актов. (Государственное Древлехранилище хар-

тий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел): Учеб. пособие. М., 1959. 69 с.

Ерошкин Н.П. Министерства России первой половины XIX века – фондообразователи ГАФ СССР: Учеб. пособие. М., 1980. 96 с.

Колесников И.Ф. Устройство и ведение архивов: Пособие к лекциям по архивоведению: Курс специальный. М., 1910. 252 с.

Митяев К.Г. Теория и практика архивного дела. М., 1946. 246 с.

Обязательная литература

Автократов В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 20–30.

Акимов С.В. Последние шаги к архивной реформе 1918 г. (проекты Е.Н. Квашнина-Самарина, А.И. Лебедева, К.Я. Здравомыслова, Н.В. Голицына, Ф.А. Нинева) // Отечественные архивы. 2001. № 5. С. 24–32.

Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89–105.

Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Тр. МГИАИ. М., 1954. Т. 5. С. 79–116.

Бухерт В.Г. Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 155–165.

Бухерт В.Г. Г.В. Есипов и создание Общего архива Министерства императорского двора // Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 32–37.

Бухерт В.Г. Д.Н. Блудов и создание Государственного архива МИД // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 138–142.

Бухерт В.Г. Когда был основан архив Оружейной палаты // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 78–80.

Бухерт В.Г. Работа П.И. Бартенева в архивах МИД // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 99–104.

Закатов А.Н. Августейший архивист: Судьба и историко-архивная деятельность великого князя Андрея Владимировича // Тр. Историко-архивного ин-та. Т. 37. М., 2007. С. 106–111.

Иванов А.Е. Московский археологический институт – центр российского исторического культуроведения // Археологический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 47–64.

Козлов В.П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 71–75.

- Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. 415 с.
- Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1993. С. 83–103.
- Кошелева Е.Ю. Организация хранения архивных документов в ведомствах Саратовской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 32–40.
- Кошелева Е.Ю. Работа по «разбору» дел в архивах учреждений Саратовской губернии (последняя четверть XIX в. – 1917 г.) // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 19–28.
- Мазин К.А. Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX в. (Проект архивной реформы И.Е. Андреевского) // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 88–93.
- Маяковский И.Л. Н.В. Калачов, как историк-архивист // Труды Историко-архивного института. М., 1948. Т. 4. С. 161–181.
- Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 187–198.
- Санин О.Г. Научно-публикаторская деятельность С.А. Белокурова // Тр. Историко-архивного ин-та. Т. 37. М., 2007. С. 51–65.
- Санин О.Г. Образование и деятельность Государственного архива МИД в первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 59–69.
- Старостин Е.В. Архивное наследие Русской Православной Церкви: пути изучения и развития // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 31–38.
- Старостин Е.В. 100 лет первому архивному учебнику // Вестник архивиста. 1998. № 5 (47). С. 62–66.
- Степанский А.Д. Из истории архивной общественности. Первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений // Вестник архивиста. 1998. № 3 (45). С. 51–56.
- Хими́на Н.И. Документы Архивного фонда РФ как источник по истории архивного дела в России начала XX века // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тезисы на Третьей Всерос. конф. 25–26 февр. 1999 г. М., 1999. С. 30–40.
- Хими́на Н.И. Отечественное архивное строительство: идеи централизации на рубеже XIX–XX вв. // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 9–16.

- Хорхордина Т.И.* Д.Я. Самоквасов: консерватор-реформатор // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 26–42.
- Черкасов И.А.* Образ архивиста в русской литературе XIX – первой трети XX в. // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 3–11.
- Чирков С.В.* Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005. 317 с.
- Шилов Д.Н.* Научно-издательская деятельность Санкт-Петербургского Сенатского архива (1870-е гг. – 1917 г.) // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 15–24.
- Шмидт С.О.* «Архивны юноши толпою...» // Вестник архивиста. 2003. № 3–4 (75–76). С. 136–156.
- Шохин Л.И.* Н.В. Калачов во главе МАМЮ (по неопубликованным документам) // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 125–137.
- Шохин Л.И.* Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России: Опыт характеристики по архивным документам // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 183–190.

Дополнительная литература

- Алексей Егорович Викторов:* Библиогр. указат. М., 1982. 75 с.
- Ардашев Н.Н.* История Вотчинного архива с XVII в. и до 1812 года // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. С. 153–397.
- Белокуров С.А.* Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г. М., 1912. 95 с.
- Богданов Г.В.* К истории собирания русских военных архивов // Вопросы архивоведения. 1962. № 4. С. 63–74.
- Богуславский Г.А.* Из истории архива Оружейной палаты // Исторический архив. 1959. № 2. С. 215–223.
- Герасимов А.А.* Краткая опись «Калачовского» фонда Исторического архива Саратовской архивной комиссии. Саратов, 1911. 39 с.
- Евдокимова Е.М.* «Утраченная тетрадка» археографа П.М. Строева // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 28–31.
- Зубарев И.И.* Прошлое и настоящее русских архивов: Краткий исторический очерк. СПб., 1911. 47 с.
- Иванов П.И.* Описание государственного архива старых дел. М., 1850. 390 с.
- Колесников И.Ф.* Николай Васильевич Калачов как архивовед. М., 1911. 8 с.
- Колесников И.Ф.* Столбцы: (К методике работ по систематизации и описанию) // Архивное дело. 1939. № 2 (50). С. 28–59.

- Колесников И.Ф.* Устройство и ведение архивов: Пособие к лекциям по архивоведению. М., 1910. 252 с.
- Кононов Ю.Ф.* Из истории комплектования Государственного архива б. Российской империи // Тр. МГИАИ. 1957. Т. 8. С. 279–354.
- Лебедев Б.Б.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Д.Я. Самоквасова // Вестник архивиста. 2000. № 1 (55). С. 243–251.
- Лобашкова Т.А.* Публикаторская деятельность князя Николая Михайловича // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 34–44.
- Лыскова В.Ц.* Деятельность Иркутской ГУАК по собиранию и популяризации исторических источников // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 23–31.
- Львов А.Н.* Русское законодательство об архивах. М., 1900. 13 с.
- Матяш И.Б.* Малоизвестные страницы деятельности М.В. Довнар-Запольского в области архивного образования на Украине // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 144–151.
- Маяковский И.Л.* Исторический очерк истории архивного дела в России: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском Археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. 176 с.
- Никифоров Е.И.* Частное собирательство документальных материалов в России в первой половине XIX в. // Советские архивы. 1972. № 3. С. 40–49.
- Плешаков И.Н.* Из истории архива Царицынской комендантской канцелярии // Отечественные архивы. 2007. № 3. С. 9–13.
- Разоренова Г.В.* Деятельность Калужской ученой архивной комиссии по формированию губернского исторического архива (1891–1917 гг.) // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 10–18.
- Самоквасов Д.Я.* Архивный инвентарь. М., 1896. 23 с.
- Самоквасов Д.Я.* Значение, форма и издание архивных описей // Древности: Тр. Археогр. комиссии Моск. археол. общества. М., 1898. Т. 1. Вып. I. С. 169–171.
- Самоквасов Д.Я.* Современное состояние научной разработки древних актовых материалов // Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославле. М., 1908. Т. 2. С. 153–165.
- Семевский М.И.* Архивное дело в России в 80-х гг. XIX в. // Тр. Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1892. Вып. I. С. 8–13.
- Снежневский В.И.* Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них. М., 1902. 22 с.
- Сырченко Л.Г.* Собираение и организация документальных материалов личного происхождения в дореволюционной России // Тр. МГИАИ. 1965. Т. 21. С. 174–201.

- Цветаев Д.В.* Московский архив Министерства юстиции и губернские ученые архивные комиссии // Русский архив. 1916. Кн. 4. С. 407–415.
- Шахназарова М.Г.* «Чтения в Обществе истории и древностей российских» как историографический источник (1893–1918 гг.) // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 133–146.
- Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России / Под ред. К.Г. Митяева. М., 1955. 68 с.
- Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука (Архивисты и историки во второй половине XIX века). М., 1999. 521 с.
- Шумейко М.Ф.* Из истории Витебского отделения Московского археографического института. К 100-летию со дня открытия // Вестник архивиста. 2011. № 3. С. 205–222.
- Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов* – историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 177–183.

Раздел III
СТАНОВЛЕНИЕ
КЛАССИЧЕСКОГО (ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО)
АРХИВОВЕДЕНИЯ

Основное отличие классического архивоведения от традиционного состоит в том, что новая наука об архивах приобретает черты интегральности, включая достижения всех других систем научного познания мира и самосознания человека.

Наука об архивах на новом этапе вобрала в себя понимание *истории* – «науки о человеке» (определение М. Блока), *политологии*, которая выделилась на рубеже XIX–XX вв. в качестве самостоятельной научной дисциплины из комплекса социальных наук, *социологии* как науки о человеческих взаимодействиях и обществе как о сложной самоорганизующейся системе, *филологии* – науки, «изучающей духовную культуру человека через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (С.С. Аверинцев), и других наук.

Важное значение для становления теоретического ядра классической науки об архивах (учения о фонде) и самоидентификации ее в системе гуманитарного знания имел выработанный к началу прошлого века общенаучный принцип различия между классификацией (условное деление предметов и явлений по любому произвольно взятому признаку) и систематизацией (стремление выявить в предметах и явлениях то общее, что объективно в них заложено самой природой или социумом). На этой основе были построены, например, эволюционные системы классиков биологии Ж.Б. Ламарка, Ж. Кювье, Ч. Лайеля и Ч. Дарвина.

Не случайно в классическом архивоведении получает свое полноценное развитие идея французских архивоведов, сравнивающих архивы с живыми организмами (архивы есть не «что», а «кто»), которую впервые обозначил в своей работе «Архивоведение» А.П. Воронов. Смысл сравнения сегодня можно расшифровать как попытку подчеркнуть, что законы архивообразования (архивоформирования) столь же объективны и столь же внешни по отношению к человеку, как и законы природы. То есть архивы,

как и все живые и неживые системные образования в природе, подчиняются сходным, имеющим естественно-историческую природу закономерностям. Такое понимание сути фондового принципа организации архивов отличает традиционное архивоведение от классической науки об архивах на этапе ее становления. В результате родилось сущностно-онтологическое понимание социогенеза архивов, закономерностей их становления и развития в конкретных условиях определенного типа государственности и национального самосознания, выявления на научной основе стадийности и взаимосвязанности динамических процессов самоорганизации архивов и объективной оценки результатов воздействия внешних факторов на их формирование.

Таким образом, основное внимание в рамках классического архивоведения уделяется выявлению онтологических корней возникновения архивных фондов как «органических сгустков», внутренне целостных образований, анализу динамики их структурирования, необходимости их опознания и сохранения в ходе технической разработки в архивохранилищах.

Это позволяет определить преемственность и в то же время инновационный характер теоретической основы архивоведения XX в. по отношению к предыдущим стадиям развития науки об архивах, что определило его статус в качестве самостоятельной и саморазвивающейся научной дисциплины.

Процесс интегрализации науки об архивах неразрывно связан с возникновением новой научной концепции, сложившейся в начале XX столетия, которая проявилась, в частности, в едином подходе к самым разнообразным явлениям в мире живой и неживой природы.

Именно в этот период был впервые сформулирован принцип, в соответствии с которым «все то, что реально или хотя бы потенциально есть во Вселенной, в Природе, включая все формы материи, всегда мыслилось, по крайней мере, в идеале, как принципиально единое»¹.

Такой подход определил антропоцентристский характер научной парадигмы, который В.И. Вернадский, перефразировав известное изречение Протагора, сформулировал так: «Мыслящий человек есть мера всему». Он пояснял свой афоризм следующим образом: «Мы нередко даем простое собрание фактов и наблюдаем там, где мы можем дать целое. Как будто какая-то леность ума. Чувствуется, что некоторым усилием можно подняться до охвата всего явления в целом, но этого усилия не делаешь и видишь по

литературе, что оно не делается и другими. А между тем кругом масса накоплена данных, которые только и ждут такого охвата»².

Обусловленность приобретения наукой об архивах интегрального характера в конкретно-исторических условиях, сложившихся в начале XX в., можно пояснить на таком примере. Если провести аналогию между процессом становления архивоведения как науки с динамикой взаимодействия человеческого сознания и его деятельности, то генезис интегрального архивоведения выглядит следующим образом.

Период эмпирического архивоведения сопоставим с этапом бессознательно-реактивной деятельности человека, когда предмет (явление) выступает лишь внешней причиной, т. е. раздражителем, толчком, вызывающим ее проявление.

Период традиционного архивоведения сопоставим с системой сознательных актов деятельности, направленных на объект с целью его преобразования по определенному плану и достижения поставленной цели.

Период классической науки об архивах сопоставим с этапом деятельности человека, когда сознание превращает его действия в *поступки*, т. е. сознание регулирует взаимоотношения между субъектом действия и объектом воздействия с учетом эффекта интерактивности.

При этом, как писал один из основателей современной отечественной психологии С.Л. Рубинштейн в труде «Основы общей психологии», где дается схема взаимозависимости деятельности и сознания человека, «самый факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым также течение и характер самой деятельности: она перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды, она по-иному регулируется. Закономерности, которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии»³.

Как рефлекторное поначалу действие превращается в поступок по мере формирования самосознания, так и классическая наука об архивах появляется по мере осознания человеком взаимозависимости между архивами, с одной стороны, и его личной историей, а также историей государства, общества и человечества в целом – с другой.

Удачное сравнение привел В.П. Козлов, который, прослушав ряд выступлений на представительном форуме архивоведов, сказал, что они отражают «три уровня размышлений о наших проблемах. Они представлены как бы тремя частями, как в матема-

тике: арифметика, собственно математика и высшая математика архивного дела и архивоведения»⁴.

Классическая наука об архивах является именно «высшей математикой» архивоведения, которая вобрала в себя и «арифметику» (эмпирическое архивоведение), и «собственно математику» (традиционное архивоведение).

Ее неразрывность и целостность можно проиллюстрировать двумя примерами. *Целью* и *смыслом* существования архивов В.Н. Автократов полагал «удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации, содержащейся в архивных документах. Этой задаче посвящена в конечном итоге вся деятельность архивиста». Основой этого определения является функциональный подход, характерный для традиционного архивоведения и правильный по отношению к определению *цели*, но недостаточный по отношению к определению *смысла* существования архивов. Чувствуя эту диспропорцию, В.Н. Автократов дополняет дефиницию, вводя новый термин «долг», относящийся уже к этической стороне профессиональной работы архивиста: «Первый их гражданский и профессиональный долг заключается в сохранении архивов как национальной ценности, памяти народа, будущего источника исторического познания». Понятие «историческое познание» ученый понимал широко, призывая не сводить задачу архивов к обеспечению запросов историков, считая это их важнейшей, но не единственной задачей⁵. Это было написано им еще в 1980 г.

Таким образом, уже в одном определении можно объективно различить три уровня понимания сущности и функций архивов и профессии архивиста: обслуживание социальных запросов, служение нации (государству) и вневременной, «вечный», характер как источника исторических знаний, т. е. научной системы человеческих знаний о мире и о себе.

Сложный, многосоставный уровень определения был обусловлен осознанной ученым необходимостью нащупать компромиссные пути выхода из утилитарно-учрежденческого понимания архивов, который был по существу основой государственной политики по отношению к архивам с начала 1920-х годов и продолжает воздействовать на умы многих чиновников, представляя значительную помеху на пути развития архивного дела и становления современной науки об архивах.

Приведем для сравнения выдержку из докладной записки (обращения) коллеги Главархива (М.Н. Покровский, В.В. Адо-

---

ратский, Н.Н. Батурин) в ЦК РКП(б) с предложением о переводе главка из ведения Наркомпроса РСФСР во ВЦИК: «Нет сомнений, что в ряду просветительных учреждений архивы всегда будут занимать последнее место, ниже библиотек и музеев. Сейчас работа в архивах, имеющих только научное значение, т. е. содержащих документы XVII, XVIII и первой половины XIX веков, почти не производится за отсутствием материальных средств на эту, во всяком случае, неудачную задачу. Фактически эта часть архивов превращается в простые хранилища документов, и для охраны последних от крыс, от употребления на обертку и т. д. нет необходимости привлекать даже буржуазных спецов – достаточно простого архивариуса с несколькими сторожами»⁶.

Подобный подход означал попытку насильственно вернуть архивы и архивное дело к эмпирическому, донаучному (точнее, вненаучному) периоду их существования и означает отказ от подлинно научного, целостного взгляда на суть архивов и архивного дела, который был сформулирован В.П. Козловым и отражал содержание и смысл классического архивоведения: «Фундаментальная идея, она же задача – при любых вариантах дальнейшего развития страны и ее народов документальное наследие России должно быть сохранено для Истории. В этом состоит ответственность государства и историков-архивистов перед будущим человечества»⁷. Эти взгляды отражают уровень научной парадигмы интегрального архивоведения, достигнутый уже к началу прошлого века.

Не случайно появление у истоков классической науки об архивах выдающегося энциклопедиста, науковеда и методолога А.С. Лаппо-Данилевского, которому посвящен отдельный доксографический очерк.

Таким образом, процесс формирования архивоведческой науки подчинялся внутренним законам развития человеческого знания. Поэтому неоправданно связывать возникновение современной науки об архивах только с внешними факторами, например крушением самодержавия в феврале 1917 г., Октябрьской революцией или Декретом о реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 г.

В конечном счете негативные методологические последствия подобного подхода сказываются на отрицании преемственности научно-архивоведческого знания, отнесении всех предшествующих революционным потрясениям стадий развития архивоведения к предыстории архивного дела и архивной науки.

Именно закон непрерывности саморазвития науки объективно обусловил тот факт, что почти все члены Союза РАД, а позже почти все крупнейшие теоретики архивоведения периода 1920-х годов вышли из недр Императорского Русского исторического общества, Археографической комиссии РАН, губернских ученых архивных комиссий и других аналогичных организаций источников и архивистов, корни которых, в свою очередь, уходят к деятельности Самоквасова, Калачова, Розенкампа, Собакина и т. д.

В то же время внешние – по отношению к науке – события, естественно, могут существенно ускорять или замедлять происходящие в ней процессы. В основном подобного рода воздействия сказываются на историческом самосознании нации.

Как отмечал В.О. Ключевский, «общественные потрясения заставляют людей, их переживших, невольно оглядываться на пережитые бедствия и спрашивать себя: отчего и как они произошли, почему не были предусмотрены и предотвращены и что нужно сделать, чтобы предотвратить их повторение»⁸.

Это наглядно проявляется в период революций, которые являются экстремальным видом общественных потрясений.

Именно в неизбежно короткий (по определению, ибо революция, как и любой общественный кризис, не может продолжаться долго) период революционной «ломки» подлинными учеными осознают свою особую роль. Они представляют собой своего рода островки стабильности в безудержном и безбрежном разливе жизни (если воспользоваться сравнением участника тех событий историка-архивиста Гессена). В такие переломные моменты ученые-интеллектуалы остро ощущают свою объективную востребованность во всех областях государственной и общественной жизни. Резко возрастает необходимость в людях, которые понимают, что «прежде, чем *действовать*, нужно *понимать*»⁹. С этой объективно возникающей в конкретно-исторических условиях необходимостью связано появление «поворотных точек», острая необходимость понимания «узловых проблем» (В.П. Козлов) в науке об архивах. Иначе говоря, новые идеи возникают и созревают в силу внутренней логики развития (саморазвития) архивов и связанного с ними архивного дела, а не по решению властей.

Во главе научной разработки архивной проблематики в конце XIX – начале XX в. встал крупнейший русский историк и науковед, ученый с мировым именем Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919).

Глава 1

Классическое архивоведение как ступень развития архивоведческой мысли в конце XIX – начале XX в.

А.С. Лаппо-Данилевский и гуманитарные основы классического архивоведения

А.С. Лаппо-Данилевскому принадлежат классические труды «Методология истории», «Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества», «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», «Очерк русской дипломатики частных актов» и другие произведения. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся: рукопись труда Лаппо-Данилевского «Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении» (1906); его переписка с И.В. Гревсом, относящаяся к периоду 1889–1890 гг., а также архивоведческие работы – «Доклад о научной деятельности некоторых ГУАК по их отчетам, преимущественно за 1911–1914 гг.», «Особая комиссия при Императорском РИО и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911–1916 гг.»¹⁰ и др.

Выдающийся историк, теоретик и методолог исторического познания, академик и организатор дела спасения архивов в России в первый послереволюционный период А.С. Лаппо-Данилевский родился в имении Удачное Гуляй-Польской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии в дворянской семье. Его отец в последние годы жизни занимал должность вице-губернатора Таврической губернии.

А.С. Лаппо-Данилевский получил домашнее образование и воспитание, около полутора лет вместе с семьей жил в Швейцарии.

После окончания в 1882 г. с золотой медалью Симферопольской гимназии поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Уже на студенческой скамье проявилось его настороженно-отрицательное отношение к политической деятельности, которой он противопоставлял занятия наукой. Как отметил Автократов, «первые признаки интереса Лаппо-Данилевского к изучению архивов отмечаются уже в его студенческой рецензии на книгу В.И. Ламанского о венецианских архивах (1884)»¹¹.

После окончания университета в 1886 г. Лаппо-Данилевский был оставлен кандидатом для подготовки к профессорскому званию. В 1890 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», подготовленную на огромном количестве впервые введенного в научный оборот архивного материала. В звании приват-доцента начал читать курс лекций по русской истории и историографии в Петербургском университете, а с 1891 г. в звании экстраординарного профессора – в Историко-филологическом институте.

Основной круг научных интересов А.С. Лаппо-Данилевского в это время составляла сфера экономики и налоговой политики Русского государства в XVII–XVIII вв. К этому же периоду, по наблюдениям Автокротова, относятся и его первые попытки осмыслить общественно-историческое значение архивов с теоретико-историографических позиций. В рецензии на очередное издание «Описания документов и бумаг МАМЮ» (1888. Кн. 5), опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» (1899. № 4. С. 407–408), Лаппо-Данилевский формулирует ряд важных в контексте становления классической науки об архивах выводов. Он выдвигает принципиально новые идеи (например, о связи архивной политики государства с уровнем его политического самосознания), которые излагаются вместе с итогами его наблюдений источниковедческого характера (характер запрашиваемых справок как критерий оценки интересов современников к минувшему). Оригинальным является тезис Лаппо-Данилевского о социально-психологическом ракурсе познания архивов, сочетающий специальный и субъективный интерес историка к архивам.

Начиная с 90-х годов XIX в. А.С. Лаппо-Данилевский все больше времени отдает изучению историографии, подготовив «Очерки развития русской историографии», теоретических проблем источниковедения и философских проблем общественных наук («Основные проблемы обществоведения», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Критический разбор главнейших учений о случайности» и др.), а также чтению спецкурсов и проведению семинаров по дипломатике частных актов.

В результате признания его научных достижений в этой области в 1906 г. Санкт-Петербургский университет ввел обязательный курс «Методология истории» и поручил его читать Лаппо-Данилевскому. Курс сопровождался семинарскими занятиями. Одновременно А.С. Лаппо-Данилевский руководил рабо-

той научного кружка, который представлял собой особую, более высокую, форму организации совместного труда профессора и студентов. Среди его учеников – будущие светила исторической науки С.Н. Валк, Б.Д. Греков, А.Е. Пресняков, Б.А. Романов, А.И. Андреев и другие. Создавая исторические труды по экономической истории России XVII–XVIII вв. и истории крестьянства на широко архивном материале, Лаппо-Данилевский занимался публикацией и критикой ряда важных источников, выявленных им в архивохранилищах.

С 1884 г. он стал одновременно членом Императорской археографической комиссии Министерства народного просвещения, председателем секции русской истории Русского исторического общества при Санкт-Петербургском университете и секретарем отделения русских и славянских древностей Археологического общества. В 1899 г., в возрасте 36 лет, его избрали действительным членом Императорской академии наук.

О разнообразии научных интересов Лаппо-Данилевского свидетельствует следующий факт. Наряду с участием в сборнике Московского психологического общества «Проблемы идеализма» (1902), в котором на примере критики системы О. Конта он представил научно обоснованное отрицание норм позитивистской парадигмы научного знания, Лаппо-Данилевский в эти же годы возглавил издание фундаментального «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» и от имени Российской академии наук контролировал научную деятельность губернских ученых архивных комиссий.

Благодаря своим научным трудам А.С. Лаппо-Данилевский к началу XX в. пользовался общеевропейским авторитетом, состоял членом Международной ассоциации академий. В 1916 г. он был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета, в котором прочитал цикл лекций по истории научной мысли в России.

В его личном архиве сохранились не только работы в области юридических и экономических наук, но и рукописи исследований в области физики, химии и математики (по теории вероятности, дифференциальному исчислению и т. п.). Он отстаивал принцип *самоценности науки* и считал несовместимыми объективно-научные и субъективно-политические направления в деятельности подлинного ученого.

В кризисные годы первой русской революции А.С. Лаппо-Данилевский скрепя сердце принял пост члена Госсовета от

Академии наук и университетов, но вышел из него незадолго до окончания первой же сессии. В первые месяцы после Февральской революции он вошел как юрист-правовед в комиссию по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. Но последующие события, связанные с Октябрьским переворотом, только утвердили его принципиальное неприятие политики как сферы деятельности для служителя науки.

В философском смысле Лаппо-Данилевский понимал историю как науку о культуре, относящуюся к разряду идиографических наук, изучающих в отличие от номотетических (или натуралистических) наук *индивидуализированные* события прошлой реальности и целостные объекты как таковые *в их развитии*¹².

Важное значение в своей системе взглядов ученый отводил учению о *ценности*, поскольку только «в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора фактов из многосложной действительности: он оценивает объект путем соотнесения его к культурным ценностям, [таким], как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный слой и т. п.».

В отличие от номотетических построений системы знаний, к которым Лаппо-Данилевский относил и марксистское учение, его истолкование задач историографии и исторического познания в целом состоит в том, чтобы «построить индивидуальность объекта, то есть ту именно комбинацию его особенностей, которая и получает ценность».

Таким образом, делает вывод ученый, «лишь комбинируя понятия о ценности и действенности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение. Такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов».

Важным в системе взглядов А.С. Лаппо-Данилевского является противопоставление общего и целого, поскольку в целом всякое индивидуальное тем не менее сохраняет свое самостоятельное значение. То есть только соотнося историческое значение каждого отдельного факта с «мировым целым», одним из выражений которого является понятие общечеловеческой культуры, историк может установить истинно научную ценность исследуемого объекта.

Из общих методологических построений Лаппо-Данилевского непосредственно вытекала его теория исторического источника. Под источником он понимал «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с исто-

рическим значением», под критикой источника – «только теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности», смотря по тому, «будет ли [исследователь] судить о нем с точки зрения истины, добра или красоты».

Значение исторических источников Лаппо-Данилевский ставил в зависимости от того, насколько работа над ними позволяет ученому *соучаствовать в культурной жизни человечества*¹³.

В октябре 1917 г. Лаппо-Данилевский вместе с другими академиками – М.А. Дьяконовым, С.Ф. Ольденбургом, М.И. Ростовцевым, А.А. Шахматовым и Н.С. Курнаковым – подписал заявление Академии наук, где осуждался большевистский переворот. Текст этого документа, составленного, как установил Е.А. Ростовцев, А.С. Лаппо-Данилевским, начинался словами: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства»¹⁴.

Через несколько дней он стал инициатором и автором аналогичного по духу «Воззвания ученых Петрограда». Вместе с тем к этому же времени относятся инициативы Лаппо-Данилевского по сплочению научных сил России на междисциплинарной основе. К ним относятся проекты по созданию Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений, а также Института социальных наук (1917–1918) с целью защитить чисто научные внепартийные интересы ученых, обеспечить им автономию и нормальную работу.

Взяв в качестве неперемennого условия деятельности внепартийность и чисто научный характер, он в то же время подчеркивал, что «без научного руководства, без светоча знаний ни общество, ни государственная власть не будут в силах найти правильные пути к решению самых насущных и неотложных практических задач, которые стоят на очереди»¹⁵. Однако, как заметил С.Ф. Ольденбург, проекты А.С. Лаппо-Данилевского не были поддержаны комиссариатом народного просвещения¹⁶.

Не случайно именно его, ученого-энциклопедиста с мировым именем, историко-архивное сообщество России избрало весной 1917 г. руководителем Союза российских архивных деятелей (Союз РАД). Он рассматривал союз как возможность осуществлять руководство архивной отраслью через общественную организацию, наделенную государственными полномочиями.

А.С. Лаппо-Данилевский был бессменным председателем Союза РАД с апреля 1917 по февраль 1919 г. (более подробно этот

аспект его деятельности будет рассмотрен в разделе, посвященном Союзу РАД). Однако вследствие постепенного отстранения Союза от архивной реформы и целенаправленного процесса передачи руководства архивным делом государственной структуре – Главрхиву во главе с Д.Б. Рязановым – он считал целесообразным самоустраниться от работы в Союзе.

В 1918 г. А.С. Лаппо-Данилевский с риском для собственной свободы, а возможно и жизни, предпринимал усилия для освобождения из заключения вел. кн. Николая Михайловича, с которым их связывали почти 20 лет совместной работы в Академии наук и несколько лет активного сотрудничества в Русском историческом обществе. Как отмечает Е.А. Ростовцев, выявивший в Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ПФА РАН) черновик письма ученого в Совнарком, оно составлено не в виде протеста, а скорее как деловая записка с обоснованием необходимости освобождения великого князя с приложением списка его трудов¹⁷.

На смерть А.С. Лаппо-Данилевского в голодном и холодном Петрограде 1919 г. практически вся научная общественность откликнулась некрологами и статьями в специальных изданиях и органах массовой печати.

В дневниках академика В.И. Вернадского, который в это время находился в Киеве, содержится следующая запись (от 11.02.1919 г.): «В газетах сегодня о смерти Алекс. Серг. Лаппо-Данилевского. Исключительная, совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий делает эту фигуру такой, которую не забудут»¹⁸.

А.С. Лаппо-Данилевский поднял статус архивоведения и ввел его в круг фундаментальных научных дисциплин. Это было обусловлено профессионально-этическими особенностями его научного мировоззрения, которое отличалось целостностью, классически строгой честностью анализа по отношению к фактам и глубиной проникновения в их суть. Благодарственная речь А.С. Лаппо-Данилевского, произнесенная при присуждении ему звания действительного члена Академии наук в январе 1900 г., – это своеобразный манифест, который стал программным для всей академической деятельности ученого. Лаппо-Данилевский сделал все, чтобы создать в соответствии с провозглашенными им принципами целое направление в науке, к которому принадлежали, в частности, и крупные историки-архивисты, продолжившие его дело в первые послереволюционные годы: «Не пренебрегая

лингвистикой, археологией и археографией, я стараюсь и буду стараться придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изобразить не столько картины, сколько процессы, и располагает материал не живописными группами, а эволюционными рядами. В своей научно-литературной деятельности я принципиально нисколько не отрицал великого и самостоятельного значения духовного развития человеческих обществ и старался в своих занятиях по русской истории разъяснить законообразный ход нашего духовного развития. Я не могу не выразить радости своей при мысли, что то ученое направление, к которому я принадлежу, нашло одобрение и ободрение со стороны Императорской академии»¹⁹.

Отметим интегративный и принципиально теоретический характер того научного направления, к которому причисляет себя академик. В результате его совместной работы с М.М. Ковалевским в России уже в 1914–1915 гг. была институционализирована социология как самостоятельная научная дисциплина. Будучи в Академии представителем историко-политических наук, он возглавил движение за создание в ее структуре специального интегрированного отделения юридических и экономических наук. Однако центром ученых занятий А.С. Лаппо-Данилевского в Академии оставались работы в области археографии, что предопределило его научный интерес к архивам.

Он одним из первых выделил археографию из комплекса архивоведческих дисциплин, отнеся ее к «технике исторического знания». Тем самым подтверждается точка зрения С.В. Чиркова о том, что к началу XX в. сложилось представление, что собиранием, описанием, изданием исторических материалов занимается археография. Однако в отличие от архивоведения и источниковедения у нее определены собственный объект и предмет изучения: в ее составе выделилась дипломатика – наука о форме документов, актология, которой и занимался преимущественно Лаппо-Данилевский как археограф. Это направление деятельности Лаппо-Данилевского было также обусловлено общей необходимостью преобразования ученого инструментария, используемого реформаторами архивного дела. Отсюда постепенное расширение теоретического содержания его археографических работ. Они первоначально ограничивались в основном эдичионной археографией в ее традиционном, еще «качаловско-самоковасовском» понимании. В частности, он редактировал подготовленное

к печати в 1900 г. сотрудником МАМЮ В.Н. Сторожевым «Собрание актов по истории делопроизводства Поместного приказа», первая часть которого вышла в 1906 г. под названием «Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду».

Непосредственное участие А.С. Лаппо-Данилевского в становлении новой науки об архивах относится к октябрю 1900 г., когда он выступил на заседании историко-филологического отделения академии с докладом на тему «Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной русской историографии?». По мнению Ростовцева, для российской науки это выступление стало поворотным. А.С. Лаппо-Данилевский указал на недостаточное внимание русской археографии к частным актам, в то время как они являются важнейшим источником для нового направления в науке – исследования быта и хозяйственных отношений.

Поворотным его можно назвать и по причине более широкого, методологического, характера. Ростовцев считает, что А.С. Лаппо-Данилевский призвал отказаться от принципов издания документов, которые практиковал Д.Я. Самоквасов, т. е. издания «подборов разновидностей частных актов, ученых хрестоматий, полезных для ознакомления с формальными особенностями каждого вида, но совсем не достаточных для исследования самих явлений, нуждающихся в систематическом собрании подобного рода материалов»²⁰.

Анализ соответствующих документов не содержит однозначного подтверждения данного тезиса по отношению к Самоквасову. В значительной степени запутанность этого вопроса объясняется неприемлемой в научном сообществе манерой Самоквасова вести дискуссию с оппонентами: ее форма затмевает содержание.

Необходимость анализа с архивоведческой точки зрения характера дискуссии Самоквасова с Лаппо-Данилевским определяется тем, что сам конфликт носит не частный характер, а скорее является научно значимым фактом для понимания становления новой науки об архивах в начале прошлого века.

Аналогичные эпизоды были характерными и для западных архивов. Современные исследователи зарубежного архивного дела также игнорируют их суть, хотя современники относились к ним более серьезно. Имеется в виду прежде всего рассказ о событии в Национальном архиве Франции, которое произошло в 1913 г. Приведем изложение текста соответствующей заметки,

принадлежащей О.А. Добиаш-Рожественской (1874–1939), создателю отечественной школы западной палеографии, единственной женщине, сумевшей защитить в дореволюционном университете докторскую диссертацию по всеобщей истории. Русская историческая общественность, пишет Добиаш-Рожественская, обратила внимание на эпизод столкновения директора Национального архива Ш.-В. Ланглуа с президентом постоянной комиссии архивов историком А. Оларом. Суть конфликта заключалась в том, что Ланглуа распорядился уничтожить часть материалов XIX в., а историки Франции решительно воспротивились этому. Победили историки.

Показательно, что данная заметка была опубликована в одном из первых номеров издаваемого профессором Н.И. Кареевым «Научного исторического журнала» с целью привлечь внимание отечественных историков к тем правам, которыми пользуются их коллеги во Франции, когда дело касается архивов²¹.

К чести российских архивистов, у нас подобный конфликт завершился компромиссом. Так, Д.Я. Самоквасов, узнав о намерениях Лаппо-Данилевского предпринять силами АН в Санкт-Петербурге выборочное издание грамот Коллегии экономии из фондов МАМЮ (в связи с чем он добился прекращения финансирования архивных пофондовых «Описей актов МАМЮ»), обвинил А.С. Лаппо-Данилевского, а заодно и всех академиков – коллег ученого по историко-филологическому отделению – в некомпетентности. Он поместил в своей книге «Архивное дело в России» следующий пассаж: «А.С. Лаппо-Данилевский кратковременно занимался в МАМЮ, когда собирал материалы для своей диссертации и получил здесь известность отсутствием способности пользоваться научно архивными материалами». Принятое историко-филологическим отделением академии предложение Лаппо-Данилевского о замене описей актов МАМЮ изданием грамот «объясняется только отчужденностью наших академиков настоящего времени от дела научной археографии. Мотивы, указанные г. Лаппо-Данилевским, кажутся чрезвычайно наивными людям, ближе стоящим к архивному делу, совершенно чуждому г. Лаппо-Данилевскому»²².

На специальном совещании, созванном 7 февраля 1902 г. в Академии наук под председательством президента академии и с участием министра юстиции Муравьева, управляющего МАМЮ Самоквасова, секретаря Н.Ф. Дубровина, присутствовал и Лаппо-Данилевский.

Дискуссия была бурной. О чем же шел спор, если отвлечься от грубой по форме системы аргументации Самоквасова?

Академия наук, находящаяся в Петербурге, потребовала от МАМЮ предоставить ей право размещать грамоты б. Коллегии экономии согласно системе, которую признает наиболее соответственной научным целям и требованиям, установленным ею для издания означенных грамот, «...причем никто не имеет права пользоваться ими помимо ведома лица, сортирующего или сортировавшего их по поручению академии»²³. Далее в распоряжении, направленном от имени Академии в МАМЮ, указывалось, что лица, по поручению Академии занимающиеся грамотами Коллегии экономии и документами, нужными для их изучения, пользуются ими без всяких затруднений и в неприсутственное время. Более того, грамоты Коллегии экономии, нужные для сверки последней корректуры с подлинными текстами на месте печатания, то есть в С.-Петербурге, «...должны быть препровождаемы начальством архива в Академию наук в размере и порядке, удовлетворяющими системе принятого ею издания».

Самоквасов обоснованно отказал Академии в удовлетворении этих требований. Ссылаясь на ст. 25 правил, утвержденных министром юстиции 16 октября 1889 г., управляющий МАМЮ ответил, что она запрещает высылать куда бы то ни было документы архивных отделов, еще не приведенные в систематический порядок, а именно к таким отделам принадлежит отдел грамот Коллегии экономии.

Министр юстиции поддержал Самоквасова, подчеркнув, что архивы существуют для занятия в них, изучения и издания документов, а не для рассылки их массами по другим учреждениям. Самоквасов при этом добавил, что во всех государствах Западной Европы нашего времени господствуют закрепленные в законодательстве принципы *in loco archivi* и *coram archivario*, т. е. архивными документами дозволяется заниматься только в здании архива и в присутствии архивариуса. Тогда неперенный секретарь Академии Н.Ф. Дубровин выдвинул уже абсурдное, с точки зрения науки об архивах, требование, состоявшее в том, что «если пересылка из Москвы в Петербург по частям грамот Коллегии экономии невозможна, то нетрудно будет исходатайствовать закон о передаче в академию на вечное хранение архивного отдела, подлежащего академическому изданию».

Конец дискуссии положил министр юстиции. Он попросил прекратить обсуждение данного вопроса, так как невозможно дро-

бить содержание МАМЮ, специально предназначенного законом для хранения архивных материалов и в этом отношении обладающего такими средствами, какими не располагает Академия наук.

В конце заседания был достигнут компромисс. На вопрос, каким способом возможно осуществить издание, не нарушая законы и правила хранения архивных документов, Самоквасов указал на возможность, с разрешения министра юстиции, выдавать в архиве лицу, назначенному Академией, до 500 документов одновременно для доставки в Петербург с тем, чтобы по возвращении в архив этой партии была выдаваема уполномоченному Академией вторая такая же партия документов, за второй третья и т. д. При этом он указал, что соответствующие описи могут быть высланы в Академию немедленно и полностью в количестве 20 томов, так как они имеются в архиве в двух экземплярах. Предложение управляющего архивом было признано удовлетворяющим потребности Академии по изданию грамот бывшей Коллегии экономии.

В конце совещания Самоквасов в категорической форме «попросил» Академию наук «прекратить непосредственные сношения с архивными чиновниками по академическим изданиям и воздержаться на будущее время от распоряжений, нарушающих порядок деятельности, установленный законом и министерским регламентом». Он пояснил, что архивист, занимающийся своей исследовательской работой, а не упорядочиванием и описанием архива, не исполняет своих обязанностей, поскольку в результате деятельности «ученых исследователей» наши архивы приводятся в беспорядок, с каждым годом увеличивается количество столбцов, в которых очень часто листов недостает, исчезают целые дела неописанных столбцов и т. д.

В заключение Самоквасов выступил против практики издания отрывочных материалов, не имеющих ничего общего с научными сводными изданиями, подобными *Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven*²⁴.

Признание профессиональной правоты Самоквасова-архивиста, выступившего в защиту принципа недробимости архивных фондов, ничуть не умаляет научного достоинства Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, хотя личные отношения между ним и Самоквасовым с этого времени были окончательно испорчены.

Объективно жесткость Самоквасова в отстаивании своей правоты можно объяснить новым статусом, который приобрели архивы и архивисты по сравнению с патриархальными временами Н.М. Карамзина и А.Ф. Малиновского.

Напомним рассказ И.Л. Маяковского о такого рода идиллической простоте в получении архивных материалов: «Карамзину высылались документы Московским архивом иностранных дел по таким, например, требованиям, адресованным директору архива А.Ф. Малиновскому: “Прошу вас, любезнейший Алексей Федорович, доставить мне скорее все материалы для описания Федорова царствования, кроме дел, не найдется ли и других бумаг любопытных? Вспомните и поройтесь”. Или в других письмах: “Пришлите и то, что вы мысленно для меня приготовили”, “прошу вас приготовить для меня все, относящееся к царствованию Годунова”. Иногда же Карамзин ограничивался даже такими неопределенными запросами: “нет ли у вас чего-нибудь годного для меня в портфелях Миллера”. Иногда просьбы о присылке новых документов сообщались А.Ф. Малиновскому почти а ргорос, рядом с упоминанием предметов тогдашнего житейского обихода: “сию минуту, – пишет он в одном из писем, – принесли мне две бутылки белой водки: очень благодарю вас, любезнейший Алексей Федорович, этого мне довольно на всю жизнь. Сделайте милость, прикажите скорее выписать из Римских дел, что мне надобно”. В письме к П.М. Строеву, служившему тогда же в том же архиве иностранных дел, Н.М. Карамзин писал: “Буду ждать выписки об Иване Варяге. Нельзя ли вам взглянуть на большую Московскую пушку и сообщить мне ее надпись”. А в “P.S.” добавлял: “Крайне меня обяжете, если доставите мне наказ Берсеневу и Тютину, также и выписку из Воскресенской летописи о царе Иване Васильевиче, будет в ней что-нибудь любопытное особенно о сем чуде»»²⁵.

Теперь интересы историков, археографов и архивистов, совпадая в главном, обрели в науке каждый свою собственную нишу.

Одной из черт, присущих подлинному ученому, является его желание и способность к самообучению. В конечном итоге Лаппо-Данилевский реализовал свой план издания грамот Коллегии экономии, но уже на новой концептуальной основе: вместо предполагаемого им выборочного принципа он к началу 1910-х годов «определенно пришел к решению полностью печатать весь фонд, то есть размер издания был увеличен с 10 томов до 20» (С.Н. Валк в 1924 г. сообщал, что речь шла даже о 30 томах)²⁶.

На эволюцию взглядов Лаппо-Данилевского относительно архивов, архивистов и принципов издания архивных материалов повлияла в определенной степени и твердая позиция Самоквасова.

С начала 1910-х годов свое внимание Лаппо-Данилевский переключил на подготовку планируемого к выпуску «Каталога всех частных актов», напечатанных в различных изданиях, на составление «Терминологического словаря частных актов» и др. К этому времени относятся и разработка им основ методологии публикации частных актов, в том числе «Правил издания сборника грамот Коллегии экономики» (М., 1922), которые, как показал С.Н. Валк, «послужили несомненным образцом для всех последующих работ по составлению правил издания документов»²⁷, и завершение «Очерка русской дипломатики частного акта» (Пг., 1920).

Одним из последних крупных проектов А.С. Лаппо-Данилевского было издание в рамках Академии «Собрания бумаг, сочинений и писем М.М. Сперанского», для которого он подготовил «Образец бланка для описи бумаг М.М. Сперанского» и (совместно с И.А. Бычковым, кн. Н.В. Голицыным и А.Н. Макаровым) «Инструкцию по снятию копий с рукописей графа М.М. Сперанского». Иначе говоря, археография стала заниматься своим делом, а архивоведение как наука – своим.

Лаппо-Данилевский в силу универсальности своего научного таланта мог совмещать и эти и многие другие виды научных занятий.

В работе Л.Н. Хмылева «Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в.»²⁸ суть классического подхода к методологии исследования архивоведческих проблем обобщена следующим образом: А.С. Лаппо-Данилевский считал выявление гносеологической природы исторического источника возможным только при условии восстановления внутреннего психического содержания по его внешней материальной форме, т. е., по терминологии Лаппо-Данилевского, выделения в источнике телеологического или практического моментов. Другими словами, в понятие «исторический источник» ученый включил не только его доступность для непосредственного восприятия, объективно-генетическую связь с породившей его прошлой человеческой деятельностью, но и его субъективное свойство быть свидетелем о прошлом. Эта функция не навязывается остатку прошлого извне, она раскрывает одну из существенных внутренних сторон прошлой человеческой деятельности, а именно, отражает социальное событие прошлого. Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский исходил в своем представлении о ценностной сущности архивного документа как источника из его двойственной природы: с одной

стороны, он является продуктом прошлой человеческой *предметной* деятельности, а с другой – результатом *познавательной* деятельности историка. Отсюда его определение гуманитарной сущности письменных памятников:

«Особенности человеческого творческого (так в тексте. – Т. Х.), всего лучше сказывающиеся в памятниках письменности: самостоятельность, индивидуальность и абстрактность. Памятник письменности – это продукт *духовной* (материальная – мала) *деятельности человека, выраженный символическими знаками*»²⁹.

По мнению Чиркова, Лаппо-Данилевский собирался отдельно рассмотреть технику собирания и хранения письменных источников в архивах, но сделать это ему не удалось.

Еще одна важная особенность в работе Лаппо-Данилевского: во всех его проектах активно участвуют архивоведы и архивисты, которые затем почти полностью войдут в состав Союза российских архивных деятелей. Так, помимо кн. Н.В. Голицына, И.А. Бычкова и А.Н. Макарова в состав возглавляемой Лаппо-Данилевским комиссии по изданию бумаг М.М. Сперанского входили К.Я. Здравомыслов, А.А. Сиверс, Г.П. Георгиевский, В.Я. Адарюков и другие. Эти работы курировал по линии Русского исторического общества АН вел. кн. Николай Михайлович (Романов), который, как уже отмечалось ранее, пытался продолжить соответствующие исторические изыскания даже в тюремном заключении, буквально накануне казни в 1919 г. Последнее крупное издание, проект которого под названием «Русская наука» пытался реализовать А.С. Лаппо-Данилевский, носил междисциплинарный характер. Его драматическая история подробно изложена в работе В.Д. Есакова «Неосуществленный проект АН»³⁰, поэтому выделим главное: в серии сборников Лаппо-Данилевский и коллектив привлеченных им авторов из различных областей гуманитарной науки и естественно-научных дисциплин задумали решить две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, они предполагали публикацию нескольких десятков очерков, которые должны были продемонстрировать единство научного знания. Это отражало уровень развития мировой науки в начале XX в., о чем подробно говорилось в начале главы. С другой стороны, комиссия по изданию серии сборников «Русская наука» под руководством А.С. Лаппо-Данилевского ставила перед собой цель представить достижения русской науки, которая, как писал А.Е. Пресняков, вступила в период зрелости, всему миру. Для

реализации проекта Лаппо-Данилевский привлек как виднейших представителей гуманитарной мысли России (В.П. Бузескул, Н.О. Лосский, Н.Н. Глубоковский, Н.И. Кареев, Б.А. Тураев, А.Э. Нольде, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, Э.Л. Радлов и др.), так и специалистов-естественников (физик, био- и геофизик П.П. Лазарев, зоолог, автор работ по энтомологии, паразитологии и дарвинизму Н.А. Холодковский и др.). Сам А.С. Лаппо-Данилевский написал для этого издания обширный очерк по истории русской историографии, который в сокращенном варианте был опубликован уже после его кончины.

Приведенный перечень тем, которые интересовали Лаппо-Данилевского, весьма показателен для уровня российской научной мысли в канун Февральской революции 1917 г.

Отечественное архивоведение к началу XX в. достигло ступени, на которую нельзя было подняться без приобретения всеохватывающей системы гуманитарных знаний в сочетании со специфическим опытом и основами профессии, не ограничивающейся только археографией (точнее *архивографией*). В деятельности А.С. Лаппо-Данилевского это выразилось конкретно в следующем. В ноябре 1903 г. он выступил на заседании историко-филологического отделения Российской академии наук с уведомлением о том, что в Академию не поступают отчеты о работе губернских архивных комиссий, хотя это требует соответствующее Положение о деятельности ГУАК. Исправить положение было поручено ему же. Так началась почти 20-летняя эпопея, посвященная подведению научной основы под деятельность архивной общественности на всей территории России. Вопреки Самоквасову и вослед Калачову Данилевский считал необходимым и возможным превратить архивные комиссии в центры губернской культурной жизни. Как истинный ученый он видел основной недостаток работы архивистов-общественников в том, что они действуют без единой программы, составленной на научной основе. В этом, по его мнению, заключался главный смысл назревшей перестройки архивного дела на местах. Начиная с середины 1900-х годов он активно участвовал в разработке единой инструкции для работы губернских архивных комиссий и составил перечень необходимых изменений в Положении о деятельности ГУАК с целью максимально расширить круг их забот и попечений. Так, представители культурных сил на местах должны были заняться составлением археологических карт, ведением библиографических работ по истории местной жизни,

изучением проблем местного музееведения, разработкой проектов местных правил и методик по охране древностей, а также изданием архивных материалов и пополнением местных архивохранилищ материалами, получаемыми не только из местных ведомств и учреждений, но и от владельцев частных собраний и коллекций.

А.С. Лаппо-Данилевский участвовал в подготовке, обсуждении повестки дня и работе Первого съезда представителей ГУАК и соответствующих установлений в мае 1914 г., о котором подробно рассказано выше. В начале 1915 г., после смерти С.М. Середонина, Лаппо-Данилевский был избран секретарем особой комиссии Императорского Русского исторического общества и, таким образом, сосредоточил в своих руках научное руководство деятельностью местных архивных комиссий во всероссийском масштабе.

Вскоре благодаря деятельности Лаппо-Данилевского значительно повысился уровень активности культурных сил на местах. Так, по итогам анализа первого печатного «Отчета о деятельности Кубанско-Черноморского областного архивного управления за 1920 г.» (Краснодар, 1920), поступившего в Главвархив, его рецензент Н.Ф. Бельчиков отмечал, что он отражает огромные усилия, которые потратили все отделения Облупра на чрезвычайно важное дело – пропаганду архивов, их значения и ценности. В предпринятом Кубанско-Черноморским областным архивным управлением деле, писал рецензент, «чувствуется искренняя любовь к делу, твердое намерение серьезно подойти к задачам дня и – по мере возможности – использовать все, что в силах дать среда для великого дела охраны и изучения архивных сокровищ»³¹. В качестве примера, достойного подражания, Н.Ф. Бельчиков выделяет из отчета данные о том, что в Отделении народного образования находится почти полностью архив б. попечителя Кавказского округа. Начался его разбор и описание. При колоссальном сдвиге и эвакуации архивов очень важно знать, где находится такой-то архив, особенно ценный, вроде данного. Такие отчеты должны лечь в основу крайне необходимого теперь справочника по архивному делу в России, где отдел по регистрации архивных фондов составит основное место. Все перечисленные Бельчиковым мероприятия были запланированы А.С. Лаппо-Данилевским в период его руководства Союзом РАД и научной деятельностью губернских архивных комиссий.

Московский археологический институт и его роль в развитии архивоведческой мысли

Многие из идей универсального подхода А.С. Лаппо-Данилевского к науке в сочетании с архивоведческими взглядами Д.Я. Самоквасова нашли свое воплощение в уникальной по своему характеру деятельности Московского археологического института (1907–1922)³².

Характер оценок деятельности института менялся в зависимости от общей историографической ситуации в стране. В 1918 – первой половине 1920-х годов отношение к Институту было вполне благожелательным.

В 1930-х годах деятельность Института трактовалась как реакционная, подчиненная интересам дворянства и буржуазии. Со второй половины 1950-х годов внимание исследователей привлекает изучение ценного опыта деятельности Института в области вспомогательных исторических дисциплин, археологии и музеологии. В настоящее время изучение истории Московского археологического института направлено на раскрытие его роли как уникального центра российского исторического культуроведения.

Первым исследователем, который обратил внимание на преимущество концептуальных установок, положенных в основу деятельности Института, был И.И. Зубарев. Он ограничился кратким указанием на то, что программы по архивоведению прямо связаны с неосуществленным проектом создания специального архивоведческого учебного заведения, которое в середине 80-х годов XIX столетия планировал открыть при Московском архиве Министерства юстиции его управляющий³³. Аналогичные сведения содержатся в статьях, посвященных почетному члену совета МАИ, управляющему МАМЮ Д.Я. Самоквасову и участнику создания МАИ и его преподавателю С.Д. Кузнецову, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона³⁴, в Русской энциклопедии³⁵, а также в очерке В.И. Грачева об истории Смоленского городского историко-археологического музея, переданного в ведение МАИ³⁶.

Универсальный (университетский) характер системы преподавания в Институте заключался в том, что он, в отличие от ПАИ, готовил не только археографов-архивистов, но и археологов и искусствоведов, сочетая в себе черты высшего учебного заведения и научно-исследовательского учреждения. В Положении о МАИ от 31 января 1907 г. было записано, что Институт имеет це-

люю научную разработку вопросов археологии, археографии (это был термин, совпадающий с современным термином «архивоведение». – Т. Х.) и русской истории, а также подготовку сотрудников архивов, музеев и библиотек, как правительственных, так и общественных и частных. Согласно программному заявлению основателя и директора МАИ А.И. Успенского все преподаваемые в Институте предметы объединены одной общей целью и общей идеей исследования прошлой жизни человечества в остатках его быта, произведениях искусства и письменности³⁷.

Таким образом, главная черта программы МАИ может быть охарактеризована как энциклопедичность. При этом руководство МАИ стремилось к синтезу энциклопедичности и специализации. В контексте научной парадигмы, нашедшей свое отражение в трудах Лаппо-Данилевского и его школы, именно синтез энциклопедичности и специализации (в нашей терминологии – интегративность) характеризовал истоки новой, классической науки об архивах.

МАИ представлял собой прямое воплощение идеи саморазвития науки на основе сочетания преемственности традиций и новаторства. Московский археологический институт открылся в 1907 г. как реализация предложения Н.В. Калачова, который еще в конце XIX в. доказывал, что старая столица крайне нуждается в таком высшем учебном заведении, поскольку является главным центром России, где сосредоточены как вещественные памятники русской старины, так и богатейшие хранилища древнерусской письменности.

Самым активным проводником этой идеи в жизнь объективно был Д.Я. Самоквасов, хотя его роль в литературе о МАИ игнорируется.

Идеи Калачова и Самоквасова были реализованы группой научной интеллигенции, сложившейся в 1906 г. вокруг председателя комиссии по изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии А.И. Успенского. В нее входили профессора Московского университета Р.Ф. Брандт, С.И. Соболевский, А.Н. Филиппов, сотрудники московских музеев и архивов И.Е. Забелин, Д.В. Цветаев, заведующий общим архивом Императорского Двора проф. К.Я. Грот и другие.

В число основателей и учредителей открывшегося 31 января 1907 г. института вошли б. министр народного просвещения генерал В.Г. Глазов, б. директор Департамента полиции МВД генерал В.Ф. Джунковский, кн. А.М. Голицын, гр. А.А. Шереметев

и гр. А.В. Олсуфьев, а также виднейший промышленник, московский городской голова Н.И. Гучков и другие.

С первых дней своего существования Институт пользовался особым расположением Николая II, который вместе с царицей и великими князьями и княжнами стали его августейшими почетными членами. В 1912 г. Институту присваивается звание Императорского имени Николая II.

Согласно Высочайше утвержденному уставу МАИ в первую очередь предназначался для лиц обоего пола, окончивших высшие учебные заведения любого профиля, которые зачислялись в категорию действительных студентов. Но с течением времени основной контингент учащихся стали составлять платники – лица без высшего образования, которые зачислялись по усмотрению совета в вольнослушатели.

По сравнению со столичными и провинциальными университетами плата за обучение была более высокой (80 руб. ежегодно против соответственно 50 и 40 руб.). Пользуясь своей относительной финансовой независимостью (плата за обучение дополнялась добровольными пожертвованиями «спонсоров»), МАИ был достаточно автономен в своей научно-педагогической и административно-хозяйственной деятельности. Он сочетал в себе черты высшего учебного заведения, научно-исследовательского учреждения и научного общества. Правда, с течением времени основатели Института все больше отступали от архивоведческой программы, разработанной Самоквасовым, что объяснялось изменением роли и места архивов в государственной и общественной жизни и радикальной ломкой представлений о ценностях в условиях стремительно менявшейся общественно-политической и культурной жизни страны и общества.

В полном соответствии с научной концепцией Лаппо-Данилевского в деятельности Института основной упор делался на подготовку не столько специалистов для правительственных, общественных, частных архивов, музеев и библиотек (таких кандидатов среди слушателей всех категорий было меньшинство), сколько «культуртрегеров-добровольцев» на ниве отечественной истории – членов научных обществ, губернских архивных комиссий и т. п. В связи с этим в отличие от ПАИ в организационную структуру МАИ входили отделения в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле. Занятия в них проводили командированные из Москвы преподаватели, а также деятели местного краеведческого движения, причем

выпускники и слушатели отделений обладали равнозначными с москвичами правами.

Учебная программа Института слагалась из трех циклов предметов: общих для всех слушателей; специальных, которые изучались только на археографическом или на археологическом отделениях. В центре учебной программы МАИ стояли исторический источник (в самом широком смысле этого слова) и технология работы с ним.

Преподавательский корпус формировался в основном из совместителей. Это были, с одной стороны, профессора и преподаватели высших учебных заведений, с другой – практические работники архивов, музеев, библиотек, деятели различных научно-исторических обществ. Здесь читались курсы русской симографии (чтения архивных документов по нотным системам звукозаписи, В.М. Металлов), славяно-русской палеографии (теоретический курс) и истории русского языка (Р.Ф. Брандт), греческой палеографии (С.И. Соболевский), генеалогии (Л.М. Савелов), геральдики (Ю.В. Арсеньев), хронологии (Н.В. Степанов), исторической географии Сибири (П.М. Головачев), археологии и топографии Москвы (Н.А. Скворцов), а также истории русской литературы (А.А. Покровский). Кроме того, для будущих архивоведов и архивистов предлагались курсы юридических древностей – источников русского права (А.Н. Филиппов, который вел также занятия по теме «Государственные учреждения России XVII и XVIII вв.»). Курс русской истории вел проф. Н.И. Фирсов. Русскую историографию, историческую географию, музееведение, библиотековедение, метрологию и хронологию в Институте архивистам преподавал известный этнограф и археолог С.К. Кузнецов.

Занятиями по нумизматике и сфрагистике руководил хранитель московской Оружейной палаты В.К. Трутовский, курс генеалогии вел заместитель председателя Московского археологического общества Л.М. Савелов. Практические занятия по первобытной археологии и бытовым древностям проводил хранитель Российского исторического музея В.А. Городцов.

Наибольшая доля учебной нагрузки приходилась на преподавателей-практиков. Так, курсы истории русского государства и архивоведения читал А.И. Успенский, до 1914 г. сочетавший работу директора МАИ с работой в Московском отделении Общего архива Министерства Императорского двора.

Практические занятия по палеографии («Чтение древних рукописей»), а затем и лекции по архивоведению вел выпускник

института И.Ф. Колесников, который до этого закончил также ПАИ и духовную академию. Как пишет, правда не без известной доли преувеличения, В.А. Зайцев, «чтения Колесникова выгодно отличаются от компендиумов, подготовленных его предшественниками преподавателями ПАИ И.Е. Андреевским и А.П. Вороновым, не говоря уже о двухтомнике Д.Я. Самоквасова, поскольку его лекционный курс носил всеохватывающий характер». Обосновывая такую высокую оценку, Зайцев писал, что Колесников с одинаковой обстоятельностью трактовал как собственно архивоведение, так и архивоведение³⁸. Колесников отличался скрупулезным подходом к подготовке лекций, самостоятельно переводя на русский язык труды баварского архивиста Лезра, а также считавшееся в то время классическим архивоведческое руководство Гольтцингера (Лейпциг, 1908). В то же время мимо его внимания прошла работа голландских архивных деятелей С. Мюллера, И. Фейта и Р. Фруита «Руководство к приведению в порядок и описанию архивов», которое в немецком переводе появилось уже в 1905 г.³⁹

Для Колесникова, в частности, было характерным рассматривать даже такой специальный предмет, как палеография, в очень широком контексте. Ее задачей он считал изучение «языка и общей терминологии эпохи», без чего, по его мнению, невозможно достигнуть умения правильно понимать написанное. Этой концепции он придерживался всю свою долгую жизнь, в том числе и во время преподавания в Московском историко-архивном институте⁴⁰.

К практическим занятиям по чтению древних рукописей привлекались также архивариус МАМЮ Н.Н. Ардашев, «вещевед» В.К. Клейн, который использовал экскурсии в старинные описи и архивные документы, чтобы составить научное представление о литургических одеждах, тканях и шитье и т. д. Например, чтение Ардашевым специального курса, в котором рассматривалось архивное наследие Поместного приказа, проходило в помещении МАМЮ на Девичьем поле, с подлинными книгами в руках, причем управляющий архивом Самоквасов не только предоставил для занятий так называемый редакционный зал (во внеприсутственные часы), но и оборудовал его под аудиторию на личные средства. При преемнике Д.Я. Самоквасова Д.В. Цветаеве чтение лекций по дипломатике писцового отдела МАМЮ продолжалось на прежних основаниях.

Таким образом, лабораторно-исследовательской базой преподавания архивоведения до 1911/12 уч. г. был, как и рекомендо-

вал Д.Я. Самоквасов, реальный массив документов, который вначале был в МАМЮ, затем в архиве московского Императорского двора, а также в Московском отделении архива Главного штаба.

С 1915 г. эти занятия основываются также на материалах учебного архива МАИ, который сложился из документов Управы благочиния, переданных ему Московской городской управой, и фондов Московского надворного суда и Московской палаты уголовного суда. Так на практике осуществлялся принцип сочетания энциклопедичности со специализацией. Этот принцип соблюдался неукоснительно.

Ярким примером такого подхода может служить итоговый курс Н.Н. Ардашева, опубликованный в 1909 г. под характерным для школы Лаппо-Данилевского названием «От археологии до историософии»⁴¹, а также «Лекции по архивоведению» И.Ф. Колесникова на Архивных курсах 1918/19 г., подготовленные им до революции и без всяких изменений вынесенные для чтения⁴².

И.Ф. Колесников в 1907–1910 гг. был слушателем Московского археологического института, до 1922 г. преподавал в нем, а с 1947 до 1952 г. в качестве профессора читал лекции на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, олицетворяя собой непрерывную связь научных традиций в области архивоведческих наук на протяжении десятилетий.

Структура лекций по архивоведению, которые читали А.И. Успенский и затем, используя его материалы, И.Ф. Колесников, выглядела следующим образом.

Введение. (Научное и практическое значение архивных материалов. Понятие о науке [архивоведения] и ее задачи. Исторический обзор науки и литература предмета.)

Часть общая. (Понятие об архиве. Три вида архивов: при канцеляриях, регистратура, архив в собственном смысле слова. Очерки происхождения архивов (древние века. Новое время) и исторический обзор западноевропейских архивов.)

В курсе «Исторический обзор архивного дела в России» Колесников выделяет следующие разделы: «Архивы приказов. Эпоха коллегий. Архивы эпохи министерств»; «История проектов архивной реформы в России»; «Известнейшие архивы».

Часть специальная. К специальной части науки архивоведения (архивоведению в тесном смысле) он относит изучение выводов, которые вытекают из историко-сравнительного изучения архивов и дают практические сведения о порядке и целости, клас-

сификации, описаниях и издании архивных документов, а также об уничтожении ненужных архивных бумаг. Здесь важным было стремление сохранить целостность науки об архивах как единой историко-теоретической и практической дисциплины. Как видно, структурное построение курса лекций Колесникова почти полностью совпадает с аналогичной программой, разработанной Самоквасовым.

Анализ содержательной части его лекций показывает, что они носили ярко выраженный источниковедческий характер, основанный на концепции позитивизма. Так, в разделе «Научное и практическое значение архивов» он выдвигал тезис, согласно которому в отличие от повествовательных источников архивные источники не грешат пристрастностью, односторонностью, забывчивостью, намеренными извращениями событий: «В научном стремлении к достоверному знанию XIX век выдвинул на первый план документальные (по внутреннему характеру) или архивные (по месту хранения) источники исторического изучения». Источники документального характера – акты государственные и частные – написаны, по его мнению, не для потомства и исследователей, а «в интересах злободневности. Они беспристрастны и непреднамеренны, а потому и более объективны». Это позволяет проверить достоверность источников других видов. Но «они и сами дают нечто новое, самоценное. Сознание важности архивных материалов в научном и практическом отношениях возвысило и значение архивов как мест хранения важнейших историко-юридических памятников письменности и дало толчок к созданию особой науки об архивах – архивоведения»⁴³.

В этом положении заложен важный концептуальный смысл – возникновение науки об архивах обуславливается «возвышением» роли архивов, а само это возвышение вызвано сознанием важности историко-юридических памятников в научном и практическом отношениях. Данный тезис является основополагающим при выделении в истории науки об архивах периода ее генезиса как традиционного архивоведения, который связывается с именами Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова.

Для эмпирического (донаучного) периода развития архивного дела характерна либо абсолютизация утилитарной (практической) функции архивов, либо ее приоритетность по сравнению с научной.

Еще более расширительное толкование архивов и уяснение их «сверх-функциональной», самоценной сущности приведет к

возникновению на следующем этапе классического архивоведения, о чем речь пойдет в следующей главе нашего исследования.

В соответствии с собственной концепцией Колесников дает оригинальное определение архивоведения, которое, по нашему мнению, является наиболее полным из всех разработанных его предшественниками: «Архивоведение как наука есть совокупность теоретических и практических знаний, непосредственно относящихся к архивному делу». Эта наука имеет задач:

- 1) путем научной разработки данных об архивах выяснить и изложить основы рационального устройства и ведения архивов, обеспечивающего сохранность архивных материалов и удобство пользования ими в интересах научных и деловых;
- 2) путем научного разъяснения значения архивов доставить всем видам их единство и цельность;
- 3) путем установления сношений между управлениями архивов различных государств и изыскания способов международного пользования архивами сделать содержание их достоянием науки всех стран и народов образованного мира⁴⁴.

Трехлетний курс обучения в МАИ завершался устными испытаниями и диссертацией. После ее защиты действительные слушатели получали звание «ученый архивист» и «ученый археолог». Прочие довольствовались званием «окончивший курс института». Но поскольку они могли получить звания «ученых» специалистов при условии сдачи устных экзаменов на отлично, практически все выходили «учеными архивистами» и такими же «археологами».

Слушатель первого набора МАИ, знакомый с постановкой дела в Петербургском археологическом институте, писал в январе 1908 г. о своих коллегах по Московскому археологическому институту: «Уже многие хорошо разбирают скоропись XVIII в., прослушав только первый семестр. В Санкт-Петербургском институте, к сожалению, большинство даже после 4-х семестров смотрели на столбцы, как на китайскую грамоту»⁴⁵.

Заметное место в отечественной историографии архивоведения заняло издание профессорами и преподавателями собственных лекций и учебных пособий, а также 40 томов «Записок» Московского археологического института, выпускавшихся до октября 1917 г. В них публиковались монографии, статьи, документальные публикации преподавателей, а также по постановлению совета Института наиболее достойные исследования слушателей.

Широко практиковались индивидуальные командировки преподавателей за рубеж (Италия, Франция, Греция, Германия, Турция) для научных изысканий. Пройдя сквозь события Февральской и Октябрьской революций, Московский археологический институт просуществовал до 1922 г., когда его включили в состав факультета общественных наук Московского университета.

Таким образом, деятельность МАИ объективно отражала возросший статус архивов и соответственно архивной науки, который был осознан в силу высочайшей научной добросовестности Лаппо-Данилевским.

В Ярославском отделении Московского археологического института был опубликован курс лекций профессора А.И. Смирнова «Очерки по истории архивного дела». Как говорится во введении, написанном от имени издательской комиссии студентов, она «надеется, что брошенная искра самодеятельности возгорится в яркое пламя, которое осветит путь, ведущий к познанию прошедших эпох». Курс лекций начинается с утверждения, что «отсутствие архивов делает невозможным развитие современной науки, оставляет пустыми целые эпохи. Отсюда становится понятным стремление человечества сохранить память о своем прошлом, вытекающее, как некоторые говорят, из присущей всему человечеству жажды бессмертия». После краткого очерка всеобщей истории архивов в лекциях дается характеристика вопросов централизации и классификации архивных фондов в Бельгии, Австрии, Германии, Англии и Франции (о Голландии в лекциях умалчивается). При этом обращается особое внимание на опыт Бельгии, где централизация архивных материалов построена на научно-историческом принципе⁴⁶.

Таким образом, даже в самое трудное время основанная Лаппо-Данилевским и его единомышленниками по МАИ и Архивным курсам при ПАИ классическая наука об архивах продолжала саморазвитие на основе преемственности традиций на территории России.

Как показывает анализ, в моменты угрозы для архивов повсеместно начинают функционировать механизмы защиты и самозащиты исторической памяти нации. Архивное дело стихийно, под давлением объективных обстоятельств перемещается в центр общественной жизни, заставляя действовать в своих интересах даже государственно-бюрократический аппарат, в периоды острых политических кризисов весьма далекий от профессиональных забот архивистов.

Подытоживая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в создании классического архивоведения в предреволюционный период и первые послереволюционные годы, приведем слова Е.А. Ростовцева, который специально исследовал эту тему: «Работа над созданием материальной базы “строгой науки”, как полагал Лаппо-Данилевский, включала в себя несколько направлений, первым по значению среди которых было: “организация архивоведения и архивного дела как необходимого фундамента исторической науки”»⁴⁷.

Таким образом, деятельность А.С. Лаппо-Данилевского во главе Союза российских архивных деятелей была прямым продолжением его научной и организационной деятельности в архивном деле, а не представляла собой нечто спонтанное, вызванное экстремальными обстоятельствами революционного периода. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что даже после избрания председателем Союза РАД Лаппо-Данилевский уделял, как и до этого, большое внимание работе местных архивных комиссий. Кроме того, он в числе других академиков участвовал в частном совещании, на котором обсуждался вопрос об охране памятников в условиях военного времени. В результате на общем собрании академии в 1914 г. была создана комиссия с широкими полномочиями по охране памятников, в которую помимо него вошли академики В.И. Вернадский, Н.С. Кондаков, М.А. Дьяконов, И.П. Бородин, Ф.И. Успенский, Н.В. Насонов и А.А. Шахматов. Здесь он приобрел богатый опыт по координации работ, связанных со спасением памятников культуры от разрушений, причем от действий не только противника, но и невежественных властей. Так, в протоколах заседаний общего собрания Академии наук за 1916 г. сохранились свидетельства о борьбе Н.С. Кондакова и А.С. Лаппо-Данилевского против разрушительных последствий спешно сооружаемой в местах древних памятников Новгорода железной дороги⁴⁸.

Вплоть до февраля 1917 г. Лаппо-Данилевский продолжал заниматься наряду с архивным делом историей, археологией, этнографией, музееведением, философией, науковедением и т. д.

Он создавал будущую единую науку о Человеке в целом и классическую науку об архивах как фундаменте научного познания мира в частности.

На его смерть В.И. Вернадский, находившийся в это время в Киеве, откликнулся следующей записью в дневнике:

«11. 02. 1919.

В газетах сегодня о смерти Алекс. Серг. Лаппо-Данилевского. Все уже круг близких.

Ему легче, что он умер. Он переживал все тяжело, и личная жизнь была сурова. А исключительная, совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий делает эту фигуру такой, которую не забудут.

Две смерти – Лаппо-Данилевский и Туган-Барановский. Оба крупные порождения русской культуры, ее исключительного богатства, красоты и мощи.

А.С. – ученый и мудрец – несмотря на желчность, мелочи характера.

И тот, и другой жили идеей»⁴⁹.

При этом нельзя не принимать во внимание, что Лаппо-Данилевский жил в такое время, когда, по его же собственным словам, деятельность ученого следует оценивать не только по результатам, но и по задачам, которые он перед собой ставил⁵⁰.

Как уже отмечалось, с ноября 1917 г. наибольшее внимание он уделял деятельности в Союзе РАД и в условиях наступающей разрухи объективно стал координатором архивной политики в стране, хотя и на общественных началах. Чтобы понять причины того, почему и как это произошло, необходимо разобраться в том, что представлял собой Союз российских архивных деятелей, сплоченный общей идеей уважения к архивам как общенациональному достоянию и государственной святыне, в период революционных событий (март–октябрь 1917 г.) и в первые послереволюционные годы вплоть до кончины А.С. Лаппо-Данилевского в 1919 г.

Глава 2

Историко-теоретический анализ вклада Союза российских архивных деятелей в историю архивоведческой мысли

Ф.А. Ниневе

Фридрих Адович Ниневе (1857–1929) родился в Лифляндии в волости Вана-Выйду. Отец отслужил 20 лет в морском флоте музыкантом, а вернувшись на родину, работал сапожником. Накопив определенные средства, он переехал в Тарту, где открыл свой магазин, но после банкротства вернулся опять в родную волость.

Как сыну рекрута Фридриху предоставлялась возможность учиться на казенный кошт, чем он и воспользовался. После окончания приходской школы в 1871 г. Ф. Ниневе пытался поступить в Петербургскую школу лоцманов, но его не приняли ввиду слабого знания русского языка.

В 1872 г. он был откомандирован в инспекторский департамент Морского министерства, через год поступил на работу в отдел военно-морского флота этого же министерства, где в основном использовали его блестящее знание немецкого языка. Затем – длинный путь служащего различных министерских канцелярий, пока в 1894 г. его не назначили делопроизводителем в редакцию журнала «Морской сборник», где он одновременно начал сотрудничать в комиссии по составлению истории российского флота под руководством Н.А. Коргуева, которая просуществовала примерно 16 лет (до 1911 г.).

В 1898 г. Ниневе назначили в архив Морского министерства. Как пишет он в своей автобиографии, должность делопроизводителя «была одновременно должностью помощника начальника архива, и для того, чтобы получить нехватящие знания, я поступил в этом же году слушателем в Императорский Археологический институт». Вместо положенных двух лет он проучился в нем три года, так как первый год ушел на получение общих знаний по церковно-славянскому языку и истории. В 1910 г. Ниневе был уволен из архива на пенсию в звании государственного советника и с правом ношения морского мундира.

По имеющимся архивным сведениям, Московский археологический институт планировал направить его в заграничную командировку для последующего составления им учебника по архивному делу, но поездка не состоялась. Вместе с инженером Руссвурмом он основал фирму по поставке специального оборудования для российских архивов и библиотек, но все планы рухнули с началом Первой мировой войны.

В 1913 г. Ф.А. Ниневе выступил против предложенного А.И. Лебедевым проекта реформы делопроизводства и архивного устройства, содержание которого будет рассмотрено ниже. В том же году он подал заявление о приеме на работу в архив Морского министерства, но его начальник А.И. Лебедев отказал ему по вполне понятной причине. Сам Лебедев сформулировал ее в числе прочего следующим образом: работа двух архивистов, мыслящих противоположно, в руководстве одним архивом недопустима, а «представитель коммерческого предприятия, рекламирующего архивные шкафы, нам не нужен».

После Февральской революции 1917 г. Ниневе находился на службе в аппарате Временного правительства. Именно к этому времени относится его записка с проектом архивной реформы, которую он составил в Петрограде, а направил уже из Пятигорска. Ее характер, смысл и программная основа передают следующие выдержки из подлинного текста:

«Свершилось. Свершилось великое историческое событие, вызвавшее из груди народа и всякого благомыслящего человека глубокий вздох облегчения. Стало дышать свободнее: открылся простор духу, силе и энергии, заглушенных под гнетом прошлого режима. Правительство и народ встали во весь рост к новой, сознательной жизни и деятельности. Что может быть приятнее и возвышеннее сознания, что ты, единица, работаешь в общей массе не только для себя, а для блага Народа, Общества, Государства. Момент велик! Велик – не только для истории нашего государства, но и в истории мировой. На истории мы должны воспитываться: она – наша гордость. История наша должна служить нам Ветхим и Новым заветом нашей политической, экономической и духовной жизни.

Но до сего времени мы были лишены познаний действительной нашей жизни: она изображалась нам неправдивой, в желательном искаженном виде и направлении, выгодными кучке людей, вышую власть имевших, и их приспешников. Преподавание истории в наших учебных заведениях, а следовательно, и воспитание на ней юношества находилось под тяжелым гнетом

строгого контроля власти, которая видела в устремлении к правде вред и опасность для себя.

Но теперь? Теперь, в свободной России, при свободе слова, не замедлит появлением новая, правдивая, беспристрастная история многогражданской России.

Да поздравим нашу историю с наступлением новой эры!

Да прольет она яркий свет на ее прошлое, на настоящую и будущую эпохи!

Но чтобы достигнуть последнего, мы должны, не теряя времени, позаботиться о сохранении источников истории как для прошлой, так и для будущей нашей государственной летописи во всех ее подробностях».

И далее:

«Хранилищами исторического материала являются наши архивы, музеи и библиотеки.

- 1) Архивы имеют назначением хранить, так сказать, сырой, еще не обработанный исторический материал по всем отраслям нашей деятельности и жизни. Причем, архивы содержат не только научный исторический материал, но и правовой, правовой – от Государства до права отдельных лиц включительно.
- 2) Музеи содержат наглядный материал в образцах науки и искусства по всем их отраслям, и
- 3) Библиотеки обнимают уже весь обработанный и напечатанный материал во всех проявлениях нашей жизни.

Но эти, кажется, близко родственные учреждения – два брата и сестра, до сего времени не пользовались одинаковыми правами и вниманием.

Семья эта оказалась не без уroda.

Уродом, и жалким уродом, являются наши архивы.

Они всеми забыты и всеми пренебрежены.

Их лишают порядочного крова, полезного для дела личного состава.

Музеи и библиотеки прозябают кое-как благодаря частной инициативе и настойчиво напрашивающемуся (так в тексте. – Т. Х.) интересу. Им отводятся более приличные соответствующие помещения. Они обслуживаются отчасти уже подготовленными лицами.

Но по отношению к архивам не приходится наблюдать того же, если не считать двух-трех архивов высших государственных учреждений, да и то они только наружно удовлетворяют глаз.

Архивы не могут пользоваться частной инициативой.

Архивный вопрос – государственный вопрос, и не последней важности (выделено нами. – Т. Х.).

Архивное неустройство у нас до того велико и ощутительно, что его нельзя откладывать в дальний ящик.

Оно требует немедленных, безотлагательных мер со стороны Временного правительства. Не теряя дорогого времени, обратиться с воззванием к народу, чтобы он щадил архивы, музеи и библиотеки, а властям же предписать озаботиться о мерах охраны их.

В это же время необходимо немедленно начать подготовительные работы по устройству их.

При *централизации архивов* расходы на них не увеличатся, а, скорее, значительно уменьшатся. Хороший пример в *архивной реформе* (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.) – наши союзники англичане и французы.

В Англии, несмотря на ее разбросанность по всему свету, централизация архивов доведена до одного Общего Государственного архива в Лондоне – для всей Великобритании.

Во Франции же, кроме Национального общего архива в Париже, вся страна разделена на округа, из которых каждый округ имеет свой архив. Для подготовки же ученых специалистов имеется особое высшее учебное заведение *Ecole des Chartes*, основанное в 1827 году.

По его образцу за последнее время у нас создались два государственных археологических института – Петроградский и Московский. Хотя они и оставляют много желать, однако все же почин дорог. Надо и им придти на помощь.

И они требуют реформы, переорганизации, как и вся Россия.

Инициатива в архивной реорганизации, как в общегосударственном вопросе, должна, несомненно, принадлежать Государственной Думе (выделено нами. – Т. Х.). Только Дума может справиться с этим делом, и только под покровительством Думы можно начать эту работу.

Полагаю, что за время существования Государственной Думы уже образовался значительный архивный материал, который необходимо обратить уже в Образцовый Архив Государственной Думы.

Эту работу, – как специалист-архивист и радатель всей душой за архивное дело, – я взял бы с радостью на себя.

Канцелярия Государственной Думы, поручив это дело мне, тем же дала бы мне возможность приняться за составление общей

государственной архивной реформы. Само собой разумеется, что этот громадный труд по составлению проекта реформы недоступен частному лицу.

Для этой работы необходимо собрать материал, делать анкеты. Я уже принимался за эту работу, но безуспешно: не мог собрать нужных для нее данных. Один архив, хотя по знакомству, даст их, а другой – отказывается их дать и т. д.

Недостаточно одной идеи, но надо, чтобы она была выполнена, а для выполнения ее необходимо много силы воли, энергии и, главное, любви к делу, с которыми я и взялся бы за эту работу.

Мне все равно, как работать: с определением ли вновь на службу или по вольному найму».

Далее Ниневе сообщает о себе короткие данные из послужного списка и заключает:

«Представляя настоящую записку на Ваше благоусмотрение, буду ожидать Вашего скорого ответа по ней, так как по случаю дороговизны в столице, я вынужден жить в провинции»⁵¹.

Это типичный образец документа, составленного опытным специалистом по рекламе, но отражающего мысли и настроения архивиста эпохи, переломный для судьбы отдельного человека, для судьбы архивов, для судьбы всего государства.

Ответа от Милюкова Ниневе не дождался.

В мае 1917 г. он выехал на Кавказ. Работал в Пятигорске заведующим и организатором статистического отдела Управления питанием. Получал, как он пишет в автобиографии, 300 рублей в месяц и квартиру со служанкой. «Когда с 1 ноября 1918 года наша управа перешла под большевистское название Наркома (так в тексте. – Т. Х.), я держался на нейтральной стороне, не присоединяясь ни к какой партии»⁵². Потом, при разных властях, комитет эстонских беженцев патронировал его как гражданина нейтрального государства. После отступления армии Деникина и Врангеля в мае 1920 г. Ниневе оптимировался в Эстонию.

В Эстонии Ниневе поступил на службу в Тартуский университет, занявшись там организацией и обустройством исторического архива и библиотеки. Он считал, что Эстонии достаточно одного центрального архива, который должен находиться в столице, но университет настоял на том, чтобы исторический архив остался в Тарту. С 13 мая по 19 августа 1921 г. он вначале фактически, а затем и официально был заведующим Тартуского исторического архива (впоследствии – Эстонского государствен-

ного центрального архива). Теперь главные проблемы его были связаны с недостаточным владением эстонским языком, против чего особенно протестовали архивисты, не понимавшие русской терминологии, и строительные рабочие, которые обустраивали интерьер архива по чертежам Ниневе. Из-за конфликта с новым заведующим архивом, у которого было только одно преимущество перед Ниневе – он лучше говорил по-эстонски, Ф.А. Ниневе в июле 1925 г. был уволен из архива.

Он умер 21 апреля 1929 г. в Тарту.

Пробить стену безразличия официальных властей к вопросам архивной реформы в одиночку ему не удалось.

Члены Союза российских архивных деятелей решили объединиться, чтобы попытаться сделать это сообща. Союз российских архивных деятелей (Союз РАД), с октября 1919 г. – Общество российских архивных деятелей (ОРАД) (март 1917 – март 1924 г.), был создан по решению собрания представителей крупнейших архивов, музеев, библиотек и других научных учреждений и организаций в Петрограде 18 марта 1917 г. Инициатором создания Союза РАД выступил уже упоминавшийся в связи с конфликтом с Ф.А. Ниневе последовательный сторонник научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского, начальник архива Морского министерства, флотский офицер А.И. Лебедев, который лично разработал текст персональных приглашений на собрание и разослал их всем известным ему столичным архивистам и историкам.

Поскольку он же был инициатором создания ряда других общественных организаций, занимавшихся разработкой основ классического архивоведения, остановимся на его трудах и личности подробнее.

А.И. Лебедев

Александр Иванович Лебедев (1881–?) окончил Морской корпус (1901), штурманский офицерский класс (1903) и Петербургский археологический институт (1911).

С 1911 г. служил в архиве Морского министерства, где с 1912 г. начал проводить большую работу по его превращению в Центральный архив флота и морского ведомства. В 1913 г. он опубликовал статью «Делопроизводство в учреждениях, как базис архивной работы»⁵³, вызвавшую значительный резонанс. Это единственная теоретическая работа архивиста, который в первые

постреволюционные годы, реализуя свои идеи, стал инициатором самых значительных начинаний в архивном деле (реорганизация б. Морского архива на основе включения в него фамильных фондов, созыв Союза РАД, создание первых Архивных курсов при II отделении IV секции ЕГАФ с последующим преподаванием на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте и т. д.). Рассмотрим принципы реорганизации б. Морского архива подробнее.

Главным недостатком всех морских архивов Лебедев считает полное смешение задач по хранению дел вечного хранения и дел временного, справочного значения. «Наше законодательство не знает главного, основного, по целям деления архивов на архивы исторические и текущие, из этого происходит полное смешение соответствующих этим целям и вытекающим из них задачам функций (так в тексте. – Т. Х.) архивов и поглощение одной функции другою. Это есть главный и основной дефект нашего архивного законодательства, главной организационной его функции, отсюда и происходит все современное плохое состояние архивов Морского ведомства» (с. 42).

Обосновывая данный тезис, он пишет, что при полном отсутствии указаний в законе на научные цели архива и главнейшие обязанности чинов его постановка службы в архиве Морского министерства совершенно не предусматривала необходимости разбора, систематизации архива и подготовки к возможности пользования для всесторонних исторических исследований делами и документами, в нем хранящимися (с. 43).

Стремление узаконить научный характер архивной деятельности в качестве приоритетной заявлено достаточно четко и станет отныне главным смыслом деятельности ученого-архивиста. Напомним, что это положение лежит в основе «классического» архивоведения, которое возникает в эти же десятилетия в России. Лебедева, таким образом, можно с полным правом отнести к числу его основателей.

Анализируя содержание ведомственных инструкций, определяющих распределение дел на разряды по описям, он приходит к выводу о том, что работы эти производятся постепенно, разными лицами; затрата труда неравномерна, и потому одна за другой вечно не успевают. Эта разная степень подготовки дел к уничтожению, не говоря уже о работе выделения из них документов вечного хранения, приводит архив в еще большее хаотическое состояние (с. 46).

В специальной главе «Принципы, на коих должно быть поставлено архивное дело» А.И. Лебедев формулирует положения, которые несут фундаментальный характер и остаются актуальными и сегодня.

1. Выяснение цели существования архивов и расходования государством средств на их оборудование – это «вопрос краеугольный, главнейший, так как от того или иного решения его зависит не только постановка архивной службы, но и самый смысл ее существования» (с. 50).

2. На этот вопрос Лебедев дает следующий ответ:

«Все наши правительственные, государственные архивы, хранящие следы, материальные остатки духовной деятельности государственной власти, являются сокровищницами былой мудрости веков, связующими прошлое с настоящим. Передать от предков потомству завещанные им идеалы, цели, осветить и определить в прошлом путь Государства – вот цели, которые единственно могут оправдать расход Государства на устройство и содержание своих архивов. Вся история, и история России в особенности, служит ярким этому доказательством» (с. 50–51).

3. Признавая военно-морской архив главным образом военно-морским научным учреждением, Лебедев подчеркивает, что такая постановка вопроса, исключительно эгоистически ведомственная, не должна исключать всесторонних государственных целей, широкой связи Государства с его историей.

4. Следует обобщающий вывод о том, что соответственно этим двум основным задачам и должно быть поставлено архивное дело в морском ведомстве: во-первых, разработка отдельных вопросов по истории военно-морского искусства, а во-вторых, обращение того же материала во всеобщее всестороннее научно-историческое использование (с. 52).

Намеченный А.И. Лебедевым путь и сегодня может быть полезен для определения стратегии отношений государства с ведомственными архивами даже такого закрытого характера, как военные, или принадлежащими другим силовым структурам.

Лебедев переходит к теоретическому обоснованию высказанных им положений. Он исходит прежде всего из сущности документов, следов деятельности органов власти, которая заключается в том, что эти материальные остатки – письменные акты. Будучи неразрывно связаны с настоящим, они лишь постепенно, медленно теряют с ним связь и отходят в прошлое, обращаясь в источники истории, памятники духовной творческой деятельности людей.

«Из этого свойства документов – живой связи с настоящим, вытекает другая цель архива, другие задачи и совершенно особые функции архива как учреждения вспомогательного административного характера. Современное архивное законодательство и архивы только эту цель и признают, но это всепоглощающее значение ее неверно и является главным злом архивов» (с. 52).

В его рассуждении, во-первых, явственно ощущается взаимосвязь с учением об источнике Лаппо-Данилевского, которого в 1917 г. Лебедев рекомендовал на должность руководителя Союза РАД, а во-вторых, при таком подходе снимается во многом надуманное противоречие между двумя функциями архивов. Лебедев только подчеркивает вредность их смешивания, подмены одной функции другой.

Исходя из методологии Лаппо-Данилевского, А.И. Лебедев настоятельно подчеркивает, что документы Морского архива представляют собой лишь материальные остатки, памятники духовной творческой деятельности чинов флота и учреждений морского ведомства. Хранение этих следов деятельности важно и потому, что потом по ним можно восстановить реально бывшую действительность, уяснить смысл явлений, причинно-следственную связь фактов прошлого (с. 54).

С точки зрения современной историософии здесь прослеживается связь взглядов Лебедева с позитивистской трактовкой документа, характерной для школы Р. Ранке, Ш. Ланглау и других историков. Но более важным сегодня представляется обобщающий вывод о том, что для этого самой главной задачей архива должно быть возможно более *полное их [документов] собирание* (с. 54).

На этом теоретическом положении основана практическая деятельность по комплектованию после революции 1917 г. б. Морского архива, которую А.С. Николаев будет характеризовать в 1919 г. как важнейшее достижение А.И. Лебедева, Г.А. Князева и других морских архивистов. Речь идет об инициативном комплектовании фондов самыми разными видами документов.

Сам Лебедев уже в 1913 г. сформулировал этот важнейший принципиальный подход к комплектованию архивов так:

«Род [архивного имущества] не может ограничиваться лишь понятием “официального документа, акта”, а в это понятие должны быть включены и все другие следы и памятники деятельности флота и министерства, *не официальные*, как дневники, письма, воспоминания и пр. памятники частного происхождения, лиц, принимавших участие в деятельности флота.

В свою очередь, это родовое понятие может разделяться на два обширных вида: вещевые памятники, подлежащие хранению в музеях, и памятники словесные, литературные, письменные, которые подразделяются на два подвида: памятники печатные, хранящиеся в библиотеках, и рукописные, *не умноженные, подлинные*, подлежащие хранению в архивах.

Точное разграничение этих видов и подвигов памятников в отдельных случаях может быть затруднительно, и для частных единичных случаев не важно, раз все эти хранилища будут совместно работать, *взаимно друг друга осведомляя и дополняя*» (с. 54).

Здесь в сжатом виде обоснована научная концепция разделения понятий «архив», «библиотека» и «музей», которую независимо от Лебедева, чья статья из-за ограниченности тиража и ведомственного характера издания осталась ему, видимо, неизвестной, изложит И.Л. Маяковский спустя семь лет.

Характерным для классического архивоведения является рекомендация не классифицировать понятия по одному, произвольно взятому, признаку, а систематизировать их исходя из общей органической целостности наиболее общего родового понятия «памятник» творческой человеческой деятельности.

В главе III под «технологическим» названием «Основание для правил составления в учреждениях сборников документов и сдачи их в архив» А.И. Лебедев дает краткий, но глубокий очерк истории развития архивного дела.

Со времен устроения приказов в Московском государстве существовал вполне правильный взгляд на письменные акты как на государственное имущество высокой ценности, которую следует хранить в целости и порядке на казенный счет, не уничтожая документов никакой давности и описывая их должностными лицами. Взгляд этот проистекал из чувства уважения к прошлой жизни народа и в сознании целесообразной и непрерывной связи ее с современностью (с. 56).

Приведя ряд исторических примеров, Лебедев делает вывод, что новое законодательство Петра радикально изменило архивное дело, медленно, осторожно, ощупью до него эволюционировавшее (с. 56).

Как указывает Лебедев (и это полностью укладывается в этап эмпирического архивоведения), до Петра внешние формы письмоводства и делопроизводства только начинают выясняться и устанавливаться, они развиваются главным образом явочным порядком, под давлением требований жизни дойдя до необходи-

мости сохранения документов. Мысль еще не дошла до необходимости их регистрации и контроля, установления всюду, по всем приказам, единообразной системы их подбора, классификации, описания. Жизнь и практика лишь предъявляли требования в этой области и шли на ощупь, порознь, давая иногда блестящие образцы (с. 59–60).

Здесь заслуживает внимания характерное для классического архивоведения признание объективного характера процесса саморазвития науки, который может, правда, ускоряться или замедляться в зависимости от субъективного фактора.

Главным достижением Генерального регламента или Устава коллегий, по мнению Лебедева, является то, что Петр дал уже стройную и оригинальную систему архивного законодательства, от применения которой на практике и сейчас зависит главным образом порядок в архиве.

Вывод Лебедева заключается в том, что преобразование в XIX в. из коллегий в министерства в отношении делопроизводства и постановки архивного дела могло иметь большое и благотворное значение, если бы была верно понята идея закона общего образования министерства. Этот новый закон не упразднял старых архивов, но лишь предписывал для всех министерств образовать при каждом департаменте свой архив, что «при не отмене распоряжений о сдаче старых дел в уже образовавшиеся архивы, ставило новые архивы лишь в положение промежуточных инстанций (регистратур, временных хранилищ)» (с. 64).

Таким образом, идея создания «промежуточных» архивов была высказана русским ученым-архивистом почти 100 лет тому назад.

Практически, однако, все министерства стали на совершенно противоположную точку зрения (децентрализацию) и тем самым нанесли огромный вред *архивно-историческому достоянию России*, в особенности разрешив чиновникам при накоплении дел в этих маленьких и не имевших по закону статуса вечных хранилищ архивах уничтожать дела, вместо того чтобы передавать их в архивы вечного хранения (с. 65).

Уничтожение дел на уровне департаментов А.И. Лебедев называет противоречащим правильному пониманию смысла закона, в соответствии с которым в учреждениях могли быть лишь бумаги, находящиеся в производстве, не решенные, а решенные (т. е. по которым дан ответ) хранились бы в архиве. Такая постановка дела при условии, что в архивах описи должны составляться на

основе предметной классификации, является «наиболее совершенной, так как в идеале она приближается к хранению каждого документа, каждой бумаги в отдельности» (с. 65).

В действительности же министерства смотрели на департаментские архивы как на архивы вечного хранения и ввели постепенно прежний порядок трехлетнего хранения документов в учреждениях, что казалось необходимым чиновникам из-за привычки решать все дела не по здравому смыслу и закону, а только по обычаю, по аналогии с тем, как решено подобное дело раньше (отчего им и нужно было такое количество справок); тогда-то и установился обычай подшивки нескольких дел близкого по содержанию характера в одну обложку под именем «дело». Из-за нежелания вести учет большого числа дел появилась тенденция все более обобщать их под одним названием. Наконец, стали давать делам такие ничего не определяющие названия, как «разная переписка», «к сведению», «к распоряжению», причем прежняя система подбора документов по внешнему признаку (в терминологии Лебедева это практически синоним понятия по признаку четко определяемой общности тематического содержания отдельных решенных документов или комплекса документов) уже совсем не соблюдалась. «Это привело сдававшиеся в архивы материалы в такое хаотическое состояние, что архивы стали предпринимать различные паллиативы, в роде составления описей в делах. При этом как в самих бумагах, так и в описях их предметное содержание не указывалось (законом не требовалось этого указания), что еще более затрудняло поиски бумаги» (с. 66).

Охарактеризовав далее систему хранения департаментских дел (имеются в виду местные, окружные, департаменты в соответствии с административным делением страны) во Франции и сочтя ее неприемлемой для России, поскольку она потребует огромного штата в архивах, А.И. Лебедев призывает обратить внимание на существование в Германии регистратур, являющихся связующим звеном между учреждениями и архивами, что совпадало с положениями министерского законодательства, «пока мы не исказили первоначально заложенной в нем правильной идеи» (с. 69–70). Он настаивает на том, что, «учредив общие министерские архивы старых дел, мы уничтожили совершенно департаментские (в ведомственно-учрежденческом понимании этого слова. – Т. Х.) архивы, смешав *духовную работу учреждений министерств* (выделено нами. – Т. Х.) с формальным механическим трудом регистрации документов, классификацией их, ведением дел, работой

совершенно непроизводительной для делопроизводителей, занятых более важными делами, и тем привели министерства, с одной стороны, к сплошной канцелярщине и бюрократизму, а с другой – к полному пренебрежению формальной внешней стороной делопроизводства, следствием чего явилась гибель миллионов документов важнейшего исторического значения» (с. 70).

Здесь А.И. Лебедев вплотную приблизился к пониманию сущности фонда как естественно-исторического образования, противопоставляя его искусственному, но исходя только из прагматического понимания функций архивов в дальнейшем делает по меньшей мере спорные выводы о том, что архивы как по существу хранилища научного материала суть те же библиотеки, с той только разницей, что учету в архиве подлежат не книги, каждая из которых представляет документ, за исключением периодических изданий, а каждый отдельный лист дела, каждый документ, находящийся в деле (с. 71). Конечно, это определение уступает по четкости тому, которое сам же А.И. Лебедев дал ранее.

Отсюда следует и его рекомендация вернуться к библиотечному принципу формирования дел, их размещению в архивохранилищах. При этом заново формируемые архивистом-библиотекарем дела он предлагает называть сборниками (с. 72).

Главным критерием разделения и соединения заново документов делопроизводства он называет критерий сущности двух родов.

Первый [род документов]: следы внешних письменных сношений данного должностного лица или учреждения (входящие и исходящие бумаги); второй: следы внутренней творческой работы, не подлежащие даже регистрации, не проходящие через журналы и потому представляющие совершенно особый род бумаг, документов, подлежащих вечному хранению; таковы будут проекты, черновики работ, отпуска-проекты неотправленных бумаг, справки, записки, журналы и протоколы заседаний, инструкции и директивы начальства своим подчиненным и прочие документы внутренней организационной и творческой работы данного учреждения, части, делопроизводителя (с. 72).

Бумаги первого рода следует раскладывать по папкам: входящие бумаги – отдельно, отпуска исходящих бумаг – отдельно, подкладывая в каждую группу документы строго хронологически, по порядку номеров, не более 150–200 листов в одну папку. Таким образом, для бумаг первого рода будут в учреждениях особые сборники документов, тома, а не дела. Их так и нужно называть – сборники входящих и исходящих бумаг, том I, том II и т. д. (с. 74).

Он будто и не чувствует в этом упрощенном подходе к жизни жизни противоречия с им же провозглашенным ранее принципом уважения к целостности архивного имущества, которое нерасторжимо связано с породившим его делопроизводством. Если добавить к этому требование в категорической форме и повсеместно обязать всех составителей бумаг на каждой из них указывать краткое содержание «о том-то», разносить по разным графам в специальные журналы отдельно для «входящих» и отдельно – для «исходящих», одновременно заносить их в разного рода описи и заводя на каждую из них несколько карточек, включая алфавитную, то все возражения практиков, которые Лебедев заранее предвидит и называет недоразумениями, кажутся вполне обоснованными. Он даже детализирует: «можно делать подкладку бумаг в особые папки с зажимами, откуда документы не могут выпасть, но благодаря которым во всякий данный момент по первому требованию и желанию документы могут быть подобраны в любую комбинацию» (с. 78–79).

В этой части своих рассуждений А.И. Лебедев не учитывает того, что канцелярские правила письмоводства, как и законы архивоведения, тоже являются частью и производным от жизненных процессов, складываются веками и поменять их сразу, революционным путем, в масштабе всей страны – нереально. Именно в этой части его система встретила самые решительные возражения⁵⁴. Однако от критиков ускользнул важнейший – с точки зрения классического архивоведения – факт: для Лебедева суть вопроса заключалась не в том, чтобы механически разделить делопроизводственные бумаги по родам, а в том, как сохранить их целостность, органическую структуру и одновременно облегчить порядок пользования бумагами обоих родов: «Бумаги же второго рода, не менее важные для истории и, как указано выше, тоже подлежащие вечному хранению в архивах, но не регистрирующиеся и поэтому не имеющие характера юридической документации, официальности, фактически и теперь *добровольно* лишь подшиваемые в дела – могут подбираться в учреждениях, как им удобно для производства. Сдаваться в архив они могут по особым описям. Но сдача их необходима и вечное хранение их обязательно в особом отделе архива»⁵⁵.

При этом Лебедев не просто основывается на интуитивном понимании запросов нового, классического архивоведения в его гуманитарном аспекте. Как и каждый культурный человек, выросший в атмосфере Серебряного века, он основывается на ощущении

невозможности допустить потерю «перемаренных рукописей», поскольку «сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения». Так писал в эти же годы О.Э. Мандельштам, уточняя, что «сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения. Для того чтобы прийти к цели, нужно принять и учесть ветер, дующий в несколько иную сторону. Именно таков и закон парусного лавирования»⁵⁶.

Система архивоведческих взглядов Лебедева дает ответ на вопрос, почему именно он, начальник Морского архива, в февральские дни 1917 г., как установили В.Н. Автократов и автор биографического очерка о Лебедеве Н.И. Химина, выдвинул идею профессионального объединения архивистов в Союз российских архивных деятелей весной 1917 г., которую сразу горячо поддержал академик А.С. Лаппо-Данилевский. Он разослал ведущим петроградским архивистам и близким к ним историкам персональные приглашения на учредительное собрание, которые начинались следующими словами: «Велик народ, который знает и любит свою историю, который на уроках прошлого создает свое будущее, не забывая и основы духа своего народа»⁵⁷.

Для успешного изучения истории, говорилось далее, необходимо, чтобы архивы, музеи и библиотеки работали с наибольшей энергией и по определенной программе.

Новому правительству, по мнению А.И. Лебедева, архивисты должны сами сказать свое слово: 1) необходимо объявить государственной национальной собственностью все материалы и следы деятельности официальных лиц прежнего режима, чтобы не приходилось в будущем скупать на рынках у антиквариетов и за границей то, что должно храниться в русских государственных архивах; 2) немедленно создать в одном из министерств отдел архивной статистики и организации архивного дела для выработки планомерной программы архивного строительства по централизации архивных государственных фондов; 3) государственные архивные фонды не должны храниться на окраинах государства, подверженных нападению врага⁵⁸.

Лебедев был избран секретарем первого (учредительного) собрания Союза РАД, которое состоялось 18 марта 1917 г.

В дальнейшем он был избран в состав руководящего совета Союза РАД. После образования Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА) был привлечен его председателем Д.Б. Рязановым в состав руководства, затем работал в петроградском отделении Главархива, откуда был уволен в результате

политической «чистки» в июне 1924 г. Дальнейшие сведения о его жизни и научной деятельности не разысканы⁵⁹.

На первом же, учредительном, заседании будущих членов Союза РАД А.И. Лебедев поставил вопросы о принятии срочных мер по спасению и охране архивных материалов «от случайностей переживаемого времени», а в долгосрочном плане – о выработке согласованного мнения о будущем наших архивов и централизации управления ими.

На заседании 18 марта 1917 г. было официально объявлено о создании Союза РАД и образовании особой комиссии для выработки устава новой организации. В ее состав вошли инспектор Сенатского архива, член Русского исторического общества И.А. Блинов, директор Государственного и Петроградского главного архивов МИД, член Русского исторического общества кн. Н.В. Голицын, начальник архива Морского министерства А.И. Лебедев, начальник архива Министерства народного просвещения А.С. Николаев и профессор (впоследствии академик), член Русского исторического общества С.Ф. Платонов.

Справедливости ради нужно отметить, что делом спасения отечественных архивов занимался не только Союз РАД. Многие профессиональные историки и архивисты по собственной инициативе и личному пониманию ответственности и долга перед Россией продолжили то дело, которому они посвятили свою жизнь еще задолго до революционных событий 1917 г. Все они являются прямыми преемниками гуманитарных идей А.С. Лаппо-Данилевского, составивших основу классического архивоведения. Некоторые из них формально не являлись членами Союза РАД, другие входили в его списки, но не принимали активного участия в его заседаниях. Но в целом все они представляли собой единое сообщество профессионалов, сплоченных общим делом спасения архивов как общенационального достояния и символа российской государственности.

С.Д. Шереметев

В первую очередь это относится к графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву (1844–1918)⁶⁰.

С.Д. Шереметев – историк, архивист, археолог, этнограф. Почетный член Академии наук (РАН). Член Государственного совета, флигель-адъютант, один из крупнейших помещиков Рос-

сии. Председатель основанного его тестем кн. П.П. Вяземским Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, редактор и издатель на собственные средства 22 сборников «Старина и новизна», член Русского археологического общества в Константинополе, Псковского археологического общества, почетный член Академии художеств. Один из создателей Московского археологического института. Председатель Археографической комиссии РАН.

В историю классического архивоведения Шереметев вошел главным образом как инициатор создания Хранилища частных архивов (Хранчасар) – уникального в научно-теоретическом и практическом плане феномена в истории архивного дела России послереволюционного времени. Хранчасар был открыт в 1919 г. (уже после смерти Сергея Дмитриевича), и одним из его руководителей стал его сын – Павел Сергеевич Шереметев.

Главным делом жизни С.Д. Шереметева было сохранение усадеб. Он называл их культурными гнездами России и проявлял заботу о связанных с ними культурных, в том числе архивных, ценностях: «Пока еще уцелели эти уголки, еще жива наша Русь – самостоятельная, необезличенная, верная своему историческому прошлому! Вот почему я каждой благоустроенной усадьбе, помимо ее семейного, воспитательного значения, придаю и государственное».

После октября 1917 г. шереметевские усадьбы, дворцы, дома были национализированы, банковские счета закрыты. Все многодетное семейство во главе с гр. Шереметевым собралось в Москве, на Воздвиженке, в родовом доме. В ответ на сетования близких Шереметев говорил: что значат наши потери по сравнению с тем, что теряет Россия?

Теперь он озабочен только одним – не дать погибнуть усадьбам в Кусково, Останкино, Остафьево – не для себя, для Родины, для истории.

Прежде всего его заботила судьба частных усадебных собраний и архивов – не только собственных, но всех, остающихся бесхозными в силу отъезда или физической гибели их прежних владельцев.

Вместе с сыном Павлом, который стал его поверенным в делах, Шереметев обратился к советским органам власти с предложением создать *Хранилище частных архивов*, предоставив для него свой дом на Воздвиженке.

В течение нескольких месяцев 1918 г. сюда, еще до решения официальных властей, из Москвы и Подмоскovie начали поступать груды книг и папок с бумагами. Последние дни Шереметева по описанию очевидицы – его двоюродной сестры Ольги Борисовны – были исполнены трагизма: «10 ноября 1918 года, вечером, в большой дом на углу Воздвиженки приехали несколько автомобилей с чекистами, Петерс во главе. Ворота заперли и произвели обыск. Увезли всю переписку Сергея, все золотые вещи, дневники. Приехали, видимо, арестовать Сергея, но он так плох, что уже несколько недель лежит в постели (у него гангрена ног). К нему ворвались тогда, когда ему делали перевязку. Положение Сергея настолько серьезно, что его не арестовали. Утром он был без памяти»⁶¹.

Сын Павел Сергеевич был арестован.

Умерший спустя считанные дни после вторжения чекистов Шереметев завещал похоронить себя в родовой усыпальнице Шереметевых в Новоспасском монастыре, но на территории монастыря в то время размещался концлагерь, усыпальница была разворочена и разграблена. Гроб положили в мерзлую землю за оградой. Памятник с именем покойного ставить побоялись. К весне крест был сорван, могильный холмик осел, поверх могилы был насыпан мусор. И даже имя человека, род которого носил девиз «Deus conservat omnia» («Бог сохраняет все»), было забыто в течение многих десятилетий.

Сегодня вновь возвращаются к жизни его имя и исследования о России XVI–XIX вв. С декабря 1990 г. в Санкт-Петербурге проводятся Шереметевские чтения. Шереметев помог становлению многих ученых-историков – своих сверстников, братьев Н.П. и А.П. Барсуковых, совсем юного будущего академика Б.Д. Грекова и других. Председатель Археографической комиссии РАН, академик Российской академии образования С.О. Шмидт определил авторское credo гр. Шереметева, приведя его собственные слова: «Счастье тому, кто усвоил себе родное наследство и остается верен основам, давшим жизнь семье, как основной части его родины».

Приведем еще два примера преемственности традиций служения архивам в период становления классического архивоведения. Судьба обоих ученых была трагической, а их имена практически вычеркнуты из истории архивного дела советского периода.

В.К. Клейн

Владимир Карлович Клейн (1883–1935)⁶² родился в Москве в семье статского советника, врача.

Выпускник историко-филологического факультета Московского университета и археологического отделения МАИ, В.К. Клейн после получения в 1909 г. звания ученого археолога был избран действительным членом МАИ и с февраля того же года участвовал в составлении описей отдела шитья и тканей Синодальной (б. Патриаршей) ризницы. В октябре 1911 г. его избрали преподавателем Института по кафедре чтения древних рукописей (палеографии).

В 1912 г. Клейн поступил по рекомендации директора МАИ А.И. Успенского в МАМЮ на должность младшего делопроизводителя. Будучи в этом же году избранным членом комитета по чествованию 300-летия дома Романовых, начал в этом и других московских архивах активные поиски документов по истории правления царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета. Являлся действительным членом Смоленской ученой архивной комиссии и с 1913 г. – пожизненным членом Владимирской ГУАК. С февраля 1914 г. он преподавал в Московском археологическом институте историю русской архитектуры.

С 1916 г. работал в архиве Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, составляя справки и выписки, необходимые для одного из изданий МАМЮ.

В.Н. Автократов охарактеризовал его как блистательного выпускника МАИ, сочетавшего многие научные интересы. Его можно с полным правом считать одним из первых представителей классического (интегрального) архивоведения. В первые послереволюционные годы Клейн входил в состав архивно-библиотечного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете, а также в церковный отдел и подкомиссию по реставрации Патриаршей ризницы, был секретарем архитектурного отдела. Очевидно, по его инициативе архитектурный отдел в мае 1918 г. включил в число своих функций необычное направление деятельности: забота о губернском архиве, который находился на попечении служащих губернского правления, так как это положение нельзя назвать безопасным, а также об архивах всех соборов, монастырей и церквей, а также частных учреждений. Если архивам будет угрожать опасность, то необходимо принять самые энергичные меры к перенесению их в Кремль или другое безопасное место.

В последние годы жизни Клейн работал в Оружейной палате и пользовался среди музейных работников авторитетом крупнейшего отечественного «вещевода».

Будучи прекрасным знатоком кремлевской архитектуры, в том числе подземных сооружений, он вызвал подозрения органов НКВД, был арестован по «Кремлевскому делу» в 1935 г. и умер в тюремном заключении.

Работая в Главархиве в начале 1920-х годов, В.К. Клейн сделал важное теоретическое открытие в области архивоведения: в 1921 г. он обнаружил собственную идею пофондового, а не поархивного, как было до этого, учета архивных документов. В дальнейшем, как считает В.Н. Автократов, авторство этого открытия было приписано М.С. Вишневному.

Б.С. Пушкин

Последним из числа архивистов, формально не работавших в Союзе РАД, но принимавших самое активное участие в реализации теоретических и практических принципов классического архивоведения, разработанных А.С. Лаппо-Данилевским, можно назвать Бориса Сергеевича Пушкина (1879 – после 1936)⁶³.

Архивист и историк Б.С. Пушкин окончил Московскую духовную академию, в которой затем преподавал. Около 25 лет он служил в Московском отделении Общего архива Министерства двора и в других центральных архивах Москвы.

После революции 1917 г. Пушкин был научным сотрудником ГУАД. Занимался проблемами русской истории, искусства, быта XVII–XVIII вв.

В ноябре 1917 г. вместе с Ф. Брауном, чиновником Московского отделения Общего архива б. Министерства двора, Б.С. Пушкин (его должность в документах тех лет указана как «архивариус») обследовал состояние архивов в Кремле сразу после окончания междоусобной кровавой распри в Москве.

Подробно описав все разрушения, увиденные ими воочию в акте осмотра, Пушкин и Браун сделали однозначный вывод: «Та культурная ценность, – в смысле описания документов, составления к ним карточек, алфавитных указателей и т. п., – которую бережно в течение почти полувека выращивал архив трудами своих служащих от сторожа до начальника на благое просвещение всех граждан, в корне разбита, разрушена, те документы, на

которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших ее времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т. к. разрушители и грабители в нескольких местах Дворцового архива поустроили отхожие места»⁶⁴.

В заключительной части акта сделан и обоснован документально вывод об истинных виновниках вандализма в Кремле: «Описанное опустошение совершено между 3–6 ноября сего года, когда Кремль, после ухода юнкеров, был во власти большевиков».

С 1925 г. Б.С. Пушкин возглавил комиссию по обследованию некрополей в обществе «Старая Москва», главной задачей которой было спасение и изучение московских кладбищ. Одновременно в 1920–1930-е годы он занимался изучением архивных материалов о декабристах, в частности исследовал их следственные дела, а также личный архив И.Д. Якушкина. В начале 1930-х годов был уволен из системы архивных учреждений, оказался безработным.

В декабре 1933 г. Б.С. Пушкин был арестован по «делу Российской национальной партии» («дело славистов»). Вместе с ним подверглись аресту чл.-кор. АН СССР Н.Н. Дурново, акад. М.Н. Сперанский, акад. В.Н. Перетц, чл.-кор. АН СССР А.М. Селищев, В.В. Виноградов, Н.П. Сычев, П.Д. Барановский и другие.

Процесс, состоявшийся в конце 1933 – начале 1934 г., стал одним из звеньев в кампании репрессий против старой русской интеллигенции.

29 марта 1934 г. Пушкин был признан коллегией ОГПУ виновным в принадлежности к РНП, которая «своей целью ставила свержение существующего строя в СССР и установление фашистской диктатуры». Трехлетнюю ссылку отбывал в Казахстане. После этого сведений о его дальнейшей судьбе не выявлено.

Не менее драматичной была и судьба тех, кто разрабатывал классическое архивоведение в составе Союза РАД.

Конституирование этой общественной организации завершилось 8 апреля 1917 г. избранием совета Союза РАД в составе: академик член РИО А.С. Лаппо-Данилевский (председатель), кн. Н.В. Голицын (товарищ председателя), восемь членов и три кандидата в члены для замены случайно (досрочно) выбывших, персонально – Я.Л. Барсков (член РИО, делопроизводитель Государственного и Петроградского Главного архивов МИД), Б.Л. Модзалевский (член РИО, заведующий архивом конферен-

ций Российской АН), Н.А. Мурзанов (секретарь Сенатского архива), А.С. Николаев, А.И. Лебедев, В.Г. Дружинин, Д.П. Струков (начальник Артиллерийского исторического музея) и другие.

В дальнейшем состав совета претерпевал значительные изменения. В дооктябрьский период в состав Союза в качестве коллективных членов в организацию вошли представители научной общественности Петрограда, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Тифлиса, Саратова, Астрахани, Тихвина и т. д., всего более 130 человек и 18 научных организаций.

Наиболее плодотворной и интенсивной была деятельность Союза в период 1917–1919 гг., затем она постепенно затухает и заканчивается самороспуском в 1924 г.

Практически вплоть до образования в апреле 1918 г. первого правительственного органа – Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА, позже – ГУАД) – Союз РАД оставался центром архивной деятельности в России, хотя действовал на общественных началах.

Цели Союза в соответствии с уставом формулировались следующим образом: «Объединение архивных деятелей на общих принципах и методах работы, забота о правильной постановке архивного дела в России, защита профессиональных интересов архивных деятелей, охрана документов и всяких архивных материалов, издание трудов по архивоведению, по описанию архивов, руководств по устройству и управлению архивами и других сочинений, соответствующих целям Союза»⁶⁵.

Члены Союза РАД во главе с Лаппо-Данилевским предпринимали героические, хотя во многом и тщетные усилия, пытаясь упорядочить процесс хаотичной эвакуации архивов из Петрограда в связи с угрозой немецкого наступления осенью 1917 г., а также разрабатывали планы проведения в декабре 1917 г. Всероссийского съезда архивных деятелей.

28 января 1918 г. члены Союза РАД собрались на первое после падения Временного правительства общее собрание, на котором по предложению Лаппо-Данилевского приняли решение делать все возможное по ограждению архивов от разрушений, разграблений, захвата их помещений. Главным направлением деятельности союза стала разработка законодательной базы архивного дела в новых условиях. В частности, кн. Н.В. Голицын и кандидат в члены совета, начальник архива и библиотеки св. Синода К.Я. Здравомыслов разработали первый проект Положения о Главном архивном управлении и ряд других документов, причем Голицын с этой целью

лично отредактировал перевод с итальянского языка Положения об управлении итальянскими государственными архивами (1911, с добавлениями 1916 г.). К сожалению, о названных архивных деятелях известно мало.

Н.В. Голицын

Князь Николай Владимирович Голицын (1874–1942) родился в Москве. В 1893 г. окончил (с отличием) Московскую частную гимназию Л.И. Поливанова, а в 1897 г. – историко-филологический факультет Московского университета. В 1897 г. он поступил на службу в МГАМИД, в 1902 г. перешел в С.-Петербургский главный и государственный архив МИД, а в 1916 г. стал директором объединенного Государственного и Петроградского главного архива МИД. С созданием Союза РАД в марте 1917 г. кн. Голицын стал товарищем председателя Союза. Он разработал законопроект «О судьбах архивов упраздненных учреждений и ведомств», а также подготовил проект Положения о ГУАД. В сентябре 1917 г. стал председателем исполнительной комиссии по эвакуации архивов Петрограда, в апреле 1918 г. избран в состав ЦКУА, в июне назначен управляющим III отделением I секции ЕГАФ. С июня 1918 г. являлся также членом коллегии Петроградского отделения ГУАД. В 1918, 1919, 1923 гг. Голицын подвергался арестам, в 1923 г. был заключен на три года в Бутырскую тюрьму на лагерном положении. После освобождения в течение длительного времени был зарегистрирован на бирже труда, в 1931–1934 гг. работал в должности научного сотрудника Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР. С августа 1934 по 1937 г. – переводчик в редакции газеты. Одновременно участвовал в описании хозяйственного архива Троице-Сергиевой лавры. Умер в блокадном Ленинграде.

В Союзе РАД Н.В. Голицын пользовался непререкаемым авторитетом. Именно он, как товарищ (заместитель) председателя союза Лаппо-Данилевского, был направлен во главе делегации 30 января 1918 г. на переговоры с А.В. Луначарским с поручением вручить ему мотивированное заявление, в котором содержалось требование предоставить каждому крупному архиву внутреннюю автономию, а если возникнет вопрос об образовании Совета по архивному делу, указать, что этот вопрос подлежит рассмотрению на съезде архивистов и делегация не уполномочена Союзом об-

суждать его. По поручению Союза кн. Голицын в конце сентября 1917 г. составил на основании обширной записки, представленной К.Я. Здравомысловым, проект закона, который содержал следующее положение: «Никакие дела из них (имеются в виду архивы упраздняемых учреждений и ведомств. – Т. Х.) не могут быть изъяты или уничтожены чьим-либо распоряжением»⁶⁶. Потом аналогичная формулировка перейдет в Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 1 июня 1918 г. и другие документы советской власти.

Подписи кн. Н.В. Голицына и К.Я. Здравомыслова исчезают под текстами составленных ими проектов архивной реформы с апреля 1918 г., когда полномочия Союза РАД явочным порядком переходят от Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА), в который входили и представители Союза РАД, включая Голицына и Здравомыслова, к ГУАД, а докладчиком по всем архивным вопросам перед органами власти начнет выступать Д.Б. Рязанов.

К.Я. Здравомыслов

Константин Яковлевич Здравомыслов (1863–1933) был профессиональным архивистом. Родился в г. Боровичи Новгородской губернии. Выпускник Новгородской духовной семинарии, С.-Петербургской духовной академии (1887) и Петербургского археологического института (1891).

С 1889 г. Здравомыслов состоял на службе в архиве Св. синода, с 1903 г. он начальник архива и библиотеки Св. синода. Он привел в порядок и систематизировал по отделениям библиотеку Св. синода, составил описи и указатели к делам синодальной канцелярии, участвовал в трудах комиссии по выработке законопроекта об охране памятников старины, в трудах археологических съездов, в работе Комиссии по научному изданию текста славянской Библии. Здравомыслов – автор трудов «Описание документов дел Синодского архива»; «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания за 1738–1741 гг.», «Опись документов и дел бывшей комиссии духовных училищ за 1808–1839 гг.»; «Архив и библиотека Св. синода и консисторские архивы» (Санкт-Петербург, 1906); «Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях» (Санкт-Петербург, 1908); «Смутное время на

Руси и тогдашние русские люди» (Санкт-Петербург, 1913) и др. Он составил множество библиографических заметок, биографий и статей для Биографического словаря русских исторических деятелей, Православной богословской энциклопедии. Его обширный труд «Каталог русских архиереев X–XX веков», законченный в 1920-х годах, хранится в рукописи (ОР РНБ, фонд А.И. Бриллиантова). После Февральской революции 1917 г. Здравомыслов входил в состав совета Союза РАД.

Вместе с кн. Н.В. Голицыным по поручению совета Союза РАД он разработал один из первых проектов закона об архивной реформе и положения об управлении архивным делом. Позже молодой член союза В.В. Снигирев, которому посвящен отдельный доксографический очерк, подготовил обширный доклад «Западноевропейское архивное законодательство как материал для устройства архивного дела в России». В нем использованы материалы К.Я. Здравомыслова. В 1920-е годы Здравомыслов – начальник комиссии по описанию дел и документов 2-го отделения IV секции ЕГАФ в Петрограде.

В историко-архивоведческой литературе сложился устойчивый стереотип, согласно которому российские архивисты в основном искали на Западе модели архивного законодательства, классификаций дел, устройства архивохранилища, посещая с этой целью французскую Школу хартий. Однако если подобное суждение более или менее справедливо по отношению к временам Калачова и Самоковсова, то деятели Союза РАД, создававшие классическое архивоведение, далекое от «технологизма», лежащего в основе зарубежной архивистики, смотрели на архивное дело на Западе с более широких, общегуманитарных позиций, превосходя в этом плане даже своих западных коллег-учителей.

Д.Н. Егоров

Такова, например, позиция профессора Дмитрия Николаевича Егорова (1871–1931, погиб в результате репрессий), историка-медиевиста, организатора библиотечного дела в постреволюционной России (в 1928 г. он представлял Всесоюзную государственную библиотеку им. В.И. Ленина на Международной исторической неделе в Берлине). В первые послереволюционные годы он одним из первых высказал мысль, актуальную и сегодня, о том, что любые преобразования в архивном деле нуж-

но начинать с формирования нового типа архивиста, который должен соответствовать новому типу архивов: «Архив меняется, он приобретает *высоко научное самостоятельное значение* и перестает быть придатком того или иного ведомства или присутственного места. Его содержание перестает быть “тайной”, и перед новыми посетителями нельзя предстать в затрапезном виде ни архиву, ни архивисту. Архив... должен перестроиться сообразно новым требованиям».

Необходимо обратить внимание на то, что здесь сформулированы два важнейших постулата новой науки об архивах: они являются самоценными и от их состояния зависит всеобщее развитие. Егоров говорит о гуманитарном смысле подготовки архивиста, в основе которого лежит интегральный характер архивоведения: диапазон современных требований к *архивисту-научнику лежит лишь в одной плоскости* – научной.

Именно этот, научный, принцип был положен в основу работы Архивных курсов при Петроградском археологическом институте во главе с А.С. Николаевым, о чем будет подробно говориться ниже.

В итоге скрупулезного анализа различных систем научной подготовки архивных работников в России Д.Н. Егоров приходит к выводу, что «в научном соревновании всего мира мы, очевидно, сознательно сошли с арены, добровольно признав себя и свое научное дело еще не доросшим до общепризнанных размеров».

Автор обосновывает свой вывод относительно того, почему лучшей моделью в настоящий момент является именно немецкая система подготовки архивистов – «глубоко продуманная, даже прочувствованная, и великолепно отразившаяся на практике».

Его дальнейшие рассуждения имеют фундаментальное значение. «Столь быстрый и решительный эффект получился потому, – пишет он, – что в Германии *особенно определенно реорганизацию архива стали понимать как реорганизацию прежде всего архивного деятеля* (выделено нами. – Т. Х.) – *die Sache steht und fällt mit dem Menschen*. А ведь не так давно именно немецкая архивная теория была погружена в душу, иссушающую схоластику различных систематизаций, категоризаций и прочих мистических тонкостей, вроде “канона” знаменитого Zinkernagel: “Ideen einer Theorie der Archivwissenschaft”. Оздоровление наступило моментально, как только в связи с новыми потребителями выяснилась полная непригодность прежнего архивного чиновничества. Создавая новую породу архивистов, Германия, на этот раз уже без

всякого партикуляризма, оперлась прежде всего на фактическую силу, которая уже не раз оказывала ей громадные услуги, – на свои университеты. Прием исключительной ценности, заслуживающий всяческого внимания. Опыт вполне удался, без какой-либо осечки. Начался и анализ удачи. Она была правильно объяснена тем, что *специализация достигалась на широкой базе научного образования* (выделено нами. – Т. Х.), что произошла лишь как бы новая бифуркация внутри факультета, – ни университет ничем не поступился, ни архивное дело не понесло каких-либо принципиальных утрат».

Другим положительным примером правильной подготовки будущих архивных деятелей Д.Н. Егоров считает французскую Школу хартий. *«Так появился и ширился подлинный научный интерес, какого в то время не было нигде, ибо всюду питались еще витийством или льстивой речью “придворных историографов”, и этот интерес, просуществовавший два века, не мог не сказаться в третий век, когда образовалась, или преобразовывалась, или искажалась Школа хартий. Она не столько создавала новую традицию, сколько продолжала старую, давно оправдавшуюся на деле».*

Д.Н. Егоров доступно, хотя и на специфическом примере, показывает естественно-эволюционный переход системы архивоведческих знаний из эмпирической стадии к становлению самостоятельной науки об архивах, которая не прерывает преемственные связи с лучшим из своего прошлого.

Касаясь проблемы строжайшего конкурса в Школе хартий, Егоров делает итоговый вывод:

«Казалось бы, что порог школы ненужно высок, но таково уж архивное дело, требующее ныне не регистрацию по чужой указке, а самостоятельности и основательных знаний. Современный архив требует величайшей специализации, всего человека, значит – он должен гарантировать этого специалиста и материально, и морально.

Положение его должно быть устойчивым и почетным». Причем, по мнению Егорова, речь при этом идет о соблюдении интересов прежде всего государства в целом, а не цеховых и ведомственных: *«Перейти большому специалисту [архивисту] на другое поприще не только личная трагедия, но громадный ущерб в общей экономике сил. Создавая архивистов нового типа, государство твердо должно убедить себя и их, что оно их использует в действительности.*

Избирая узкий и извилистый путь, аспирант (калька с фр., Егоров имеет в виду: претендент, кандидат, от фр. «aspirer» – надеяться, претендовать. – Т. Х.) должен быть вполне уверен в *государственной необходимости предстоящего ему служения* (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.)⁶⁷. Так на основе тщательного изучения зарубежного и отечественного опыта воплощалась в жизнь идея подведения научного и правового фундамента под архивное дело новой России. Но на практике все выглядело несколько иначе.

С.М. Горяинов

Среди других крупных деятелей Союза РАД необходимо упомянуть единомышленника Лаппо-Данилевского в вопросах выработки новых основ архивного дела на научном фундаменте сенатора Сергея Михайловича Горяинова (1849–1918).

Юрист, дипломат и архивный деятель, С.М. Горяинов начальное образование и воспитание получил в Швейцарии.

В 1871 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета. После многолетней службы на различных дипломатических должностях в МИД в мае 1902 г. его назначили директором Государственного архива и Петроградского Главного архива МИД. При нем впервые открылись двери этих архивов для научных работников. Горяинов был одним из основателей и активным членом Союза российских архивных деятелей. Свидетельством о его деятельности на архивном поприще остается посвященный ему некролог, подписанный кн. Н.В. Голицыным⁶⁸.

Весной 1918 г. состоялись прямые контакты советской власти с членами Союза РАД, на этот раз по инициативе представителя новой власти Д.Б. Рязанова. В итоге трудных переговоров Союз включился в подготовку проекта создания нового органа – Центрального комитета по управлению архивами, который возглавил сам Рязанов.

С именем Д.Б. Рязанова связан важный этап деятельности Союза РАД, окончившийся смертью Лаппо-Данилевского в 1919 г. и последовавшим в 1920 г. отстранением Рязанова от руководства архивным делом в России.

Остановимся на характеристике отношения Рязанова к архивам, архивным деятелям и научным основам архивного дела.

Д.Б. Рязанов

Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) (1870–1938)⁶⁹ – видный ученый-марксист, революционер, государственный деятель, организатор архивного дела в первые послереволюционные годы в России. Академик (с марта 1929 г.), лишен этого звания в связи с арестом в 1931 г., восстановлен в звании академика посмертно – в 1990 г.

Родился и вырос в Одессе в многодетной семье. Еще гимназистом принял активное участие в пропаганде марксизма среди рабочих. Был исключен из пятого класса гимназии. Юношеские годы и молодость провел в тюрьмах, причем в одной из них изучал Евангелие на польском языке, Данте – на итальянском, Маркса – на немецком. Впоследствии переводил сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса для академических изданий с немецкого языка, а также экономические труды Д. Рикардо с английского, социальную утопию Кабе «Путешествие в Икарию» с французского.

Выехав в эмиграцию, стал одним из первых молодых революционеров-марксистов, сумевших установить тесное сотрудничество с видными западноевропейскими социал-демократами старшего поколения. Его допустили к важнейшим государственным и частным хранилищам, где находились массивы документов по истории марксизма, в частности личные архивы Маркса и Энгельса.

До 1917 г. Рязанов не примыкал ни к большевикам, ни к меньшевикам, выступая за объединение всех российских социал-демократов. Принятый в большевистскую партию только летом 1917 г. (вместе с «межрайонцами»), стал после возвращения в Россию деятельным участником революции, ее страстным оратором и энергичным организатором.

Будучи избранным членом Президиума II Всероссийского съезда Советов, голосовал против роспуска Учредительного собрания. Авторитет Рязанова как знатока научного наследия основателей марксизма обусловил его уникальное положение в партийно-правительственной иерархии, хотя он не был избран даже членом ЦК, а самый высокий его правительственный пост – член коллегии Наркомпроса, руководитель отдела науки. Один из его соратников по партийно-профсоюзной работе А. Лозовский так характеризовал особенности его политического поведения в послереволюционные годы: «Д.Б. Рязанов никогда

не бывает ни пассивен, ни нейтрален. Про него нельзя сказать, что он холоден или горяч. Он всегда кипит, клокочет, вкладывая во все, в том числе и в свою исследовательскую работу, бурный, переливающийся через край темперамент. Он не входит в дело, а вливается в него»⁷⁰.

Для стиля его выступлений характерна выдержка из сокрушительной критики плана первой пятилетки на XVI партконференции в апреле 1929 г.: «Головотяпов из РСФСР, Голодедов из БССР, Голопупенко из УССР, Голодрадзе с Кавказа – каждый тянет в свою сторону».

Рязанов не скрывал негативного отношения к стремлению Сталина стать единоличным вождем партии, публично критиковал его претензии на собственный вклад в марксистско-ленинскую науку (в партийных кругах была широко известна его реплика в адрес Сталина: «Брось, Коба, не ставь себя в глупое положение. Все прекрасно знают, что теория – не твоя сильная сторона»).

Незадолго до своего ареста Д.Б. Рязанов высмеивал «философских младенцев», которые думают, что «марксизм так же легко, путем издания декрета, превратить в ленинизм, как Петроград переименовать в Ленинград, а Царицын – в Сталинград»⁷¹.

После активной работы в 1918–1920 гг. на посту руководителя архивной отрасли Рязанов в декабре 1920 г. получил поручение от ЦК РКП(б) организовать первый в мире музей по марксизму, который вскоре был назван Институтом Маркса–Энгельса (ИМЭ, в дальнейшем – ИМЭЛ) и, по предложению Рязанова, определен как автономное учреждение при Социалистической академии.

В июле 1922 г. президиум ВЦИК вывел Институт из Соц. академии, и он приобрел статус всесоюзного научно-исследовательского института при ВЦИК, позднее при ЦИК СССР. 12 января 1929 г. на общем собрании Академии наук Рязанов 27 голосами против трех был избран в Академию, причем трое из десяти кандидатов, баллотировавшихся вместе с ним по списку от ВКП(б), не получили нужного количества голосов, а Бухарин прошел только благодаря перевесу в один голос.

С этого началось так называемое академическое дело, против которого Рязанов протестовал с первых же своих шагов в качестве академика: «Я хотел в академии развернуть действительно научную работу, только на этих условиях я соглашался пойти туда, а мне не дают этого делать. Они хотят, чтобы я был при академии политическим комиссаром, но этому не бывать».

«Они, – расшифровывал позже эти слова соратник Рязанова, профессор И.И. Рубин, – это члены партийного ЦК во главе со Сталиным».

В марте 1930 г. был торжественно отпразднован 60-летний юбилей Рязанова. Его наградили орденом, в изданной специально к юбилею книге он был назван великим стратегом, политиком, теоретиком марксизма. Под многочисленными поздравлениями, направленными в адрес Рязанова, подписи Сталина, однако, не было. А уже через год Д.Б. Рязанов был арестован, исключен из партии и выведен из состава членов АН СССР. Ему вменялось в вину утаивание от партии мифического конверта с запечатанными документами меньшевистских вождей. Возможно, речь шла об оригинале письма Маркса к дочери Женни, полученном Рязановым от сестры Мартова под честное слово не публиковать его, которое он хранил в сейфе Института. Но это был только предлог.

В постановлении Президиума ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1931 г. говорилось: «Правление ИМЭ распустить. Назначить т. Адоратского директором Института Маркса и Энгельса. Назначить т. Товстуху (помощника Сталина. – Т. Х.) заместителем директора Института Маркса и Энгельса».

В развязанной против Рязанова газетной кампании он именовался изменником и предателем партии, политическим шатуном, талмудистом и начетчиком от марксизма. После недолгого тюремного заключения во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, а затем в Суздальском политизоляторе он был без суда сослан в Саратов. От Рязанова ждали покаяния, но он не был сломлен.

В 1934 г., по-видимому, благодаря содействию М.И. Калинина и особенно С.М. Кирова, ему разрешают перебраться в Москву, где он смог продолжить научную работу, но в июле 1934 г. снова возвращают в саратовскую ссылку. Здесь, работая библиографом при кафедре истории Нового и новейшего времени на только что образованном историческом факультете Саратовского университета, он создает библиотеку.

В июле 1937 г. Рязанов вновь арестован. По приговору закрытого судебного заседания расстрелян 21 января 1938 г.

Барварским образом местными чекистами были уничтожены личная библиотека Рязанова и его огромный архив.

Как вспоминала одна из свидетельниц «посмертного» убийства Рязанова, чекисты «распечатали кабинет Давида Борисовича и начали сваливать рукописи, книги, бумаги из письменного стола, фотографии на пол. В доме была большая печь. Они

разожгли ее и стали бросать туда все. Чтобы бумага горела лучше, они мяли ее в руках, рвали книги. Все это продолжалось несколько часов. Печь накалилась, не выдержала и в конце концов треснула от пола до потолка»⁷².

Неоценимой исторической заслугой Д.Б. Рязанова перед отечественным архивным делом является его деятельность на посту первого руководителя советского архивного дела (Центральный комитет по управлению архивами (ЦКУА), Главное управление архивным делом (ГУАД), Главархив, сначала в Петрограде, а затем во всей России с июня 1918 по декабрь 1920 г.

Он руководил на заключительном этапе подготовки архивной реформы разработкой «Положения о Главном управлении архивным делом», в первом же пункте которого было зафиксировано то, к чему стремились российские историки-архивисты в течение многих десятилетий: «Главное управление имеет основной задачей сохранение, учет и накопление архивных и связанных с ними книжно-научных фондов и наиболее целесообразную их организацию в интересах развития русской исторической науки»⁷³.

Почти все декреты об архивах, начиная с Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в России от 1 июня 1918 г., были подготовлены под руководством Д.Б. Рязанова. Не найдя общего языка с непримиримым по отношению к советской власти Лаппо-Данилевским, он наладил личные дружеские отношения и тесное деловое сотрудничество с крупнейшим российским историком «старой школы» академиком С.Ф. Платоновым, который сменил А.С. Лаппо-Данилевского на посту руководителя Союза (при Платонове – общества) российских архивных деятелей.

В показаниях арестованный по «академическому делу» Платонов писал в апреле 1930 г., что только благодаря сближению с Рязановым он «вошел в разумение свершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве».

Как отмечает один из первых исследователей роли Рязанова и Платонова в строительстве новой архивной системы России С.О. Шмидт, «никогда не было столь близкого и результативного творческого содружества архивов и исторической науки – и, пожалуй, не только в России»⁷⁴.

По настоянию Д.Б. Рязанова центральное ведомство по управлению Единым государственным архивным фондом – ГУАД – было включено в систему Наркомата просвещения и поставлено на фундамент государственного финансирования.

Это была реализация проекта, который предлагали российские архивисты еще со времен Калачова.

В деле спасения архивов и строительства архивной системы на новой, демократической и подлинно научной основе он сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков послереволюционной России: Н.Н. Ардашева, С.В. Бахрушина, б. военного министра Временного правительства А.И. Верховского (Рязанов не только вызволил его из тюрьмы, но и назначил редактором в военно-издательский отдел Архивного управления), Р.Ю. Виппера, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского, С.П. Мельгунова, Б.И. Николаевского, В.И. Пичету, М.А. Полиевктова, А.Е. Преснякова, генерала В.И. Селивачева, Е.В. Тарле, А.А. Шахматова и других.

В ноябре 1919 г. Рязанов издал распоряжение, согласно которому арестованные ВЧК сотрудники архивов продолжали числиться в штате архивов, чтобы жены арестованных могли получать их зарплату.

В своей деятельности на архивном поприще он «представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других» (А.Ф. Изюмов). Однако долго зревший конфликт между политикой в архивной сфере руководства большевистской партии в лице М.Н. Покровского, с одной стороны, и Рязановым – с другой, в конечном счете был разрешен в форме административного вмешательства. Воспользовавшись тем, что летом 1920 г. Д.Б. Рязанов выехал в зарубежную командировку для переговоров о возврате рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса в советские архивохранилища, он был смещен с поста руководителя архивного ведомства, и его место заняла коллегия во главе с М.Н. Покровским, который сразу заявил, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта.

С отстранением Рязанова началась новая эпоха в истории отечественного архивного дела, связанная с политизацией архивов и возрождением господства принципа ведомственности, который с таким трудом преодолевали русские историки-архивисты в 1918–1920 гг.

С кончиной Лаппо-Данилевского и уходом Рязанова из архивной сферы Союз РАД постепенно остался без всяких полномочий и средств.

В июне 1918 г. ЦКУА был преобразован в Главное управление архивным делом, которое практически монополизировало власть над всей системой архивных учреждений.

Соглашательская или, как принято говорить сегодня, гибкая политика большинства членов совета Союза, которые согласились сотрудничать с большевиками, повергла нестигаемого Лаппо-Данилевского, по выражению А.И. Лебедева, в «тяжелую моральную коллизию», что в конечном итоге ускорило его кончину в феврале 1919 г.

Сменивший его на посту председателя С.Ф. Платонов, который с 16 июля 1918 г. возглавлял Петроградское отделение УАД, был вынужден смириться с превращением Союза РАД в кружок единомышленников, которые изредка обсуждали между собой научные проблемы.

С.Ф. Платонов

Новый председатель ОРАД Сергей Федорович Платонов (1860–1933)⁷⁵ – историк, знаток и организатор архивного дела в России.

Член-корреспондент АН с 1909 г., академик с апреля 1920 г.

Родился в Чернигове, куда его отца и мать, коренных москвичей, забросила «правительственная служба». В 1869 г. семья в связи с очередной переменой места службы отца, который был типографским техником, переехала в Петербург.

Здесь, еще учась в гимназии, Платонов стал серьезно интересоваться философией, в основном трудами ученых позитивистской школы. Поступив в Петербургский университет, он испытал сильное влияние со стороны профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина, историка В.Г. Васильевского, историков-правоведов А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича, а также филолога И.И. Срезневского и других. В студенческие годы принимал активное участие в работах студенческого научного кружка, который собирался у В.Г. Дружинина, и вскоре стал его руководителем.

После окончания Петербургского университета в 1882 г. Платонов по предложению Бестужева-Рюмина оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1886 г. его пригласили на кафедру русской истории в Александровском лицее. Параллельно он читал лекции по русской истории на Высших женских курсах. В 1883 г. на основе кандидатского сочинения подготовил и опубликовал первый научный труд «Заметки по истории московских земских соборов».

В процессе подготовки магистерской диссертации по теме *Смутного времени* Платонов понял, что ему необходимо не только искать новый исторический материал в архивах, еще не приведенных в порядок, но и критически осмыслить известный историко-литературный материал, которым историки пользовались без должной осмотрительности.

Платонову была оказана помощь со стороны университета, обеспечившего ему командировки в Москву и Троице-Сергиев монастырь, а также Археографической комиссии, которая выписывала для него из разных концов России необходимые для работы рукописи. В результате он подготовил монографическое исследование «Древнерусские сказания и повести о *Смутном времени* XVII в. как исторический источник», которое вышло отдельным изданием в 1888 г. За него Платонов был в этом же году удостоен звания магистра.

Он выступил редактором XIII тома «Памятники древней русской письменности, относящиеся к *Смутному времени*» (1891), а также издаваемой Археографической комиссией серии «Русская историческая библиотека».

Еще не имея докторской степени, С.Ф. Платонов возглавил кафедру русской истории в Петербургском университете, а в 1891 г. его утвердили исполняющим обязанности профессора. Именно к этому времени относится формирование С.Ф. Платонова как видного представителя петербургской исторической школы, признанным главой которой он станет на рубеже XIX–XX вв. В основе концепции петербуржцев лежало прежде всего уважение к источнику, а не «слишком теоретизированный» подход, характерный, по их мнению, для историков московской школы.

В 1899 г. Платонов защитил в качестве докторской диссертации свой классический труд «Очерки по истории *Смуты* в Московском государстве XVI–XVII вв.». К этому времени он воспитал целую группу учеников, среди которых были С.В. Рождественский, П.Г. Любомиров, П.Г. Васенко. В дальнейшем к ним присоединились Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков и Г.В. Вернадский.

Свой курс русской истории в Петербургском университете С.Ф. Платонов читал на протяжении более чем четверти века, причем с 1889 г. возглавлял кафедру русской истории, а в 1900–1905 гг. был деканом историко-филологического факультета.

Кроме того, он преподавал в Женском педагогическом институте (с 1903 по 1916 г. – директор), в Академии Генерального штаба и Военно-юридической академии.

Платонов – автор гимназического «Учебника русской истории», который выдержал несколько изданий в период 1909–1918 гг. и пользуется, судя по количеству современных переизданий, популярностью и в наши дни.

Революционные события 1917 г. в кругах, близких к Платонову, воспринимались как катастрофа, «кара Божья». Тем не менее он по призыву Д.Б. Рязанова встал на активную защиту от разрухи культурных ценностей России.

С 1918 по 1923 г. С.Ф. Платонов – заведующий Петроградским отделением Главархива, после смерти Лаппо-Данилевского в 1919 г. он возглавил Союз российских архивных деятелей. С 1925 по 1929 г. – директор Пушкинского Дома (основан в 1905 г., утвержден в качестве учреждения Российской академии наук в 1918 г.). С 1925 по 1928 г. – директор Библиотеки Академии наук. С 1918 г. – председатель Археографической комиссии, впоследствии – Постоянной историко-археографической комиссии, образованной в апреле 1926 г. путем слияния Постоянной исторической (осн. 1903) и Постоянной археографической (осн. 1834) комиссий. С марта по ноябрь 1929 г. был академиком-секретарем отделения гуманитарных наук и членом Президиума АН СССР.

Арест в январе 1930 г. по «академическому делу» положил конец его научной и организаторской деятельности.

2 февраля 1931 г. он, как и другие проходившие по «академическому делу» члены Академии, был исключен из Академии наук СССР. На следствии ему приписывали создание и руководство мифической контрреволюционной организацией «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».

В тюрьме ученый держал себя с достоинством и мужеством. С января по ноябрь 1930 г. он прошел через 34 допроса и, отвечая на поставленные вопросы, написал 20 объяснительных записок.

С первых дней следствия он заявлял о своих монархических симпатиях, откровенно говорил о ситуации в академической среде, «но не считал морально дозволительным распространяться о тех сферах моей жизни и деятельности, – писал он в показаниях от 2 сентября 1930 г., – где мое оппозиционное настроение и деятельность связаны были с таким же настроением, сочувствием и содействием других лиц, моих друзей и добрых знакомых. Мною руководило желание не стать в положение обличителя и осведомителя, подводящего под ответственность кого бы то ни было и в чем бы то ни было»⁷⁶.

Был выслан на пять лет в Самару по приговору коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. Умер в ссылке. Реабилитирован в 1967 г.

Таким был человек, после прихода которого к руководству деятельность Союза постепенно затухает. В одном из последних полноценных отчетов о деятельности Общества российских архивных деятелей (ОРАД) за 1920–1921 гг. указывается, что общие собрания членов Союза не устраивались в связи с тем, что общество постоянно «лишалось своего помещения, так как предоставляемые ему комнаты в здании б. Минпроса были заняты Советом коммунальных хозяйств»⁷⁷.

В 1924 г. уцелевшие после нескольких чисток и репрессий члены ОРАД официально объявили о своем самороспуске. Информационная заметка «Союз архивных деятелей», опубликованная в «Историческом архиве»⁷⁸, где сразу же за этой информацией помещен некролог «Памяти А.С. Лаппо-Данилевского», позволяет смотреть на первую публикацию о Союзе РАД как на своеобразную дань памяти соратников первому его руководителю. Авторство заметки, как установил В.Н. Автократов, принадлежит кн. Н.В. Голицыну.

Проанализируем ее содержание, чтобы установить характер научных взглядов ближайшего сотрудника Лаппо-Данилевского, стоявшего вместе с ним у истоков классического архивоведения.

Обращает на себя внимание присущий для архивоведов Серебряного века факт приоритета закона и норм права перед всеми остальными факторами, воздействующими на архивное дело.

Для характеристики взглядов Н.В. Голицына важен также конкретно-исторический подход к оценке генезиса и предназначения Союза, который образовался, по его словам, в тот момент, когда, с одной стороны, с падением старого режима открылась широкая возможность совместной, не стесненной внешними препятствиями работы на благо Родины, а с другой – положение архивов и архивного дела требовало установления авторитетного общественного органа, который мог бы взять на себя и охрану архивных богатств страны, и удовлетворение научно-технических нужд архивных работников, и защиту профессиональных интересов архивных работников.

В самом начале деятельности Союз российских архивных деятелей поставил две цели: созыв съезда архивных деятелей и выработку нового положения о местных архивных организациях в лице губернских ученых архивных комиссий. В его программе отчетливо видна преемственность с задачами, поставленными

архивным сообществом еще в 1912 и 1914 гг., о чем содержится указание в заметке Голицына: В деле о пересмотре положения губернских ученых комиссий Союз явился преемником образованной при Русском историческом обществе особой комиссии для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов, которая постановлением общества была ликвидирована, причем все ее делопроизводство и материалы были переданы Союзу архивных деятелей. «В связи с этим *по почину Союза* (выделено нами. – Т. Х.) в июле 1917 г. было созвано при Академии наук междуправительственное совещание, которое постановило: признать желательной передачу ученых архивных комиссий [из ведения МВД] в ведение Министерства народного просвещения, поручить Союзу РАД созыв съезда таковых, возложить на Союз выработку проекта закона об управлении архивами и положения о ГУАК и представить этот проект на рассмотрение съезда, наконец – признать желательным создание центрального государственного органа, который бы руководил научной деятельностью всех местных архивных установлений»⁷⁹.

Союз РАД *де-факто* стал центром, объединяющим всех архивистов в центре и на местах, а *де-юре* мог закрепить это положение только решением съезда архивных деятелей России.

Правота идеи Союза РАД подтвердилась уже в наши дни, когда американские издатели предприняли целостное научное издание трудов ГУАК за 1884–1923 гг.

Рецензируя «Издания губернских ученых архивных комиссий 1884–1924 гг.»⁸⁰, современный исследователь С.В. Чирков написал, что полный список всего содержания выпущенных УАК сборников и отдельных книг «рождает ощущение почтительного изумления». Здесь не только огромное количество текстов письменных памятников древних и новых времен, не только описи и обзоры архивных материалов, хранившихся в самих комиссиях и в частных руках, но и интереснейшие труды по археологии, архивоведению, археографии, охране памятников древности, церковной истории, истории летописания, дипломатике (включая словари актов терминов), нумизматике, иконографии, геральдике и даже сигиллографии, генеалогии, демографии, этнографии (с публикациями фольклора), библиографии, книговедению, палеологии и орфографии, не говоря уже об истории литературы, истории искусства, сюжетах местной истории, в которых ярко выступает направление «истории повседневности», ныне полагаемое достижением новейшей политической науки⁸¹.

Деятельность ГУАК была принципиально новым в истории мировой науки и культуры явлением. По своей сути ГУАК являлись первыми создателями единого архивно-информационного поля в его идеальном, целостном воплощении. История самосознания Человека здесь создается самим человеком в таких масштабах и в таком разнообразии, которое не может быть охвачено ни одним официальным ведомством или учреждением. Их деятельность была реализацией основной идеи интегрального архивоведения, согласно которой понятие «архивоведение» почти сливается с понятием «культура» в самом широком толковании.

В условиях существования различных видов собственности прочная фундаментальная идейно-научная основа, определяющая единые правила выявления, учета, хранения и использования архивных документов на местах, могла обеспечить нормальное функционирование архивов самого разного уровня и характера в масштабе всей страны.

Только Академия наук или любая другая обособленная общественно-научная организация не могли бы сами возложить на себя и тем более исполнять на практике функции административного управления деятельностью такого масштаба. Поэтому задача по окончательному определению характера центрального государственного органа откладывалась до созыва Всероссийского съезда архивных деятелей, который рассматривался как своеобразный аналог Учредительного собрания. В датированной 1916 г. статье С.Р. Языкова «К вопросу об архивном законодательстве» содержится прямое указание на то, что архивное неустройство можно устранить лишь специальным архивным съездом и свободным допуском на него не только представителей всех исторических обществ, но и всех желающих, отдельных лиц – архивистов, ученых, писателей и пр.⁸² Это подтверждается последовательным и четко выраженным курсом Союза РАД на соблюдение преемственности своих начинаний, стремление к максимальной гласности и демократизму и обеспечение архивов законодательной базой в масштабах страны.

Как пишет Голицын, ощущавшаяся давно потребность в объединении работающих в архивах получила яркое выражение в целом ряде поступавших в Союз заявлений с мест, что привело к вступлению Союза в январе 1918 г. в организованный при РАН Союз ученых учреждений и высших учебных заведений. Тем самым сама логика событий вела Союз к превращению его в научный и методический центр архивного дела всероссийского масштаба.

Косвенным подтверждением этого может служить предпринятое Союзом статистическое обследование архивов, в связи с чем был выработан и разослан во все столичные архивы специальный опросный лист. Однако, пишет кн. Голицын, «Октябрьский переворот задержал осуществление этих предложений». С расширением по декрету от 1 июня 1918 г. деятельности Главного управления архивным делом некоторые из намеченных Союзом для разработки вопросов отпали. На общем собрании Союза от 13 октября 1918 г. председатель Союза академик А.С. Лаппо-Данилевский следующим образом сформулировал задачи сообщества.

Задачи научные:

- а) исследование архивных источников, относящихся к определенному историческому вопросу, и
- б) изучение и обсуждение научных запросов практики архивной жизни;

задачи технические:

- а) составление и обсуждение правил о согласовании архивных фондов, о способах инвентаризации и описания архивных дел и документов, о сохранении и уничтожении дел и документов;
- б) вопрос о технике издания документальных текстов;
- в) вопрос о согласовании издательской деятельности в различных архивах⁸³.

Как видно, речь шла о значительном сужении масштаба научно-теоретических задач, поставленных перед Союзом, сведении основного круга его деятельности к эдиционной археографии. Обсуждалась и методика работы с документами в архивохранилищах. Вместе с тем было постановлено поддерживать установившуюся с самого образования Союза его связь с Российской академией наук.

208 действительных и почетных членов Союза РАД, а также входящие в него на правах членов 34 учреждения, включая Московское отделение Союза, комиссию по описанию Синодального архива, Центральный архив флота и морского ведомства, рукописное отделение Российской публичной библиотеки, б. Архив законодательных дел, общие архивы министерств внутренних дел и путей сообщения, 13 губернских ученых комиссий, четыре церковно-археологических общества и т. д., временно свернули свою широкомасштабную деятельность, ожидая наступления более благоприятных времен, особенно для обнародования подготовленных к изданию трудов по архивоведению, в том числе сделанного под

редакцией Голицына перевода с итальянского языка Положения об управлении итальянскими государственными архивами 1911 г. (с добавлениями 1916 г.). Кроме того, предполагалось издание перевода книги голландских архивистов С. Мюллера, И. Фейта, Р. Фруина «Руководство к приведению в порядок и описанию архивов», а также работы М.А. Полиевктова «Западноевропейское архивное законодательство как материал для устройства архивного дела в России» и ряда других издательских проектов.

С образованием Центрального комитета по управлению архивами, а затем Главного управления архивным делом окончился только первый период деятельности Союза. В 1919 г. Голицын думал, что будет еще и второй, а после съезда архивных деятелей, по-видимому, – третий и т. д. Но дни Союза архивных деятелей как «единственного средоточия, к которому тяготели архивы по всем связанным с их жизнью потребностям»⁸⁴, были уже сочтены.

Как справедливо отметил В.Н. Автократов, с весны 1918 г. вызревал замысел разгромить русскую гуманитарную науку. В конце апреля стало известно заявление астронома П.К. Штернберга – комиссара просвещения Московского СНК, возглавлявшего одновременно отдел вузов Наркомпроса РСФСР, о предстоящем упразднении историко-филологических и юридических факультетов. В то же время большая наркомпросовская комиссия одобрила идею, подсказанную М.Н. Покровским, превращения Академии наук в Ассоциацию наук. Эта задумка не удалась, и Покровский вместе с М.А. Рейснером выдвинул идею создания параллельной Социалистической академии. Встревоженные академики предложили в эти же дни ответный проект создания в рамках Академии наук Института социологии. Возглавил разработку проекта Лаппо-Данилевский. Советское правительство не согласилось с образованием методологически враждебного Соцакадемии конкурента. Немного позднее, в августе 1918 г., Соцакадемия (образовавшаяся в июне) рассмотрела проект Лаппо-Данилевского, дала ему резко отрицательную оценку и полностью отвергла.

Деятельность архивистов в первые годы советской власти нельзя сводить только к деятельности Союза РАД. Архивоведение развивалось усилиями многих видных архивных деятелей, которые продолжали свою профессиональную работу, как будто не обращая внимания на изменение ситуации вне архивных стен. Деятельность их начала приобретать обособленный научный характер или сосредоточиваться в достаточно узких по своему

составу объединениях архивистов-профессионалов. Полностью отгородиться от превратностей революционных и послереволюционных событий им не удавалось, но стремление сохранить преемственность научных традиций и этические устои профессии архивиста, что является частью классического архивоведения в том виде, в каком оно было создано Лаппо-Данилевским и продолжало существовать «поверх барьеров» времени и внешних обстоятельств, заслуживает восстановления их имен в истории отечественного архивоведения.

Приведем краткий анализ деятельности только тех архивистов, которые внесли значительный личный вклад в науку об архивах, хотя занесения в летопись той переломной эпохи в не меньшей степени заслуживают и сотни оставшихся безымянными архивистов, энтузиастов отечественного архивного дела.

С.А. Белокуров

Первым среди равных в этом мартирологе должен быть назван Сергей Алексеевич Белокуров (1862–1918)⁸⁵ – русский историк, археограф и архивист, член-корреспондент Академии наук.

Белокуров был сыном священника. После окончания Московской духовной академии он в порядке исключения был принят на работу в МГАМИД по рекомендации известного историка русской церкви архимандрита Троице-Сергиевой лавры Леонида.

По свидетельству современника, рекомендация была составлена в таких выражениях, что «управляющий МГАМИД в 1873–1896 гг. бар. Ф.А. Бюлер, человек не чуждый науке, но считавший, что главным достоинством подчиненных ему чиновников должны быть знатность происхождения, безукоризненность светских манер и хорошее знание французского языка, принял на службу молодого человека, не обладавшего ни одним из этих качеств»⁸⁶. Белокуров прослужил в Архиве 32 года (с 1886 по 1918 г.) и постепенно стал его фактическим руководителем.

Он достиг больших научных успехов, получил высокий чин действительного статского советника, но из-за своего недворянского происхождения занимал в Архиве всегда формально вторую – после директоров Ф.А. Бюлера и сменившего его в 1896 г. П.А. Голицына – должность старшего делопроизводителя.

С 1882 г. Белокуров занимался изданием документов по истории общественной и культурной жизни России XVI–XVII вв.

Он принимал активное участие в спорах о библиотеке Ивана Грозного, отрицая возможность ее существования в тайниках Кремля. В течение 30 лет был членом Общества истории и древностей российских (с 1917 г. – секретарь).

Среди трудов С.А. Белокурова «Библиотека и Архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года», «О библиотеке московских государей в XVI столетии», «Русские летописи»⁸⁷ и др.

В декабре 1917 г. Белокуров был избран председателем Союза служащих Московского государственного архива Министерства иностранных дел.

Он отказался подчиниться приказам присланного в МГАМИД Л.Д. Троцким специально назначенного комиссара, слесаря В.К. Евенко, и сопровождавшего его «комиссара по иностранным делам Моссовета» В.М. Фриче и закрыл перед ними помещения архивохранилищ. Ключи от них комиссары получили вопреки указанию Белокурова от смотрителя зданий.

Общее собрание служащих МГАМИД под председательством Белокурова постановило присоединиться к позиции тех, кто провозгласил принципом своей деятельности аполитичность всех национальных государственных хранилищ искусства и старины и не принимать участия в забастовках, оставаясь на работе в целях охраны вверенного им национального достояния. Это позволило коллективу Архива, сохраняя внутреннюю автономию, согласиться на переход в ведение Комиссии по охране памятников при Моссовете.

В середине апреля 1918 г. Союз служащих архива единогласно избрал Белокурова директором МГАМИД.

Жить, однако, ему оставалось считанные месяцы.

По воспоминаниям С.К. Богоявленского, в последние месяцы перед смертью Сергей Алексеевич увлекся новым делом – организацией архивного управления. «Тяжко больной, за день до смерти, когда в воспаленных легких все бурлило и клокотало, он сказал: “Всю эту ночь я не спал и все думал, как устроить научно-издательскую комиссию”. Оглядывая мысленно всю кипучую деятельность Сергея Алексеевича, невольно изумляешься, какую массу трудов принял он на себя добровольно и как спокойно и методично нес он эти труды, не жалуясь на тяжелое бремя, а сохраняя ровное и веселое расположение духа, постоянно сопровождая свои беседы незлобивой шуткой»⁸⁸.

Академик С.Ф. Платонов в речи на заседании совещания управляющих петроградскими секциями ГАФ, посвященной

памяти скончавшегося 2 декабря 1918 г. С.А. Белокурова, сказал: «Он умер в расцвете сил, при обстоятельствах, вызывающих особую жалость: одинокий, вдали от семьи. Это был один из изумительных архивных деятелей. Им было издано 400 номеров печатных трудов. Среди них не было ни одного, который не был бы написан на основании архивного материала, почерпнутого из архивохранилища, в котором С.А. Белокуров состоял на службе. Это был удивительный архивный исследователь. Один из первых он внес струю научного одушевления в архивные исследования. Живой и бодрый референт, доступный, любезный в личных отношениях человек, чутко относившийся к вопросам личного достоинства, на архивное дело смотревший как на священнодействие. Архив имел в нем лучшего представителя, документ – наилучшего хранителя».

С.К. Богоявленский

Автор воспоминаний о последних днях Белокурова – близкий его товарищ и сподвижник, проработавший с ним почти 20 лет в одном архиве, Сергей Константинович Богоявленский (1872–1947)⁸⁹, член-корреспондент АН СССР с 1929 г., прожил драматичную жизнь, главным содержанием которой была научная работа.

Он родился в семье протоиерея Покровского собора К.И. Богоявленского, родственными узами связан с историками П.Н. Милоковым и А.П. Голубцовым.

Богоявленский окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1898 г. поступил в Московский главный архив МИД, где прослужил до 1930 г. Под его руководством и при непосредственном участии в МГАМИД были разработаны и опубликованы несколько ценных архивных комплексов документов, относящихся к XVII в.

Главный труд Богоявленского – «Приказные судьи XVII в.» – основан на обширном архивном материале по истории московских учреждений и чиновничества.

В 1918 г. как специалист-археограф и автор собственных систем классификации архивных материалов и их описаний активно участвовал в проведении архивной реформы, выступал в течение ряда лет на страницах журнала «Архивное дело» со статьями о своей работе в разборочных и проверочных комиссиях.

В личном фонде Богоявленского в Архиве РАН хранятся его неопубликованные работы этого периода «Архивный фонд» и «О составлении тематических карточек».

В 1920 г. входил в состав комиссии Главного управления архивным делом по выработке форм описей. В 1926 г. приводил в порядок приказные дела и разбирал столбцы, затерявшиеся в коллекции «городовых книг». В 1927 г. подготовил опись «городовых книг» для читального зала, систематизировав их по уездам. Провел детальный анализ недостатков и достоинств аналогичных работ, производившихся при Калачове. Кроме того, разобрал поступившие в архив частные собрания князей Львова и Васильчикова.

В 1929 г. вместе с А.А. Новосельским, К.В. Покровским и Н.П. Чулковым составлял по поручению Центрархива «Краткое руководство по архивному делу для работников архивных учреждений РСФСР», написал должностную рабочую инструкцию, для которой составил (от третьего лица) собственную автобиографию, а точнее перечень своих архивных занятий, что только доказывает наш тезис о том, что жизнь и судьба подлинного архивиста неотделимы от жизни и судьбы вверенных ему архивов: «Архивный стаж – 30 лет. Работает в отделе быв. МГАМИД в качестве заведующего: планирование и отчетность, архивно-техническая работа по разборке фондов, перемещению их, составление топографического указателя, ревизия фондов и т. п., составление списков и картотеки фондов по отделу, составление новых и проверка старых описей по отделу, составление справок, обслуживание читального зала. По специальным поручениям заведующего Древлехранилищем или управления ЦАУ участвовал в заседаниях поверочной комиссии, подготовке архивных материалов для передачи в Польшу и Литву, проведении выставок, экскурсий, инструктировании слушателей архивных курсов при Центрархиве по разборочным работам».

В одной из неопубликованных работ С.К. Богоявленский критически отзываясь о Центрархиве, который сосредоточил под одной крышей три больших архива (Московский архив Министерства юстиции, Московский главный архив Министерства иностранных дел и Московское отделение Общего архива Министерства Императорского двора) и в то же время сократил их личный состав в несколько раз.

Помимо текущей работы ему приходилось заниматься выполнением срочных заданий ЦАУ по выявлению полезных

ископаемых, поиску и отбору документов, требовавшихся для проведения погранично-разграничительных работ с Китаем, подготовки Рижского договора с Польшей, изучения национальных культур (калмыки, киргиз-кайсаки, якуты и пр.). Считая такой спонтанный порядок отвлечения архивистов от выполнения своих непосредственных профессиональных обязанностей нецелесообразным, С.К. Богоявленский пишет, что еще хуже обстоит дело с подготовкой смены. ЦАУ перебрасывает сотрудников из одного архива в другой. Надо четко установить, что ценность сотрудника определяется не только его общим развитием и специально-архивной подготовкой, но и знанием содержания своего архива. «Поэтому давно пора позаботиться о том, чтобы для сотрудников, у которых за плечами многолетняя работа в одном и том же архиве, но которые не имеют помощников, были намечены для будущей смены кадры молодых сотрудников для изучения состава архивов под руководством старых»⁹⁰.

В 1930 г. Богоявленский был репрессирован по «академическому делу». Находясь в ссылке под надзором ОГПУ, ученый-архивист с 38-летним стажем консультировал сотрудников краевого архивного управления и даже опубликовал итоги своей работы по учету фондов, правда, не под своей фамилией, а за подписью «старый архивист».

В поддержке ученого главную роль сыграло местное архивное руководство, в частности хороший знакомый В.В. Максакова – В.Д. Вегман, который позже будет сам репрессирован как «враг народа».

В середине 1930-х годов он вернулся в Москву и перешел на работу в Институт истории АН СССР, но не прервал связей с архивом: редактировал первый том «Путеводителя по ЦГАДА» (М., 1947).

В последние годы жизни Богоявленский – заместитель главного редактора коллективного труда «Московский некрополь», работа над которым была остановлена в начале 1950-х годов. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В послереволюционные годы многие историки и архивисты активно сотрудничали с Главархивом и другими учреждениями советской власти, привнося в архивное дело и архивоведение Нового времени научные традиции классической науки. Среди них специального анализа заслуживает деятельность М.М. Богословского, В.И. Пичеты и А.Ф. Изюмова.

М.М. Богословский

Михаил Михайлович Богословский (1867–1929)⁹¹, академик, родился в семье действительного статского советника.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета, где учился у профессоров П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского.

После защиты в 1910 г. докторской диссертации Богословский получил звание экстраординарного (с 1915 г. – ординарного) профессора по кафедре русской истории Московского университета, став преемником В.О. Ключевского.

После Октябрьской революции продолжил преподавание в университете, где оставался профессором до апреля 1925 г. В 1919–1921 гг. Богословский состоял в редакционно-издательской комиссии при научно-теоретическом отделе Главархива, некоторое время руководил его работой.

С 1921 г. – действительный член Российской академии наук, председатель секции русской истории Научно-исследовательского исторического института при факультете общественных наук МГУ.

В 1920-е годы одновременно был заведующим отделом истории XVII в. Исторического музея.

Главными темами исторических исследований М.М. Богословского являются процесс становления земского самоуправления на русском Севере в XVII в. и областные реформы Петра Великого. Капитальный труд «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.», первый том которого он защитил в качестве докторской диссертации, вышел в 1909 г., второй – в 1912 г.

Особенностью научного подхода М.М. Богословского было внимание к *реальной* истории местных учреждений, а не к тому, чем они должны были быть по замыслу законодателя. В связи с этим он выявил и обработал огромный архивный материал, который раньше мало привлекался исследователями. Широкой популярностью до наших дней пользуются составленная им пятитомная биография Петра I, изданная уже после смерти автора. В ней чуть ли не по дням прослежена жизнь Петра с момента рождения до начала Северной войны. Остальная часть биографии осталась ненаписанной.

Точку зрения М.М. Богословского на задачи архивов, типичную для представителей классического архивоведения, иллюстрирует его докладная записка в ГУАД, датируемая 25 марта

1919 г. (хранится в РГАДА). По своей сути эта докладная записка является своеобразным кратким изложением основ классического архивоведения. Характерно, что мероприятия новой власти в архивной сфере М.М. Богословский рассматривает в неразрывной связи с действиями общественности.

По его мнению, за последнее время и власть, и общественные круги, интересующиеся успехами исторической науки, проявляют большое внимание к собиранию и охране письменных исторических памятников. Издано положение о едином государственном архивном фонде для надзора за целостью и сбережением архивного фонда от гибели, создана архивная инспекция для распространения знаний, необходимых для архивного дела, открыты особые архивные курсы, наконец, образован и центральный орган для управления архивами и попечения о них в виде Главного управления архивным делом.

«Но думается, однако, – пишет ученый, – что накоплением и хранением архивных запасов услуги, оказываемые архивами исторической науке, не могут ограничиваться. Архивные материалы, все эти бесчисленные рукописные документы, если они не подвергаются научному исследованию и научной обработке, представляют собою совершенно мертвый капитал, ненужный и лишний груз, балласт, напрасно занимающий обширные и дорогие здания. Архивные материалы получают цену и становятся действительно национальной драгоценностью только в том случае, если к ним прикасается научное исследование.

Только побывав на письменном столе историка, исторические документы, послужившие материалами для ученой диссертации или простого исторического повествования, становятся элементами исторических знаний в обществе, увеличивают его духовное богатство, влияют на его мировоззрение. Между тем обстоятельства сложились так, что дело научной обработки архивных материалов испытывает в наши дни тяжелый кризис. Ранее научная обработка этих материалов производилась исключительно частными средствами: им посвящали свои ученые [занятия] историки преимущественно в целях составления диссертаций. Можно без преувеличения сказать, что в значительной мере русская историческая наука своим движением вперед обязана именно этим диссертациям. Тогда опубликование ученых сочинений облегчалось, поддерживалось и поощрялось разного рода премиями, учреждавшимися и государством, и обществом: Академией наук, различными учеными обществами и отдельными лицами.

В настоящее время оба этих условия отпадают. С уничтожением ученых степеней прекращается обязательность диссертаций. С уничтожением капиталов и доходов с них ученое исследование лишается той поддержки, которую оно находило в виде прежних премий. Эти условия, несомненно, повлияют на нашу ученую производительность и не только затормозят движение нашей специальной ученой исторической литературы, но и совсем, может быть, убьют ее. Наши архивы обратятся в рудники, полные драгоценных залежей, но бесполезные, потому что руда в них не добывается, не обращается в изделия и не поступает в общественное пользование.

Вот почему, мне думается, само государство должно взять на себя заботу не только о собирании и хранении исторических материалов, как это оно делает, но также об ученой разработке этих материалов. Мне кажется, что некоторые наши столичные центральные архивы, наиболее богатые историческим материалом, могли бы в известной мере служить как бы историческими институтами, где могли бы вырабатываться основанные на первоисточниках исторические исследования и где под руководством опытных ученых историков могли бы работать молодые начинающие исследователи. В области естествознания такие специальные институты получили прочное право гражданства. Для исторических работ также необходимы своего рода институты, как бы исторические лаборатории, и такого рода институты на Западе уже существуют и плодотворно работают во многих научных центрах.

Мне кажется, что у нас в виде некоторых наших центральных столичных архивов мы имеем уже готовыми такие исторические институты, если только наряду с прочими их задачами, для которых они существуют, то есть с собиранием, хранением, приведением в порядок и регистрацией им будет поставлена также и задача научной обработки этих материалов. В виде исторической справки могу привести, что мысль о таком значении центральных архивов, как научных институтов, является не впервые, и уже давно имело место ее практическое и притом весьма плодотворное осуществление. Так смотрели на значение архива юстиции стоявшие во главе его в 80-х и 90-х годах прошлого века профессора Н.В. Калачов и преемник его Н.А. Попов. В результате такого взгляда явился ряд ценных ученых исследований по документам архива, исполненный молодыми учеными силами, удачно привлеченными и умело сгруппированными тогда в Архиве юстиции

Н.А. Поповым. Таковы работы Шимко, Голубева, Оглоблина, Сторожева и др. Следует только пожелать, чтобы начинания и мечты лучших русских архивных деятелей, какими были Н.В. Калачов и Н.А. Попов, стали прочной действительностью»⁹².

С докладами, которые содержали аналогичные идеи, М.М. Богословский выступал на протяжении 1919–1921 гг., начиная с совещания в Главархиве весной 1919 г. и вплоть до I Всероссийской конференции архивных деятелей, которая состоялась 29 августа – 3 сентября 1921 г. в Москве. Они отражали общие ожидания ученых, которые на упомянутой конференции выразил ученый-византолог, профессор канонического права В.Н. Бенешевич, назвав Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 1 июня 1918 г. декларацией прав науки в архиве⁹³. Поскольку роль Бенешевича в создании классического архивоведения в литературе практически не исследовалась, целесообразно посвятить ученому краткий очерк жизни и деятельности.

В.Н. Бенешевич

Взгляды В.Н. Бенешевича на отношения ученого и архивиста являются выражением общей научной доктрины классического архивоведения по этому вопросу и развивают основополагающие теоретические принципы А.С. Лаппо-Данилевского и его единомышленников в условиях первых лет советской власти.

Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938)⁹⁴ – русский ученый, профессор канонического права, византолог и историк античности, сфера научных интересов которого охватывала рукописные и архивные фонды почти всех стран Европы.

Член-корреспондент АН (1924).

После Октябрьской революции 1917 г. работал в Петроградском отделении II (юридической) секции ЕГАФ, в которую входили фонды Сената со всеми его департаментами и присутствиями, фонды генерал-прокурора Сената и Министерства юстиции (заведующий секцией – Александр Евгеньевич Пресняков). Позже работал в учреждениях Академии наук СССР и в Ленинградской Публичной библиотеке. На пленарном заседании Первой конференции архивных деятелей Петрограда (25.05.–28.05.1920 г.) Бенешевич выступил с докладом «Архив и ученый», основные положения которого сохраняют актуальность до насто-

ящего времени. Доклад состоит из двух частей: «Традиционный антагонизм прежнего ведомственного архива и ученого-исследователя» и «Крупное значение декрета 1.06.1918 г.».

По мнению Бенешевича, в дореволюционное время правильного взаимоотношения между архивом и ученым не могло существовать и не существовало. Если оставить в стороне такие причины этого «прискорбного явления, в которых невозможно разобраться без помощи психиатра или судебного следователя, то можно сказать, что все прочие сводятся к одной основной, а именно – совершенному оттеснению на второй план интересов науки и выдвиганию на первое место интересов ведомственных». В основе такого отношения архивного персонала к ученым он усматривает «недоверие к чужаку, воспитанное службой и опиравшееся на закон», причем в ревнивом оберегании архивных тайн дореволюционные архивные чиновники, по убеждению Бенешевича, видели главную задачу архива.

Исходя из этого В.Н. Бенешевич дает высокую оценку декрету от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», который он объявляет по существу «декларацией прав науки в архивах».

Бенешевич подчеркивает, что теперь, когда архивные деятели оказались связанными с деятелями науки в одну дружную семью, архивист должен служить *«не одной исторической науке, а науке вообще, он должен думать, что хранимые им материалы понадобятся и социологу, и юристу, и политику»* (выделено нами. – Т. Х.), притом как для научных выводов, так и для практического использования в текущей жизни⁹⁵.

В.Н. Бенешевич является автором и составителем «Скорбной летописи» – мартиролога русских ученых, умерших от голода и болезней в первые послереволюционные годы (1921).

С 1922 г. его арестовывали несколько раз, с июня 1929 г. он находился в ссылке. В 1930 г. был привлечен как обвиняемый по «академическому делу». Ему вменялось в вину то, что он имел сношения с Ватиканом в лице Папы Пия XI и его агентами, снабжая последних «клеветническими сведениями о религиозных преследованиях в СССР», что интерпретировалось как «участие в подготовке Крестового похода против СССР».

Полученный по приговору пятилетний срок отбывал на Печоре, после освобождения (1933) недолгое время работал в Публичной государственной библиотеке.

В конце 1937 г. он был вновь арестован за издание в Баварской академии наук (Мюнхен) первого тома греко-латино-сла-

вянских канонических текстов (со славянскими каноническими глоссами) – плод его 35-летней работы над материалами многих библиотек мира. Эти тексты, составлявшие только часть подготовленного им многотомного издания, не принимало к печатанию ни одно российское издательство ни в годы Первой мировой войны, ни в послереволюционные годы. Поэтому Бенешевич, исходя из чисто научных целей, принял предложение немецкого филолога-классициста Э. Шварца, известного во всем мире издателя соборных актов древней церкви, напечатать его труд.

Издание подготовленных Бенешевичем текстов было задумано им и Шварцем еще в 1912 г., во время совместных ученых занятий в Ватиканской библиотеке. Друг и коллега Бенешевича Э. Шварц занимал пост президента Баварской академии наук задолго до прихода к власти Гитлера и до самой смерти не запятнал себя ничем, что могло бы быть истолковано как одобрение нацистского режима.

Тем не менее издание Бенешевичем своего труда в «гнезде мракобесия и человеконенавистничества» стоило ему исключения из рядов Академии наук СССР, последующего ареста и в конечном счете жизни.

В 1938 г. он был расстрелян, впоследствии посмертно реабилитирован и восстановлен в АН СССР.

Точка зрения на научный характер архивов ученого-историка Бенешевича, Богословского, как и других представителей классического архивоведения, не была поддержана властью.

Архивы и власть в 1920-е годы

Архивы вскоре стали официально рассматривать и использовать как арсенал политического оружия. Как указал возглавивший коллегию Главархива в сентябре 1920 г. М.Н. Покровский, «удивляться нужно не тому, что то, что было исторической наукой в 1910 и 1913 годах, перестало быть таковой в 1919–1920 и следующие годы. Удивляться надо, наоборот, тому, что окончательно откристаллизировалось сознание этого только в 1928 году, что понадобилось 11 лет после революции, чтобы осознать тот факт, что в области истории, науки марксистской по преимуществу, науки ленинской по преимуществу, дореволюционные оценки, подходы и методы абсолютно никуда не годятся». Объясняя предпринятую новой властью ломку всех структур – начиная с Российской академии наук и до перемещения документов из архивохранилищ,

отведенных для «ненужных» документов дооктябрьского периода, разрушения внутренней системы по фондовой систематизации материалов в соответствии с их тематическим содержанием и переводом части из них в архивохранилища важных политических документов и документов эпохи Октябрьской революции и социалистического строительства, он заявил, что сначала имелась в виду только смена атмосферы и личного состава: «Но как только мы подошли ближе к делу, мы сразу же увидели, что этим ограничиться никоим образом нельзя, и у нас получилась структура совершенно новая. Структура, по поводу которой, если бы обитатели в стенах Археографической комиссии имели досуг подумать, они, вероятно, пришли бы в ужас и волосы у них встали дыбом. Мы решили таким образом организовать нашу работу, чтобы она была сосредоточена около нескольких крупнейших исторических проблем»⁹⁶. Возмущение архивистов вызвало то, что он, ученик В.О. Ключевского, проповедовал такой подход к формированию дел вокруг проблемы, который был рудиментом пертиненцпринципа, свойственного архивному делу времен приказов, коллегий и Г.-Ф. Миллера. Однако никакими указами и инструкциями невозможно остановить саморазвитие науки.

Новый подход к архивному делу сказался трагическим образом прежде всего на судьбах людей. В ходе «чистки», которая была проведена в конце 1922 г. в Петроградском отделении Центрархива, из архивов были уволены почти две трети ведущих сотрудников. Основанием служил провозглашенный новым руководством Главархива лозунг, характерный для «пострязановской» политики властей на архивном фронте: «Безжалостно должен быть отброшен балласт, доставшийся нам в наследство от ведомственных архивов и первого периода деятельности Архивного управления. Нужно создать *свой* твердый штат сотрудников»⁹⁷.

Под балластом, судя по результатам массовых увольнений, подразумевались, например, основатели Союза РАД А.И. Лебедев, И.А. Блинов, Я.Л. Барсков, М.М. Богословский, ушедший из архивной системы в «чистую» историческую науку, а также Л.Г. Дейч, И.П. Щербов, А.М. Полянский и многие другие.

В процессе «кристаллизации» нового подхода к архивам в июле 1924 г. коллегия Центрархива утвердила «Правила пользования архивными материалами ЕГАФ», в которых впервые вводилось требование при составлении заявлений о допущении к занятиям в архиве прикладывать к нему анкету (в двух экземплярах) с указанием партийной принадлежности и цели производимой

работы, а также особый пункт, в соответствии с которым пользователям архивных документов предписывалось предъявлять заведующему помещением для занятий все сделанные выписки, заметки и копии для просмотра⁹⁸. Без получения разрешения заведующего их вынос запрещался.

Таким образом, «декларация прав науки в архивах» так и осталась не больше, чем декларацией, впрочем, как и некоторые другие декреты советской власти первых послереволюционных дней. Справедливости ради нужно отметить, что ограничения на занятия в архивах не были изобретены большевиками, во многом новая власть лишь восстанавливала правила, которые существовали в российских архивах раньше и которые пытались сломать в меру своих сил и возможностей демократически настроенные руководители крупных исторических архивов в дореволюционное время. Тем не менее распоряжения властей не могли остановить процесс саморазвития архивоведческой мысли на основе преемственности научных традиций.

Существуют документы о том, как в первые послереволюционные годы развивались и осуществлялись на практике теоретические положения архивной науки времен Калачова, Самоквасова и губернских архивных деятелей. Имеются в виду прежде всего попытки осмыслить и поставить на научную основу деятельность архивистов во всероссийском масштабе, придать архивному делу централизованный, общенациональный характер. Так, выступая на съезде уполномоченных Главархива, состоявшемся в июне 1919 г., автор одного из докладов (В.Н. Автократов полагал, что это был В.И. Пичета, но не успел обосновать свою атрибуцию) заявил, что с созданием Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и Главархива «исполнилось заветное желание покойного Дмитрия Яковлевича Самоквасова и многих других ученых об объединении архивов в особое ведомстве и создании особого *министерства архивов* (выделено нами. – Т. Х.), для которого архивы были бы предметом попечения и правительственных забот, а не обременительным балластом казенных помещений <...> Мне доподлинно неизвестны, – признается автор, – ближайшие обстоятельства, вызвавшие издание Декрета 1 июня [1918 г.], так что я могу поделиться с собранием только своими догадками по этой части».

Догадки автора являются отражением субъективных взглядов типичного архивного деятеля тех лет, которыми он считает нужным поделиться с представителями архивных учреждений,

прибывшими из самых разных мест России. Среди представителей новой власти, как в центрах, так и на местах, находится немало сторонников самого радикального решения вопроса о делах и документах упраздненных ведомств и учреждений. «Старая Россия, говорили они, умерла, теперь строится совершенно новая жизнь, новые порядки, должны действовать новые люди, новые законы. Для них не представляет никакого интереса никому и ни на что не нужный старый бумажный хлам, накопившийся при прежних учреждениях. От этого хлама надо как можно скорее избавляться – сжечь или сдать на бумажные фабрики, освободить от него помещения и не тратить на его содержание народные деньги. Таким образом подверглись уничтожению дела некоторых судебных учреждений, нотариусов, духовных консисторий и т. д. Но, к счастью для русской науки, среди деятелей центра нашлись просвещенные люди, сознающие, какую научную ценность имеет для России ее архивное достояние». Помимо Д.Б. Рязанова (декрет от 1 июня, по мнению автора, обязан своим изданием его инициативе, его настояниям, его хлопотам) в числе создателей декрета называются коллективы петроградских и московских совещаний ученых, во второй половине июня установившие окончательно как схему организации Государственного архивного фонда, так и редакцию положений о Главном и областных управлениях архивным делом.

Деление ГАФ на секции и отделения автор признает далеким от совершенства, в большой степени искусственным, не выдерживающим критики ни с теоретической, ни с практической стороны, поскольку «все наши крупные архивы, образовавшиеся исторически, содержащие в себе дела разного рода, никак не укладываются в намеченные рамки. Чтобы распределить архивный фонд по названиям рубрик, надо было бы пересортировать содержимое в архивах, что немыслимо ни с какой точки зрения»⁹⁹. Впрочем, успокаивает он, речь идет только об административной схеме централизованного управления архивными учреждениями, а не о реальном перемещении или перетасовке документальных фондов. Далее автор называет разработанные Главархивом ряд инструкций и уставов, в том числе «Декрет о хранении и уничтожении архивных дел», подписанный В.И. Лениным 22 апреля 1919 г. и опубликованный в «Известиях ВЦИК» от 25 мая 1919 г. Здесь очень интересен п. 3, определяющий, какие дела из числа поступающих в архивное отделение подлежат уничтожению. Его подпункт «а» гласит: «не имеющие значения для изучения истории, дипломатических сношений, политической, общественной,

экономической и вообще каждой жизни в разных ее проявлениях» (выделено нами. – Т. Х.)¹⁰⁰. При такой формулировке вряд ли можно выявить хоть одну бумагу, подлежащую уничтожению, но зато приехавшие на съезд делегаты в 1919 г. могли отметить в декрете отголосок, хотя и в приблизительном пересказе, сходного по своему архивоохранительному духу постулата Калачова.

Итогом рассуждений автора стали следующие знаменательные слова: «Как ни мала наша деятельность, она все-таки была не бесполезна. Существование Главного управления архивным делом принесло большую пользу, так сказать, психологическую: у архивного дела нашелся хозяин. Существование этого хозяина отвратило многих из более скромных представителей власти от уничтожения архивных материалов, которые для многих представителей власти на местах представлялись простым бумажным хламом. Не создайся Главное управление архивным делом – с нашими архивами могло бы случиться недопустимое – они были бы уничтожены»¹⁰¹.

На основании теоретических положений, изложенных представителем Главархива, коллегия этого ведомства утвердила 31 марта – 1 апреля 1919 г. «Инструкцию уполномоченным ГУАД», которая является одной из вершин архивоведческой мысли классического периода ее существования, поскольку подводит итог поискам методов сотрудничества архивистов как представителей государства (официального органа власти) с обществом (рядовыми гражданами).

В «Инструкции уполномоченным ГУАД» при утверждении этого института, являющегося уникальным явлением по своему характеру и масштабам задач в истории архивной теории и практики не только в России, но и за рубежом, сформулировано следующее.

I. Состоя в непосредственном подчинении Главному управлению архивным делом и являясь *до учреждения Управления губернским архивным фондом* (как видим, речь идет не об отделе местного органа власти, а о самостоятельном органе местной власти, занимающемся формированием, хранением и организацией использования целостной системы архивов, объединенных понятием «архивный фонд») представителем его во вверенном ему городе и губернии, уполномоченный прежде всего принимает меры к тому, чтобы с возможно большей полнотой и точностью выявить как наличность, так и содержание всех архивов в городе и губернии, для чего предлагает всем архивариусам или заведую-

щим отдельными ведомственными архивами дать ответы на прилагаемую анкету справочно-статистического отдела Главархива, следя за тем, чтобы они отвечали действительности и были по возможности исчерпывающими.

II. Осмотр архивов и рукописных собраний уполномоченный производит по общему правилу в присутствии заведующего архивом или представителей данного учреждения и лишь в случае их отсутствия приступает к осмотру единолично, но в этих случаях просит местный губернский отдел народного образования командировать для присутствия при осмотре уполномоченное лицо.

III. Пользуясь указаниями местных властей, Архивной комиссии или иных ученых обществ и местных жителей, уполномоченный выясняет, находятся ли в городе и губернии бесхозяйственные или частные архивы, и, в случае их обнаружения, обращает особое внимание на безопасность их от расхищения, атмосферических явлений или от пожара.

IV. В зависимости от состояния обнаруженных архивов в случае угрожаемости их принимает неотложные меры к спасению, перевозке и охране этих архивов и обнаруженных рукописных материалов¹⁰².

После изложения технических вопросов, касающихся вопросов согласования денежных расходов на приобретение и перемещение выявленных архивных документов, инструкция уточняет, что, действуя самостоятельно, уполномоченный находится в контакте с губернским отделом народного образования и местной ученой архивной комиссией или иными обществами, имеющими целью спасение, сохранение и изучение архивов. Уполномоченный должен подбирать из наличного состава обществ подходящие кадры сотрудников и организовывать под своим председательством совещательные коллегии для выработки и принятия всех зависящих от них мер к охране архивов и упорядочиванию дел в городе и губернии, а также особые комиссии для выполнения отдельных задач (комиссия по разбору и уничтожению документов, строгительные, научно-издательские и т. п. комиссии).

В РГАДА хранятся и другие аналогичные документы, представляющие большой интерес (например, доклад П.С. Шереметева о частных архивах, с которым он выступил на совещании управляющих архивами весной 1919 г., составленная на его основании докладная записка инспектора Главархива А.М. Фокина, откомандированного для заведования Хранилищем частных архивов

(впоследствии 3-е отделение IV секции ЕГАФ), а также ряд документов, в которых, например, находятся упоминания о работах, проводившихся в Хранчасаре под руководством Н.А. Бердяева)¹⁰³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к началу 1920-х годов создание Единого государственного архивного фонда предоставляло все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая могла бы сплотить все культурные слои общества: от местных рядовых жителей – ценителей архивов – до гр. П.С. Шереметева, кн. Н.В. Голицына и крупнейшего русского философа Н.А. Бердяева. Классическое архивоведение таким образом выполнило бы свою интегрирующую функцию.

Роль связующего звена в системе отношений между, с одной стороны, государством и обществом, а с другой – центральными, местными, ведомственными и частными архивами, возлагалась на институт инспекторов Главархива в центре и уполномоченных на местах. Если бы советские органы власти не начали вскоре процесс монополизации управления архивами на жесткой идеологической основе вместо осуществления принципа их централизации на научном фундаменте, то Россия могла бы стать страной с самой цивилизованной системой организации архивного дела в мировой истории. В России было то, чего не было ни в одной другой стране мира – историософское отношение к архивам как к внутренне целостным живым организмам, по самой своей природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего.

Именно такой подход, впервые сформулированный на этапе возникновения классического архивоведения, характерен для первого состава корпуса инспекторов Главархива, ликвидированного впоследствии советской властью.

Картина формирования классической науки об архивах будет неполной, если не привести краткую характеристику жизни и научной деятельности инспекторов, для которых попытка реально сочетать принципы классической теории архивов с практикой архивной работы самым драматическим образом повлияла на личную судьбу.

В.И. Пичета

Одним из первых в этом списке должен быть назван Владимир Иванович Пичета (1880–1947)¹⁰⁴, в конце жизни признанный историк-славист, академик АН СССР и действительный член АН БССР. Начинал он как профессиональный архивный деятель.

Согласно заполненной им анкете участника Первой всебелорусской конференции архивных работников (12–15 мая 1924 г.), на которой он выступал в качестве представителя коллегии Центр-архива РСФСР, по национальности – украинец. Владел 13 языками, в том числе русским, польским, белорусским, украинским, немецким, еврейским.

С 1918 г. по сентябрь 1923 г. – главный инспектор ГУАД-Центр-архива. Активный участник реформы архивного дела в России в первые послереволюционные годы.

Занимался обследованием катастрофического состояния и спасением провинциальных архивов в годы Гражданской войны. Состоял в Историческом обществе при Московском университете, специализировался на изучении Литовской метрики.

Работал в разборочной и поверочной комиссиях, участвовал в подготовке Рижского договора и связанных с ним решений по передаче части польских архивных документов, хранившихся в белорусских архивохранилищах.

С начала 1920-х годов на научной работе в Минске – ректор Белорусского государственного университета, профессор русской и белорусской истории.

В.И. Пичета дал высокую оценку деятельности Союза РАД во главе с А.С. Лаппо-Данилевским, который поставил задачей сохранение архивных фондов, и «если бы не героизм этих лиц – членов кружка, то множество архивов центральных учреждений России безвозвратно бы погибли». Сообщил делегатам съезда, что сразу после революции Малый Совнарком РСФСР составил проект об уничтожении всех архивов, кроме дипломатических и экономических, дабы удовлетворить насущные потребности бумажного голода, но проект Малого Совнаркома, дойдя до В.И. Ленина, был остановлен и в Большой Совнарком не попал¹⁰⁵.

Пичета констатировал, что пришлось много бороться со своеобразным феодализмом бывших ведомств, но идея централизации одержала верх.

В одном из докладов на съезде («Подготовка архивных работников») он сообщил, что при Центрархиве РСФСР предполагалось открыть Археографический институт как высококвалифицированное учреждение, которое займет центральное место в Союзе, с русским, белорусским и украинским отделениями, но по целому ряду соображений этот проект был оставлен. Выказался за создание краткосрочных архивных курсов и включение архивоведческих дисциплин в программу высших учебных заведений.

С середины 1920-х годов в работе архивной отрасли не участвовал. Как свидетельствует современный белорусский исследователь А.М. Гесь, ссылаясь на документы Национального архива (г. Минск), все восемь лет пребывания на посту ректора Белорусского государственного университета (с 1921 по 1929 г.) В.И. Пичета вел борьбу за то, чтобы пополнить кадры преподавателей национальными специалистами по истории Белоруссии, нередко вступая в конфликт с указаниями Агитпропа ЦК КП Белоруссии и органами ГПУ. Поэтому неслучайным было принятие постановления ЦК КП Белоруссии в конце лета 1928 г. о том, чтобы решить вопрос об освобождении на ближайших перевыборах правления БГУ Пичеты с поста ректора БГУ.

Как «проводник классово-враждебной идеологии» и «агент классового врага» Пичета 14 сентября 1930 г. был арестован в числе 115 представителей белорусской науки и образования за принадлежность к мифической партии мелкобуржуазных национал-демократов, которая якобы действовала с целью быстрого осуществления планов интервенции против СССР. Все материалы следствия по делу Пичеты сразу после его ареста были затребованы в Москву. В конечном счете он был приобщен к «академическому делу» и осужден на пятилетнюю ссылку в Вятку. Еще до окончания следствия его исключили из числа академиков решением СНК Белоруссии.

А.Ф. Изюмов

Другим представителем классического архивоведения и проводником его принципов на практике был Александр Филаретович Изюмов (1885–1951)¹⁰⁶ – один из создателей Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге.

А.Ф. Изюмов родился в селе Озерки Чухломского уезда Костромской губернии. Учился в Костромской духовной семинарии, затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Окончив его с дипломом 1-й степени в 1914 г., начал подготовку к магистерскому экзамену по русской истории у профессора М.К. Любавского, но вынужден был прервать обучение в связи с призывом на военную службу в действующую армию, где пробыл до марта 1918 г.

С июля 1918 по май 1922 г. Изюмов работал инспектором, а затем старшим инспектором в Главном управлении архивным

делом. Участвовал в спасении от разграбления и гибели многих уникальных архивов и библиотечных собраний в Вологодской, Петроградской, Тульской, Курской, Костромской, Нижегородской губерниях.

В выступлении на состоявшемся 11 июня 1919 г. съезде губернских уполномоченных Главархива Изюмов доложил о том, что все декреты и постановления проходят для провинции малозамеченными и узнают о них лишь по приезде того или иного инспектора. По его словам, ГУАД считается пасынком среди других советских учреждений даже в центре, не говоря уже о провинциальных органах. От представителей губисполкомов приходится выслушивать мнение о ненужности национальных архивов, что противоречит проводимой тогда политике интернационализма¹⁰⁷.

В марте 1919 г. Изюмов обеспечил осмотр и вывоз из Могилева документов Ставки Верховного главнокомандующего, в апреле 1919 г. – из Петрограда в Москву библиотеки и некоторых дел Государственного совета, в мае 1920 г. – из Кирилло-Белозерского монастыря документов, эвакуированных в г. Кириллов Временным правительством. Он получил отсрочку от повторного призыва в армию как незаменимый специалист.

В конце Гражданской войны, с момента создания русско-польской делегации по выполнению условий Рижского договора, А.Ф. Изюмов состоял ее экспертом по вопросам архивов. В эти же годы читал курс русской истории на университетском отделении московских Пречистенских курсов для рабочих, а также в открытом осенью 1919 г. Костромском университете. Являлся активным членом Трудовой народно-социалистической партии, за что был в начале 1922 г. арестован, а в августе того же года как общественно вредный элемент выслан за пределы Советской России.

Первые два года А.Ф. Изюмов оставался в Берлине, где служил секретарем при Русском научном институте, одновременно читал в нем курс по русской истории и вел практические занятия для слушателей.

В 1924 г. действовавшая за границей организация Земгора пригласила Изюмова в Прагу для руководства отделом документов в создававшемся в это время архиве русской эмиграции. Приехав в Прагу и столкнувшись с ожесточенными и крайне политизированными спорами вокруг будущего архива, Изюмов счел для себя невозможным участие в этих далеких от науки спорах и вернулся в Берлин.

Однако последовало повторное приглашение, на этот раз персонально от председателя ученого совета Русского заграничного исторического архива (РЗИА) профессора А.А. Кизеветтера, на курсе которого в свое время Изюмов учился в Московском университете.

В октябре 1925 г. Изюмов окончательно переехал в Прагу и начал работать в должности заведующего отделом документов РЗИА. Помимо высоких профессиональных качеств ему, как и другим сотрудникам Архива, занятым в области комплектования, приходилось в полной мере использовать свои личные связи с известными политическими и общественными деятелями России, историками, писателями, творческой интеллигенцией, с представителями самых широких кругов эмиграции. Благодаря стараниям Изюмова, работа по созданию Архива несмотря на все трудности постепенно приняла организованный, плановый и целенаправленный характер. В этом процессе важную роль сыграла разработанная им и утвержденная ученым советом Архива классификационная схема, в соответствии с которой весьма разнородный материал, поступавший в Архив из многочисленных эмигрантских учреждений, организаций и объединений, а также личные архивы, коллекции и отдельные документы систематизировались и распределялись по определенной схеме.

Практика поставила перед Архивом проблему – определить ценность самых разных документов, как приобретаемых за плату, так и получаемых безвозмездно, поскольку описанию в первую очередь подлежали имеющие наиболее важные в научном плане фонды и документы.

А.Ф. Изюмову принадлежит заслуга разработки критериев и методов оценки документов, что позволило установить размеры премиальных вознаграждений для представителей Архива и его корреспондентов. Для него самого подготовка за вознаграждение квалифицированных заключений-отзывов в отношении предлагаемых Архиву материалов была практически единственным источником средств, помогавших свести концы с концами.

К своим обязанностям он относился чрезвычайно ответственно, с крайней щепетильностью. Как и другие сотрудники РЗИА, прекрасно сознавал историческое значение их деятельности. В письме к историку В. Мякотину Изюмов писал: «Большевики фальсифицируют историю современности, мы создаем архив нефальсифицированных документов». Он стал основным разработчиком таких документов, как «Инструкция и правила

приема и хранения материалов РЗИА», «Правила для исследовательских работ в помещении РЗИА», «Инструкция представителям РЗИА» и др.

Изюмов был сторонником большей открытости и доступности документов Архива, хотя главная роль в решении проблемы доступа принадлежала ученому совету и директору Архива. Часто его взгляды, особенно в отношении посетителей из СССР, вступали в конфликт с решениями руководства.

Изюмов выступал также против обособленности РЗИА от научной и историко-архивной жизни послереволюционной России. Интересны в этом отношении трагикомические последствия посещения РЗИА директором Института Маркса–Энгельса Д.Б. Рязановым, которые А.Ф. Изюмов с горькой иронией описывал в письме Б.И. Николаевскому следующим образом: «Меня обвинили в том, что я показал ему весь архив, что был любезен больше, чем нужно, и даже обвинили, что если бы меня не было, то нога нечестивого не была бы в благочестивом месте. В Москве меня уволил Покровский – в сущности говоря, из-за него же (т. е. из-за Рязанова. – Т. Х.), а здесь только от того, что он приехал, я нажил много врагов»¹⁰⁸.

Помимо чисто политических разногласий, на конфликтность ситуации влияло то, что Изюмов в эмиграции сохранил советское гражданство. Это создавало массу неудобств для его проживания в Чехословакии. В 1934 г. его назначили заместителем директора Архива с одновременным заведованием рукописным отделом.

В марте 1939 г. гитлеровцы оккупировали чехословацкие земли. Над Архивом и его сотрудниками нависла реальная угроза.

С началом войны Германии против СССР А.Ф. Изюмов как советский гражданин был интернирован и заключен в концлагерь. В апреле 1945 г. концлагерь освободили американские войска.

В Прагу он добрался только 23 мая 1945 г., спустя 10 дней после опубликования в печати информации о решении чехословацкого правительства передать РЗИА в дар АН СССР к ее 220-летию. В записке о РЗИА, составленной специально для комиссии, приехавшей из Москвы для подготовки Архива к перевозке, он отмечал: «Я архиву, живя здесь, в Праге, всецело отдавал свои силы, будучи уверен, что рано или поздно архив попадет на Родину. Подарок Академии наук сделал мое пребывание вне Родины как бы служебной командировкой, которую я в меру сил и возможностей выполнил»¹⁰⁹. По просьбе членов комиссии А.Ф. Изюмов во время отбора материалов подготовил несколько

специальных пакетов с материалами для Института марксизма-ленинизма, а также осуществлял по их же просьбе личное наблюдение за выделением в процессе разборки материалов документов с именами Ленина и Сталина.

В специальном дополнении к своей записке в адрес комиссии он предостерегает против «хирургической операции расчленения РЗИА» путем отделения библиотеки от его документальной части. В извинительных тонах, боясь быть неправильно понятым, Изюмов предложил комиссии оставить РЗИА еще на некоторое время в Праге в качестве научного института АН СССР, открыть при Архиве славянский отдел для сбора документов по истории связей славянских народов в борьбе с фашизмом. Ни одно из его предложений не было принято.

Научное значение РЗИА интересовало спешно вывозящих документы членов комиссии в последнюю очередь, для них он был прежде всего источником компрометирующих материалов на эмигрантов и связанных с ними лиц, проживающих в СССР. Вряд ли стоит после этого удивляться, что всю жизнь стремившийся на Родину патристически настроенный ученый решил остаться в Праге. Здесь он умер в 1951 г., пережив свою супругу и многих друзей по эмиграции.

В.И. Веретенников

Для того чтобы составить полную картину формирования кадров уполномоченных ГУАД, их деятельности и последующих судеб, приведем краткий очерк жизни и деятельности представителя Главархива по Саратовской области, ставшего позднее одним из первых общесоюзных теоретиков архивоведения, – Василия Ивановича Веретенникова (1880–1942)¹¹⁰.

Он родился в Воронеже в семье служащего. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в 1904 г.

Ученик А.С. Лаппо-Данилевского.

Преподавал в Харьковском, Московском и Петербургском университетах.

После Февральской революции 1917 г. избран ординарным профессором в Саратовском университете, где работал до 1920 г., одновременно являясь уполномоченным ГУАД РСФСР по Саратовской губернии.

Летом 1920 г. переехал в Харьков, где в должности профессора российской истории читал лекции на кафедре русской культуры Академии теоретических знаний, потом – в Институте народного просвещения и в ряде других высших учебных заведений.

В архивной отрасли Веретенников начал работать одновременно с преподаванием, получив в сентябре 1921 г. назначение в Главархив Украины (стал членом коллегии). В последующем в аппарате Центрархива УССР занимал различные должности: заведующий отделом архивоведения, старший ученый архивовед, ученый-архивист отдела архивоведения, научный сотрудник, консультант.

В.И. Веретенников был одним из организаторов проведения I Всеукраинского съезда архивных работников (1926), на котором выступил с докладом о подготовке специалистов архивного дела для отрасли. По его мнению, основой подготовки архивистов должна стать форма краткосрочных шестинедельных курсов повышения квалификации и профессионального уровня специалистов. В учебную программу он считал необходимым ввести ряд предметов общеисторического и историко-экономического характера, после освоения которых архивист должен научиться четко понимать обстоятельства, определившие необходимость создания госучреждений, а также иметь достаточно знаний в области исторической географии и хронологии. В цикл архивоведческих наук он предлагал ввести теорию архивоведения с акцентом на изучение систем классификации и каталогизации.

Учитывая заслуги В.И. Веретенникова в области разработки программ архивного образования, совет Центрального архивного управления постановлением от 4 июня 1930 г. назначил его заведующим архивоведческим отделением заочного Института народного просвещения, который создавался специально для подготовки и повышения квалификации архивных работников. По его инициативе было налажено издание циркуляров, направленных на улучшение архивной работы. В частности, были разработаны обязательные для исполнения инструкции по выявлению и сохранению делопроизводственных документов в целях их передачи в архивохранилища.

На Втором съезде архивных работников Украины (1931) Веретенников был обвинен в приверженности буржуазной методологии в архивном деле и архивоведении. В частности, его объявили идейным вождем и проводником в жизнь буржуазных

принципов упорядочения архивных материалов «всех подряд», без учета их полезности с точки зрения задач социалистического строительства. Его стали считать сторонником «теории техницизма» и «объективистского документализма». В результате он был вынужден в обращении к представителям секции научной публикации документов Второго съезда архивных работников Украины признать ошибочными свои взгляды на необходимость отделения «техники» археографии от ее методологии и заявить о принятии им марксистско-ленинской методологии археографии как единственно верной теории.

В целом научное наследие В.И. Веретенникова отчетливо делится на два отрезка: до начала 1930-х годов и последующий период. Наиболее плодотворным оказался первый период, когда он разработал оригинальную систему взглядов на систематизацию и классификацию архивных документов в соответствии с принципами происхождения и их содержания («внутреннего смысла данных документов»).

Главным в системе архивоведческих взглядов В.И. Веретенникова является требование рассматривать весь архивный материал состоящим из архивных фондов, каждый из которых составляется из деловодных фондов, состоящих, в свою очередь, из деловодных единиц.

«Деловодный фонд» Веретенников определял как «такую часть архивного фонда, где все ее документы имеют точные признаки принадлежности их к деловодству какого-либо определенного учреждения (частного, общественного, государственного, профессионального, кооперативного и т. п.) или какого-нибудь определенного лица (частного, правительственного, юридического). Иначе говоря, деловодный фонд можно определить как всю совокупность полных документов того или иного учреждения, которые остались там в результате его деятельности». По его мнению, деловодные единицы, отложенные только в той или иной части учреждения, составляют подфонд – промежуточный между фондом и теми деловодными единицами, которые входят в его состав.

Веретенников считал необходимым разделять понятия «архив» и «архивохранилище», поскольку «архив имеет тот неперенный для этого понятия признак, что он является всегда научно-исследовательским учреждением, которое все время работает над данным ему архивным материалом, а не только местом склада архивного материала, как бы образцово это место ни было упорядочено»¹¹¹.

С начала 1930-х годов В.И. Веретенников посвятил себя разработке инструкций и составлению образцов описей и описания особо ценных документов, которые выделялись по тематическому признаку, в соответствии с ходом социалистического строительства.

В последние годы жизни он работал консультантом ЦАУ УССР.

Итоги первого периода деятельности ГУАД

Таким образом, благодаря усилиям представителей Главархива на местах классическое архивоведение не перестало существовать в связи со смертью Лаппо-Данилевского в 1919 г. и «чистками» кадров в архивных учреждениях. Оно только видоизменилось, приняло новые, неофициальные формы. На первый план выходит личная инициатива каждого из ученых и архивных деятелей. Показателен «Сводный отчет о деятельности Главархива и секций ЕГАФ за июль–август 1919 г.». Документ начинается с перечня мер административного характера, свойственных всем официальным структурам, но отражающих преемственность в выполнении тех задач, которые планировались еще Союзом РАД при Временном правительстве. В *научно-статистическом отделе* (его название несколько раз менялось, некоторое время отдел возглавлял И.Л. Маяковский) продолжалась работа по составлению карточных указателей архивов на основании возвращенных анкет и отчетов уполномоченных и инспекторов и по собиранию материалов для библиографии архивного дела. Составлено 1002 карточки, общая ведомость выявленных архивов и их фондов по губерниям и сводная архивов, проработанных по отчетам, анкетным вопросам и библиографическим материалам.

Спустя десять лет, выступая на Втором съезде архивных работников РСФСР в 1929 г., М.С. Вишневский привел статистические данные по количеству различных организаций и научных обществ, которые соприкасались до революции с вопросами архивного дела. Их насчитывалось свыше 140. Материалы этих организаций распылены, разрознены, в значительной мере уничтожены, не выявлены те части, которые от них сохранились. «Мы насчитываем уже больше сорока лет существования специальных учреждений, институтов, занимавшихся в России вопросами архивного образования. Мы до сих пор не смогли

сконцентрировать материалы этих институтов, этих специальных учреждений»¹¹².

Деятельность инспекции Главархива за июль–август продолжала развиваться и расширяться как в области выявления, взятия на учет и охраны новых архивов в Москве и провинциях, так и в области инструктирования и ревизии архивных учреждений. В Москве были осмотрены и обследованы архивы Комиссариата земледелия, отдела социального обеспечения, военнo-ликвидационного комитета, земского союза, бывших судебных установлений в Кремле, административного отдела, торговых школ, высших технических училищ. Закончены перевозки архивов Дворянского собрания, Городской думы, бывшего Верховного главнокомандующего. Инспектор М.С. Вишневский совершил поездку в Орловскую губернию, инспектор А.М. Фокин – в Гомельскую губернию, инспектор Денисов – в Тверь, старший инспектор А.Ф. Изюмов – в Вологодскую губернию, Б.И. Николаевский – в имение Нагорное Дмитровского уезда. Освобождение Красной Армией обширных областей на Востоке поставило перед инспекцией задачу – спасение брошенных на произвол судьбы в освобожденных местностях архивов и организация на местах архивных управлений и архивного дела. С этой целью были командированы инспектор А.В. Сомов в Пермскую и Тобольскую губернии и, по мере продвижения красных войск по линии Томско-Омской железной дороги, инспектор Б.И. Николаевский – в Уфимскую и Оренбургскую губернии и дальше на Восток, по мере продвижения красных войск по главной Сибирской железнодорожной магистрали¹¹³.

Подробно освещается работа каждой из секций ЕГАФ, будничная работа, если только не учитывать, что в это же время в разделе «Хроника» историко-архивоведческого издания «Дела и дни» сообщалось: «Многочисленные смерти петроградских ученых на почве истощения, начиная с академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дяконова, убедительно свидетельствуют о невыносимой тяжести для ученых работников условий петроградской жизни. Жутью веет от бесстрастных протоколов Академии наук, когда читаешь, что работа одного академика за его смертью передается другому, через несколько страниц – постановление, что за смертью второго работа переходит к третьему, а потом – новое постановление о передаче работы за смертью третьего – к четвертому. Только в августе 1920 г. скончались, вследствие болезней, развившихся на почве истощения организма от недое-

дания и непосильной физической работы, академики Б.А. Тураев и А.А. Шахматов, а в сентябре – профессор С.А. Венгеров». При этом не только внешние лишения являлись причиной смерти. У многих русских ученых того времени «чувство душевной боли возрастало до мучительной непереносимости, когда в бурном потоке жизни наряду с действительно обетшавшим нередко отрицались и разрушались вечные культурные ценности, а научная деятельность низводилась на степень праздной забавы или преступного уклонения от иной, настоящей работы»¹¹⁴.

Следует отметить, что к вечным культурным ценностям относились прежде всего архивы, а до уровня праздной забавы низводилась научная работа в хранилищах древних документов. Об отношении властей к этой «праздной забаве» свидетельствует и написанная Н.П. Черепниным в декабре 1918 г. «Летопись архивной жизни», которая заканчивается следующим образом: «В Москве из 27 архивных деятелей I отделения II секции только за последние месяцы скончались пять: С.А. Шумаков, В.В. Нечаев, С.А. Глазунов, И.С. Беляев, Н.Н. Марков.

Н.Н. Маркова нашли в квартире мертвым. Он лежал на полу возле стола, в пальто, шапке, галошах. На столе была неоконченная записка, [которая] оборвалась на слове “коченею”»¹¹⁵.

Отсюда становится вполне объяснимым тот факт, что в многостраничном отчете о деятельности Главархива в 1919 г. собственно теоретической работе отводится только две фразы (семь строчек машинописного текста): «Не ограничиваясь технической деятельностью, инспекция посвящала свое внимание разработке некоторых теоретических вопросов архивного дела. Главным инспектором В.И. Пичетой были выработаны: дополнение к инструкции об уничтожении архивных материалов, инструкция инспекторам по ревизии Московских архивных учреждений, а инспектором Н.Ф. Бельчиковым – проект декрета на имя губисполкомов о предоставлении помещений для губернских архивов»¹¹⁶. В стенах Главархива работа в основном велась на уровне различного рода коллегий, совещаний и десятков комиссий, которые, по свидетельству известного специалиста в области истории и теории архивоведения Н.И. Химиной, непрерывно меняли свое название. Тем не менее, как показало обсуждение теоретических вопросов архивоведения на I конференции архивных деятелей Петрограда (май 1920 г.), и особенно на I Всероссийской конференции архивных деятелей (Москва, сентябрь–октябрь 1921 г.), уровень их разработки был достаточно высок.

Как установила Н.И. Хими́на, первым толчком к началу теоретических разработок послужила практическая необходимость составления единых правил описания архивного материала, в связи с чем по решению петроградского совещания управляющих архивами была образована особая комиссия для установления единообразной архивной терминологии под председательством И.В. Пузи́но.

И.В. Пузи́но

Архивист, историк Иван Владимирович Пузи́но (1888–?)¹¹⁷ окончил Александровский лицей (1906) и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1910). Преподавал в качестве приват-доцента на кафедре всеобщей истории университета, специализировался в области истории итальянского Ренессанса. Во время служебных командировок в ряд западноевропейских стран продолжил образование в Берлине, посещал лекции в Римском университете.

После революции 1917 г. И.В. Пузи́но состоял членом Союза РАД, затем работал в научно-статистическом отделе Центр-архива, одновременно возглавляя комиссию по установлению единообразия архивной терминологии.

Он дал определения понятий «единица архивного материала», «архивный документ», «дело», «фонд» и «архивный фонд», «делопроизводство» и др. Судя по тексту проекта терминологии, направленному им А.С. Николаеву, взгляды Пузи́но характеризуются стремлением выработать компромиссное решение спорных терминологических вопросов. Так, сохраняя понятия «единица архивного материала», «бумага», «дело» и «архивный документ», он исходил из принципа, что общее правило – архив не меняет состава архивного материала, объединенного делом, а хранит его в том составе и виде, в каком архив получил дело от учреждения. Особенно наглядно такой подход проявился в предлагаемом И.В. Пузи́но толковании термина «фонд».

По мнению Пузи́но, «этот термин определяется двояко. Во-первых, он охватывает такой комплекс материала, который с достаточной полнотой характеризует деятельность учреждения соответственно его компетенции и поставленному заданию, а также жизнь и деятельность отдельного лица.

Во-вторых, “фонд”, как обособленный комплекс архивного материала, применяется только к такому учреждению, которое носит более или менее независимый характер в деятельности того министерства (комиссариата) или установления, в ведение которого оно приходит (департаменты, присутствия, канцелярии министерства и пр.), или к такому учреждению, которое играет важную роль (т. е. исполняет ответственное и определенное влияние) – по мысли ли законодательного акта, его создавшего, или же фактически, или же, наконец, к такому объединению однотипного материала, который исторически сложился в единую группу архивного хранения.

Как уже сказано, термин “фонд” употребляется и для определения богатого содержанием архивного наследия частного лица.

Возможны случаи, когда в данном архиве вполне обособленный фонд хранится не в полном виде, а частью, другие же части этого фонда разбились по другим архивам. В таких случаях требуется по возможности оговорить, где именно хранятся остальные части данного фонда»¹¹⁸.

По мнению В.Н. Автокротова, доклад И.В. Пузино, представленный в начале 1919 г. на совещании управляющих петроградскими отделениями ЕГАФ под названием «Проект архивной терминологии», явился основой для дальнейших плодотворных научных дискуссий по данному вопросу, о чем более подробно будет сказано в разделе о деятельности Кружка архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского.

Целесообразно обратить особое внимание на предложенное Пузино толкование понятия «единый государственный архивный фонд», в котором он одним из первых российских архивоведов делает акцент на слово *государственный*, толкуя его весьма своеобразным образом (такое истолкование, насколько известно, не давал никто из архивоведов ни до Пузино, ни после него): «Понятие “единый государственный архивный фонд” обнимает собой все содержимое российских архивных хранилищ. Фонд этот мыслится *идейно* (т. е. принципиально, а не физически. Выделено нами. – Т. Х.) единым. В нем объединяется огромное и целостное архивное наследие прошлого, резко отличное от других мировых архивных фондов. Этим отличием является принадлежность единого государственного архивного фонда к *истории Государства Российского, почему он и именуется “государственным”*» (выделено нами. – Т. Х.)¹¹⁹. В дополнение к государственно-административному подходу в оценках сущности архивов Пузино, занимаясь

проблемами отечественного архивоведения, провозгласил их гуманитарную основу, в связи с чем его можно по праву отнести к числу основоположников классического архивоведения.

Так, в статье «Западно-Европейские периодические издания по архивному делу», опубликованной в 1923 г., он выступил за издание специализированного журнала, который освещал бы не только практические (прикладные) вопросы исходя из чисто государственных потребностей, но и удовлетворял научный интерес к архиву, выросший из сознания его важности для изучения истории.

Возникновение осознания важности научного интереса к архивам И.В. Пузино связывал с тем, что с эпохи Возрождения в архивах начинаются поиски следов «стремления человека к славе, к бессмертию». Именно в этом он видел причину того, что архивные документы в исторических работах начали рассматриваться в качестве источника.

По мнению Пузино, вплоть до конца XVII – начала XVIII в. история понималась как простая сумма сведений о прошлом, т. е. была механическим соединением сырого материала без руководящей идеи, без внутреннего понимания. «Это, собственно, была не наука, а “знание”, целью которого было захватить возможно более фактов и данных», – указывал Пузино. Вплоть до 40-х годов XIX в., по его мнению, изученный материал являлся и содержанием, и целью исторических произведений, которые пишутся как роман, в которых сырые материалы из архивов иллюстрируют философские тезисы и антитезисы, подгоняются под них. И только с 40-х годов XIX в., когда история становится наукой, «происходит полная дифференциация заданий истории, как науки, от заданий архивоведения». В связи с этим И.В. Пузино считал необходимым в архивоведческих изданиях организовать два самостоятельных отдела: во-первых, отдел официальный и практический, в который входила бы публикация правил и кодификаций, справок и сведений по архивному делу, и, во-вторых, отдел научно-исторический и теоретический, со статьями по архивоведению, по истории и современному состоянию отдельных архивов, с научной перепечаткой архивных документов и т. д.¹²⁰

Для теоретических работ Пузино¹²¹ характерно стремление учесть опыт архивистов Запада в работе российских архивов.

Помимо теоретических исследований И.В. Пузино активно участвовал в практической работе по спасению архивов в

первые послереволюционные годы, в частности, в составе специальной комиссии принимал на хранение фамильный архив князей Юсуповых. Н.И. Хими́на установила, что документы РГИА позволяют проследить деятельность И.В. Пузи́но до весны 1920 г.

Сведения о дальнейшей его жизни и научном творчестве не выявлены.

С весны 1918 г. разработка научно-теоретической тематики велась главным образом преподавателями Архивных курсов при Петроградском археологическом институте, которые почти все состояли в Союзе РАД или активно сотрудничали с ним, а с лета 1920 г. переместилась в сферу деятельности Клуба имени Лаппо-Данилевского.

Глава 3
А.С. Николаев
и роль историко-архивной общественности
в становлении и развитии
классического архивоведения

Архивные курсы при Петроградском
археологическом институте

Дальнейший этап развития системы подготовки архивных кадров связан с совещанием архивных и музейных деятелей и профессоров Московского университета, которое состоялось в июне 1918 г. На нем присутствовали историки и архивисты, профессора Московского университета: по кафедре русской истории – М.К. Любавский и Ю.В. Готье, по кафедре русского права – А.Н. Филиппов, работники крупнейших московских исторических архивов – С.А. Белокуров, Н.В. Рождественский, Ю.В. Сергиевский (б. МГАМИД), Д.В. Цветаев, Н.Н. Ардашев, Н.П. Чулков, Н.Г. Высоцкий (б. МАМЮ), Н.В. Хрипач, Г.Э. Кудлинг, И.И. Успенский (Лефортовский архив), Б.С. Пушкин (б. Московское отделение Общего архива Министерства Императорского двора), хранитель архива Исторического музея Н.Н. Кононов, хранитель рукописного отделения Румянцевского музея Г.П. Георгиевский, заведующий Патриаршей библиотекой Н.Н. Попов, секретарь Московского археологического института В.И. Троицкий. По приведенным И.А. Курниковой сведениям, участники совещания высказались за необходимость создания архивных школ при московском и петроградском отделениях Единого государственного архивного фонда. Школы должны были иметь две ступени: элементарную (практическую) и высшую (теоретическую). Однако эта идея была первоначально осуществлена только в Петрограде, где были организованы Архивные курсы при Петроградском археологическом институте, директором которого назначили С.Ф. Платонова. Петроградский археологический институт, как и Московский археологический (на что указывает Курникова), продолжал обучение студентов даже в трудные дни 1917–1918 гг.

Идея курсов принадлежала в основном деятелям Союза РАД и уже поэтому является преемственной по отношению к существовавшей в дореволюционной России системе архивного образо-

вания. Как справедливо отмечает И.А. Курникова, в организации подготовки архивистов с первых дней советской власти центр тяжести переместился в сферу личной инициативы историков и архивистов, которые разрабатывали учебные программы на более широкой основе, чем это стало осуществляться под давлением официальных органов советской власти начиная с 20-х годов.

И.А. Курникова приводит пример некомпетентного вмешательства руководства ГУАД во главе с М.Н. Покровским в работу курсов. Руководителям архивных курсов в 1921 г. было предложено из двух разных предметов – «Техника и практика государственных архивов» (С.К. Богоявленский) и «Организация и техника архивов при действующих учреждениях» (Н.В. Русинов) – составить один, хотя сами названия свидетельствуют о том, что они не могут заменить друг друга: один лекционный курс посвящен делопроизводству и архивам действующих учреждений, другой – истории и основным формам работы в центральных исторических архивах. Она первой в отечественном архивоведении делает обоснованный вывод о том, что, не оценив должным образом труд по подготовке кадров, проделанный в 1918–1920-х годах, М.Н. Покровский как руководитель отрасли не только не поддерживал, а гасил инициативу, проявленную в этом направлении оставшимися в архивах историками и архивистами с дореволюционным стажем работы. Яркий пример тому – разработка московскими учеными С.К. Богоявленским, М.К. Любавским и И.А. Голубцовым учебных планов архивных курсов 1923–1925 гг.

Важное место по праву принадлежит первым по времени открытия Архивным курсам при Петроградском археологическом институте во главе с А.С. Николаевым. Они стали естественным продолжением традиций института, созданного еще Калачовым.

Оригинальная версия происхождения курсов, изложенная Н.П. Черепниным в статье «Летопись архивной жизни», заслуживает доверия, поскольку во время ее подготовки и напечатания статьи многие участники описанных событий были еще живы, а обстановка определенной свободы в архивном деле первых после революционных лет способствовала объективному изложению хода событий.

Н.П. Черепнин писал, что чрезвычайное расширение работы отделений ГАФ и углубление задач архивохранилищ вызвали необходимость в значительном увеличении числа архивных работников, обладающих специальной подготовкой. Возникла мысль организовать Архивные курсы.

Первоначально эта идея появилась в I Петроградском отделении IV секции. План ее осуществления наметился в виде ряда чтений по истории тех учреждений, архивы которых вошли в состав этого отделения (проф. С.В. Рождественский – по истории Министерства народного просвещения, Ю.Г. Оксман – по истории цензуры, Н.П. Черепнин – по истории Ведомства императрицы Марии), и практических занятий по технике архивного дела для состоящих в отделении лиц.

«Д.Б. Рязанов и проф. С.Ф. Платонов нашли, однако, что в подобных занятиях имеют одинаковую потребность и прочие петроградские отделения.

В результате было решено немедленно открыть при Петроградском археологическом институте Архивные курсы». Открытие курсов состоялось 31 августа 1918 г.¹²²

Версия Черепнина несколько расходится с изложенной в предисловии к изданному в 1920 г. сборнику «История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке»¹²³. В предисловии к этому изданию, подписанному И.Л. Маяковским и А.С. Николаевым, говорится, что идея архивных курсов зародилась в тесном кружке работников одного из петроградских архивов и была разработана И.Л. Маяковским, А.С. Николаевым, В.В. Снигиревым и Н.П. Черепниным. Проект был встречен сочувственно профессором С.Ф. Платоновым, немедленно внесшим его на рассмотрение в совет Археологического института, который единодушно одобрил проект и гостеприимно открыл двери для его осуществления. Главное руководство курсами было поручено А.С. Николаеву.

Существенная разница между обеими версиями заключается в том, что из числа основателей курсов в издании 1920 г. исключено имя Д.Б. Рязанова, без участия которого мероприятие подобного масштаба не могло состояться. Глухое упоминание о тесном кружке работников одного из петроградских архивов и акцент на роль Платонова также могут быть отнесены к этому же роду умолчаний: здесь видны следы борьбы, которая велась за власть в Главархиве между Рязановым и Покровским и исход которой был уже predetermined, а также начавшейся «чистки» в петроградских архивах.

На торжественном собрании в день открытия курсов с докладами выступили профессор С.Ф. Платонов – «Развитие археографии в России», профессор А.Е. Пресняков – «Исторические источники и подлинные документы» и заведующий курсами

А.С. Николаев – «Почему в данный момент особенно необходимы Архивные курсы и что они должны дать архивному делу».

Анализ содержательного наполнения учебного плана, составленного уже на 1921 г., показывает, что начался пересмотр характера подготовки архивистов. Главное внимание в нем предполагалось отвести истории и технике архивного дела, причем отсутствовало изучение западноевропейской архивной науки.

Путь противопоставления, а не сопоставления «своего» и «чужого», как это следует из основных постулатов классического архивоведения, вскоре привел науку об архивах в тупики «технологизма», разорвав целостную прежде науку на три отдельные неравные части (историю, теорию и практику архивного дела). Одним из первых негативных результатов такого противопоставления явилось то, что обещанное составителями сборника лекций, прочитанных на Архивных курсах, издание третьего и четвертого выпусков так и не было реализовано. Они выпустили только сильно урезанный в количественном и качественном отношении сборник лекций по тематике зарубежных архивов, прочитанных шестью авторами (а их было более 20), под названием «История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке» и специальное издание, в которое вошел курс лекций И.Л. Маяковского «Исторический очерк развития архивного дела в России».

Темы лекций были включены в программу занятий, но не вошли в названные выше выпуски: «Устройство центрального и местного управления в Московском государстве XVII века» (акад. М.А. Дьяконов), «История центрального управления в России в XVIII и XIX веках и местного управления до вступления на престол Екатерины II», «Губернский строй и Сенат в XIX веке и краткое понятие о министерствах» (И.А. Блинов), «Ведомство иностранных дел в России в XVIII веке и его делопроизводство» (проф. М.А. Полиевктов), «Ведомство иностранных дел в России в XIX веке и его делопроизводство» (проф. Б.Э. Нольде), «Сведения по палеографии» (В.Г. Дружинин), «Русская дипломатика частных актов» (акад. А.С. Лаппо-Данилевский), «Современная организация и постановка архивного дела в России» (А.С. Николаев), «Устройство и оборудование архивов» (проф. В.Л. Гофман), «Архивное помещение и его оборудование с точки зрения архивиста» (С.А. Розанов), «Главные моменты в работе над разборкой, систематизацией и хранением архивных материалов» (В.В. Снигирев), «Выделение архивных материалов, не подлежащих хранению» (В.Н. Кун),

«Принципы и техника архивных передвижений» (Н.П. Черепнин), «Описи архивного материала» (Г.А. Князев), «Печатные описания архивных материалов» (В.Г. Дружинин), «Архивная статистика» (А.И. Лебедев), «Техника библиотечной работы» (Б.П. Гуштин), «Основы музейного дела» (А.А. Миллер), «Архивная работа с точки зрения профессиональной гигиены» (А.А. Садов). Кроме того, практические занятия под общим руководством управляющего 1-м отделением II секции И.А. Блинова в архивохранилищах проводили В.Н. Нечаев, П.И. Храбро-Василевский, проф. В.М. Гессен, В.Э. Фриш, П.П. Вишняков, В.В. Беллюстин, проф. В.Д. Плетнев, А.Н. Гассман, проф. Ф.А. Вальтер, Н.М. Тютрюмов, К.Я. Здравомыслов, Н.В. Жукович и А.Н. Макаров.

Здесь сохранено авторское расположение лекций и имен лекторов, поскольку оно соответствует хронологическому порядку чтения лекционных курсов. Баланс исторических, теоретических и практических вопросов в таком виде соблюден в достаточной мере. Из всего этого богатства остался только один печатный выпуск. В него вошли следующие лекции: Г.Ф. Церетели «Архивы классической древности (Греция и Рим)», О.А. Добиаш-Рожественской «История архивов романской Европы при старом порядке», Е.В. Тарле «Национальный архив в Париже», две лекции И.И. Любименко «Французская Школа архивистов "Ecole des Chartes"» и «Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем», две лекции М.А. Полиевктова «Архивное дело в Германии и Австрии» и «Архивы Италии» и лекция В.В. Бартольда «Хранение документов в государствах мусульманского Востока». Только часть из прочитанного на курсах сегодня можно восстановить по архивным источникам.

Выступления создателей курсов на их открытии были пронизаны духом уверенности в будущем и осознанием высокого, общенационального значения архивов и архивного дела. На церемонии открытия курсов 31 августа 1918 г. С.Ф. Платонов произнес ставшую хрестоматийной фразу о том, что общий процесс разрушения, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле. Отсюда следовало его определение задачи курсов: сплотить архивных деятелей и историков для упорядочивания архивов, оживить архивную деятельность путем создания подготовленных теоретически архивных работников. «В наши дни архивное дело стремится построиться на прочном фундаменте, архивы, так долго находившиеся в состоянии некоторой запущенности, становятся на путь превращения в те *цент-*

ры умственной жизни (выделено нами. – Т. Х.), где чисто научная постановка восторгается над ведомственным, чиновническим отношением к делу»¹²⁴.

Платонов не связывает начало этого процесса ни с Февральской, ни с Октябрьской революциями. Он утверждает, что в момент, когда стали выясняться первые признаки научной деятельности архивов, нас застигло то, что называется русской революцией. Впервые похожая мысль была сформулирована им еще в 1914 г. на съезде представителей ГУАК. Дело собирания и упорядочивания архивных материалов в 1918 г. приобретает качественно новые черты: «Это не только ведомственная или научная, но и крупная *национальная задача большой важности*»¹²⁵.

Московские архивные курсы

Дело спасения архивов и привлечения ученых с мировой и общероссийской известностью к подготовке архивных кадров на университетском уровне рассматривалось не только в Петрограде, но и в Москве как задача государственной важности. Об этом свидетельствует программа Московских архивных курсов, которые открылись спустя два месяца после Петроградских, в ноябре 1918 г.: «История центральных и местных учреждений России XV–XIX веков» (проф. А.Н. Филиппов), «Историческая география России со времени образования Московского государства» (проф. М.К. Любавский), «Памятники русского права XV–XIX вв. в связи с их терминологией» (теоретический курс – проф. А.Н. Филиппов, практический – П.А. Беляев), «Обзор источников Русской истории. Памятники повествовательного характера» (С.В. Бахрушин), «Русское архивоведение. Курс исторических сведений о русских архивах и их составе» (проф. Ю.В. Готье), «Внешняя история русских архивов с XVI века» (проф. С.Б. Веселовский), «Иностранные архивы»: английские (проф. А.Н. Савин), немецкие (проф. Д.Н. Егоров), шведские (проф. Ю.В. Готье), варшавские (проф. Д.В. Цветаев). Кроме того, читались курсы «Дипломатика с добавлением сведений по сфрагистике и хронологии» (Е.А. Косминский, Н.Н. Ардашев, проф. Н.П. Лихачев), «Актовый язык» и «Палеография» (акад. А.М. Соболевский), «Метрология и нумизматика» (А.В. Орешников) и два обзора археографии и изданий документов – соответственно иностранной (проф. Д.Н. Егоров) и русской (проф. А.И. Яковлев).

Никаких печатных изданий Московские курсы после себя не оставили, а их материалы частично уничтожены, частично рассеяны по разным архивным фондам. Особенно тяжела утрата курса лекций под названием «Архивоведение»: 1) фактическая постановка техники архивного дела на Западе и в России. Централизация архивов; 2) принципы научного архивоведения. Его автором в статье Н.П. Черепнина обозначен Н.В. Рождественский. Помимо курсов в Петрограде и в Москве лекции по архивному делу читались и в различных провинциальных центрах. Так, А.С. Николаев выступал с лекциями по архивному делу на учительских курсах в Новгороде, Ямбурге и Кронштадте, И.Л. Маяковский – в Вологде и Череповце, В.В. Снигирев – в Петрограде и Петрозаводске. Это была еще одна попытка сплотить все культурные силы страны вокруг идеи спасения памяти о прошлом своей страны и своего народа.

Уникальность попытки организации деятельности такого широкого масштаба состояла в том, что инициатива исходила снизу: российские учителя и другие представители местной интеллигенции сами обращались к архивистам с просьбой, как писал Черепнин, вооружить их практическими знаниями и поддержать в работе по спасению архивов на местах, а также по ведению пропаганды охраны архивов в сельской школе и среди взрослого населения.

Этой работой практически руководили три человека: заведующий ГУАД Д.Б. Рязанов, заместитель комиссара по народному просвещению Северной области З.Г. Гринберг и А.С. Николаев. Если имена Д.Б. Рязанова и А.С. Николаева в историко-архивоведческой литературе достаточно известны, то имя З.Г. Гринберга осталось почти вне поля зрения историков-архивоведов. Между тем он стоял во главе практического осуществления всех мероприятий Петроградского отделения Главархива, включая справочно-статистический отдел, при котором была создана специальная комиссия в составе А.С. Николаева, А.И. Андреева, Г.С. Габаева, Н.В. Голицына, Д.Д. Зуева, А.И. Лебедева, Н.А. Пыпина и Н.П. Черепнина. Именно они разработали и вынесли важные вопросы архивной теории и практики на состоявшийся в начале 1919 г. в Петрограде съезд деятелей архивного, музейного и библиотечного дела, в котором активное участие приняли учителя. З.Г. Гринберг был инициатором составления по результатам работы комиссии и направления во все местные отделы народного образования специальных циркуляров, в которых предлагалось принять меры

по охране архивов, заполнить рассылаемую анкету об архивах, подготовить необходимый для съезда статистический материал.

О судьбе Гринберга есть упоминание в документальной повести А. Борщаговского «Обвиняется кровь», основанной на изучении рассекреченного следственного дела Еврейского антифашистского комитета. Дело находилось на секретном хранении в архиве КГБ. Борщаговский пишет: «Захар Григорьевич Гринберг, шестидесятилетний кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР им. Горького по ложному навету попал в 1947 году в лефортовско-лубянской мясорубку, долго держался, был бит, по любимому выражению Абакумова, “смертным боем” и, наконец, искалеченный умер 22 декабря 1949 года в тюрьме»¹²⁶.

Пожалуй, это все, что известно о человеке, который еще в 1920-е годы, будучи совсем молодым, организовывал культурно-просветительскую жизнь, включая архивное дело, в Северной области России, т. е. в Петрограде и прилегающих к нему регионах страны.

А.С. Николаев

Главная роль в организации подготовки архивистов в первые послереволюционные годы принадлежала Александру Сергеевичу Николаеву (1877 – не ранее 1934).

А.С. Николаев родился в 1877 г. в Омске. В 1895 г. закончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Самыми ранними в личном фонде Николаева, хранящемся в ГАРФ (Ф. 7798. Д. 64), являются ведомости о его успеваемости, а также билет на право посещения рисовальной школы Российской академии художеств.

В 1896–1901 гг. учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В личном архиве¹²⁷ сохранилось свидетельство о начале его научной деятельности. Так, первой его работой, написанной еще в годы студенчества, было небольшое исследование литературоведческого характера «Игумен Даниил и его хождения во Святую Землю». Далее следуют «Несколько замечаний о истории текста, палеографических особенностях и языке Зографского Евангелия», «О временах княжеских вечевых усабиц. События на Руси от смерти Ярослава Мудрого до второй половины 12 века», «Процесс выработки религиозных верований славян-язычников» и др.

Первой опубликованной работой А.С. Николаева является «Очерк развития русских путей сообщения до конца XVII века», вошедший в составленный им в соавторстве с инженером путей сообщения С.М. Житковым «Краткий очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России», изданный в честь 100-летия Министерства путей сообщения в 1898 г. В личном фонде хранятся автографы его сочинений «Очерки истории русской торговли» (1905) и «Историческая справка о численности духовного сословия и о церковных доходах» (б. д.) и др.

После окончания в 1901 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Николаев некоторое время оставался на кафедре у профессора С.Ф. Платонова, затем преподавал историю и литературу в нескольких петербургских гимназиях.

Работу в архивной системе он начал под руководством С.Ф. Платонова в архиве Министерства народного просвещения в 1902 г., а в 1916 г. стал заведующим этим архивом. Подготовил и издал несколько сборников по документам архива: «Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.» (СПб., 1912), «Акты и документы, относящиеся к истории С.-Петербургского городского управления и г. С.-Петербурга в эпоху Отечественной войны» (т. 1. СПб., 1914) и др. Под его редакцией и с его комментариями вышли два тома «Описания дел архива Министерства народного просвещения» (Пг., 1917 и 1920).

После Февральской революции Николаев – активный член Союза российских архивных деятелей. В первые годы советской власти один из создателей и первых руководящих работников Главного управления архивным делом и страстный пропагандист архивной реформы.

В эмигрантском журнале «Новая русская книга» его ближайший соратник по Союзу РАД, автор трудов по внешнеполитической истории России XVI–XVIII вв., ученик С.Ф. Платонова, историк и археограф профессор М.А. Полиевктов (1872–1942) назвал Николаева душой всей реформы¹²⁸.

В июле 1918 г. его избрали председателем совещания управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ – коллегиального совещательного органа при ГУАД, которое координировало и разрабатывало законодательные, методические и научно-технические вопросы архивного дела.

Некоторое время он возглавлял петроградское отделение справочно-статистического отдела Главархива, который оказы-

вал огромное влияние на реализацию идей классического архивоведения. В связи с недостаточным освещением в историко-архивоведческой литературе функций отдела приведем краткую характеристику его задач и структуры. Сформировавшийся осенью справочно-статистический отдел ГУАД разработал формы опросных анкет, которые рассылались по всем архивохранилищам. Отдел состоял из трех подразделов: русского, иностранного и библиотечного. Согласно положению, русский подраздел: а) собирает, проверяет и обрабатывает данные об архивных фондах и о постановке всех сторон архивного дела, поступающие из отделений ГАФ; б) собирает и обрабатывает сведения о тех архивах, которые либо временно не вошли в ЕГАФ, либо вообще не подлежат включению в него, представляя собой, однако, научно-историческую ценность или имея особый общественный интерес (частные, фамильные и т. п. фонды); в) собирает путем обследования книгохранилищ и изучения соответствующих изданий, приобретаемых у архивов, а также у исторических и археологических обществ и учреждений, русскую библиографию, освещающую разные стороны постановки архивного дела в России.

На основании всех собранных, проверенных и обработанных данных справочно-статистический отдел:

- 1) создает подвижные и непрерывно пополняемые карточные указатели;
- 2) составляет археографические карты, картограммы и диаграммы;
- 3) готовит к печати статистические справочники, ежегодники и материалы, а также Общий справочник по организации и составу ГАФ и Руководство по архивной технике.

Во многом аналогичные задачи возлагались на иностранный подраздел, но помимо подбора общей библиографии по архивному делу на иностранных языках он занимался также подбором и регистрацией иностранного законодательного материала по организации архивов в целях обслуживания необходимыми справками работающих при ГУАД комиссий¹²⁹. Руководящая работа в этом своеобразном петроградском научно-организационном «штабе» во многом способствовала тому, что А.С. Николаев после революции стал архивным деятелем всероссийского масштаба. Не замыкаясь в рамках Петрограда, что было свойственно коренным жителям северной столицы в первые послереволюционные годы, он сыграл активную роль в организации Сопровождающего управления

щих московскими отделениями секций ЕГАФ. Так, в протоколе от 20 декабря 1918 г. содержатся выступления Николаева перед московскими архивистами о задачах и деятельности петроградского Совещания управляющих. В результате его избрали в состав комиссии для выработки положения о московском Совещании управляющих¹³⁰. В других делах его личного фонда отложились копии протоколов совещаний архивных и музейных деятелей Москвы, а также профессоров и преподавателей Московского университета, обсуждавших декрет от 1 июня, и объявления об открытии в ноябре 1918 г. московских Архивных курсов. Кроме того, он неоднократно выезжал в провинцию с лекциями по архивному делу. В частности, в Новгороде прочитал летом 1919 г. семь лекций по архивному делу и провел несколько практических занятий по архивоведению, в ходе которых в шкафах местного музея были выявлены архив Аракчеева и несколько дел Сенатского департамента¹³¹.

В статье «Главное управление архивных делом» А.С. Николаев писал об этом периоде: «Работа в провинции много сложнее работы в центрах. Горят города и деревни, передвигаются и перемещаются учреждения, выбрасываются и уничтожаются архивные фонды. Многие прежние деятели архивных комиссий оказались выброшенными за борт современной жизни и лишены возможности работать. На помощь ГУАД идут на местах новые люди и молодые, только что возникшие учреждения.

Это отделы народного образования.

Задачей Главного управления в провинции, задачей неотложной является привлечение к своему делу новых работников, новых учреждений и возрождение к обыкновенной работе тех прежних учреждений, которые носят в себе задатки жизни, которые не отпали от архивного дерева, как отсохшие ветки».

Объективно вся научно-организационная деятельность ученого-архивиста свидетельствует о его принадлежности к архивоведению нового типа, который называется интегральным и который родился на этапе развития классической науки об архивах.

Лучше всего это подтверждает не историко-публицистическая, а учебно-педагогическая деятельность А.С. Николаева. В 1918–1919 гг. он, как уже было сказано, возглавил первые в России Архивные курсы при Петроградском археологическом институте. Петроградские курсы привлекли много желающих: записалось до 300 слушателей. Курс состоял из следующих специальных дисциплин: *архивоведение* (теория и практика архивного

дела), *архивоведёние* (история и законодательство архивного дела на Западе и в России), история учреждений центральных и местных с конца XVII в., дипломатика государственных и частных актов¹³². Позднее Николаев дал ряд других определений архивоведения, которые будут проанализированы ниже.

В фонде А.С. Николаева отложилась копия отношения директора Петроградского археологического института к заведующему ГУАД Д.Б. Рязанову от 19 августа 1918 г., в котором говорится о необходимости организации курсов и решении совета института поручить их организацию управляющему I отделения IV секции А.С. Николаеву. Первым дал согласие прочитать на курсах лекцию по истории архивного дела на Западе профессор Е.В. Тарле.

Согласно проекту учебной программы А.С. Николаев должен был прочитать курс лекций на тему «Архивная жизнь, задачи, условия и особенности архивной службы» (впоследствии название его курса лекций будет меняться).

В фонде ГАРФ¹³³ хранятся семь лекций (за исключением первой, напечатанной в качестве речи при открытии курсов 31 августа 1918 г.), которые не вошли в изданный в 1920 г. сборник лекций, прочитанных на курсах в 1918 г. В первой программной речи-лекции А.С. Николаев по существу изложил свое видение всей истории архивного дела в России. Начало ее он связывал с декретом от 1 июня 1918 г., а весь предыдущий период, в отличие от А.Е. Преснякова и С.Ф. Платонова, рисовал мрачными красками. В свойственной ему эмоционально-образной манере он даже достижения в архивном деле последних дореволюционных лет сумел преподнести как результат ожесточенной борьбы архивистов против официальных властей¹³⁴.

По воспоминаниям Л.И. Полянской, которая в январе 1917 г. в составе небольшой группы студентов Петроградского университета попала в архив Министерства народного просвещения для участия в работе по описанию документов XVIII в., А.С. Николаев часто приводил им в качестве примера неправильного отношения к архивам слова своего предшественника на посту начальника этого архива Н.П. Барсукова, который любил называть архив кладбищем, а себя кладбищенским протоиереем. Он хотел этим подчеркнуть, что в архиве навсегда похоронены мечты, надежды и стремления многих поколений, и считал, что ведомственный архив должен свято хранить от посторонних содержащиеся в нем тайны¹³⁵. Тем не менее именно в архиве Министерства народного просвещения, причем

еще при Барсукове, Николаев работал вместе с С.Ф. Платоновым, И.Л. Маяковским, В.В. Снигиревым и другими архивистами.

Характерное для А.С. Николаева 1918–1919 гг. демонстративно-публицистическое отрицание архивного дела прошлого напоминает самоквасовскую доктрину «архивного нестроения» в России, хотя такая резкость продиктована целью показать революционное значение декрета от 1 июня 1918 г., который, по его убеждению, открыл новую эру в истории архивного дела. Так, в лекции 1918 г., текст которой составлен после опубликования в № 116 «Московских известий» от 8 июня 1918 г. декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР, он излагает свое видение новых архивов, точнее, свою мечту о них: «Что же такое ЕГАФ? Это архив народа, это комплекс архивных фондов, созидавшихся на разных корнях, вращающихся около разных стержней.

Нельзя не приветствовать горячо ликвидацию ведомственных архивов.

Отойдет в область преданий канцелярский архив. Не будет этих посылок в архив за трафаретными справками, губящими живую мысль, живое дело. Отойдут в область преданий начальники архивов, занимавшие места как определенную синекуру. Не будет этих бессмысленных складов бумажных кип без всякой системы и порядка.

Ликвидация ведомственных архивов идет навстречу созданию чего-то нового.

Ученый в новом архиве, создающемся на месте ведомственного, будет и должен быть не только желанным и дорогим гостем, но постоянным жильцом, об удобствах которого особенно горячо заботятся рачительные хозяева.

В широком смысле этого слова объем понятия ЕГАФ состоит из комплекса архивов частных и отдельных лиц, разных групп, разных учреждений».

Николаев дает перечень архивов, входящих в ЕГАФ. Это правительственные центральные архивы, архивы губерний, областей, городов, войсковые, сословные, епархиальные, монастырские и церковные архивы, раскольнические собрания рукописей, архивы римско-католической церкви и протестантских обществ в России, архивы духовных академий, духовных семинарий и училищ, рукописные собрания Эрмитажа, дворцовых библиотек, Публичной библиотеки, Московской публичной библиотеки и Румянцевского музея, рукописные собрания местных публичных библиотек и т. д.

Итак, архив – это все то, что отлагается как *письменный памятник деятельности отдельных индивидуумов, составляющих в совокупности своей цельный, большой, единый организм*. Это один из главных постулатов классического архивоведения, созданного А.С. Лаппо-Данилевским, входящий в содержание понятия Единого ГАФ.

Смысл Единого государственного архивного фонда как нового понятия состоит в том, что на место отдельных, не связанных между собой частей приходит стройное, спаянное в частях, объединенное внутренним единством, широко открытое для слушателей науки, для ищущих истины, строящих новую жизнь¹³⁶.

В этих словах Николаева изложена архивная доктрина, которая является вкладом отечественного классического архивоведения в мировую науку об архивах. Она зиждется на целостно-духовном осмыслении понятия «архивы». Без проникновения в смысл этой доктрины, выступающей в первые послереволюционные годы как часть общенациональной идеи, невозможно объективно оценить пафос рассуждений Николаева и его единомышленников.

В своей речи на открытии Архивных курсов 31 августа 1918 г. он объясняет конкретную цель курсов: *расширить архивный кругозор слушателей*. «Огонь святого беспокойства, умение найти свое место в общей цепи всех архивных служащих – вот что должны дать курсы. Цель их – не только сообщить известные знания: они должны будить, если можно так выразиться, *архивную душу человека*»¹³⁷ (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.).

Понятия «архивный кругозор» и «архивная душа человека» – типичный атрибут понимания архивного дела как *служения* на благо России и всего человечества, свойственного гуманитарному подходу к архивам, архивисту и архивному делу в рамках целостного, классического архивоведения.

Николаев видел в реорганизации архивного дела источник принципиально нового подхода к пониманию термина, который раньше однозначно сводился к практической стороне архивного дела.

Вторая лекция, датированная 2 сентября, открывается знаменательными словами, которые полностью отвечают идее, лежащей в основе новой науки об архивах и архивной службе.

«Задача – выяснить, *как должна строиться Архивная служба*.

Об Архиве мы будем говорить, как о живом организме, об архивных служащих, как о составных частях этого организма.

В связи с этим мы коснемся вопроса об архивной морали, на которой строятся отношения служащих различных категорий, скажем об обязанности и связанной с ней ответственности, которые лежат на каждом из них.

Выяснив таким образом внутреннюю структуру Архива как органического целого, мы тем самым достигнем намеченной цели чисто практического характера: окунуть слушателя во всю сложность и своеобразность архивной жизни в данный трудный момент, дать ему возможность ориентироваться в том новом строительстве, которое ведется, поделиться с ним знанием приобретенного из долгого опыта и непосредственного участия в реорганизации архивного дела».

По мнению Николаева, если раньше главной задачей архива являлась выдача ведомственных справок, то теперь наряду с этим стоит задача, имевшая раньше лишь второстепенное значение, – возможно лучше обслужить ученого, помочь ему разобраться в архивном материале, дать все необходимые справки. В архивы «со всех сторон вливаются моря новых дел», поэтому мы совершим преступление, если разобьем прежний фонд, внесем в приемку свой порядок. Это будет непоправимым злом как для выдачи справок, так и для работ будущего ученого. После подробного рассказа о том, как составлять описи, заголовки и формировать дела из принятых документов, вторая лекция завершается настоятельным призывом: нужно принять всю эту бесформенную массу, которая не имеет описей. Но, принимая дела, не следует упускать из виду основную задачу всякого архивиста: *восстановить и поддержать целостность архивного фонда*.

Третья лекция А.С. Николаева, датированная 4 сентября, целиком посвящена теме «Что такое архивный фонд». Николаев привел пример, отражающий сущность гуманитарного характера классического архивоведения: «Если я умру, то лицо, заинтересовавшееся мною, по моим бумагам получит ясное представление не только о том, что я знал, что делал, с какими людьми входил в сношение, но и представление о всей моей личности вообще. Совокупность этих бумаг составила бы определенный архивный фонд, касающийся данной личности. Предположим теперь, что перед нами уже не одна личность, а целая семья. Такой же фонд может иметь и род.

Переходим теперь от личности к учреждению. *Архивным фондом мы, следовательно, называем известную сумму бумаг, систематизированных и приведенных в порядок, касающихся семьи,*

рода, учреждения, всего Государства». Это построенное исключительно на интуиции определение того, что сегодня называется единым архивно-информационным пространством в рамках цивилизационного подхода.

После подробного рассказа о том, как формируется фонд на уровне каждого ведомства и учреждения, подчеркивается, что изучать дело можно только на общем фоне истории его возникновения и разрушения. В рассуждениях отсутствуют понятия «коллекция», «фондообразователь», «принцип недробимости фонда», «провениенципринцип», «предметно-тематический принцип» и ряд других, большинство из которых (кроме «фондообразователя») уже присутствовали и в западном, и в отечественном архивоведении. Разъясняя, что такое фонд, А.С. Николаев исходит главным образом из интересов пользователя, которого должен обслужить архивист. При этом очень интересны его личные советы и наблюдения. Так, касаясь архива Министерства народного просвещения, он указывает, что среди дел, относящихся к «общим вопросам», находятся синие конверты с надписью «секретно», «в частные руки», сделанной иногда женской рукой. Николаев отмечает, что нельзя пройти без внимания мимо этих, казалось бы, мелочей, ибо в них иногда скрывается ключ к пониманию крупных событий: вся политика, например, Министерства народного просвещения может быть понята только в связи с внимательным изучением подобной частной переписки.

Заключительный раздел лекции о фондах имеет основополагающее значение для оценки вклада А.С. Николаева в классическое архивоведение как науку.

1. Нельзя вырвать из фонда какое-нибудь дело и изучать его само по себе. Нужно дать себе точный отчет в том, где оно зародилось, где, как и при каких условиях составилось, какое место занимало в данном фонде.

2. Ни в коем случае не нарушать цельность фонда.

Альфа и омега архивного дела – понимание, что такое архивный фонд, и неусыпное охранение целостности этого фонда.

Соперничающими между собой принципами являются принцип *логический* и принцип *исторический*.

3. В основу построения Единого государственного архивного фонда с его секциями и отделениями ложится принцип *логический*, в противоположность прежним архивам, сложившимся *исторически*.

Громоздкое и непонятное посекционное деление сложившихся архивов по «французской» схеме причинило в первые

послереволюционные годы массу неудобств архивистам в Центре и особенно на местах. Но здесь сработал инстинкт самосохранения архивов (или, что то же самое, их саморазвития) – принцип секционности существовал только виртуально, на уровне распределения кадров, но почти не затрагивал физического состояния архивных фондов, а вскоре и вовсе был отменен. Об этом же говорит и А.С. Николаев, успокаивая своих слушателей, что лиц, отстаивающих точку зрения Единого государственного архивного фонда, не страшит мысль, что исторические функции архива могут оказаться нарушенными. Пока секция – нечто реально не существующее, объединенное лишь в отношении живой рабочей силы личного состава. Чем-то реальным пока является только отделение, [каждое из которых] ведает своим фондом. Не только секции единого фонда, но и различные отделения одной секции разбросаны в разных помещениях, и мечта собрать их под единой крышей пока является неосуществимой.

Николаев говорит о том, что Морским архивом было положено начало собиранию фамильных частных архивов. Использование фамильных архивов представляется большим и важным делом. Отметим научную прозорливость А.С. Николаева: сегодня этот «мелкий своеобразный вопрос», касающийся комплектования архивов фондами личного происхождения, стал одним из главных теоретических и практических вопросов архивного дела. Очевидно, в этом сказалась близость характера двух эпох, когда на первый план вновь, как и в 1918 г., выходит система отношений «личность – общество – государство».

Общий вывод Николаева: во всех случаях, когда речь заходит о перераспределении фондов между отделениями, следует поступать с чрезвычайной осторожностью. Вот почему этот вопрос, по его мнению, следует рассматривать в совете ГУАД.

Следующая лекция посвящена построению отделений в Москве. С точки зрения истории архивного дела целесообразно процитировать одно интересное, хотя и «попутное», замечание о том, почему пострадал Московский дворцовый архив. Пострадал он из-за чисто случайного обстоятельства, а именно: при первой эвакуации приготовлен был для перевозки архива ряд деревянных ящиков. Под видом архивного имущества в этих ящиках отправлено было несколько сортов дорогого вина. По городу пошли об этом слухи, и архив, естественно, пострадал. «Вот почему, когда обращаются с просьбой поставить в архив для сохранения что-либо не относящееся к архиву, должно быть очень осторож-

ным, понимая, что вы берете на себя тяжелую ответственность». Касаясь вопроса о работе в провинции, он отказывается от прежней радикальной позиции отрицания всего полезного, что было в дореволюционном архивном деле, выступая скорее с позиций преемственности и сохранения традиций. Он отмечает, что в провинции работа только нащупывается, и подчеркивает полезную роль губернских архивных комиссий, хотя эти органы находятся в неопределенном положении, они даже не имеют попечительства, которое давало бы им средства, необходимые им для работы¹³⁸.

Такая оценка роли ГУАК потребовала от А.С. Николаева определенного мужества. Дело в том, что собравшийся 11 июня 1919 г. съезд губернских уполномоченных Главархива был позднее назван В.В. Макасовым съездом, на котором преобладали «антисоветски настроенные элементы»¹³⁹.

Как вспоминал один из современников тех событий, декреты советской власти, включая подписанный В.И. Лениным декрет «О губернских архивных фондах», «лежали в разрозненных экземплярах беспомощной кучей, а жизнь текла своим чередом по воле и желанию власти на местах. Люди, интересовавшиеся декретами и проводившие параллель между ними и действительностью, ничего не понимали, да ничего и нельзя было понять, так как Россия напоминала собой опрокинутое решето раков, куда-то лезущих и ущемляющих друг друга»¹⁴⁰. Об этом же говорил в своем докладе на съезде и старший инспектор Главархива А.Ф. Изюмов: Все декреты и постановления проходили для провинции малозамеченными. Главной причиной, часто тормозящей успех работы, было недоверие со стороны властей. «При наведении служебных справок заурядным ответом бывало: “Не ваше дело!” От представителей губисполкомов приходилось выслушивать слова о ненужности национальных архивов в то время, когда проводится интернационализм»¹⁴¹. Если такое отношение было к представителям Главархива, то нетрудно представить себе отношение к местным деятелям созданных еще в старорежимное время ученых архивных комиссий.

Типичной для тех лет является протокольная запись, сделанная на одном из заседаний коллегии ГУАД (с ноября 1918 г. в ее состав входили Д.Б. Рязанов, В.Н. Сторожев, М.К. Любавский, С.Б. Веселовский и А.М. Полянский. – Т. X.) и датированная декабрем 1918 г.: «Архивариус П.С. Шереметев сообщает, что, хотя им исполнено все ему порученное, но доклада он представить не может ввиду ареста. Согласно телефонным переговорам тов.

Каменева с В.Ч.К. П.С. Шереметев увольнению не подлежит. *Постановили: Принять к сведению*»¹⁴². Эти и подобные факты обсуждались на «антисоветском» съезде губернских уполномоченных. Поэтому представляется вполне логичным переход Николаева в лекции от оценки положения на местах к вопросу о задачах Главного управления архивным делом.

Задачей первостепенной важности он называет создание правовой базы архивного дела: «Прежде всего – у нас нет никакого **АРХИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**, мы живем без определенных норм, сплошь и рядом приходится наталкиваться на неразрешимые противоречия.

Вот почему первой задачей Главного управления является создание прочного архивного законодательства, установление точных норм в целом ряде вопросов».

Вопросы эти следующие: разрешить большой вопрос об уничтожении архивных дел; разрешить вопросы, касающиеся постановки справочного отдела: кому выдавать документы, как выдавать. Допускать ли вообще выдачу дел из архивов?

Архивистами, по мнению Николаева, могут быть лица, получившие законченное высшее образование, преимущественно филологическое, но они могут быть историками, словесниками, юристами, восточниками в зависимости от структуры и состава того архива, где им придется работать.

Работа архивиста совсем иная, чем работа архивариуса: архивист стоит непосредственно под ученым, он подготавливает научные издания, описи.

При этом подчеркивается, что видов описей много – пестрота и своеобразие их чрезвычайны: в каждом архиве свое построение, своя система. Это неправильно. Конечно, нельзя описания всех архивов подстричь под одну гребенку, но все же индивидуальность в данном отношении допустима лишь до известных границ. В составление описей должна быть внесена определенная система.

Заканчивается курс лекций следующими словами: «Нужно очень бояться того, чтобы архивист при разработке архива руководствовался своими интимными вкусами. Многие ученые, поступая на службу в архив, хотят соединить свои интересы с интересами архива. Наука от этого иногда выигрывает, но это эгоистично. Мы не должны руководствоваться интересами одного лица, посвящая свою работу лишь одной группе вопросов и небрежно относясь к остальному архивному фонду, – от этого может пострадать постановка всего научного дела».

Николаев подчеркивает, что архивист должен быть человеком просвещенным, ценящим и любящим документы, хорошо подготовленным в двух направлениях:

- 1) он должен знать архивный фонд;
- 2) должен знать историю предмета и знакомиться с теми вопросами, на которые отвечает тот или иной архив.

Заключительные фразы курса лекций подводят итог его неоднозначным размышлениям над тем, что такое архив, наука об архивах и современный архивист:

«Искусное сочетание теоретического знания со знанием техники архивного дела приведет к успешной и планомерной работе. Из всего сказанного ясно, что мы стоим перед развивающимся живым организмом, форма которого еще не носит вполне устойчивого характера.

Первая основная наша задача – планомерное собирание того архивного материала, который должен быть внесен в данный архив, в данное отделение.

Вторая наша задача – разработка архивного фонда, сохранение его, восстановление в том случае, если он разрушен, составление правильного инвентаря.

Дальнейшие задачи подскажет сама жизнь»¹⁴³.

На 1-й конференции архивных деятелей Петрограда (25–28 мая 1920 г.) он развил мысли по данному вопросу, выступив с докладом «Подготовка архивных работников». Как указывал в отчете о работе конференции ее активный участник С.А. Аннинский (в печати того времени выступал под псевдонимом С. Ан-ский), честь созыва конференции принадлежит Совещанию управляющих петроградскими отделениями Главархива и главным образом его председателю А.С. Николаеву¹⁴⁴. А.С. Николаев видел задачу Совещания в координации жизни отделений в Петрограде и предоставлении материала для дальнейших законодательных работ. Именно после рассмотрения на Совещании докладов руководителей специально создаваемых по отдельным вопросам комиссий А.Н. Макарова, И.А. Блинова, П.А. Шафранова, Г.А. Князева, К.Я. Здравомыслова и других СНК РСФСР во главе с В.И. Лениным утвердил в 1919 г. ряд законодательных актов. Наиболее известные из них: «Об архивах и делах расформированной прежней армии» (27.03), «О губернских архивных фондах (Положение)» (31.03), «О хранении и уничтожении архивных дел» (31.03), «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей,

композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях» (29. 07) и др. Таким образом, Совещание обеспечивало научный фундамент законодательной деятельности правительства в архивном деле.

Не случайно участники 1-й конференции архивных деятелей Петрограда (в частности, председатель НТК А.Н. Макаров и председатель комиссии по выработке правил для составления архивных описей и указателей И.А. Блинов) охарактеризовали Совещание как орган Главархива, наиболее осведомленный о работе на местах, наиболее энергичный и деятельный в разработке необходимых вопросов архивного законодательства и техники организации научной работы.

Именно здесь в первый раз прозвучала оценка архивной реформы, провозглашенной декретом от 1 июня 1918 г., как «не представляющей идейно ничего нового, поскольку о ней не первое уже десятилетие думали и писали лучшие знатоки архива в России, нетерпеливо и упорно добиваясь ее осуществления». Но, как пишет Аннинский, к моменту издания декрета реформа оказалась до крайности необходимой и не только по принципиальным соображениям: катастрофическое положение множества архивов, оставшихся без всякого призора после ликвидации ведомств, требовало немедленной помощи чисто практическими мерами и притом в государственном масштабе.

Среди представленных на конференции докладов были следующие: «Архивное законодательство за последние годы и деятельность Научно-технической комиссии» (А.Н. Макаров, председатель комиссии, автор цитировавшейся ранее работы о проекте архивной реформы барона Розенкампа), «Об архивной терминологии» (Г.А. Князев, представитель II отделения III секции б. Морского архива), «О подготовке архивов для пользования ими с научной целью» (П.А. Шафранов, член Совещания управляющих), «Составление обзоров архивных дел» (С.Н. Валк), «Так называемый Секретный архив II отделения IV секции» (о Синодальном секретном архиве, член Совещания К.Я. Здравомыслов), «О библиотеках при Отделениях ЕГАФ» (А.И. Андреев).

На одном из пленарных заседаний В.Н. Бенешевич выразил общее мнение присутствующих (которое, как показали дальнейшие события, оказалось преувеличенным) о том, что традиционный антагонизм прежнего ведомственного архива и ученого-исследователя окончательно преодолен в связи с приня-

тием декрета от 1 июня 1918 г., который он назвал «Декларация прав науки в архивах».

Об особенностях научной работы в это время дают наглядное представление следующие слова Аннинского: «Казалось, в неизбежно трудных условиях современности голодные и холодные люди, утомленные морально и физически, день изо дня, в пыли и духоте летом и при температуре ниже нуля градусов зимой, отдающие последние силы труду – сегодня над изысканнейшими научными вопросами, завтра – так же безропотно – над переноской и упаковкой архивных материалов, – не могут откликнуться на призыв центра. Действительность превзошла самые оптимистические ожидания. Многолюдность собраний, оживленные прения – это несомненный успех дела, который следует приписать подъему и воодушевлению среди рядовых тружеников».

И затем следовали слова, которые послужили основной причиной недовольства будущего руководства Главархива, в первую очередь М.Н. Покровского, чьи взгляды на архивное дело были прямо противоположны надеждам ученых.

Приведем эту «крамольную» оценку, вполне соответствующую взглядам большинства историков-архивоведов сегодня: «Перед молодым Главархивом сразу стал ряд вполне конкретных задач, требовавших быстрого разрешения и часто выходивших из рамок всякой дотоле существовавшей теории. Обширный и свежий кадр высококвалифицированных работников под руководством крупнейших специалистов исторической науки и архивоведения охотно взялся за дело, внося сознательную и бодрую инициативу даже в черновые задания. Главное управление, по мере сил и времени, давало некоторые общие указания руководящего характера, но все же *центр архивной работы лежал в личной инициативе и инициативе на местах*»¹⁴⁵.

Таким образом, помимо собственной воли А.С. Николаев оказался во главе объединения петроградских «вольнодумцев» в их противостоянии «московскому центру».

Поскольку с начала 1920-х годов прошлого столетия судьбы отечественного архивного дела, науки об архивах и архивистов во многом стал определять академик М.Н. Покровский, яркий, по-своему талантливый ученый и убежденный в своей идейной правоте коммунист, целесообразно проанализировать его роль в разрушении преемственных связей в архивной науке.

М.Н. Покровский

Михаил Николаевич Покровский (1868–1932)¹⁴⁶ – историк, руководитель Главархива с сентября 1920 г. и до конца жизни.

После окончания Московского университета по рекомендации В.О. Ключевского был оставлен для приготовления к профессорскому званию, но революционные события 1905 г. перечеркнули его начавшуюся карьеру ученого-историка «московской школы». Он вступает в ряды большевиков и вскоре эмигрирует из России. В 1907 г. участвует в работе V съезда РСДРП и избирается кандидатом в члены ЦК.

В эмиграции издает свой главный труд – пятитомную «Русскую историю с древнейших времен», представляющую собой красочное, темпераментное изложение марксистской схемы социально-экономического развития России. По заключению В.Б. Кобрин, «когда знакомишься с его трудами, возникает впечатление, что Покровский искал в трудах своих предшественников и в источниках факты, подтверждающие уже сложившиеся у историка концепции. Именно так открывался путь для того, чтобы историк стал не искателем истины, а слугой идеологии и тем самым перестал быть ученым»¹⁴⁷. В октябрьские дни 1917 г. М.Н. Покровский стал первым председателем СНК Москвы и Московской области. Он первым высказался за необходимость в дни вооруженного противостояния в Москве решительных боевых действий, включая артиллерийский обстрел Кремля.

С мая 1918 г. после вступления в должность заместителя наркома просвещения и до последних дней жизни практически возглавлял все ведущие научные учреждения страны, решительно перестраивая их в соответствии с коммунистической идеологией.

Покровский был инициатором идеологических «чисток» научных кадров, разгрома АН СССР, в частности стоял у истоков «академического дела».

После смерти Покровского в апреле 1932 г. его имя, а также так называемая школа Покровского были подвергнуты ожесточенной критике Сталиным и его окружением. Правда, многие его исторические концепции и идеи, официально названные вульгарно-социологическими, были фактически взяты на вооружение партийно-идеологическим руководством и долгие годы использовались.

В области архивного строительства М.Н. Покровский активно боролся против «рязановщины». Он добился перевода Главного

управления архивным делом из ведения Наркомпроса в подчинение ВЦИК (1921), придав ему статус государственного учреждения с отчетливо выраженными политическими функциями, а также принятия «Положения о Центрархиве РСФСР» (1922), в соответствии с которым в состав ЕГАФ были отнесены все архивные документы, как находящиеся в архивохранилищах, так и не находящиеся в них, но состоящие на учете Центрархива. При этом главное внимание уделялось особо важным в историко-революционном отношении актохранилищам на всей территории РСФСР.

Он добился сосредоточения в руках Управления Центрархивом исключительного права издания всех архивных документов. Так, в проекте постановления Президиума ВЦИК «О введении в действие Положения о порядке издания архивных материалов» и соответствующем положительном заключении Наркомюста от 18 августа 1923 г. говорилось: «Ввиду повторяющихся случаев хищнического издания архивных материалов как в пределах РСФСР, так и за границей, выпуска в свет спекулятивных изданий таких материалов в произвольно комбинированных выборках и отсутствия планомерности в столь важном деле, как издание исторических, историко-культурных и специально относящихся до разных отраслей государственной жизни документов и материалов, а равно в целях установления ответственного государственного центра за все дело выпуска в свет и распространения в РСФСР изданий архивных материалов, составляющих достояние Республики, ВЦИК постановляет сосредоточить в руках Управления Центрархивом РСФСР исключительное право выдачи разрешений на издание архивных материалов»¹⁴⁸.

Вводилось также четкое деление на архивы Октябрьской революции, которым придавалось приоритетное значение, и исторические архивы, которым отводилась второстепенная роль. Сам Покровский программу архивного строительства публично формулировал следующим образом: «Я считаю, что в данный момент нам нужно на некоторые архивы навесить замок: нельзя держать людей науки около бумаг, которые могут через 30 лет заинтересовать исследователя. Нужно устремить все внимание на документы, которые представляют ударный интерес в смысле ценности для настоящего момента»¹⁴⁹.

Разъясняя критерий ценности, он определял архивные документы как «колоссальный арсенал политического оружия».

В 1929 г. Покровский теоретически обосновал необходимость «великого перелома» в науке, провозгласив тезис: «Ис-

тория, политика прошлого, чрезвычайно увязана с политикой настоящего. Само собой разумеется, что мы постараемся, чтобы будущее поколение историков, которое не только идет за нами, но которое уже пришло, уже работает с нами, было на все сто процентов нашим»¹⁵⁰.

В выступлении на 2-м съезде архивных работников РСФСР (25 мая – 1 июня 1929 г.) он заявил, что Центрархив не собирается издавать «барахло» вроде документов по древнерусской истории, поскольку «от политики это чрезвычайно далеко», и отстаивал приоритетность «черновых» изданий хрестоматийного характера, которые должны иллюстрировать партийные оценки тех или иных явлений в интересах преподавателей комвузов, совпартшкол, наших вузов и даже преподавателей школ¹⁵¹.

В 1929 г. Покровский возглавил ЦАУ СССР, оставаясь формально и заведующим ЦАУ РСФСР. В марте 1930 г. им было подписано ходатайство коллегии ЦАУ СССР в Президиум ЦИК и СНК об образовании специального высшего учебного заведения с двухгодичным курсом (типа рабфака), который стал прообразом открытого 1 апреля 1931 г. Института архивоведения (сегодня Историко-архивный институт РГГУ). Правда, личного участия в его создании и работе Покровский уже не принимал. То же самое можно сказать и о его работе в созданной им советской архивной системе. Он писал в личном секретном письме председателю ЦКК ВКП(б) и наркому РКМ «дорогому товарищу Серго» (Г.К. Орджоникидзе) 31 августа 1930 г.: «Я лично около 10 лет близко наблюдал работу Центрархива, но с 1928 года (по болезни и загруженности) в Центрархиве не работал, а в 1930 году вообще считаю себя лично уже ушедшим»¹⁵².

Последними его действиями были безуспешные попытки заступиться перед Сталиным за некоторых из своих давних и ближайших соратников. Но к власти уже приходили новые руководители сталинской выучки, для которых и Покровский представлялся мягкотелым и слишком ученым.

Итак, Петроградское отделение УАД, которое формально возглавлял с 16 июля 1918 г. С.Ф. Платонов, но душой которого был председатель Совецания управляющих петроградских отделений ЕГАФ и заведующий Архивными курсами при Петроградском археологическом институте А.С. Николаев, не признало своего иерархического подчинения московскому Управлению архивным делом. Оно, по их мнению, стало главным по формальному признаку после переезда правительства из Петрограда в новую

столицу – Москву. Даже в официальных документах петроградские архивисты называли себя не областным управлением, а Главным управлением архивным делом в Петрограде. Вначале это выглядело как проявление традиционного противостояния старой и новой столиц России, но затем приобрело оттенок политической борьбы. Так, А.Е. Пресняков в 1917 г. охарактеризовал различия в научном менталитете историков – представителей петроградской и московской школ следующим образом: «Москвичей объединяет слишком теоретический взгляд на источники, они берутся как иллюстрации к положениям защищаемой историко-социологической доктрины, историков петро-градской школы, воспитанных в аудитории С.Ф. Платонова, – конкретное, непосредственное отношение к источнику и к факту вне зависимости от историографической традиции»¹⁵³.

Такого рода противоречия и разногласия, если они и преувеличены в силу чрезмерного стремления привести индивидуальное своеобразие каждого представителя условно названных школ к общему знаменателю, все-таки плодотворны для развития науки в целом.

Любое сопротивление петроградских архивистов даже самым непрофессиональным распоряжениям московского центра расценивалось как оппозиция советской власти. Жертвами этого противоборства стали в конечном итоге Николаев и почти все его единомышленники в Петрограде.

Уже 23 августа 1920 г. в связи с отъездом Д.Б. Рязанова из Москвы в научную зарубежную командировку обязанности заведующего Главархивом были возложены на М.Н. Покровского, который сразу же стал выявлять в архивных ведомствах и учреждениях «ненаших людей», опираясь на поддержку высших партийно-государственных органов. Вспоминая в 1928 г. обстоятельства своего назначения на пост руководителя архивной системы, Покровский писал, что вернувшись в 1920 году из Казани ветеран-ленинец, «обладавший верным большевистским чутьем В.В. Адоратский, посетил московские архивы». Это, по словам Покровского, «на него, человека, не каждый день ходившего в архив, как я, а после некоторого промежутка нюхнувшего этой атмосферы, произвело головокружительное впечатление. Везде сидят не наши люди, и у них в руках наши бумаги, наши дела. Верное большевистское чутье т. Адоратского подсказало, что творится что-то неладное. В.В. Адоратский подошел к Ленину и стал говорить, что за безобразие происходит и нельзя ли этому положить конец, т. е. тому, что наши

архивы находятся в руках чужих людей»¹⁵⁴. В результате приход осенью 1920 г. к руководству Главархивом по направлению ЦК коммунистической партии М.Н. Покровского и В.В. Адоратского в официальной историографии конца 30-х годов расценивался вполне определенным образом: «Двурушничество руководство Главархивом было снято, и аппарат Главархива был укреплен коммунистами. Это дало возможность очистить ряды архивных работников от наиболее контрреволюционных элементов»¹⁵⁵.

Направленный Покровским со специальным заданием «почистить» ряды петроградских архивистов представитель московского центра В.В. Максаков охарактеризовал результаты своей работы как победу над «оппортунистическим руководством архивным делом 1918–1920 гг., опиравшимся в своей деятельности на классово чуждые и политически враждебные элементы из Союза российских архивных деятелей»¹⁵⁶.

Поскольку жизнь и деятельность В.В. Максакова подверглись в историко-архивоведческой литературе противоречивым оценкам, приведем аналитический очерк, составленный главным образом на основании архивных материалов, в том числе представленных его дочерью Л.В. Максаковой.

В.В. Максаков

Владимир Васильевич Максаков (1886–1964) – историк-архивист, архивовед, профессор. Участник революционного движения с 1903 г., активный участник архивного строительства после 1917 г. и один из руководителей архивного дела в СССР.

В.В. Максаков родился в с. Можары Рязанской губернии. Отец был сельским учителем, в последние четыре года жизни – дьяконом местной церкви. В 11 лет Максаков остался сиротой. Учился в Тамбовской духовной семинарии, откуда был исключен в 1901 г. за участие в ученических беспорядках.

Как писал Максаков в автобиографии, в социал-демократическую партию он вступил в Иркутске, причем сразу после II съезда РСДРП примкнул к большевикам. Заведовал транспортом нелегальной литературы. В 1910–1912 гг. жил в Одессе.

Свою журналистскую деятельность Максаков начал в газете «Раннее утро», редактором которой был В.В. Воровский, сначала в качестве корректора, затем – выпускающего. Одновременно писал корреспонденции в газеты «Звезда» и «Правда».

В сентябре 1912 г. Максаков поступил в Народный университет А.Л. Шанявского. Во время учебы давал частные уроки. После окончания учебы в 1917–1918 гг. работал в большевистской газете «Пролетарий».

Есть сведения о том, что в 1917 г. он примыкал к группе независимых социал-демократов – левых интернационалистов во главе с Г.Д. Лейтенzenом (Линдовым).

В 1918 г. начал работать в архивной системе. По рекомендации М.Н. Покровского был назначен управляющим Московским историко-революционным архивом, а затем управляющим Архивом Октябрьской революции. В 1921 г. стал членом коллегии и ученым секретарем Центрархива.

В 1927 г. его назначили заместителем заведующего Центрархива РСФСР, а в 1929 г. после образования ЦАУ СССР – заместителем заведующего этого управления по совместительству. На этой должности работал до 1934 г.

В своей работе Максаков отдавал приоритет не собиранию, научной обработке и сохранению архивных документов, а их использованию в интересах революции, полностью следуя в этом плане указаниям М.Н. Покровского: «В условиях пролетарской диктатуры, в условиях обострения классовой борьбы, нам нужно проявить многогранность в нашей работе, уметь в один и тот же момент дать все, что мы имеем в самых разнообразных формах: в форме выявления по архивным документам вредителей, белогвардейцев, бывших секретных сотрудников, в форме выявления документов, рисующих роль меньшевиков, троцкистов и т. д., выявляя документы, которые говорят о необходимости перестройки тех предприятий, которые строятся сейчас неумело, а подчас и вредительно. Иногда нужно бросить в массы один документ, который может иметь огромный политический эффект»¹⁵⁷.

Сразу после основания в 1923 г. журнала «Архивное дело» В.В. Максаков стал заместителем ответственного редактора. Он много и плодотворно работал в журналах «Красный архив», «Вопросы архивоведения» и «Исторический архив», где был членом редколлегии.

С 1921 по 1927 г. Максаков, работая в Центрархиве, активно участвует в деятельности Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории российской коммунистической партии (Истпарта) ЦК ВКП(б), сначала в должности научного сотрудника, а затем заместителя заведующего.

В 1934 г. его в ходе «чистки» архивного главка сняли с руководящей должности в ЦАУ и направили на работу в Коммунистическую академию на должность директора библиотеки.

В 1937 г. он был на грани репрессий, а может быть, и гибели в связи с обвинением в поддержке «врагов народа», поскольку пытался заступиться за коллег. Как свидетельствует его дочь Л.В. Максакова, ее мать – жена Владимира Васильевича – настояла на том, чтобы они временно уехали из Москвы в глухое место, расположенное на краю области. Но и там каждую ночь они ждали ареста. Судьба пощадила Максакова. Он избежал репрессий.

Власти ограничились вынесением ему строгого выговора по партийной линии с формулировкой «за потерю большевистской бдительности по отношению к врагу народа Вегману и непринятие мер к сдаче личной библиотеки Радека».

Наряду с научной и административно-организационной деятельностью огромное место в жизни Максакова занимала педагогическая работа. Он начал ее в 1925 г. в 1-м МГУ, где был организован архивный цикл. В 1928–1930 гг., вплоть до его ликвидации (расформирования), В.В. Максаков заведовал там кафедрой архивоведения.

Открытый в 1931 г. Институт архивоведения (впоследствии – Историко-архивный институт) – во многом результат хлопот В.В. Максакова, М.С. Вишневого и поддержавшего их инициативу М.Н. Покровского¹⁵⁸.

В течение многих десятилетий Максаков, возглавивший кафедру истории и организации архивного дела (с 1938 г.), вел активную борьбу за приоритет в Историко-архивном институте историко-архивоведческих дисциплин. Под его редакцией были изданы восемь «Сборников материалов по истории архивного дела в СССР» (1940–1941 гг., второе издание – 1952 г.), «Очерки по истории и организации архивного дела» И.Л. Маяковского (Ч. 1. 1940), путеводители по ЦГАОР, ЦАКА, ЦГАДА, ЦГАЛИ (1946–1950). Он – автор статьи «Архивы в СССР» (БСЭ. Т. 3. 1950) и других статей по археографической тематике.

В 1969 г., через пять лет после смерти Максакова, был издан его главный труд «История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.)», который стал результатом многолетних исследований и подведением собственных жизненных итогов. Являясь одним из основателей Историко-архивного института, Максаков принадлежал к наиболее ярким преподавателям истории архивного дела. Как вспоминают его ученики, свой предмет

он всегда излагал на фоне общей истории. Экскурсы в прошлое переносили студентов в атмосферу того времени, о котором шла речь в лекции, хотя, как правило, они были точным отражением официальных взглядов на отечественную историю.

Учитывая исполнимость Макасова, Покровский поручил ему выполнить важное партийное дело – «чистку» архивных кадров в Петрограде. Одним из первых сигналов к развязыванию политической кампании против архивистов послужила публикация «Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г.» (частное кооперативное издательство «Задруга», 1918), составленная по архивным материалам б. Московского охранного отделения сотрудниками одной из секций ЕГАФ С.П. Мельгуновым (он будет репрессирован и выслан из страны) и также репрессированным позднее историком М.А. Цявловским, впоследствии видным литературоведом-пушкинистом.

Это была историко-археографическая работа, в которой в качестве материала для исследований будущим ученым предлагались документы по истории большевизма в том виде, в каком они отложились в фонде жандармского управления. Однако пришедшая к власти партия не согласилась с тем, чтобы ее историю писали ученые, основываясь на архивных документах. Потом это отрицание «буржуазного объективизма» распространилось на историю Октябрьской революции, а затем и на всю историю в целом. Так ученые постепенно теряли свои права на архивы, а архивные *деятели* (архивисты-исследователи) стали в подавляющем большинстве архивными *работниками*, теми, кого А.С. Николаев называл архивариусами – честными исполнителями заказов пользователей со средним и низшим образованием. Несогласные были репрессированы, причем репрессии начались с «чистки» Петроградского отделения Главархива.

С.П. Мельгунов

Для иллюстрации того, как устранялись из архивов ученые, и более детального анализа дела с «Задругой» приведем очерк жизни и деятельности Сергея Петровича Мельгунова (1880–1956)¹⁵⁹.

С.П. Мельгунов – историк, архивист, основатель и глава частного издательства «Задруга», редактор журнала «Голос минувшего», активный участник архивного строительства в первые послереволюционные годы. Родился в Москве, в старинной обед-

невшей дворянский семье. Один из его предков (А.П. Мельгунов, 1722–1788) основал в Ярославле первую в России масонскую ложу.

Уже в гимназии под влиянием трудов Я.Н. Щапова юноша заинтересовался темой раскола в Русской православной церкви, которая станет одной из направляющих тем в его научном творчестве.

В 1899 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где его способности к научному творчеству высоко оценили В.И. Герье и В.О. Ключевский. В университете Мельгунов начал принимать активное участие в студенческом движении, в результате чего уже в 1901 г. был привлечен к полицейскому дознанию.

Важной страницей его жизни стало сотрудничество в 1900–1916 гг. в газете «Русские ведомости», которая считалась рупором либеральной части общества. Здесь он опубликовал ряд статей о сектантах и вскоре оказался единственным специалистом по церковным вопросам. С этим направлением деятельности связаны его личные контакты со Львом Толстым в 1905 г. и публикация статьи Толстого «Не убий никого» на страницах «Русских ведомостей» в 1907 г. После окончания в 1904 г. Московского университета и короткого периода работы преподавателем истории в московских гимназиях он отбывал воинскую повинность в Ростове Ярославском.

Во время прохождения им воинской службы полковому начальству предписывалось ограждать нижних чинов «от вредного влияния» Мельгунова, а в дальнейшем охранное отделение запретило ему читать лекции и, как указывалось в полицейском предписании, выступать с речами, «в особенности в народных университетах».

В 1906 г. Мельгунов вступил в партию конституционных демократов, где примкнул к ее левому крылу, но вскоре вышел из нее и перешел на позиции народно-социалистической партии, «созданной теми последователями народничества, для которых была неприемлема революционная тактика социалистов-революционеров».

В 1911 г. он основал кооперативное издательство «Задруга», в котором издавал, в частности, журнал «Голос минувшего» (1913–1923).

Мельгунов приветствовал Февральскую революцию.

В марте 1917 г. его назначили ответственным за обследование и прием архивов Министерства внутренних дел, а также

Московской духовной консистории и миссионерского совета. 22 марта при Временном правительстве была создана Комиссия по разработке политических дел г. Москвы (известная в литературе также как Архив политических дел Москвы), которую возглавил С.П. Мельгунов. Получив доступ к засекреченным ранее документам бывшего режима, он начал уже с 1918 г. публиковать в издательстве «Задруга» выпуски «Материалов по истории общественного и революционного движения в России» (под ред. С.П. Мельгунова и М.А. Цявловского). В 1918 г. предполагалось издать тома «1905 год», «Майский погром в Москве в 1915 году» и «Ходынка». Однако серия ограничилась лишь выпуском в 1918 г. (двумя изданиями) сборника «Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения». Появление книги было истолковано новой властью как контрреволюционное искажение истории большевизма. Постановлением от 19 апреля 1918 г. комиссия во главе с Мельгуновым была распущена и вместо нее под руководством председателя правительства Москвы М.Н. Покровского создан архивно-политический отдел при СНК Москвы и Московской области.

Обратившись к Покровскому за разъяснениями о причинах роспуска комиссии, Мельгунов получил ответ, что комиссия еще в ноябре 1917 г. должна была перейти в ведение новой власти, но в то время «люди, казавшиеся заслуживающими доверия, убедили нас, что в комиссии преобладают элементы, если не прямо нам дружественные, то, во всяком случае, строго нейтральные, что там ведется чисто научная работа». Но книга «Большевики», по словам Покровского, жестоко разбила эти приятные иллюзии: «нас вольно или невольно обманули», деятели комиссии – «отнюдь не объективные ученые, а публицисты, резко враждебные Советской власти, смотрящие на архив как на оружие в борьбе с этой властью»¹⁶⁰.

Это не было полной правдой по отношению к историко-документальному изданию «Большевики», в котором опубликованы полицейские разработки сюжетов о провокаторах в большевистской среде, о специфических методах финансирования партии, в том числе за счет «немецких денег», и т. д. Но определенный политический резон в словах Покровского был, поскольку Мельгунов уже с весны 1918 г. действительно включился в борьбу против советской власти, став членом Союза возрождения России: вначале заместителем его председателя В.А. Мякотина, а после его отъезда на Юг для связи с Добровольческой армией – лидером Союза.

С этого времени Мельгунов перешел на полулегальное положение. Его пять раз арестовывали, он не избежал тюрьмы ВЧК на Лубянке, но благодаря хлопотам П.А. Кропоткина, В.Н. Фигнер и Российской академии наук его освобождали.

В августе 1922 г. Мельгунов и почти весь коллектив товарищества «Задруга» были высланы в эмиграцию. За рубежом (в Берлине, а с 1926 г. в Париже) он продолжил издательскую деятельность и взялся за создание единого антикоммунистического движения русской эмиграции, не исключая при этом возможности иностранной интервенции для достижения поставленной цели.

В своем еженедельнике «Борьба за Россию» он опубликовал серию статей, освещающих тему ЧК и «красного террора». Эти и другие работы легли в основу его книги «Красный террор в России (1918–1923)», изданной в 1923 г. в Берлине, переведенной на многие языки и в 1990 г. переизданной в СССР.

В 1930–1940-е годы он издавал свои историко-публицистические книги «Трагедия адмирала Колчака» (Т. 1–3. Белград. 1930–1931), «Золотой немецкий ключ большевистской революции» (Париж, 1940) и др.

В годы Второй мировой войны С.П. Мельгунов решительно отвергал любые формы сотрудничества с нацистами. В то же время он противостоял попыткам любого сотрудничества с советской властью.

В 1948 г. создал и возглавил Союз борьбы за свободу России, председателем которого оставался до конца жизни, одновременно в 1951 г. возглавив еще и Координационный центр антибольшевистской борьбы.

Вплоть до последних дней он не прекращал и историко-публицистическую деятельность.

Б.И. Николаевский

Аналогично сложилась судьба и другого видного историка-архивиста тех лет – Бориса Ивановича Николаевского (1887–1966)¹⁶¹.

Политический деятель, политолог, публицист и историк-архивист Б.И. Николаевский родился в г. Белебее (Башкирия) в семье православного священника. В 1898 г. он поступил в Самарскую гимназию.

За принадлежность к молодежному революционному кружку, хранение и распространение социал-демократической литера-

туры был арестован. Выйдя из полугодового тюремного заключения, вошел в РСДРП и вскоре примкнул к ее меньшевистскому течению. Николаевский не получил высшего образования, не окончил даже гимназию, но был на редкость образованным человеком. В промежутках между тюрьмами и ссылками он занимался журналистикой.

После Февральской революции Николаевский работал в Комиссии по ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции при Министерстве юстиции, созданной в марте 1917 г. во главе с В.Л. Бурцевым, а после ее ликвидации в июне – в особой комиссии по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений за время с 1905 по 1917 г., работавшей при Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, которую возглавил П.Е. Щеголев. Николаевский многое сделал для сохранения архива Департамента полиции.

После Октябрьских событий 1917 г. он приступил к исследованию социально-политической истории России, опираясь в основном на документы этого архива, и остался верным этой теме в течение полувека. Принимал участие в выработке проекта создания ГУАД и проведении реформы архивного дела в 1918 г. Затем Д.Б. Рязанов пригласил его на должность инспектора Главархива.

С 1919 по февраль 1921 г. Николаевский возглавлял Московский историко-революционный архив, одновременно налаживая работу государственной архивной службы, спасая брошенные архивы. В частности, им был найден личный архив министра внутренних дел А.Е. Тимашева.

Б.И. Николаевский сотрудничал с военно-исторической комиссией, созданной в августе 1918 г. для выявления и сбора документов российской армии, а с августа 1919 г. – документов Красной Армии.

В 1918–1919 гг. по поручению меньшевистской партии он выезжал в Сибирь, где посещал сибирские архивы. По материалам архивов канцелярий генерал-губернаторов Степного края и Восточной Сибири написал ряд очерков о пребывании декабристов в Иркутске, на Александровском и Николаевском заводах.

Изучая документы Московского охранного отделения во вверенном ему архиве, нашел ряд новых документов, связанных с предательской деятельностью Азефа. Основанная на этих матери-

алах книга «История одного предательства» вышла в свет, когда Николаевский находился в Бутырской тюрьме, арестованный ВЧК вместе с другими членами меньшевистского ЦК.

Его место руководителя Московского историко-революционного архива занял В.В. Максаков, а сам архив в сентябре 1920 г. вошел в состав III отделения Госархива РСФСР, которому передавались все материалы учреждений дореволюционного сыска. Оценивая смысл этой концентрации, проводившейся с 1921 по 1926 г., Николаевский сообщал в письме к В.Л. Бурцеву, что ГПУ и истпарты на основе этих материалов составляют списки всех лиц, имевших когда-либо отношение к эсерам и меньшевикам: «Все когда-либо к таким делам причастные выясняются насчет их теперешних связей и пр., затем их вызывают в ГПУ и требуют подписки. В случае отказа бывают высылки лиц даже совсем отошедших – чуть ли не ушедших еще до революции, черт знает что такое! Пойти в ссылку за то, что уже раз был в ней лет 15–20 назад по меньшевистским делам?»¹⁶²

В борьбу за спасение Б.И. Николаевского и его товарищей по партии из Бутырской тюрьмы включились Д.Б. Рязанов и, как предполагал исследователь жизни и научной деятельности Николаевского В.В. Крылов, А.И. Рыков (на сестре Рыкова был женат брат Б.И. Николаевского Владимир).

После длительной голодовки Николаевский вместе с Ф.И. Даном, его женой Л.О. Дан-Цедербаум (сестрой Ю.О. Мартова) и другими видными меньшевиками получили приказ выехать из страны под угрозой быть подвергнутыми смертной казни в случае последующего обнаружения их на ее территории.

19 января 1922 г., в день отъезда в Берлин, Николаевский направил П.Е. Щеголеву письмо со следующим предложением: «В Германии я буду, конечно, нуждаться в заработке. Нельзя чего-нибудь через Музей революции? Я мог бы великолепно наладить соби́рание заграничных изданий – новых и старых, мог бы поставить дело обыска эмигрантских архивов и пр. Связей для этого у меня будет достаточно. Но, конечно, нужны деньги»¹⁶³.

В Берлине Николаевский создал историко-революционный журнал «Летопись революции», который, по его словам, преследовал цель изучения истории революционных движений и соби́рания материала.

Многие годы своей жизни Б.И. Николаевский отдал сохранению и развитию Русского социал-демократического архива (впоследствии – Русский архив социал-демократии), который

был основан в Берлине еще в начале 1910-х годов кн. И.Д. Бебутовым и находился позже на попечении студента-медика Г.М. Вязьменского. Благодаря усилиям Николаевского к началу 1930-х годов Русский архив социал-демократии стал крупнейшим архивом русской эмиграции.

Летом 1923 г. в Берлин приехал в качестве директора Института Маркса и Энгельса (ИМЭ) Д.Б. Рязанов, который вел переговоры с правлением СДПГ о получении у владельца-распорядителя архива Маркса и Энгельса Э. Бернштейна прав на издание полного собрания их сочинений на языке оригинала и фотокопирование рукописей. Рязанов привлек Николаевского к сотрудничеству в качестве научного корреспондента и уполномоченного ИМЭ.

С конца 1924 г. в течение трех лет Николаевский проводил научное описание, систематизацию и каталогизацию десятков тысяч рукописей, отправляя в ИМЭ один экземпляр описи и копии, сделанные на фотостате. Эти материалы составили основу фондов документов Маркса и Энгельса. Кроме того, он выявлял рукописи Маркса и Энгельса в Прусском государственном архиве, снимал копии, просматривал подшивки газет и журналов, а также библиотеку Маркса и Энгельса и другие книги, которыми они пользовались. Одновременно в качестве научного корреспондента ИМЭ приобретал рукописные архивы, копии документов, целые библиотеки и отдельные книги у деятелей русского социал-демократического движения, оказавшихся в эмиграции, а также у европейских социал-демократов и ученых. Многие источники, найденные Николаевским в архивах, были опубликованы в таких изданиях, как «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», «Ленинские сборники», а также «Каторга и ссылка», «Летописи марксизма» и др.

В различных органах печати впервые увидели свет найденные Б.И. Николаевским письма В. Засулич, А. Герцена, П. Кропоткина, П. Лаврова, Ж. Санд, стихотворения И. Тургенева и т. д. Однако после того, как на рубеже 1920–1930-х годов Сталин объявил, что «нынешний социал-демократизм есть идейная опора капитализма», а крупнейших европейских социал-демократов назвал «социал-предателями», контакты Николаевского с зарубежными владельцами архивов были прекращены.

В 1930 г. правление СДПГ расторгло договор на использование партийного архива ввиду того, что публикации работ Маркса и Энгельса в СССР сопровождаются антисоциалистическими предисловиями и комментариями.

В апреле 1931 г. независимый прежде ИМЭ был практически ликвидирован. Рязанова сняли с поста директора, а затем репрессировали. Не у дел оказался и Николаевский, которого перестали печатать в СССР, а в феврале 1932 г. лишили советского гражданства.

После прихода Гитлера к власти Николаевский сделал все возможное, чтобы спасти Русский архив социал-демократии. Он пытался вывезти его в Париж, причем лично отобрал для отправки в первую очередь рукописи и печатные материалы Маркса и Энгельса, архив I Интернационала, а также архив СДПГ, упрятав его внутри ящиков под кипами материалов русской эмиграции. Вместе с документами Русского архива Николаевский также переехал в Париж. Здесь он работал в Институте исторических исследований и одновременно являлся официальным представителем Международного института социальной истории. В феврале 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о покупке архива СДПГ и направило в Париж для переговоров специальную делегацию во главе с Н.И. Бухариным. Но переговоры, в которых Николаевский принимал участие в качестве эксперта, после двухмесячной работы закончились безрезультатно.

Л.Д. Троцкий накануне своей депортации в 1936 г. из Норвегии в Мексику передал часть своего архива Николаевскому для хранения в парижском отделении Международного института социальной истории. Однако агентами ОГПУ–НКВД многие материалы оттуда были похищены в результате налета. Среди похищенного оказалась, в частности, переписка Троцкого с американским историком М. Истменом и его женой Е.В. Крыленко в 1929–1933 гг.

В 1940 г. в связи с угрозой фашистской оккупации Парижа Б.И. Николаевский переправил архивную коллекцию по частям в Голландию (Гаага) и США, а часть закопал в предместье французской столицы. Этот чемодан с рукописями он вырыл, вернувшись в Париж после войны.

Некоторые оставшиеся во Франции документы Русского архива и его библиотека были захвачены специальной группой из ведомства А. Розенберга, их перевезли в Институт иудаизма и большевизма во Франкфурте-на-Майне, затем они бесследно исчезли.

С ноября 1940 г. Николаевский проживал в США, где вел работу по разоблачению преступлений сталинского режима и издал многочисленные сборники документов, категорически отказываясь публиковать те из них, которые вызывали у него как ученого профессиональное недоверие.

В течение почти сорока лет он собирал документы по истории русского масонства. Их опубликовали со значительными искажениями уже после его смерти.

Перед самой кончиной Николаевский передал основную часть своего архива Гуверовскому институту войны, революции и мира стал его хранителем. Умер он, не успев увидеть опубликованным свой последний труд – библиографический указатель «Социал-демократическая меньшевистская литература».

I Всероссийская конференция архивных деятелей и архивоведческая мысль

Трагические судьбы архивистов с начала 1920-х годов показывают, что, как правило, кадровые «чистки» были связаны с «макулатурными» кампаниями. Выявлен механизм этого взаимодействия: распоряжения органов власти об уничтожении «макулатуры» провоцировали наиболее добросовестных профессионалов-архивистов на открытые выступления в защиту архивов, после чего наступала очередь репрессий. Так было и в Петрограде, и по всей стране. Причем степень противодействия органам власти была прямо пропорциональна наличию самостоятельно мыслящих ученых-архивистов. Их число неуклонно уменьшалось от одной «кампании» к другой.

Не случайно именно в связи с обострением противостояния архивов и власти в документах, связанных с историей архивного дела, впервые появляется подпись И.В. Сталина. Так, весной 1921 г. публикуется очередное распоряжение Президиума ВСНХ (А.И. Рыков), наркомпроса (А.В. Луначарский) и наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (И.В. Сталин), в котором говорится: «Вследствие переживаемого бумажной промышленностью сырьевого кризиса учреждается Особая комиссия (Особкомбум), [которой] *предоставляется право изъятия на всей территории РСФСР тряпья, архивных материалов, старой бумаги и обрезков, не представляющих исторической или деловой ценности*»¹⁶⁴ (выделено нами. – Т. Х.). Отметим, что в этом распоряжении опущено традиционное в комплексном определении ценности архивных документов дополнение «и научной».

Ликвидация самостоятельных научных центров архивоведения была предпринята после того, как на состоявшейся в 1921 г. I Всероссийской конференции архивных деятелей, созванной в

противовес петроградской конференции новым руководством во главе с М.Н. Покровским, выявилось полное расхождение взглядов на планы организации архивного дела в стране между «представителями науки архивоведения» (так говорилось в персональных приглашениях, разосланных Главархивом нового состава) и «красными архивистами», которых представляли М.Н. Покровский, В.В. Адоратский и М.С. Ольминский – руководитель комиссии Истпарта, образованной особым декретом от 21 сентября 1920 г.

А.С. Николаев взял слово сразу после В.И. Пичеты, нового заведующего научно-техническим отделом Главархива, доклад которого носил информационно-статистический характер. А.С. Николаев сделал практически отдельный содоклад на тему «Современные задачи архивного строительства». Он повторил все основные мысли состоявшейся ровно за год перед этим петроградской конференции «вольнодумцев», подчеркнув необходимость спасать архивы «от уничтожения не осведомленными в архивном деле советскими работниками» силами профессионалов, которых нужно готовить ускоренными темпами.

М.К. Любавский в докладе «О подготовке архивных работников» дополнил предложение А.С. Николаева расширить деятельность Петроградского археологического института созданием аналогичного Архивно-археографического института в Москве.

Как отметила И.А. Курникова, участники съезда создали специальную комиссию по разработке проекта организации такого вуза, в которую вошли 12 профессоров и преподавателей Архивных курсов при ПАИ, МАИ и соответствующих петроградских и московских вузов: А.С. Николаев, М.К. Любавский, А.Е. Пресняков, И.Л. Маяковский, В.В. Шереметевский, Д.Н. Егоров, С.К. Богоявленский, М.М. Богословский, В.И. Пичета, А.Н. Савин, Н.Ф. Бельчиков, А.Н. Филиппов, а также два представителя пострязановского архивного руководства – В.В. Максаков и В.М. Фриче. В результате комиссия разработала два проекта создания предлагаемого вуза – московских архивистов (В.В. Шереметевский) и петроградских архивистов.

В.В. Шереметевский в своем проекте исходил из названия вуза, в связи с чем предлагал сохранить его традиционное деление на две части: археографическое и архивно-практическое отделения. На археографическом отделении предлагалось главное внимание уделять исторической географии, а также генеалогии и русским древностям.

В учебный план архивно-практического образования намечалось включить дисциплины, преподаваемые на московских Архивных курсах в 1919–1920 гг.: «История России», «История госучреждений», «Теория и практика архивного дела». В.В. Шереметевский предлагал ввести специализацию обучения студентов в зависимости от того, в какой архив пойдут работать выпускники, чтобы заранее знакомить их с составом документов этих архивов.

Учебный план, представленный петроградцами, исключал самостоятельные лекционные курсы по ряду вспомогательных исторических дисциплин (сфрагистике, нумизматике, генеалогии, геральдике и т. д.). Они должны были стать частью курсов палеографии и дипломатики, а также курса «Наука об архивах». На первом курсе предусматривалось чтение лекций по истории архивного дела в России (причем основы знаний по зарубежному архивному делу на Западе предлагалось давать как сравнительный материал). На втором курсе в программу включались вопросы о задачах и методах работы в архивах, архивной терминологии и типах архивов, а также небольшой объем сведений по вспомогательным историческим дисциплинам, нужных в практической работе. На третьем, завершающем, курсе намечалось прочесть курс лекций по технике архивного дела. Уровень преподавания и характер изложения учебного материала определялся тем, что предполагаемый контингент студентов должен был иметь среднее образование.

Наиболее близкое представление об объеме знаний, необходимых будущим представителям классического архивоведения, дал в своем выступлении М.К. Любавский. Как отметила И.А. Курникова, курс был рассчитан на то, чтобы дать студентам глубокую общеисторическую подготовку на высоком уровне научных требований. Первая часть учебного плана предусматривала чтение общеобразовательного курса лекций по русской истории, истории русского права и общественно-политическим дисциплинам (политэкономия и Конституция РСФСР). Вторая часть включала специальные исторические курсы лекций по тематике, определенной структурой ЕГАФ по секциям (история народного просвещения, внешние сношения России и т. д.). Третья часть представляла собой лекции по профессиональным вопросам методики и техники архивного дела с упором на практические занятия по регистрации (учету), чтению и описанию рукописей.

И.А. Курникова говорит о несомненном сходстве этого проекта с учебным планом Петроградского археологического института¹⁶⁵.

Важно подчеркнуть в них концептуальное сходство, свидетельствующее о совпадении взглядов «москвичей» и «петроградцев» в главном – сохранить преемственность высоких научных требований к уровню не только узкопрофессиональных, но и общеисторических знаний будущих архивистов, который характерен для отечественной архивной школы в целом с первых дней ее возникновения.

Отсюда требование А.С. Николаева, В.В. Шереметевского, М.К. Любавского и других ученых продолжить как минимум трехлетний курс обучения будущей архивной молодежи – так назвал студентов Николаев.

М.Н. Покровский по существу отверг все предлагаемые проекты. Он отрицал необходимость научного характера подготовки специалистов, предлагая исключить из программы общеисторические дисциплины, оставив только специальные. Покровский исходил из того, что для архивного дела достаточно выпустить небольшое число руководителей-организаторов и рядовых архивариусов, причем для подготовки руководящих работников архивного дела достаточно дать нескольким десяткам историков с высшим образованием архивную специализацию. Главное, считал он, – срочно заменить весь состав заведующих архивами сверху донизу «с целью обеспечить их классово-партийную выдержанность». Для рядовых архивных работников, по его мнению, достаточно и «наших примитивных архивных курсов». Тем самым исключалась сама идея создания специального высшего учебного заведения для подготовки архивистов-исследователей.

Позже, в 1929 г., на 2-м съезде архивных работников РСФСР, он детализировал свое предложение, заявив, что решить кадровую проблему можно, направив 10–15 человек за границу, чтобы они учились там архивной технике. «Я, конечно, не предрекаю их числа, – заявил он, – но, во всяком случае, немного, может быть, и 10 будет достаточно. У немцев очень стоит поучиться»¹⁶⁶.

Покровский как руководитель отрасли и представитель советской власти в архивной системе не просто отверг саму идею подготовки для архивного дела специалистов со специальным высшим образованием, но и продемонстрировал недоверие к профессиональным ученым-архивистам в целом, а также к тем из них, кто присутствовал на конференции.

После этого работа конференции в основном потеряла свой практический смысл, хотя теоретический уровень выступлений сохранялся на прежнем высоком уровне. Характерно, что в дан-

ном случае ученые-«москвичи» по всем принципиальным вопросам поддержали своих коллег из Петрограда.

Академик М.М. Богословский повторил тезисы направленной в Главархив в 1919 г. докладной записки о том, что если не прийти на помощь, то архивы останутся без исследователей. Представители архивов с мест привели ряд вопиющих примеров архивной разрухи, которая царил в провинции вследствие невежества и произвола властей.

Покровский пресек выступления подобного рода, взяв слово вне очереди и заявив, что делегаты из провинции несколько преувеличили встретившиеся на их пути затруднения. И вообще, сказал он, «хранить в архивах всю бумажную массу не представляется возможным».

Основная теоретическая работа тем временем разворачивалась в дискуссиях, которые проходили на научных секциях. Здесь А.И. Андреев познакомил коллег с работой петроградских архивистов над решением вопроса об архивной терминологии, в частности рассказал о проектах, составленных И.В. Пузино, Г.А. Князевым и другими, которые будут проанализированы ниже.

Здесь же впервые был поставлен вопрос о необходимости создавать особые хранилища для фотографического материала и кинематографических лент, которые могли дать полное представление о том или ином моменте современной эпохи. Иными словами, научная мысль в рамках нового, «классического», архивоведения продолжала свое существование.

Секция Истпарта проводила в это время отдельные заседания. В резолюции по докладу секретаря комиссии Истпарта В.В. Адоратского «О взаимоотношении между Истпартом и архивом», а также в ряде выступлений указывалось, что все документы, имевшие отношение к истории пролетариата, должны быть выделены в особые политические секции под контроль Истпарта.

Таким образом, в центре и на местах создавалась параллельная система архивов ведомственного характера, нарушался принцип недробимости фондов, старые кадры архивистов вытеснялись на обочину архивной деятельности и т. д.¹⁶⁷ Как выяснилось вскоре, это стало серьезным симптомом начинающейся болезни, поразившей затем архивное дело, – возрождался ведомственный подход к ряду привилегированных архивов. Одновременно на конференции проявились радикальные расхождения во взглядах на архивную науку и перспективы архивного строительства научных работников, представлявших классическое архивоведение,

с одной стороны, и архивной политикой, навязанной идеологическими, вненаучными соображениями чиновников из высших сфер партийно-государственного аппарата – с другой.

И.А. Курникова первой обратила внимание на связь процессов медленного, но систематического сведения фундаментальной науки об архивах к сумме узкотехнологических знаний по архивной практике с общей политикой советской власти в области высшего образования. В частности, она отметила, что постановление СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях РСФСР», ликвидировавшее автономию высшей школы, привело к насильственному изменению (по указанию наркомпроса) учебных и научных программ вузов. В них был введен обязательный минимум общественных дисциплин, включавший исторический материализм, историю Октябрьской революции, изучение развития общественных форм на основе классового подхода к всеобщей истории, плана ГОЭЛРО как фундамента социалистического строительства и т. д.

1921/22 уч. год стал последним годом существования Петроградского археологического института. Из 242 слушателей к концу учебного года в нем оставались 10 человек. В январе 1922 г. Институту, проректором которого (по *хозяйственной* части) с января 1921 г. был А.С. Николаев, не выделили бюджетных средств ни на зарплату преподавателям, ни на хозяйственные расходы. А затем ПАИ (практически одновременно с МАИ) ликвидировали обычным постановлением Главпрофобра от 17 июня 1922 г.

Так закончилась 45-летняя история деятельности ПАИ. Вместо него 1 июля того же года на факультете общественных наук Петроградского университета было создано археологическое отделение при одном из циклов (так стали именоваться бывшие факультеты). Основную часть занятий перенесли в различные архивохранилища и в показательный архивный кабинет, которым руководил председатель архивной комиссии архивно-археографического цикла А.С. Николаев. Но значение архивоведения как самостоятельной научной дисциплины в университете падало настолько стремительно, что к третьему курсу обучения из 34 студентов остались только трое.

В 1925/26 уч. г. чтение архивоведческого цикла в Ленинградском государственном университете с обязательным посещением¹⁶⁸ закончилось.

Подход И.А. Курниковой к истории «взлета и падения» ПАИ и МАИ как истории более или менее удачных попыток поставить

под контроль власти неизбежный процесс смены поколений кадров архивистов является оправданным. Таким образом, попытки возобновить подготовку архивных кадров вначале в рамках архивно-археологического цикла при археологическом отделении университета, а затем в 1923 г. при Петроградском отделении Центрархива уже не имели почти ничего общего с классическим архивоведением. Это были курсы с ярко выраженной технологической направленностью. И хотя А.С. Николаев и Г.А. Князев читали на них общий курс по архивоведению, он, этот курс, как вспоминал позже М.С. Вишнеvский, строился на учете тех задач, которые стояли перед архивными учреждениями в их плановой работе, приспособляя методы занятий к тому, что нужно было нашим архивным работникам в их повседневной работе в архивохранилищах¹⁶⁹.

Симптоматично, что на Первом съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г. А.С. Николаев выступил на заседании архивно-технической секции, и доклад его был посвящен не фундаментальным проблемам архивного строительства, а состоянию и публикации каталогов, указателей и справочников по архивному делу. Последним его выступлением в печати стала статья «Формуляр фонда», в которой он обосновывал необходимость составлять помимо обычной описи еще и специальный формуляр из 13 классификационных рубрик¹⁷⁰.

Последнее упоминание в печати о Николаеве относится к 1928 г. В публикации он назван старшим архивистом Ленинградского исторического архива¹⁷¹.

В начале 1930-х годов он еще числился консультантом при одном из ленинградских архивов и якобы погиб в транспортной катастрофе. Некоторые ветераны архивного дела в устных воспоминаниях не исключают, что он либо покончил жизнь самоубийством, либо его исчезновение было связано с началом крупномасштабных репрессий в Ленинграде: начались гонения на однофамильцев убийцы С.М. Кирова. Поиски в архивах Москвы и Петербурга каких-либо документов, проливающих свет на обстоятельства и дату его смерти, пока не дали положительных результатов.

Личный архив А.С. Николаева в сентябре 1934 г. передала в Государственный литературный музей семья Ю.Г. Оксмана, работавшего в 1933–1936 гг. в ИРЛИ. Были сформированы 44 дела и составлена опись № 1885.

В 1941 г. почти весь фонд А.С. Николаева вместе с фондом Ю.Г. Оксмана был передан в Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА, ныне РГАЛИ).

Приведем уникальный по содержанию документ из этого фонда – протокол заседания ячейки секции научных работников при Ленинградском отделении Центрального исторического архива (ЛОЦИА) и Ленинском институте истории ВКП(б) от 7 января 1931 г.¹⁷²

Докладчик М.И. Ахун оглашает повестку дня, в которой первым пунктом стоит рассмотрение протокола экстренного заседания Президиума местного бюро с[екции] н[аучных] р[аботников] при ЛОЦИА и Ленинском институте истории ВКП(б) от 4 января 1931 г. по поводу заявления А.С. Николаева от 2 января 1931 г. (Л. 1). Участникам заседания предлагается для обсуждения текст заявления:

«Уполномоченному ЛОЦИА тов. Дрезену
архивиста А.С. Николаева

Докладная записка

Констатируя большую орфографическую и синтаксическую безграмотность у целого ряда сотрудников ЛОЦИА, вредно отражающуюся на справочной текущей работе, предлагаю в течение января и половины февраля в вечернее время от 7 до 9 часов вечера 11, 13, 21, 23, 31 января и 1, 3, 11, 13 февраля провести 18-часовой курс морфологии и синтаксиса.

Архивист / А. Николаев /
19.02 – 31 года» (Л. 1).

Докладчик разъясняет, почему по поводу этой записки было создано вначале экстренное заседание в ЛОЦИА, а теперь к ее обсуждению привлечены и научные сотрудники Института истории ВКП(б): «Заявление т. Николаева нельзя рассматривать изолированно, вне связи с последними политическими мероприятиями. Суть этих мероприятий сводится к уточнению положения ЛОЦИА как учреждения научно-политического, а именно – во главе отделов вместо беспартийных специалистов поставлены молодые партийные работники. Положение специалистов этим распоряжением по существу не ухудшалось, так как они остались техническими руководителями отделов и назначены старшими архивистами, получив, таким образом, большие, чем вновь назначенные заведующие отделами, оклады содержания» (Л. 2).

Таким образом, заявлению Николаева, во-первых, придавал ся политический характер, во-вторых, ставился под вопрос здравый смысл заявителя: ведь в деньгах его не ущемили, а совсем наоборот.

Вывод докладчика: «Все это привело местное бюро к оценке поступка т. Николаева как поступка антиобщественного, а также к вопросу о возможности т. Николаева дальнейшего пребывания в секции научных работников» (Л. 2) [стиль автора сохранен. – Т. Х.].

Приведем наиболее характерные места из «оправдательно-го» выступления А.С. Николаева:

«Конечно, все можно истолковать не так, как оно было в действительности, но надо все же считаться с фактами. Характер мой, кажется, известен. Я делаю свое дело с любовью, не привык оставаться на почве словесности. Я отдаюсь делу с высшей степенью самоотверженности, ухажу в него с головой. Всякий новый сотрудник, который поступает ко мне для изучения архивного дела, встречает с моей стороны самое горячее, бережное и любовное отношение. Теперь приходится всем учиться. Надо признать, что и мы не в белых перчатках ходим, есть у нас различные пробелы. Вот я и хотел оказать помощь, какую я могу оказать. Повторяю: мое отношение ко всем молодым сотрудникам крепкое, хорошее, любовное. Я только желал и желаю *уделить из моего запаса времени* определенные часы для того, чтобы выправить познания некоторых сотрудников в синтаксисе и письме» (Л. 3). И далее: «Я уже доживаю свой век (Николаеву еще не исполнилось и 54 лет. – Т. Х.). Я слишком стар, слишком болен, чтобы думать о мальчишеских выходках и пускаться на мальчишество. Кусок моего “я” готов я передать на то, чтобы мог выработаться хороший архивный работник. И надо уметь истолковать все дело так, как оно истолковано в обвинении. Я говорю то, что думаю. И мысль о том, что на мое предложение может кто-либо обидеться, совершенно не приходила мне в голову» (Л. 3).

В ответ на вопросы участников заседания докладчик, он же общественный обвинитель, характеризует «физиономию» Николаева как общественника: «Т. Николаев никакой общественной работы не ведет, собраний не посещает. Во время вербовки в члены сберкассы (так в тексте. – Т. Х.) он вовсе не откликнулся, на заем подписался только после второго предложения» (Л. 4).

Николаев пытается объяснить причины своей слабой общественной активности: «Я начинаю рабочий день с 8 часов утра. После службы в архиве, пообедав в половине пятого, иду на работу с рабочими техникума (о техникуме см. документ, который мы приводим ниже. – Т. Х.). Из этого уже видно, что я физически не могу присутствовать на ваших собраниях. Чтению лекций рабочим я отдаюсь всецело: они ведутся горячо, с воодушевлением.

Слушатели бывают взволнованны и довольны. Происходят горячие беседы. По-моему, все это – общественная работа просто грандиозного масштаба. В общественном деле каждый делает то, на что он способен. Я занимаюсь именно такой работой, с утра до вечера я занят общим делом» (Л. 5).

Представитель местного бюро ЛОЦИА зачитывает текст резолюции, принятой по заявлению Николаева за три дня до этого заседания: «Местное бюро СНР считает, что выступление А.С. Николаева является скрытым протестом против проводимых по ЛОЦИА мероприятий, а потому должно рассматриваться как антиобщественное и антисоветское. Поэтому бюро признает необходимым исключить А.С. Николаева из членов СНР» (Л. 6). От себя он поясняет: «В настоящее время идет ломка старого. Выдвигаются молодые работники. Выступление против этого движения – выступление политическое. ЛОЦИА – учреждение научно-политическое, поэтому в нем подобное выступление – сугубо политическое. Поскольку же выступление это идет против основных мероприятий Советского правительства, оно имеет контрреволюционный характер» (Л. 6).

Из однотипных речей участников заседания приведем только отдельные выдержки.

Э.М. Крустьинсон: «Т. Николаев поднял вопрос о грамотности архивных работников. Но я уверена, что в этом отношении сущность дела не в том, чтобы знать, где ставить запятую. Грамотность сотрудника должна выражаться в том, чтобы он знал, где почерпнуть нужные сведения, и в умении дать им правильное освещение».

А.К. Дрезен: «Напрашивается сопоставление т. Николаева с академиком Платоновым (репрессированным к этому времени по «академическому делу». – Т. Х.). Платонов начал с того, что всячески дискредитировал и принижал новых молодых работников, не хотел давать им движения. Т. Николаев делает то же самое. Николаев и Платонов в этом отношении сомкнулись. Эта связь ранее не выступала, а теперь в вопросе об этом “попечительстве о народном образовании Центрархива” она прорвалась. Тов. Николаеву в секции оставаться нельзя».

Н.Я. Костеша: «Вполне естественно, что молодые работники, иногда приходящие от палки пастуха (так в тексте. – Т. Х.), не могли ориентироваться в вопросах синтаксиса. Но если поднимать общий вопрос о занятиях, то почему в этом случае не организовывать занятия по диамату и по ленинизму?» (Л. 6–7).

В заключительном слове Николаев не смог сдержать себя:

«Я присутствую при любопытном моменте, как можно простой факт истолковать совершенно неправильно. Будет время, когда, товарищ Дрезен, вы сами будете в пожилых годах и тогда вы спросите свою совесть (А.К. Дрезен, Э.М. Крустыньсон и некоторые другие участники этого заседания в конце тридцатых годов будут репрессированы, так и не дожив, к сожалению, до пожилого возраста. – Т. Х.). Я никогда не был блюдолизом и не отличался подхалимством, и память у меня хорошая. Т. Дрезен, вы меня связали с Платоновым. Но я в свое время, когда был поднят вопрос о вредительстве в Академии наук, в этой же комнате установил свое отношение к Платонову. Вы давали распоряжения по моим фондам через мою голову. Но если бы вы присутствовали на последнем заседании нашей поверочной комиссии, вы сами ужаснулись бы, какие фонды могли бы быть уничтожены, если бы не было некоторых руководящих лиц, смягчающих положение. Я, конечно, ожидаю, что обо мне будут говорить, как о каком-то вредителе. Но я, что бы обо мне ни говорили, своей линии изменить не могу и буду относиться к своему делу так же крепко и любовно, как относился всегда. В заключение скажу, что редко встречал такого человека, к которому с такой законченной цельностью было бы применимо слово Ленина “комчанство”» (Л. 7).

Понимая, что решение предreshено, избранный председателем собрания В.К. Лукомский пытался спасти ситуацию любой ценой. Он несколько раз предлагал А.С. Николаеву забрать заявление, поскольку, как он деликатно отметил, «в поданном им заявлении совсем иное содержание, нежели то, которое он сам предполагал». Николаев непреклонен: «Брать мое заявление назад нельзя. Я не мальчик. У меня совершенно определенное отношение. То, что я написал, я признаю и теперь. Что же вы хотите, чтобы я теперь встал на колени, просил прощения? Получилось бы так, что я хотел сделать мелкую пакостишку, а потом устроить так, как будто ее не было? Тогда получилась бы какая-то детская история. Брать назад нельзя» (Л. 7).

Участники заседания единогласно принимают решение исключить Николаева из секции научных работников.

Стенограмма заседания заканчивается фразой: «Николаев (уходя): Благодарю за тридцатилетнюю службу» (Л. 7).

Участники заседания перешли к очередному пункту повестки дня.

Почти ничего не известно о том, что произошло с А.С. Николаевым после того, как он был лишен всех постоянных архивных

должностей и привилегий, положенных официально признанному ученому. Неизвестно даже, назначили ли ему пенсию.

В случае, например, с Б.И. Анфиловым, автором определения фонда, которое, по оценке В.Н. Автократова, стояло выше современных ему западноевропейских определений, власти в конце 30-х годов поступили именно так: последние два года жизни он не жил, а прозябал без работы и без пенсии.

Последнее упоминание о преподавателе Ленинградского индустриального техникума А.С. Николаеве, датированное 21 ноября 1933 г. и сохранившееся в РГАЛИ, представляет собой подписанный Николаевым рукописный текст на листе тетрадного формата – ходатайство о пенсии¹⁷³.

В.В. Снигирев

Для полного и объективного представления о том, как развивалось классическое архивоведение на Архивных курсах ПАИ в пору заведования А.С. Николаева, приведем краткие очерки жизни и деятельности его коллег по научно-учебной работе и единомышленников. Это прежде всего относится к Виктору Владимировичу Снигиреву (1885–1921).

Он был помощником А.С. Николаева в годы, когда тот возглавлял I Петроградское отделение IV секции ЕГАФ (б. архив МНП). Работали вместе над описями архива под руководством С.Ф. Платонова. Впоследствии Снигирев заседал в Союзе РАД и ездил в командировки от Главархива по провинциям России, выступая перед учителями и другими представителями местной интеллигенции.

Чтобы оценить значение научного вклада В.В. Снигирева в фундаментальную отечественную науку об архивах, следует обратиться к рукописному автографу его доклада «Важнейшие достижения западноевропейской теоретической мысли и практики в области постановки архивной работы» (1919), хранящегося в Тверском областном объединенном музее¹⁷⁴. Кроме того, в РГИА хранится еще не опубликованная программа по архивоведению и архивоведению для учебных заведений, подготавливающих учительский персонал единой трудовой школы¹⁷⁵ (атрибутирована Н.И. Химиной как принадлежащая В.В. Снигиреву). Эта работа имеет особую актуальность в связи с идеей разработки школьного курса по архивоведению. Ее выдвигает в последние годы акаде-

мик Российской академии образования С.О. Шмидт. В некрологе И.Л. Маяковского, посвященном В.В. Снигиреву, содержатся убедительные доказательства действительной принадлежности В.В. Снигиреву данной работы, написанной им по заданию научно-теоретического отдела Главархива и Наркомпроса Северной области.

Анализ научного наследия ученого проведен с привлечением следующих его работ: «Делопроизводство Комиссии об учреждении народных училищ. 1782–1803 гг.»¹⁷⁶, брошюры «Почему необходимо бережно хранить собрания документов и чем каждый из нас может помочь в этом деле» и листовки «Сберегать архивы – значит помогать строить лучшее будущее. Будем беречь наши архивы». Последние две работы были выявлены в ЦГИА СССР в 1988 г. в фонде архива, датированы февралем 1919 г., опубликованы и кратко откомментированы В.Н. Автократовым и И.Е. Шуббе¹⁷⁷.

Фамилию Снигирева перечисляет в составе лекторов Архивных курсов при ПАИ Н.П. Черепнин. В.И. Пичета назвал Снигирева выдающимся архивным работником, но при этом искажил написание фамилии (Снегирев вместо правильного Снигирев, позднее эта ошибка станет распространенной)¹⁷⁸.

Над выявлением, атрибутированием и анализом работ В.В. Снигирева активно работала Н.И. Химица.

До последнего времени единственным источником сведений о Снигиреве служила хранящаяся в личном фонде И.Л. Маяковского в ЦМАМ неопубликованная рукопись его своеобразных воспоминаний – несколько вариантов обширного некролога, посвященного памяти умершего в Твери В.В. Снигирева¹⁷⁹.

Маяковский пишет в первом варианте рукописи, относящейся к началу января 1922 г., что 16 декабря 1921 г. в Твери скончался, прожив всего 36 лет, выдающийся петербургский архивист, талантливый педагог и молодой ученый Виктор Владимирович Снигирев. Уже первые моменты организации научно-статистического отдела неразрывно связаны с В.В. Исходя в своей работе из широких исторических посылок, укладывавшихся у него притом в необычайно стройные схемы, В.В. одним из первых набросал широкую программу организации библиотеки при отделе. «И когда наша невыносимая действительность своими тяжкими испытаниями напрягла до крайней степени нити и его служебных и его семейных связей, – какие-то из этих нитей неизбежно должны были оборваться: оборвались нити, связы-

вавшие его с архивной деятельностью. Нужды семьи, не могшей более жить в Петрограде, дали новое направление общественной деятельности В. В-ча, забросив его в Тверскую губернию. Горько было всем, близко знавшим В. В-ча, слышать, что его архивная деятельность оборвалась настолько, что когда летом прошедшего года был создан в Твери областной съезд по охране памятников искусства, старины и письменности и открыл свои заседания в стенах института, где В.В. являлся самым популярным лектором, В. В-ча в его рядах не оказалось, ибо местные деятели совершенно не знали, что этот талантливый преподаватель есть в то же время и выдающийся архивист».

Маяковский зачеркивает все ранее написанное и начинает свой рассказ более академически, касаясь не только работы Снигирева в научно-статистическом отделе, но и других страниц его жизни и научной деятельности. Задуманный вначале короткий некролог превращается в мемуары – ценный источник по истории становления классического архивоведения. Этот документ представляет собой доксографический очерк, поскольку его строки ярко характеризуют типичный облик представителя классического архивоведения (как самого мемуариста, так и того, о ком он рассказывает) и добавляют важные штрихи к картине той обстановки.

В особых комментариях документ не нуждается. История архивной реформы подается в том виде, в каком ее представлял непосредственный участник (начиная с 1915 г., за три года до ее провозглашения в декрете от 1 июня 1918 г.).

Необходимо также обратить особое внимание на характеристику процесса разработки основных научных положений, которые легли впоследствии в основу декрета.

Начало архивно-археографической деятельности В.В. Снигирева совпало с возрождением одного из крупнейших петроградских архивов – архива Министерства народного просвещения (1915). Созданная под председательством С.Ф. Платонова Комиссия по научному описанию архива потребовала разработки научного подхода к описаниям фондов и исключительной энергии и самоотверженности. В руководстве архива произошли изменения: новым начальником был назначен А.С. Николаев, а помощником начальника – В.В. Снигирев. Началась лучшая пора научной деятельности архива, в которой В.В. Снигиреву сразу выпала ответственная роль. Широко образованный, обладающий громадной эрудицией, он быстро изжил шаблоны и уже при пер-

вичном исследовании архивных фондов обнаружил ряд новых, не значившихся ни в одной описи, весьма важных материалов, а составленные им правила описания легли в основу работ всех сотрудников комиссии. В изданном томе «Описания дел Архива МНП» (Т. 1. Пг., 1917) Снигиреву принадлежит исторический очерк архива, заключающий в себе такую точную схему архивных фондов, которая и поныне остается руководящей нитью при ориентировке среди архивного материала. Февральская революция 1917 г. поставила перед архивом новую трудную задачу – прием документального наследия Главного управления по делам печати. Днем времени на все это не хватало, поэтому были организованы специальные вечерние занятия, в частности многократные перемещения архивного материала вручную из помещения в помещение, пока им, наконец, не предоставили постоянное место для хранения.

С мая 1917 г. начались подготовительные работы по радикальной реорганизации архивов, получившей свое выражение в декрете от 1 июня 1918 г. об учреждении ЕГАФ. Снигирев «развернул свой стройный ум и организаторский талант: *достаточно сказать, что схема деления единого Государственного архивного фонда на секции и отделения, ставшая краеугольным камнем всей реформы, была ближайшим образом разработана В.В. Снигиревым*».

Перечислив огромный круг обязанностей Снигирева, Маяковский подчеркивает:

«Но не в этой только организационной работе проявлялась энергия Снигирева.

Это был человек с ярко выраженным уклоном в науку, в теорию, в широкие построения, в стройные схемы» (выделено нами. – Т. X.).

В.В. Снигирев принял самое деятельное участие в организации Архивных курсов при ПАИ и в чтении на них лекций, а также в научных работах научно-теоретического отдела Главного управления архивным делом. Курсы были открыты той же осенью при Петроградском археологическом институте. В.В. Снигиреву были поручены, с одной стороны, обязанности помощника заведующего курсами А.С. Николаева, а с другой – чтение лекций по технике архивного дела. Курс его был построен на широком использовании западноевропейской архивной литературы. Причем он не только привел разработанные в ней принципы в строгое соответствие с русской архивной действительностью, но и, как пишет Маяковский, сумел «отлить этот скучный и слишком специальный курс в изящнейшую форму». Чтение курса обнаружило

в нем еще одну сторону – лекторский талант, ярко проявившийся позднее и в его профессорской работе в Тверском институте народного образования.

Наиболее полно раскрылись его научные взгляды в научно-теоретическом отделе ГУАД (в первом варианте рукописи Маяковский называл его научно-статистическим. Это лишний раз свидетельствует о том, что частая смена названий приводила к путанице в терминологии даже самих участников событий).

Уже первые шаги организации этого отдела, который должен был объединять и направлять научно-писательскую и научно-издательскую деятельность архивов, неразрывно связаны с В.В. Снигиревым. Лишь только в составе формировавшегося отдела наметились его основные подотделы – русский, иностранный и библиотечный, как В.В. Снигирев единодушным признанием всего отдела был выдвинут на роль заведующего библиотечным подотделом. Прекрасно знавший библиотечное дело благодаря своей прежней службе в Публичной библиотеке, он разработал широкую программу организации при отделе специальной архивной библиотеки. Созданная им классификация книг по архивным вопросам была настолько исчерпывающей, что легла потом в основу не только самого собирания книг для библиотеки, но и всей последующей библиографической работы отдела. «Это было не простым отбыванием службы, а органической частью всей тогдашней его жизни и деятельности. Об этом красноречиво говорила и его карманная гуттаперчевая табличка, которая ежедневно заполнялась с обеих сторон бисерными карандашными заметками. Затем дома она очищалась резинкой или водой, чтобы быть готовой вновь и вновь отразить на себе следы упорной, планомерной до педантичности и громадной ежедневной домашней работы».

Когда же кончался служебный день, вспоминает Маяковский, и мы покидали стены Сенатского здания в августовские и сентябрьские дни памятного 1918 года, полного радужных архивных надежд, тогда Петровский сквер делался свидетелем, как В.В. продолжал свою работу, усаживаясь со своим собеседником на скамейке и развивая свои планы в области научно-статистического отдела.

И далее следует фраза, которая дает нам возможность оценить глубину прозорливости Маяковского, написавшего ее в январе 1922 г., когда только начинали свою деятельность пришедшие к власти в Главархиве М.Н. Покровский и его единомышленники: «Счастлив он, что ему не пришлось увидеть, как резко разошлась

с этими мечтами и планами последующая действительность, как жестоко разбивались многие его надежды и ожидания».

Снигирев читал лекции на учительских курсах в Петрограде и в Петрозаводске. Он разработал текст краткой архивной анкеты для распространения между слушателями, а затем – подробный конспект целого курса лекций, преследующих широкие просветительско-научные цели. Лекции Снигирева представляют собой неотъемлемую часть новой науки об архивах.

Стоявший тогда во главе Народного комиссариата просвещения в Северной области З.Г. Гринберг отнесся весьма сочувственно к идее Снигирева о созыве архивного съезда, и ему была поручена ответственная роль: «он должен был представить на съезде *главнейшие основы теории и техники архивного дела*».

Предполагавшийся съезд открывал возможность установления тесного контакта Главархива с губернскими и уездными отделами народного образования и популяризации через них архивной работы. Виктору Владимировичу было поручено составить для рассылки по отделам народного образования листовку, в которой в популярной форме было бы разъяснено, какое значение имеют документы и какие шаги необходимо предпринимать при обнаружении того или иного собрания документов. Листовка эта была составлена и отпечатана частью в виде плаката, частью в виде брошюры и явилась горячим призывом, обращенным к каждому человеку.

Этот аспект деятельности представителей классического архивоведения, пытающихся превратить дело формирования архивов нового типа в своеобразный фундамент сплочения Личности, Общества и Государства в переломный период их общей истории, заслуживает особого внимания.

Помимо распространения листовки по отделам народного образования научно-теоретический отдел решил добиться преподавания основ архивоведения в провинциальных педагогических институтах и на педагогических курсах. В этих целях В.В. Снигиреву было поручено составить проект соответствующей программы и обращение к местным организациям и ученым обществам с указанием содействовать включению архивоведения в учебные планы педагогических институтов и курсов. И циркуляр, и обращение были составлены Снигиревым. Однако проект не был осуществлен.

В рукописи некролога следует обширный раздел (в оригинале он зачеркнут Маяковским) о проекте создания при «петро-

градском Главархиве» Центрального бюро по обмену архивными изданиями с заинтересованными учреждениями и обществами не только в России, но и за границей, который разработал Снигирев в конце 1918 г. Последняя фраза зачеркнутой в оригинале строки знаменательна: «Проект этот, как и многие наши архивные проекты, осуществлен не был».

Той же весной 1919 г. ученый принял участие еще в одной важной работе научно-теоретического отдела – составлении специальной анкеты об архивных фондах. В процессе работы встал вопрос о сущности понятия «архивный фонд». Для его решения была организована специальная комиссия, в которую он был привлечен как теоретик и которая от решения частного вопроса перешла к разработке архивной терминологии в целом.

Отметим это характерное для классического архивоведения подчеркивание прогностического аспекта разработки теоретических вопросов в целом и терминологии архивистики в частности.

Статья-некролог Маяковского содержит единственное свидетельство очевидца и участника тех событий: у истоков архивоведческого терминоведения, составляющего существо первоначального этапа работы над созданием новой науки – в данном случае классического архивоведения, стоял вместе с другими архивистами В.В. Снигирев. Этот факт является веским аргументом в пользу отнесения незаслуженно забытого архивиста, умершего в 36-летнем возрасте, к числу основоположников классического архивоведения.

Завершает воспоминания Маяковский следующими словами: «Архивная деятельность В.В. Снигирева протекала в крайне трудных и неблагоприятных условиях, создававшихся практикой архивного ведомства, которую сложно было бы кратко выразить словами “ordre, contrordre et desordre” (“порядок”, “антипорядок” и “беспорядок”. – фр. – Т. Х.).

И, несмотря на эти условия, В.В. находил все новые и новые запасы сил, чтобы продолжать любимую работу»¹⁸⁰.

На смерть Снигирева короткой заметкой откликнулся только А.Н. Макаров¹⁸¹. Других печатных откликов на его кончину не выявлено. По-видимому, Маяковский не решился опубликовать свою статью-воспоминание о Снигиреве, потому что слишком явным было противопоставление идеального архивиста и тяжелых служебных условий, которые создавались начальниками раньше и, самое главное, продолжали, по его мнению, создаваться при новой администрации во главе с М.Н. Покровским.

Во вступительной статье к публикации В.Н. Автократова (при участии И.Е. Шуббе) «Петроградская брошюра об архивах» (1919) содержится ссылка на то, что авторство Снигирева установили Е.А. Агафонова и Г.Е. Соминич¹⁸².

Авторы публикации помогают понять смысл противопоставления Маяковским брошюры Снигирева и «частных» аналогичных публикаций. Они напомнили, что в это же время управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич написал (как указывается в официальной историографии, по личному указанию В.И. Ленина) и начал распространять массовым тиражом свою брошюру «Сохраняйте архивы!» (М., 1920). Существенное отличие этой брошюры от восьмистраничной, карманного формата книжечки-листовки Снигирева под названием «Почему необходимо бережно хранить собрания документов и бумаг и чем всякий из нас может помочь в этом деле» состоит в том, что Снигирев обращается ко всем без исключения русским людям, без различия классовой, партийной и иной «окраски». Его главный адресат – патриот России и прежде всего народный учитель. Именно к нему он обращает свой призыв: «Твердо помните, что происходящая на всем протяжении Республики огромная работа по спасению архивов совершается в ваших же интересах, в интересах всего населения и даже будущих поколений и что успешное ее выполнение очень много зависит от вашей сознательной и добровольной помощи. Какими бы малоинтересными и неважными ни казались на первый взгляд документы некоторых архивов, должностных лиц и казенных учреждений – как упраздненных (напр., прежних земских начальников и волостных правлений), так и действующих (напр., казенных палат, акцизных и почтово-телеграфных установлений), точно так же, как и архивы с бумагами общественных учреждений (напр., земских, городских, монастырских, церковных) и частных лиц (напр., бумаги, оставшиеся в прежних помещичьих усадьбах), – все эти документы и бумаги очень ценны и сейчас и особенно в будущем. В руках знающих людей они явятся очень важным материалом для ознакомления не только с великими событиями нашего времени, вроде мировой войны 1914–1918 гг., или Февральской и Октябрьской революций, но и с самой обстановкой нашей общественной и частной жизни с ее особым, резко изменившимся по сравнению с недавним прошлым, укладом.

Придет время, нас не станет, и наша пора, богатая событиями большого значения, сулящая стать преддверием новой жизни, сама отодвинется в прошлое.

Граждане!

Читайте и объясняйте эту листовку всем неграмотным, распространяйте ее среди грамотных, втолковывайте детям и взрослым большую важность бережного сохранения документов и бумаг...».

Особую ценность брошюре-листовке В.В. Снигирева как памятнику классической науки об архивах, противостоящей классовому архивоведению Бонч-Бруевича и Покровского, придает перечисление всех конкретных видов подлежащих вечному сохранению бумаг самого разнообразного происхождения и содержания, отражающих жизнь и деятельность различных государственных учреждений и отдельных частных лиц, любого, даже самого небольшого собрания документов, отражающего деятельность какого бы то ни было действующего или упраздненного учреждения или действующего лица.

Сложные научные понятия В.В. Снигирев умел раскрыть простым языком, не снижая теоретического уровня требований. В качестве примера приведем не названное им прямо, но неявно присутствующее в следующем призыве определение сущности фонда: «необходимо помнить, что, как бы ни были важны и интересны отдельные разрозненные документы и бумаги, главная их ценность заключается в том, что они сохраняются вместе с другими, им подобными, без которых далеко не всегда можно понять и оценить их по достоинству». Напомним также определение архива, с которого начинается брошюра: *«Собрание хранимых в порядке документов и бумаг – иногда совсем недавних, а иногда старинных – называется архивом. Каждый архив является драгоценным народным достоянием, подлежащим самой бережной охране, особенно со стороны всех тех, кому не безразлична память о старине, кто сознает необходимость знакомства с ней для создания лучшего будущего»*¹⁸³.

В РГИА вместе с воззванием ко всем пединститутам Северной области, история написания которого подробно излагается в некрологе, написанном И.Л. Маяковским, хранятся программа по архивоведению и архивоведению для учебных заведений, готовящих учительский персонал единой трудовой школы¹⁸⁴, а также объяснительная записка к ней, представляющая интерес с точки зрения определения генезиса фундаментальной науки об архивах.

Характерно, что Снигирев одним из первых определяет двусоставный предмет предлагаемой научно-учебной дисциплины: «Наука об архивах и ее подразделение: архивоведение и архивоведение».

На первых же занятиях по технике архивного дела предлагается обсудить следующие темы: «Важность забот о пополнении архивов», «Почему не следует бояться перегрузки архивов?», «Два основных способа пополнения: практические меры к их осуществлению», «В каких случаях и с какими предосторожностями допустимо внесение поправок в сложившееся внутреннее устройство архивов» (эти и другие темы были включены в раздел «Работа над архивными материалами»).

В разделе «Снабжение архивных материалов описями и научными описаниями» выделяется отдельная тема: «Необходимость специального образования для дела научного описания архивных материалов».

В третий раздел Снигирев вынес проблему, которая, видимо, особенно интересовала его аудиторию: «Руководство деятельностью небольших архивов». В нее он включил следующие вопросы: необходимость одновременного планомерного ведения всех видов текущих работ; порядок выдачи справок и допущения к занятиям посторонних лиц; устройство справочной библиотеки; делопроизводство в канцелярии при архиве.

О важности подготовленной В.В. Снигиревым программы свидетельствует следующий факт: С.Ф. Платонов поспешил доложить о ее завершении на заседании комитета ГУАД¹⁸⁵. Однако практического воплощения проект внедрения «архивного сознания» в самые широкие слои населения, в первую очередь народных учителей, не нашел.

Большее значение для понимания сути новой науки об архивах имеет фундаментальный труд В.В. Снигирева «Важнейшие достижения западноевропейской теоретической мысли и практики в области постановки архивной работы». Это доклад Московскому съезду архивных деятелей, состоявшемуся 10 июня 1919 г., датированный рукой автора 9 июня 1919 г. О существовании доклада было известно архивоведам давно. В частности, в ГАРФ сохранилось упоминание о том, что текст под сходным названием был зачитан на одном из последних перед окончательным самороспуском заседаний Общества российских архивных деятелей в марте 1922 г., спустя три месяца после смерти В.В. Снигирева¹⁸⁶. Однако поиски полного текста документа ни в московских, ни в петербургских архивах не дали положительных результатов. И только высокий профессионализм и научная эрудиция доцента кафедры архивоведения Тверского государственного университета Н.В. Середы, которая включилась в поиск, помогли выявить

среди отложившихся в отдельной папке рукописных листов за подписью «В. Снигирев» интересующий нас документ. Более восьми десятилетий он находился в Тверском областном объединенном музее.

Это важный документ, раскрывающий основы классического архивоведения первых лет его возникновения. О содержании доклада дает наглядное представление его оглавление.

1. Историческая эволюция нового понимания ценности архива и архивного материала.

2. Характеристика специальных архивных сооружений.

3. Основные принципы внутренней организации архива: исторический и логический (вопрос о возможности перехода от исторического принципа к логическому).

4. Важнейшие способы пополнения архивного инвентаря на Западе.

5. Практические успехи разрешения проблем технической разборки, перемещения, сохранения и охраны архивалий в Западной Европе.

6. Главные достижения в инвентаризации, научно-описательной и научно-издательской деятельности западноевропейских архивов и ученых учреждений и обществ.

7. Постановка дела подготовки архивных работников и связанные с ней задачи.

8. Общие направления и разные пути строительства архивного дела на Западе.

9. Библиография вопросов, затронутых докладом.

Приведем основные тезисы доклада, имеющие наиболее важное, с нашей точки зрения, научно-теоретическое значение.

Снигирев начинает с основополагающей дефиниции: «В сознании современных архивных работников понятие “архив” начинает вырисовываться все более ясными очертаниями. Для нас АРХИВЫ уже перестали быть простыми складочными местами более или менее старинных документов, дел и бумаг, простыми антикварными коллекциями, ценными лишь для людей с археологическим вкусом, да для официальных учреждений, чья текущая работа преимущественно связана с отложенными в архиве следами их былой деятельности.

В нашем понимании АРХИВ – это прежде всего сокровищница источников по истории культуры в широком смысле слова, действенная лаборатория научной работы, где бережно и в строгом порядке хранятся и используются разнообразные по содержанию

и внешним особенностям материалы о прошлом, призванные также служить резервуаром для подчерпывания всякого рода деловых справок.

Непременными логическими признаками самого понятия “архив” будут 4 следующих:

- 1) Наличие известного количества архивных материалов всякого рода (рукописных, связанных с ними печатных, графических – каковы, например, карты, планы, чертежи, диаграммы, а иногда и музейного типа – гербы, печати, наградные грамоты и т. д.) самого разнообразного содержания, ценности и происхождения в форме подлинников, копий или даже черновых набросков.
- 2) Второй признак понятия АРХИВ – наличие определенного, хотя бы и довольно несовершенного порядка регистрации и хранения архивалий, позволяющего их отыскание для использования с деловой или научной целью.
- 3) Третий признак – наличие если не специально построенного здания, то по крайней мере сколько-нибудь приспособленного помещения для их хранения в принятом порядке и для оберегания от расхищения, сырости, огня и порчи под воздействием разнообразных неблагоприятных внешних условий.
- 4) Наконец, четвертый признак – наличие служебного персонала, живой силы, сколько-нибудь подготовленной к своей профессиональной деятельности.

Все указанные признаки современного понятия АРХИВ развивались исторически, в известной взаимной связи, но с разной скоростью, разным темпом.

Так, первоначально внимание почти сплошь поглощалось заботами о чисто внешней охране архивалий, ценимых либо практически, как арсенал документального оружия для охраны всяких прав, либо в качестве единственно уцелевших реальных следов отшумевшего прошлого.

Отсюда все эти своеобразные явления раннего Средневековья: хранение архивных материалов в тайных местах, совершенно недоступных для доступа посторонних, под большим секретом в руках надежных лиц, кочевки архивов в минуты военных опасностей и т. д.

Постепенно, однако, круг забот об архивах все расширяется: начинают работать над созданием более обдуманных порядков размещения, регистрации и сбережения архивных материалов.

В XVI и XVII столетиях (Снигирев дает хронологию, сообразуясь с реалиями западноевропейского архивного дела. – Т. Х.) появляется новый тип архивного работника в лице уже не ловкого царедворца, пассивного хранителя доверенных ему рукописных сокровищ государственного или династического значения, а скромного и трудолюбивого ученого монаха, целиком ушедшего в свою архивно-техническую и научную работу по собиранию и изучению уже гораздо более широкого круга архивных материалов.

Можно считать прочно установленным факт, что эпоха революции и Наполеона, всколыхнувшая и оживившая национальное сознание европейских народов, составила эпоху и в истории архивного дела на Западе, укрепив идеи централизации управления и законодательства, а также идею централизации и самих материалов.

Такова, в самых общих абрисах, *эволюция понятия АРХИВ*».

В подготовленных в 1919 (!) г. тезисах Снигирева намечены контуры современного понимания генезиса и развития науки об архивах. В них присутствует осознание стадийности ее развития – от постижения стихийно-онтологической сути архивов на доисторическом этапе архивоведческих знаний (по нашей терминологии этому соответствует эмпирический этап развития науки об архивах) до указания на новый, гносеологический подход к архивам, которому соответствует следующий, традиционный, период в истории архивоведения. Сегодня к ним добавляется и осознание социально-культурной ценности архивов, что достигается в целостной системе классического архивоведения.

По мнению Снигирева, архивные материалы поднялись в современном ему сознании на высоту абсолютно незаменимых и потому ценнейших исторических источников. В связи с этим архивы (по крайней мере в принципе) были признаны публичными, общедоступными. Этот обзор Снигирев называет беглой картинкой исторической эволюции архивной идеологии, проявившейся в новом понимании ценности архива и архивных материалов.

Ценны в научном плане высказывания, касающиеся принципов внутренней организации архива. Смысл его рассуждений состоит в следующем. Все рукописные материалы могут храниться в архиве либо строго в том виде, как они исторически сложились в результате деятельности соответствующих учреждений, либо как были распределены частными лицами и корпорациями, либо разделенными на крупные логические рубрики по содержа-

нию составляющих их дел, но безотносительно к происхождению и прежней группировке последних.

Первый принцип внутренней организации архива есть принцип исторический (*Provenienzprinzip*). Согласно этому принципу архив должен быть по возможности точным, зеркальным отражением внутренней структуры и деятельности соответствующих учреждений, корпораций и частных лиц, чьи материалы в нем хранятся.

Затем следует научная мысль, которая, будучи сформулированной в мае 1919 г., может вполне считаться важнейшим открытием в области архивоведения как по новизне, так и по образной четкости дефиниции: «Основной единицей архива, построенного на историческом принципе, является *архивный фонд – центральное и важное понятие*, которое, к сожалению, иногда мыслится не совсем отчетливо, почему я и позволю себе остановиться на его *определении* несколько подробнее.

Архивный фонд есть своего рода геологическое напластование, исторически сложившаяся индивидуальная группа архивных материалов различного содержания, объединенных в одно *органическое целое*, выросших, так сказать, на одном корню, каковым является их *общее возникновение в связи с деятельностью определенного учреждения*, или же *былая принадлежность одному и тому же физическому или юридическому лицу*, сгруппировавшему их именно так, а не иначе» (выделено нами. – Т. Х.)¹⁸⁷. Ни участники съезда архивных деятелей в 1921 г., ни члены Кружка архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского, ни В.Н. Автократов, видимо, не были знакомы с этой дефиницией. Более того, В.В. Снигирев впервые сформулировал принцип, который спустя десятилетия автор учения о фонде как о теоретическом ядре науки об архивах В.Н. Автократов назовет законом фондообразования, обусловленным принципом недробимости: «В сознании современного архивного работника, чей архив построен на историческом принципе хранения материалов по фондам, положение о необходимости сохранения цельности фонда является своего рода *аксиомой*» (выделено нами. – Т. Х.)¹⁸⁸.

Определение фонда в формулировке и с комментариями Снигирева может быть отнесено к числу высших достижений отечественной теоретико-архивоведческой мысли. Снигирев разъясняет, что можно рассматривать понятие «архивный фонд» более или менее широко, т. е., выражаясь современным языком, на различных уровнях: от ЕГАФ и ведомственных архивных фондов

до фондов отдельных должностных и частных лиц. «При этом, – пишет он, – в интересах точности терминологии, необходимо отличать ОБЩИЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ от составляющих их СПЕЦИАЛЬНЫХ». Эта терминология не прижилась, хотя в ней наглядно чувствуется попытка ученого выделить то общее, что отличает понимание фонда – результата ОБЩЕГО естественно-исторического процесса – от внутриархивного понимания фонда как результата целенаправленной деятельности профессионала-архивиста. Позднее вокруг этого будут долго дискутировать представители ленинградской и московской школ архивоведения, породив целый ряд историко-теоретических исследований. Он показывает различие между понятиями «фонд» и «коллекция» (хотя в качестве синонима понятия «коллекция» использует слово «собрание»): «Очень важно отчетливо различать понятия АРХИВНОГО ФОНДА и РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ. Под последним следует разумеать отдельную механическую часть фонда, его обломок, отнюдь не обладающий ни полнотой, ни цельностью состава входящих в него архивалий».

Касаясь логического принципа построения архивов, В.В. Снигирев подчеркивает, что он принят некоторыми европейскими странами в качестве основы систем внутрифондовой классификации архивных материалов по сериям документов, которые изъяты из разных фондов и объединяются только общностью содержания (материалы судебные, финансовые, экономические и т. д. с последующими детальными подразделениями) или по их типу (например, папские буллы, грамоты с пожалованиями и пр.). Он рассматривает доводы сторонников и антагонистов обоих принципов, продолжающих борьбу между собой: «Главными доводами против логического принципа являются указания на его искусственность, неисторичность, трудность создания достаточно гибкой и полной схемы, в которую без насилия можно было бы вложить все пестрое разнообразие конкретного содержания архивалий, и т. д.»

С другой стороны, против исторического принципа естественной группировки архивных материалов по фондам выдвигают соображения трудности разыскания всех материалов аналогичного содержания или типа в общей массе фонда, а тем более всего архива; крайнюю затруднительность удачной реконструкции уже разбитых фондов, для чего требуется очень четкое знание истории надлежащего учреждения с точки зрения перемен в его внутренней структуре, пределах компетенции, формах делопроизводства, и пр. Он не делает однозначного вывода в пользу того или иного

принципа, хотя, следуя его научной логике, главное – не нарушать уже сложившиеся фондообразования.

Еще одна идея В.В. Снигирева по содержанию близка многим сегодняшним отечественным и международным программам, включая программу «Память мира» ЮНЕСКО: «В специальной литературе слышатся голоса о необходимости предоставить архивам, библиотекам и музеям права пользоваться флагом и защитой Красного Креста со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также о крайней важности непрестанной пропаганды на случай возможных народных движений идеи величайшей государственной и культурной ценности архивов и их материалов, долженствующих рассматриваться как некие *аполитичные и экстерриториальные единицы*. Для такой пропаганды считается существенным издавать листовки, плакаты и брошюры, разъяснять в школах на уроках истории вопрос о значении архивов для нации, широко агитировать об этом на съездах, собраниях и т. д.»¹⁸⁹.

Таковы были научные взгляды ближайшего помощника и соратника А.С. Николаева – В.В. Снигирева.

Создание на практике классического архивоведения не могло быть обеспечено трудами только А.С. Николаева и В.В. Снигирева. Это заслуга и других создателей классического архивоведения.

С.В. Рождественский

Прежде всего в этом перечне следует назвать Сергея Васильевича Рождественского (1868–1934)¹⁹⁰ – историка, архивоведа, труды которого по истории Министерства народного просвещения А.С. Николаев рекомендовал слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в качестве образцовых во всей современной ему архивоведческой литературе.

Ученик С.Ф. Платонова, С.В. Рождественский был профессором русской истории Санкт-Петербургского университета. В 1920 г. его избрали членом-корреспондентом Российской академии наук. Академик АН СССР (1925).

Сферой его профессиональных интересов были социально-экономическая и политическая история Московского государства XIV–XVII вв. и история народного просвещения в России.

Рождественский – активный участник архивного строительства в первые послереволюционные годы. С 1925 г. он заместитель С.Ф. Платонова по Библиотеке АН СССР, одновремен-

но – профессор университета. Уволен в ноябре 1929 г., арестован 1 декабря того же года. Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. выслан на пять лет. Умер в ссылке. Реабилитирован в 1967 г.

Первый номер журнала «Архивное дело» научно-методического органа Центрархива РСФСР вышел в 1923 г. Открывался он программной статьей С.В. Рождественского «Историк – археограф – архивист», в которой впервые предпринималась попытка решить в историко-теоретическом плане проблему диалога между представителями истории, археографии и архивоведения как различных отраслей научной деятельности. Статья, написанная автором еще в 1918–1919 гг. и предназначенная для журнала «Исторический архив» или другого аналогичного издания, была воспринята в начале 1920-х годов как манифест, провозглашающий самостоятельную (самоценную) сущность деятельности историков, архивистов и археографов в рамках целостной системы научного познания.

Напомним, что идея интегральности научного знания была положена А.С. Лаппо-Данилевским в основу его методологии, и именно это определило рождение классического архивоведения. В полном соответствии с таким концептуальным подходом Рождественский пишет в начале статьи: «Наука только тогда становится наукой, в точном смысле слова, когда из механической совокупности трудов отдельных лиц она становится органически целым, связывающим массу этих трудов *единством обобщающей мысли* (выделено нами. – Т. Х.), традициями известных методических направлений, – тем, что называется “школой”».

В связи с расширением научного интереса и соответственно появлением новых задач в археографической работе археограф, по мнению С.В. Рождественского, не всегда мог помочь историку, и со второй половины XIX в., приблизительно с 1860–1870 гг. (начало деятельности Н.В. Калачова), уступил свое место архивисту. Ученый излагает весь процесс эволюции науки об архивах от этапов, которые в учебнике делятся на эмпирический и традиционный, до начала XX в.: к этому периоду относится рождение классического архивоведения: *архивист* – это первоначально совсем скромный работник, стоящий по характеру своих прямых обязанностей, можно сказать, непосредственно вне круга настоящей научной работы. Его первоначальной прямой обязанностью было только хранить материал и внешне технически обслуживать исследователя, «доставать» ему «дела». Слабая в научном смысле

жизненность такой работы объяснялась в значительной степени тем, что лишь немногие государственные архивы открывались для исследователей. В большинстве так называемых ведомственных архивов ученый до очень недавнего времени являлся редким и далеко не всегда желанным гостем. За семью печатями оставались для него обильные «частные» архивы.

В статье «Историк – археограф – архивист» (1923) Рождественский формулирует основы классического архивоведения.

Формально охранительные обязанности архивной службы расширяются до масштабов научно-исследовательской деятельности. Это превращение вызвано тем, что после революции перед архивоведением были поставлены колоссальные задачи по строительству Единого государственного архивного фонда.

Именно научные задачи по изучению не отдельного документа, а сложного комплекса документов, из которых складывался некий цельный исторический факт, по мнению Рождественского, определили выделение архивоведения в качестве самостоятельной дисциплины. «Архивист перестал быть чиновником и должен стать научным работником высшей квалификации, равноправным сотрудником историка-исследователя и археографа». В то же время, категорически отвергая тенденцию к их самоизоляции и отчуждению, особенно проявившуюся в начале XX в., он провозглашает характерный для классического архивоведения принцип гармонии, базирующийся на понимании общекультурной гуманитарной основы работы историка, археографа и архивиста.

Согласно концепции Рождественского, задачей отношений первого уровня (архивист – археограф) является формирование базового информационного пространства на основе упорядочивания архивных массивов. При этом археографическое освоение источниковой базы позволяет исследователю выявить механизмы управления историческим знанием, целенаправленного воздействия на характер общественных представлений о прошлом, т. е. определить состояние общественного исторического сознания, уровень общей культуры, характер государственности и т. д.

На втором уровне (археограф – историк) отношения еще более усложняются: на отдельных этапах археография способна принимать на себя интеллектуальную инициативу, целенаправленно формируя историографическое пространство. Это порождает противоречия в отношениях археографа и историка, поскольку

ку, с точки зрения историка, археограф должен ограничиваться только предоставлением ему источника как факта, не вторгаясь в интерпретаторскую работу исследователя.

Главная мысль, вытекающая из исторически сложившегося соотношения интересов и методов работы историка-исследователя, археографа и архивиста, состоит в том, что как только русская историография поднялась до степени действительной науки, это соотношение стало опираться на две одинаково важные силы – на индивидуальное, личное творчество и на коллективно организованную работу питания науки новым материалом.

В идеале обе эти силы, немыслимые одна без другой, должны находиться в состоянии равновесия. Но в действительной жизни науки каждая эпоха создает особое их сочетание, особенно выдвигая значение той или другой.

В условиях внешнего кризиса, переживаемого исторической наукой, особенно значительно и остро поднимается проблема коллективной организации научной деятельности. Необходимым условием этой организованности, окрыляющей творчество каждого отдельного работника науки, является самое тесное сближение историка-исследователя, археографа и архивиста, взаимное проникновение их интересов и методов работы¹⁹¹.

Тем самым Рождественский исчерпывающе объясняет причины, по которым архивоведческая мысль в пределах классической науки об архивах развивалась в рамках всевозможных междисциплинарных объединений (Союз РАД, Архивные курсы при Петроградском археологическом институте, Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского и др.), а не только – и даже не столько – в многочисленных комиссиях и отделах Главархива, где собирались только профессиональные архивисты.

Таким образом, излагая свои взгляды с позиций классического архивоведения, С.В. Рождественский близко подошел к современной трактовке отношений между архивистикой, археографией и историографией как междисциплинарного диалога или, по его терминологии, «гармонического сочетания» результатов работ специалистов в области разных научных дисциплин на профессиональной основе.

Таковыми были люди, согласившиеся вести занятия для архивистов на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте под руководством А.С. Николаева.

А.Е. Пресняков

Высокий научный престиж курсам придавало участие в их работе Александра Евгеньевича Преснякова (1870–1929)¹⁹², историка, архивиста и источниковеда.

Его речь на церемонии открытия курсов 31 августа 1918 г. является своеобразным манифестом классического архивоведения, в частности по той простой причине, что он одним из первых призвал архивистов рассматривать архивные документы в самом широком контексте, включая гуманитарный. Исторический источник, по мнению А.Е. Преснякова, есть посредствующее звено между историком и явлениями действительности – будь то запись сведений о былом или текст, созданный в результате законодательной деятельности власти или *духовно-культурного творчества*.

Вместе с С.В. Рождественским Пресняков обратил внимание на существенную разницу между трудом археографа-издателя и трудом архивиста и историка-исследователя: ошибки, даже опечатки издания, односторонность или случайность подбора текстов и другие возможные промахи и неловкости издателя влекут за собой подчас роковые последствия для исследователя, не всегда имеющего возможность обратиться к подлинному документу. «Готовые схемы, предвзятые точки зрения, ходячие мнения и порой даже фактические данные нередко оказываются, при обращении к подлинному документу, подлежащими критике и пересмотру. <...> Подлинно научное издание может выйти только из рук архивиста, который является в то же время и хорошо подготовленным исследователем в той области исторической науки, которой касаются обрабатываемые им для издания материалы. Но надлежащая постановка такой работы возможна лишь при серьезной научной подготовке *архивистов-исследователей*».

Далее следует вывод – одно из исходных положений классического архивоведения: «Рациональная постановка архивного дела уже сама по себе является мощным стимулом возможных успехов развития исторической науки. Ученые архивисты держат в руках ключи от богатейших сокровищ, назначение которых оплодотворяет науку и *обуславливает основные этапы познания прошлого*».

А.Е. Пресняков родился в семье инженера-путейца. Окончив в 1889 г. гимназию в Тифлисе, поступил в Петербургский университет.

По собственному признанию, он принадлежал к петербургской исторической школе – школе историка-источниковеда

В.Г. Васильевского, «органической ветвью которой стала и наша школа русских историков, воспитанная в аудитории у С.Ф. Платонова». Ее основную особенность, в отличие от московской школы С.М. Соловьева – В.О. Ключевского, он определял как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном отношении к источнику и факту, независимо от историографической традиции¹⁹³.

Пресняков окончил университет в 1893 г., написав по предложению С.Ф. Платонова дипломную работу о Царственной книге. Преподавал в частных гимназиях, в Екатерининском сиротском институте и других учебных заведениях.

Ко времени Первой русской революции он сблизился по своим политическим взглядам с кадетами, после ее поражения отошел от политики и углубился в изучение истории Киевской Руси. С 1907 г. читал лекции в Петербургском университете, стал сотрудником, затем членом Археографической комиссии АН. Внес большой вклад в дело публикации летописей на новом теоретическом уровне, начатое трудами А.А. Шахматова.

В 1909 г. он защитил магистерскую диссертацию «Княжое право в древней Руси», в 1913 г. приступил к работе над монографией «Образование Великорусского государства», защищенной им в 1918 г. в качестве докторской диссертации.

В 1917 г., сразу после Февральской революции, А.Е. Пресняков активно включился в борьбу за спасение и сохранение архивных документов, а также собирание новых исторических источников. Когда по почину Союза солдат-республиканцев Петроградского гарнизона было образовано Общество изучения революции 1917 г., его председателем избрали Преснякова – одного из видных представителей нового поколения университетских ученых.

Пресняков так описывал историю создания Союза. С первых дней Февральской революции образованные люди сознательно стремились сделать все возможное для того, чтобы закрепить в памяти, не личной только, но и коллективной, все существенное, характерное в течении революционных событий. Этот порыв к спешному собиранию по мере развития событий сведений о них и оставляемых ими вещественных свидетельств проявился как среди солдат Петроградского гарнизона, молодого офицерства из прапорщиков запаса и учащейся молодежи, так и среди людей старших поколений¹⁹⁴. Так возникли при некоторых полках Петроградского гарнизона исторические комиссии для сохранения

памяти о выступлениях войсковых частей, которые привели к появлению Дома-музея борцов за свободу – первой попытке создать историко-революционный музей с архивом при нем.

По его поздним воспоминаниям, Общество изучения революции приняло не только собирать разнообразный материал, отражавший быструю смену событий, но и создавать источники будущего изучения русской революции путем опроса видных ее деятелей и рядовых участников движения, чтобы сохранить по свежим следам фактические следы пережитых моментов¹⁹⁵.

Пресняков обосновывал деятельность Общества не сиюминутными конъюнктурными запросами, а «велемием вечности».

На свертывание деятельности самодеятельных архивистов повлияло враждебное отношение к ним новых властей. Так, в газете «Известия Наркомвоена» (1919. № 96) появилась заметка некоего Александра Буцевича «Народный военно-исторический музей», где он подчеркивает: «Подобным явлениям не должно быть места в советской России»¹⁹⁶.

Аналогичная заметка за подписью Е.Я. (Емельян Ярославский?) была помещена чуть раньше в газете «Правда» (1919. 24 апр. № 86) под заголовком «Нужно ли это?». В ней автор обрушивается на проект создания отделения по описанию исторических и других знамен при Комиссии по организации и устройству народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг. «Мы прямо отвечаем, – пишет автор, – *рабочему классу это не нужно*».

Так новая власть отреагировала на попытку создания народных музеев и архивов, целью которых было собирание и хранение подлинных исторических памятников.

В апреле 1918 г. А.Е. Пресняков защитил докторскую диссертацию, стал профессором Петроградского университета, деканом археографического факультета Петроградского археологического института, позднее преподавал в Педагогическом институте им. Герцена и в Институте красной профессуры.

В архивной реформе он принимал участие как представитель Петроградского университета в Центральном комитете по управлению архивами, позже стал сотрудником Петроградского отделения ГУАД. В начале июня 1918 г. работал в комиссии по доработке Положения о Главном управлении архивным делом. С мая–июня 1918 г. стал членом исполнительного органа архивного руководства – архивной инспекции. Он лично обследовал дела Канцелярии Временного правительства, архива Коммерческого суда, фонда Чрезвычайной комиссии по расследованию наруше-

ний законов и обычаев войны, фамильного архива князей Юсуповых и т. п. и организовывал их перевозку в архивохранилища. Вспоминая об этой работе, А.Е. Пресняков писал, что наблюдал за разбором материала, оставшегося после Временного правительства. Судьба этого фонда довольно типична для условий, в которые тогда попали документы только что пережитого прошлого. Все делопроизводство бывшей Государственной канцелярии (ставшей после Февральской революции Канцелярией Временного правительства) было вывезено из прежнего помещения в Маринском дворце, свалено на грузовики без упаковки и перевязки, выгружено в нескольких комнатах нижнего этажа Комиссариата юстиции (б. Министерства юстиции) на Екатерининской улице беспорядочными грудами на пол и в таком виде поступило в ведение нового архивного управления. Это были делопроизводственные материалы, т. е. документы, даже не сформированные в дела. Поэтому они представляли собой груды отдельных листов, разрозненных и перепутанных.

В октябре 1918 г. Преснякова назначили руководителем справочно-статистического отдела, который ведал организацией описательной работы в секциях ГАФ и выпуском справочной и методической литературы. Через год, после образования на базе совещания постоянной научно-технической комиссии, он стал ее председателем.

Под его руководством комиссия организовала целый комплекс мероприятий (рассылка по архивам опросных листов и анкет по личному составу, составление описей частных и провинциальных архивов и т. п.) с целью осуществления научных принципов в архивной технике и объединения архивов на основе единообразных научно и практически обоснованных приемов работы над архивным материалом.

С 21 января 1919 г. он руководитель инспекции ГУАД, которая состояла из шести сотрудников. Осуществлял методическое руководство практической инспекционной работой, а также координировал поездки инспекторов по северо-западным губерниям России. По оценкам С.В. Чиркова, Пресняков в качестве инспектора архивной инспекции только в мае 1918 г. принял экстренные меры к охране библиотеки Главного комитета по делам местного хозяйства, выяснил возможность вывоза документов Земского отдела МИД и организовал их перевозку, обследовал фонд Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны и рассмотрел вопрос о приеме его на хранение.

8 июня 1918 г. его избрали в состав комиссии по составлению проекта распределения ГАФ по секциям вместе с С.Ф. Платоновым (председатель), Я.Л. Барсковым, В.Г. Дружининым и А.С. Лаппо-Данилевским. Одновременно в июне 1918 г. Пресняков вошел в комиссию по доработке Положения о ГУАД – нормативного акта, который был взят за основу осуществления архивной реформы. Он также принимал участие в разработке проекта Положения о губернских архивах.

О его отношении как представителя классического архивоведения к декрету от 1 июня 1918 г. свидетельствует следующая оценка научного значения заложенной в нем идеи создания ЕГАФ: «Плодотворной была сама идея единого Государственного архивного фонда. Связывая в одно целое все архивные ценности страны как общегосударственное, народное достояние, она придавала особую значительность и устойчивую опору второстепенным и вовсе мелким собраниям документов, которые подлежали учету и охране как части этого обширного фонда, а могли казаться ничтожными в своей оторванности, сами по себе. Охватывая требованиями организованного учета и хранения все архивные материалы, эта идея открывала широкие возможности их систематического выявления, систематизации и изучения»¹⁹⁷.

В связи с образованием коллегии Петроградского отделения ГУАД А.Е. Пресняков вошел в ее состав и стал заведовать второй (юридической) секцией ГАФ. Кроме того, выполнял функции ученого секретаря совещания при заведующем Петроглавархивом, которое действовало с конца 1919 г. до середины 1921 г.

В 1920 г. научные заслуги ученого были отмечены его избранием в члены-корреспонденты РАН.

Научно-организационная деятельность А.Е. Преснякова основывалась на убеждении, что издание исторических материалов может быть правильно поставлено лишь тогда, когда дело это находится в руках тех, кто стоит в непосредственной близости к архивным фондам, изучает в полном объеме их состав, т. е. в руках архивистов. Он обосновывал это тем, что без методически поставленной и систематически проведенной работы над постоянным изучением состава, происхождения и судеб архивных фондов невозможно историческое изучение прошлой жизни. Именно в этом он видел существенную сторону архивоведения как науки, результатом которой должно стать создание «твердого архивного кругозора, необходимого для отчетливой исторической методологии»¹⁹⁸.

Таким образом, схему Рождественского «архивовед – археограф – историк» он дополнил введением еще одного звена – историковеда. В связи с этим приобретает особый смысл сформулированный им один из главных постулатов классической науки об архивах, утверждающий самоценность архивных документов: анализ источника, необходимый для оценки его значения и надежности, должен строиться на «изучении памятников самих по себе, как продуктов людской деятельности и особых приемов творчества, отразивших в себе строй отношений и воззрений, а также уровень технического умения в постановке и достижении определенных целей»¹⁹⁹.

С.В. Чирков, комментируя эту мысль Преснякова, отмечает ее поворотное значение для становления качественно новой науки об архивах, не используя, правда, для ее обозначения особого термина (оно в данном учебнике называется классическим архивоведением): «Архивоведение, получая самостоятельный предмет в изучении состава, происхождения и судеб архивных фондов, оказывалось уже не “системой практических сведений”, как в представлениях начала XX века, а *самостоятельной научной дисциплиной*, имеющей сходные с археографией задачи, но иной объект – не индивидуальные памятники, а архивные фонды». В этом плане Пресняков расходился с мнением, бытовавшим в окружении С.Ф. Платонова, согласно которому нет достаточных оснований для отнесения теории архивного дела к разряду научных дисциплин. Как отмечает С.В. Чирков, здесь он был ближе к числу учеников Лаппо-Данилевского, последователи которого (А.И. Андреев, И.А. Блинов, С.Н. Валк, И.Л. Маяковский, В.Н. Нечаев и др.) занялись активным пересмотром традиционных постулатов архивной науки. Согласно С.В. Чиркову, создатели новой науки об архивах пересматривали традиционные ее постулаты, т. е. осуществляли переход к ней от традиционного архивоведения²⁰⁰.

Не ограничиваясь теоретической и практической деятельностью, А.Е. Пресняков продолжил активную работу как педагог-воспитатель новых архивных кадров. Участвовал в подготовке архивистов-исследователей на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, а после их закрытия стал деканом археографического отделения факультета общественных наук Петроградского университета.

Предпринятая в 1923 г. кадровая «чистка» петроградских архивов вынудила Преснякова (вместе с Платоновым) заявить об уходе из руководящих архивных органов. Свое заявление об отставке они мотивировали ненормальностью положения,

в которое поставлено заведование Петроградским отделением Центрархива, лишенное доверия и полномочий, необходимых для ответственного ведения дел²⁰¹. Отставка была принята. Однако он продолжал работать на рядовых должностях в Центрархиве, в частности в Комиссии по истории труда в России, сотрудничал с Комиссией по изучению декабристского движения. На основе собранной в Центрархиве коллекции подлинных документов он написал и опубликовал в 1926 г. монографию о событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге.

В 1928 г. кандидатура Преснякова выдвигалась в действительные члены Академии наук СССР, но он уже был тяжело болен и спустя несколько месяцев, в сентябре 1929 г., умер.

Особое место в списке создателей новой науки об архивах занимают историки Е.В. Тарле, Ю.В. Готье, О.А. Добиаш-Рождественская, И.И. Любименко и многие другие. Выделим из этой плеяды имена тех ученых, которые были наиболее близки к Архивным курсам и лично к А.С. Николаеву, т. е. принимали прямое участие в создании классического архивоведения.

Е.В. Тарле

Евгений Викторович Тарле (1875–1955)²⁰² – отечественный историк, «дважды» академик АН СССР (1927, исключен в 1929 г., восстановлен в 1938 г.).

Участник архивного строительства в первые послереволюционные годы.

Преподавал на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, где читал лекции об архивах Франции. В 1918 г. возглавлял V (историко-экономическую) секцию Единого государственного архивного фонда.

В 1918–1919 гг. в публикациях по истории якобинской диктатуры косвенно осудил послеоктябрьский большевистский террор.

Выступая перед слушателями Архивных курсов при ПАИ в 1918 г., он высказал мнение многих историков о том, что принцип отбора документов – самый вандалский принцип в архивном деле, совершенно недопустимый. Всякий документ ценен прежде всего как отражение когда-то живой действительности; если архивист, получив из какого-нибудь ведомства ряд документов, станет распределять эти документы по разным папкам и одни из них

будет уничтожать, а другие сохранять, он совершает преступление, так как разрушает фонд. «Цельность фонда ни в коем случае нарушать нельзя, нельзя разъединять те бумаги, которые приняты были в одной папке, в одной связке, в одном картоне, мало того, нельзя разъединять и те папки, связки, картонные, которые вышли из одного ведомства.

Надуманная классификация, как бы она ни была стройна и логична, никуда не годится для историка, которому нужен материал во всей его целостности, в том неприкосновенном виде, в каком фонд поступает из министерств.

Для будущего исследователя важно уловить, *что* чиновник ведомства считал в свое время целостным, неразъединимым делом. В этом сила историка: выбирая те материалы, которые могут ему пригодиться, он их не бросает в огонь, не уничтожает, он ими лишь не пользуется. Архивист же, причисляя данный документ к разряду *feodaux* (*феодальных*) или *inutiles* (*бесполезных*), тем самым уничтожает его, то есть делает нечто непоправимое»²⁰³. Это было важно, потому что выступавшая в одно время с ним и в той же аудитории И.И. Любименко отстаивала прямо противоположный взгляд. Сравнивая классификацию документов, принятую в английских архивах, где документы распределены по фондам не по внутреннему содержанию, а по условиям их поступления в архив, с организацией документов в МГАМИД по тематическому признаку («Английские грамоты», «Английские книги» и «Английские дела»), она отдает предпочтение библиотечно-пертинентной системе МГАМИД, поскольку в Англии в поисках нужных материалов ей пришлось перерывать обширные и пестрые фонды трех архивохранилищ²⁰⁴.

Е.В. Тарле много и плодотворно работал в ЦГАДА, ЦГИАЛ и других архивах. До ареста в январе 1930 г. – профессор ЛГУ. Был репрессирован и осужден на пять лет ссылки в Алма-Ату по «академическому делу». После возвращения из ссылки в 1933 г. продолжил научную работу в архивном управлении в Ленинграде.

Свои взгляды на значение архивных документов для исторической науки Тарле наиболее полно выразил в докладе «Историческая наука и государственные архивы», с которым выступил на научной конференции историков-архивистов в Москве 16 июля 1948 г. На основе доклада он подготовил статью, опубликованную в 1961 г. Ее главная идея, актуальность которой сохранилась до сих пор, заключается в следующем:

«Историк должен искать надежный фундамент для возведения здания исторического исследования. Таким фундаментом могут быть исключительно документы, хранящиеся в государственных хранилищах, или, точнее, документы, поступающие в архивохранилища из государственных учреждений. Основания для такого утверждения очевидны. Бумаги, в которых выражалась деятельность государственных учреждений, все эти старые бумажные следы когда-то действовавших бюрократических механизмов, все эти запросы, ответы, отношения, резолюции и т. д. писались в свое время для текущих деловых потребностей, а вовсе не для вас и не за тем, чтобы вас, читателя, для каких-либо целей сбить с толку, потому что должностные лица, писавшие эти бумаги, совсем не имели в виду, что их бумажку “за номером” будут спустя полтора-два столетия читать какие-то совсем посторонние личности»²⁰⁵.

До сегодняшнего дня сохраняет актуальность оценка деятельности молодых поколений русских архивистов, высказанная Тарле еще в 1918 г., о том, что на них возлагается одна из наиболее важных для национальной культуры миссий: им вверяется охрана памяти судеб отечества.

Ю.В. Готье

Юрий Владимирович Готье (1873–1943)²⁰⁶ – историк, археолог, знаток архивного, музейного и библиотечного дела. Академик.

В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1915 г. утвержден в звании экстраординарного, с 1917 г. – ординарного профессора Московского университета.

С 1898 по 1930 г. он хранитель, заведующий библиотекой Румянцевского музея, ученый секретарь, заместитель директора Всесоюзной государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

На Архивных курсах при ПАИ читал лекции по истории и современному устройству Стокгольмского государственного архива. Первая его научная публикация на эту тему появилась в историко-архивоведческом сборнике И.И. Зубарева (1911).

Готье преподавал на московских Высших женских курсах (1902–1918), в Народном университете им. А.Л. Шанявского (1913–1918), Институте народов Востока (1928–1930), Историко-архивном институте (1934–1941) и др.

В 1922 г. его избрали членом-корреспондентом, в 1939 г. – действительным членом АН СССР.

Из дореволюционных работ Готье следует отметить его магистерскую диссертацию «Замоскворецкий край в XVII веке», защищенную и опубликованную в 1906 г. Чтобы обработать большой материал писцовых и переписных книг XVII в., Готье в течение четырех лет практически ежедневно занимался в архиве. Затем он проделал трудоемкую работу по сведению собранных материалов в таблицы, наглядно показывающие движение населения центрального района на протяжении века, виды высеваемых хлебов и систему земледелия, размеры крестьянских земельных наделов и их изменения к концу столетия.

Ю.В. Готье одним из первых обратил внимание исследователей на источниковедческое значение материалов делопроизводства русских внутренних таможен.

Докторская диссертация Готье «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» (I том этого труда вышел в 1913 г., II том – в 1941 г.) была построена на использовании огромного объема архивного материала.

Теоретическая основа науки об архивах нашла свое отражение в выступлении Готье на I Всероссийской конференции архивных деятелей (29 сентября – 3 октября 1921 г.), на которой он выступил с докладом «Движение исторической науки в связи с развитием археографии». Начало русской археографии (в ее состав в соответствии со взглядами того времени Готье включал архивное дело) он относит к царствованию Екатерины II, когда в 1770 г. был допущен в МАКИД князь М.Н. Щербатов.

По мнению Готье, глава архива с 1776 г. Миллер не только классифицировал документы, но и фактически создал известную Новиковскую древнерусскую библиотеку, а также поделился документальными источниками с Щербатовым.

Перечислив заслуги Румянцевского кружка, П.М. Строева и Н.М. Карамзина перед русской историей, Ю.В. Готье указал, что затем почти на 30 лет МАКИД становится лабораторией для С.М. Соловьева. Отсюда он делает вывод, что с этого времени благодаря деятельности Н.В. Калачова, Н.И. Попова и Д.Я. Самоквасова архив стал научной лабораторией, из которой вышли прекрасные исторические исследования. «Таким образом, – пишет он, – развитие русской исторической науки во второй половине XIX века тесно связано с превращением наших архивных сокровищниц в научные лаборатории».

Переходя к современности, Готье замечает, что работа по приведению архивов в порядок более или менее налажена в старых архивах, но только начинается в провинциальных молодых архивохранилищах. От этого приведения в порядок архивных документов «зависят ближайшие задачи русского архивного будущего. В этом задача архивистов. Устранение последнего препятствия будет толчком для развития историографии по изучению XIX столетия»²⁰⁷.

С начала 1917 г. и по июль 1922 г. Готье вел дневник, тогда же ему удалось переправить его за рубеж. В настоящее время дневник хранится в рукописном отделе Гуверовской библиотеки (США). На русском языке дневник («Мои заметки») был опубликован впервые в 1991–1993 гг. в журнале «Вопросы истории».

* * *

Отстранением А.С. Николаева и его соратников от активной деятельности в области архивного дела, а также самоустранением ряда ведущих историков-архивистов от участия в разработке научных основ всероссийской архивной реформы закончился героический этап становления классического архивоведения. Он был начат трудами А.С. Лаппо-Данилевского (на теоретическом уровне) и продолжен Союзом РАД, петроградскими научно-теоретическими комиссиями и отделами при ГУАД под руководством Д.Б. Рязанова, а также некоторыми учеными, пытавшимися превратить процесс становления новой общенациональной системы архивов в своеобразную основу борьбы за сплочение всех культурных сил России, в частности местных ученых и учителей школ вокруг государственного аппарата (в лице первого состава Главархива до прихода туда по направлению ЦК РКП М.Н. Покровского, В.В. Адоратского, В.В. Максакова и др.).

Эта идея потерпела поражение.

Но законы саморазвития науки продолжали действовать. Центр тяжести теоретических разработок, необходимых для дальнейшего развития новой науки об архивах, вновь, как и в последнее предреволюционное десятилетие и в первые годы после установления советской власти, все больше перемещался в сферу деятельности отдельных энтузиастов архивного дела, объединенных сознанием личной профессиональной ответственности за порученное им Обществом и Государством дело.

Глава 4

Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского: вклад в развитие архивоведческой мысли

Создание кружка было связано с настоятельной потребностью деятелей, развивавших идеи классического архивоведения, выйти из рамок официальных институтов и обрести возможность дискутировать в свободной, неформальной обстановке. Вот как выглядела эта процедура, отраженная в соответствующей протокольной записи.

А.И. Лебедев говорит, что выслушал «Годовой отчет о занятиях кружка архивных работников», зачитанный О.Е. Корнилович (секретарь кружка со дня его основания. – Т. Х.). Работа оказалась весьма продуктивной. Создался коллектив работников, весьма интересующихся архивным делом (в это время в работах кружка на постоянной основе участвовали 12 членов. – Т. Х.). «Круг вопросов, который нас объединил, приводит невольно на память А.С. Лаппо-Данилевского, который одним из первых горячо откликнулся на них. Несомненно, будь он жив, он не уклонился бы от нашей работы». А потому А.И. Лебедев предлагает кружку прибавить к своему названию это высокоавторитетное имя.

Андреев и Маяковский горячо поддержали это предложение. Маяковский: «Присоединение такого имени даст кружку прочную опору. Это имело бы не только формальное значение, а и по существу, так как многие члены кружка – прямые ученики Александра Сергеевича. Кроме того, это имя будет привлекать к кружку новых серьезных членов».

Андреев, председательствующий на заседании, подводит итог: в нашей среде эта мысль встречает полное единодушие, а потому кружок с этого дня может себя считать принявшим имя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского²⁰⁸.

Инициатором создания Кружка архивных работников в 1920 г., как и Союза РАД в 1917 г., был А.И. Лебедев. Краткий очерк о его жизни и архивной деятельности представлен в разделе, посвященном Союзу РАД.

В «Отчете о деятельности II отделения В/М секции ЕГАФ за пятилетие 1918–1923 гг.» говорится о том, что по инициативе А.И. Лебедева и других сотрудников отделения – Г.А. Князева и М.Н. Мурзанова – после конференции архивных работников

в 1920 г. был создан научный кружок им. А.С. Лаппо-Данилевского. Этот кружок в течение последних лет разрабатывал многие архивно-технические вопросы, главным образом архивную терминологию²⁰⁹.

Во вступительной речи 14 июня 1920 г. Лебедев связал открытие кружка с результатами работ только что окончившейся 1-й конференции архивных деятелей Петрограда, всеми пленарными заседаниями которой руководил А.С. Николаев. Именно здесь Г.А. Князев выступил с докладом «Об архивной терминологии».

А.С. Николаев, В.В. Снигирев, А.И. Лебедев, Г.А. Князев, И.Л. Маяковский к этому времени уже осознали иллюзорность надежды «на место отрицательного опыта нашего архивного прошлого перенести en bloc положительный опыт западноевропейских архивов, реципировав все выработанные ими методы и приемы», поскольку это обесценило бы имевшиеся в прошлом попытки подлинной строительной работы над архивами, оторвало бы исторически сложившиеся русские архивы от взрастившей их почвы²¹⁰. Отсюда осознание архивистами 20-х годов прошлого столетия важности сформулированного А.С. Лаппо-Данилевским принципа методологии развития научного знания, рассматривающего вопросы формирования и совершенствования понятийного аппарата как важнейший фактор развития теории и создания новых научных дисциплин.

Так возникла ориентация на самостоятельное развитие отечественного архивоведения, которое в связи с обострением противостояния московского центра во главе с М.Н. Покровским петроградской школе с ее научным свободомыслием начало приобретать формы кружковой работы. Члены кружка рассматривали разработку терминологии как необходимое условие создания «практической теории» в качестве прочного фундамента дальнейшего архивного строительства. Поэтому они единодушно одобрили на первом же, учредительном, заседании, которое вел А.И. Лебедев, представленную Г.А. Князевым концепцию работы кружка.

Лебедев отметил, что до сих пор архивистами разрабатывались практические, текущие вопросы сегодняшнего дня. Нужно переходить к принципиальным вопросам.

Князев поддержал его, сказав, что одним из самых принципиальных вопросов является архивная терминология. Не решив его, нельзя двигаться дальше. Этот вопрос надо ставить в первую очередь, воспользовавшись тезисами моего доклада на конферен-

ции, разрабатывая каждый термин сначала практически, на конкретных примерах, а затем из них делать теоретические выводы, выжатые в логических формулах.

Первые вопросы, которые следует поставить, – о терминах «фонд», «единица хранения», «архивный материал», «сборник документов», «архивный документ» и его частные определения, «опись, описание, реестр» и т. д.²¹¹

Поскольку эта программа Г.А. Князева, дополненная некоторыми другими участниками заседания, была положена кружком в основу его работы, остановимся на жизни и деятельности Г.А. Князева подробнее.

Г.А. Князев

Георгий Алексеевич Князев (1887–1969)²¹² – историк, теоретик и практик архивоведения. Первые научные работы опубликовал в 1912 г., будучи еще студентом историко-филологического факультета Петербургского университета.

В 1913 г. поступил на службу в архив Морского министерства и занимался изданием документов времен Петра I.

В 1914–1918 гг. участвовал в подготовке к изданию четырехтомного труда «Материалы по истории Гангутской операции».

После революции он был одним из учредителей Союза РАД. На собраниях Союза выступал за облегчение доступа в архивы исследователей и сокращение объема дел с грифом секретности. Эту инициативу горячо поддержали первый председатель Союза А.С. Лаппо-Данилевский и другие историки и архивисты. Но практического воплощения эта программа не получила, дело не пошло дальше создания соответствующей комиссии.

В 1917–1926 гг. Князев руководил историческим отделом Морского архива, деятельность которого в 1927–1929 гг. руководство Главархива постепенно свертывало, считая ее неактуальной, и в конечном счете отдел закрыли.

На Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, а затем в Центрархиве Князев читал лекции по архивоведению, позже занял должность доцента кафедры вспомогательных исторических дисциплин в Ленинградском университете. На 1-й конференции архивных деятелей Петрограда (25–28 мая 1920 г.) впервые представил разработанную им на заседаниях кружка систему разработки архивной терминологии, в том чис-

ле определение понятия «фонд», которое обсуждалось также на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г.

По оценке В.Н. Автократова, его определение архивного фонда основывалось на методологических взглядах А.С. Лаппо-Данилевского, которые Н.Д. Кондратьев (1915) излагал следующим образом: «Если источник есть реализованный продукт психики, то, следовательно, он есть результат творчества (в широком смысле), значит, он есть и некоторое телеологическое единство, единство реализовавшегося в нем сознания творца»²¹³.

Г.А. Князев и его единомышленники по кружку исходили из того, что искусственный порядок формирования архивов по объективным классификационным схемам, который определил их устройство во многих центральных ведомственных и исторических архивохранилищах, тоже представляет собой в этом смысле единство чужого сознания. Они являются как бы совокупными историческими источниками, а всякий исторический источник, как полагал Лаппо-Данилевский, есть телеологическое (целоположенное) построение историка. Поскольку Князев хотел учесть все методологические указания своего учителя применительно к архивной практике, у него получилось громоздкое определение:

«Архивным фондом называется совокупность единиц хранения архивного материала, объединенных в архиве в одно обособленное целое под одним названием и обычно имеющих самостоятельную для данного собрания архивную нумерацию. Архивным фондом может быть группа архивного материала:

- а) являющаяся результатом деятельности учреждения или лица-фондообразователя,
- б) собранного учреждением или лицом-фондособирателем из результатов деятельности других учреждений или лиц и
- в) исторически сложившаяся или специально собранная в архиве»²¹⁴.

В ответ на возражения оппонентов, в частности сделанные в декабре 1923 г. на коллегии научно-теоретического отдела Петроградского отделения Центрархива в 1923 г., Князев говорил, что к понятию «архивный фонд» можно подойти теоретически и практически. Он избрал второй путь. «Возьмем исторически сложившуюся или специально образованную группу единиц хранения архивного материала, обособленную в самостоятельное целое, групповую архивную единицу под общим названием и с одной, по возможности, отдельной для данного собрания нумерацией еди-

ниц хранения. Это может быть названо архивным фондом? Если нет, то как надо называть такую группу архивного материала, что же в таком случае нужно называть архивным фондом и нужны ли еще какие-либо другие подобные термины?.. Большинство членов считает, что такую группу материалов можно назвать архивным фондом. Это удобно во всех отношениях, в частности, для архивной статистики: регистрируются, с одной стороны, архивные фонды, а с другой – фондообразователи. При этом становятся ненужными предлагаемые разными авторами (Князев имеет в виду, в частности, Воронова, Русинова и французского архивиста Дежардена. – Т. Х.) дополнительные термины, типа “серия”, “собрание документов” и др.»²¹⁵.

Терминологические дискуссии были прекращены вскоре волевым решением М.Н. Покровского. На 1-м съезде архивных деятелей в 1925 г. он говорил, что в старое время в высших учебных заведениях любили теории всякого рода. Эти разговоры о теориях есть отражение старой приверженности к книге, а жизнь сейчас нас от книги влечет и страстно тащит к практической работе. Его поддержал В.В. Максаков. С критикой определения Князева на съезде выступил теоретик московской школы Б.И. Анфилов. Главным недостатком предложенной ленинградцами дефиниции фонда он считал неправильное, с его точки зрения, понимание характера связи, объединяющей материалы фонда. Москвичи эту связь видели в органичности процесса отложения данного материала, а ленинградцы – во внешнем объединении материалов или в известной доле придавали значение и этому внешнему объединению, называя их «собранными» или «специально образованными» группами архивного материала. Под определение подходили не только естественно образовавшиеся объединения материалов, но и искусственно созданные объединения, т. е. коллекции, собрания того или иного архивного материала, возникшего в результате целевой деятельности архивных работников, ведомственного или частного начинания. Такой материал, по мнению Анфилова, не следует признавать фондами.

Парируя эти возражения, Г.А. Князев ссылаясь на то, что в реально существующих архивах архивный материал некоторых учреждений вошел целиком или полностью в состав материалов других учреждений. Он предлагал свое определение фонда как основу единой учетной групповой единицы, охватывающей все многообразие архивного материала. Некоторые делегаты съезда (И.И. Третьяков, В.В. Шереметевский) поддерживали такой

подход. Ленинградец Третьяков считал, что исходить нужно из действительности, а не строить схему. А москвич Шереметевский с учетом определения Князева предложил собственный вариант: «Архивный фонд есть совокупность единиц хранения, объединенных особым общим заглавием, соответствующим его индивидуальному характеру, и особой частной нумерацией единиц»²¹⁶.

В результате съезд признал практически приемлемой «московскую формулировку», хотя не считал ее окончательно установленной. Затем в течение еще нескольких месяцев над уточнением дефиниции работала терминологическая комиссия Центрархива, в деятельности которой ленинградские архивисты уже не принимали участия.

Итогом работы комиссии явилось требование убрать из определения фонда слова «органически сложившийся» как «выражение неясное, уводящее в область биологии и допускающее неподходящее толкование»²¹⁷. Комментируя исключение этого понятия из дефиниции «фонд», Автократов вполне справедливо указывает на его идеологические истоки, говоря, что, по-видимому, боязнь термина «органический» была вызвана стремлением размежеваться с буржуазным архивоведением, в частности с голландскими авторами, которые сравнили «восстановление регистратуры» с работой палеонтолога, и отразила развернутую в 1920-х годах борьбу марксистской науки против позитивистской социологии и неокантианства. В 1925 г. этот вопрос приобрел особенную остроту.

Безоговорочно поддержав определение москвичей, В.Н. Автократов считал возможным заменить «немарксистское» понятие «органическая целостность» на «вполне марксистское» – «результат естественно-исторического процесса».

Позиция Князева и его единомышленников по вопросу о том, что такое архивный фонд, имела очень важное рациональное зерно. В любом случае нельзя дробить исторически сложившийся фонд, даже если он априори противоречит правильной схеме.

Дискуссия питерцев и москвичей предстает сегодня как своеобразное преломление бесконечного спора о сущности жизни, которая не является ни хаосом, ни упорядоченным равновесным процессом, а скорее всего есть своеобразная, динамически развивающаяся, целостная структура, объединенная внутренне непротиворечивой сигнально-информационной системой взаимосвязей со средой бытования. Важно подчеркнуть, что в последовательном отстаивании своих теоретических взглядов Г.А. Князев

в 1920-е годы выглядел достойным представителем классического архивоведения. Его позиция не была поколеблена в том, что он считал главным: не допустить массового реформирования уже сложившихся, описанных и вошедших в научный оборот архивных комплексов.

1 октября 1929 г. Князев был назначен директором Архива Академии наук СССР, где проработал около 40 лет.

В 1931 г. начали публиковаться его работы по истории Академии наук СССР, основанные на документальных материалах старейшего научного архива России. По его инициативе и под его руководством была развернута коллективная работа по составлению «Обозрения архивных материалов» (I том издан в 1933 г.) – первого советского путеводителя по архивам.

Особую, героическую главу составляет жизнь и деятельность Князева в годы блокады Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Полупарализованный, перемещаясь из дома на работу в Архив АН СССР в инвалидной коляске, он (вместе с А.И. Андреевым и немногими другими сотрудниками, также умиравшими от голода) прилагал титанические усилия по спасению бесценных документов от гибели и разрухи. И кроме того, почти ежедневно в полутьме писал дневник, рукопись которого была использована Д.А. Граниным и А.М. Адамовичем во второй части их «Блокадной книги».

Князев пережил войну и блокаду. В августе 1942 г. он был вывезен в эвакуацию, потом вернулся в Ленинград, к своей работе в Архиве АН СССР.

За полвека научной деятельности Г.А. Князев опубликовал 80 книг, брошюр, статей и других изданий; самым популярным из них был его учебник «Теория и техника архивного дела» (Л., 1935), в котором он в конечном счете признал позицию москвичей правильной, поскольку слишком широкое понимание термина «архивный фонд» могло внести большую путаницу в учет и классификацию архивного материала, а это привело бы к тому, что материалы многих фондообразователей оказались бы вовсе не выявленными и не учтенными²¹⁸.

Князев ушел на пенсию в 1963 г., но до последних дней своей жизни сохранял связи с сотрудниками Архива.

Именно таких ученых имел в виду А.И. Лебедев, сказав на первом заседании кружка, что архивная конференция показала необходимость более тесного сближения архивистов для совместной разработки технических вопросов архивоведения, разрешения

возникающих сомнений и выработки принципов правильной постановки архивов, в связи с чем, как он уточнил, по инициативе группы архивных работников решено учредить кружок, посвящающий себя этой работе. На этом же заседании участники кружка (С.А. Аннинский, Н.В. Измайлов, М.Ф. Князева, Г.А. Князев, О.Е. Корнилович, Г.М. Котляров, А.И. Лебедев, П.И. Любомиров, Л.И. Полянская, В.А. Протасьева, Б.В. Шахов и др.) постановили пригласить на пост постоянного председательствующего А.И. Андреева.

А.И. Андреев

Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959)²¹⁹ – доктор исторических наук, профессор.

Его родители были крестьянами, которые переехали из деревни в Петербург в 1884 г. Во время работы сторожем в Купеческой управе отцу представился случай устроить сына Александра бесплатно в один из приютов Купеческого общества. Как отличник он был определен на казенную стипендию в Петровское коммерческое училище, которое давало не только коммерческое, но и хорошее общее образование. В 1907 г. получил стипендию Купеческого общества для продолжения учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

Первой литературной работой, которую Андреев выполнил еще до поступления в университет, была правка перевода с английского языка книги Г. Смолла «Иллюстрированное описание новой Библиотеки Конгресса в Вашингтоне», которая была издана в 1910 г. без указания его фамилии на титульном листе.

Для поступления в университет он самостоятельно изучил латинский и греческий языки, которые не преподавались в училище. В университете занимался главным образом у академика А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова, которых считал своими учителями.

Будучи студентом, в 1911 г. Андреев начал работать по приглашению А.С. Лаппо-Данилевского в Постоянной исторической комиссии Российской академии наук, созданной для издания исторических документов. Одновременно с работой в комиссии в ходе занятий в семинаре Лаппо-Данилевского работал над составлением каталога частных актов Московского государства.

В процессе учебы из-за тяжелых материальных обстоятельств был вынужден «в прямой ущерб студенческим занятиям»

давать для заработка массу частных уроков. Окончил университет только в мае 1916 г.

Андреев принимал участие в подготовке материалов и издании «Сборника материалов, относящихся до архивной части в России».

Работу в Постоянной исторической комиссии он продолжал вплоть до самой смерти Лаппо-Данилевского (7 февраля 1919 г.) и до кончины его преемников на посту председателей комиссии – академиков М.А. Дьяконова и А.А. Шахматова. После избрания в феврале 1921 г. академика С.Ф. Платонова председателем комиссии, которая вскоре была переименована в археографическую, был назначен ее ученым секретарем. Параллельно с марта 1918 г. принимал активное участие в архивном строительстве.

С января 1918 по 1925 г. работал в объединенном архиве б. Министерства путей сообщения и б. Главного управления почт и телеграфов (сначала в должности заведующего 3-м отделением V секции ЕГАФ, с января 1919 г. – его управляющего).

Был заместителем председателя Совещания управляющих петроградскими отделениями Государственного архивного фонда, возглавлял работавшую при этом Совещании научно-техническую комиссию. Принимал активное участие в архивных съездах и конференциях архивистов.

С июня 1920 г. Андреев руководил работой Кружка архивных работников – группы молодых ученых-архивоведов, «одинаково мыслящих по существу» (Кружок им. А.С. Лаппо-Данилевского). Здесь был разработан ряд важных проектов, в частности проект архивной терминологии.

В.И. Пичета охарактеризовал «терминологический» доклад Андреева на I Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г. как имеющий огромное принципиальное практическое и теоретическое значение²²⁰. Но конференция воздержалась от одобрения положений доклада, ограничившись решением создать для их обсуждения специальную комиссию при Главархиве. В состав комиссии вошли Ю.В. Готье (председатель), Д.Н. Егоров, М.К. Любавский, С.К. Богоявленский, В.В. Шереметевский, Н.П. Чулков, В.К. Клейн, В.И. Пичета и Н.Ф. Бельчиков. Ее работа не завершилась положительным результатом, но почти каждый из ее участников добавил в длинный список дефиниций свое собственное определение.

В марте 1925 г. вторая терминологическая комиссия – Б.И. Анфилов, И.А. Голубцов и А.А. Сергеев – отвергла «пет-

роградскую» формулировку, выработав «московскую» формулу, которая исключала все случайное, искусственное в построении фонда и, по мнению В.Н. Автократова, «стояла выше современных ей западноевропейских определений, например, Х. Дженкинсона и П.Ф. Фурнье»²²¹.

А.И. Андреев (вместе с А.Н. Макаровым, А.С. Николаевым, С.В. Рождественским и А.А. Сиверсом) входил в состав редакционного комитета журнала «Дела и дни» – органа свободомыслящих историков и архивистов.

С 1919 по 1927 г. он преподавал дипломатику и археографию в Петербургском археологическом институте, затем в Ленинградском университете.

Во время работы на посту ученого секретаря Археографической комиссии АН СССР в октябре 1929 г. Андреев был арестован по «делу академиков». В тюремном заключении находился до конца августа 1931 г. Был осужден коллегией ОГПУ к пяти годам ссылки в город Енисейск, где занимал различные должности (счетовод, бухгалтер, заведующий статистическим отделом) сначала в Енисейской сплавной конторе, затем на строительстве дороги к одному из центров золотодобывающей промышленности в тайге.

С 1933 по 1935 г. в качестве научного сотрудника в Енисейском музее приводил в порядок и описывал различные коллекции. Кроме того, в Енисейском лесном тресте «Севполярлес» заведовал технической библиотекой.

Вернувшись из сибирской ссылки в середине апреля 1935 г., Андреев уже в июне был приглашен в Институт народов Севера для подготовки к изданию трудов Г.Ф. Миллера по географии, этнографии и истории Сибири. В институте читал лекции по источниковедению Сибири, руководил работой аспирантов.

В октябре 1940 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по источниковедческой тематике. Издал два тома «Очерков по источниковедению Сибири» (до середины XVIII в.).

С 1938 по 1941 г. руководил работой Комиссии по истории Академии наук СССР.

В блокадном Ленинграде Андреев оставался до июля 1942 г., затем был направлен в эвакуацию, во время которой переехал из Елабуги в Казань, потом в Ташкент.

Во время войны его ленинградская квартира была разрушена, поэтому А.И. Андреев в конце декабря 1942 г. воспользовался приглашением Института истории АН СССР и приехал в Моск-

ву. Помимо функций старшего научного сотрудника в институте выполнял обязанности ученого секретаря Всесоюзного географического общества.

После смерти заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института А.Н. Сперанского в январе 1943 г. Андреев был приглашен руководством Института на эту должность. Читал лекции по источниковедению и руководил работой нескольких аспирантов, в числе которых был В.Н. Автократов.

В 1946–1948 гг. Андреев подвергся критике за «грубые политические ошибки, выразившиеся в насаждении идеалистических взглядов и низкопоклонстве перед буржуазной наукой». В 1949 г. его вынудили уйти из института, и он возвратился в Ленинград.

Андреева – историка, археографа и источниковеда – отличали научная скрупулезность в изучении максимально широкого круга документальных материалов, твердое следование научным традициям анализа источников, выработанным дореволюционной школой ученых из круга А.С. Лаппо-Данилевского, и в то же время предельная взвешенность и осторожность в выводах.

На учредительном заседании Кружка им. А.С. Лаппо-Данилевского А.И. Андреева еще не было. Появившись на втором заседании (21 июня 1920 г.), Андреев поблагодарил присутствующих за избрание его председательствующим, но указал, что он человек в архивном деле сравнительно новый и что желательно было бы видеть во главе Кружка лицо весьма авторитетное и опытное, предложив пригласить в качестве почетного председателя А.С. Николаева. Предложение было принято единогласно. На третьем заседании (5 июля 1920 г.) Андреев сообщил, что по непредвиденным обстоятельствам выбранная на прошлом заседании депутация к А.С. Николаеву не могла состояться, но он лично переговорил с Александром Сергеевичем, встретил самое благожелательное отношение и благодарность, но А.С. решительно отказался от почетного председательствования, пообещав по возможности посещать собрания Кружка и выступать на них в качестве рядового работника²²².

Изучение личного фонда Николаева показывает, что он внимательно следил за работой Кружка, сохранив почти полный комплект протоколов его заседаний. Непонятным представляется решительный отказ Николаева возглавить Кружок. В.Н. Автократов высказывает мнение, что это было связано с начавшейся

потерей его влияния в петроградских архивах из-за ухода его единомышленника и покровителя С.Ф. Платонова из ОРАД и активным натиском молодежи²²³.

С молодежью Николаев любил и умел работать до последних дней своей жизни. Его авторитет и влияние в петроградских архивах были обеспечены не формальными должностями, которые он занимал, а активным участием во всех сферах архивной жизни, включая и разработку терминологии. Вероятно, к моменту начала работ Кружка он уже осознал бесперспективность любых терминологических и теоретических споров, казавшихся такими плодотворными еще несколько месяцев тому назад.

Продолжая заседать в научно-теоретическом отделе Петроградского отделения Главархива, Николаев лучше многих других архивистов был осведомлен о многих грядущих радикальных переменах: они готовились у него на глазах, но помимо его участия. Так, он знал, что уже с конца 1920 г. активно работает Комиссия по реформе Главархива и учреждений, ему подведомственных. Несколько протоколов заседаний сохранилось в личном фонде М.С. Вишневого²²⁴. В частности, в протоколе № 3 совещания Комиссии от 13 января 1921 г. (на нем присутствовали В.В. Адоратский, А.М. Полянский, В.Н. Сторожев и М.С. Вишневский) в графе «Постановили» под п. 2 значится: «Признать необходимым поручить т. Адоратскому вести дальнейшее выяснение вопроса о возможности Главархиву быть реорганизованным в Наркомат или в отдел В.Ц.И.К.»²²⁵.

Опубликованные В. Шепелевым в Научно-информационном бюллетене РГАСПИ «Документы с комментариями: Архивная реформа в первые годы советской власти» возвращают нас в конкретные обстоятельства того периода, когда речь шла о подготовке своего рода контрреформы, совпавшей по времени с образованием и пиком работ Кружка научных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского. Так, вытеснив летом 1920 г. Рязанова и его окружение из руководства Главархивом, М.Н. Покровский и В.В. Адоратский уже 9 января 1921 г. направляют в ЦК РКП(б) письмо, содержащее рекомендацию пересмотреть организационное подчинение главка. Главархив, – говорится в письме, – есть чисто политическое учреждение, главной задачей которого является в настоящее время соби́рание, хранение и подготовка к изданию или разработка Истпартом документов по истории революции, империалистической войны и истории РКП(б). Место Главархиву, по всем этим соображениям, не в Наркомпросе, а при

ВЦИК²²⁶. Осенью 1921 г. коллегия Главархива (М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Н.Н. Батулин) направляет в ЦК РКП(б) докладную записку (обращение) следующего содержания: «...в наших архивах хранится масса документов, имеющих колоссальное политическое значение. Мы не считаем возможным скрыть от ЦК, что даже попытка доверить подобные документы простому хранению спецов, без достаточно близкого надзора коммунистов, привела к тому, что ряд копий с разных “пикантных” бумаг появился в зарубежных изданиях. Крупных “нескромностей” пока не было, но не было именно потому, что к партийным, например, документам ни один спец не был, разумеется, допущен. Можно сказать: оставим архивы в одном из подотделов Наркомпроса, но дадим последнему директиву – к таким-то делам никого, без разрешения ЦК, не допускать и заведование ими поручить исключительно коммунистам по назначению того же ЦК. Но тогда, в сущности, все останется по-старому, ибо мы, партийные люди, приставленные к Главархиву, дорожим, разумеется, не его канцелярией, финансовой и т. п. самостоятельностью.

Только едва ли Наркомпрос согласится нести административную ответственность за учреждения, в которых он и его уполномоченные, в сущности, не хозяева. Да и найдется ли у ЦК время хлопотать об этом, все-таки специальном и далеком от текущей партийной работы, деле?

Есть гораздо более простой выход: ограничив штаты Главархива необходимым минимумом, изъять это, стесняющее Наркомпрос, ведомство из круга культурных учреждений, с которым оно имеет мало общего, и передать его в заведование п о л и т и ч е с к о г о ц е н т р а Р е с п у б л и к и, каким в советском порядке является ВЦИК. ЦК как будто и сам, в одном из своих прошлых решений, стал на эту же точку зрения, назначив для заведования Главархивом тройку старых коммунистов»²²⁷. И наконец, 26 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК принял решение перевести Главархив из ведения Наркомпроса в ведение ВЦИК, переименовав его в Центрархив РСФСР.

Обо всех деталях, происходящих в высших этажах партийно-государственной власти, архивисты, конечно, не могли знать, но общее направление событий они ощущали достаточно остро. Наглядное представление об этом может дать сравнение протокольных записей, относящихся к периоду подготовки к I Всероссийской конференции архивных деятелей и к первым дням после ее завершения.

На заседании 4 августа 1921 г. председательствующий А.И. Андреев приветствует нового участника Кружка – Г.С. Габеева, доклад которого как автора нового понятия «фондообразователь» интересует всех собравшихся.

И.Л. Маяковский сообщает, что в Москве принято решение пригласить петроградцев участвовать в работе организационного бюро по устройству конференции, так как программу петроградцев москвичи сочли разнообразной, а содержание докладов очень интересным. А.И. Андреев указывает, что на конференции необходимо представить доклад Г.А. Князева об архивной терминологии в связи с деятельностью кружка. Так как Князев не сможет приехать в Москву, Андреев просил поручить прочитать этот доклад ему. Далее участники продолжали шлифовать формулировки своих дефиниций, ожидая результатов их профессионального обсуждения на высшем форуме архивистов. Так было до съезда и во время его работы.

Совсем другая атмосфера царила в Кружке после окончания работы московской конференции. В протоколе собрания Кружка от 3 ноября 1921 г. отражено смятение Андреева, который на просьбы участников рассказать о работе конференции более подробно (как это он сделал на предыдущем собрании 27 октября) ответил, что запросил стенограммы докладов и ознакомит всех с содержанием немедленно после их получения. Собравшиеся понимают, что он явно чего-то недоговаривает, и далее в протоколе следует примечательная фраза: «Собрание просит А.И. Лебедева, присутствовавшего на съезде с первого дня его открытия, дополнить доклад А.И. Андреева».

И Александр Иванович дополнил. Речь представителя Главархива профессора В.И. Пичеты он назвал малосодержательной, поскольку в ней излагались общеизвестные и малохарактерные факты. А на просьбу поделиться впечатлениями от выступления нового руководителя Главархива М.Н. Покровского, которое, естественно, больше всего интересовало участников собрания, он ответил, что в речи М.Н. Покровского было две части: историческая и декларативная.

В первой он обрисовал три стадии революционной деятельности советского правительства; первая – декларативно-консервативная, призывающая охранять культурные ценности. В общем декреты имели именно декларативное значение и вовсе не были рассчитаны на исполнение. Нужно констатировать, что мы здесь сделали больше, чем рассчитывали. Вторая стадия относится к

1919–1920 гг., когда неожиданно «гидра контрреволюции» напала на советскую власть. При этом Гражданская война закончилась победой советской власти, но культурная работа была сбита. Третья стадия – с конца 1920 г. – период строительства, в результате которого получился экономический крах, к которому присоединился голод в Поволжье.

Из этой исторической части вытекает часть декларативная: советская власть переходит на новую политику, построенную на строгом учете и расчете, а потому на обеспечение Главархива рассчитывать не приходится. На архивы будут повешены замки и все архивные работы сосредоточатся в Истпарте²²⁸. Необходимо отметить, что подобные ощущения надвигающегося архивного краха проявились и на заседаниях научно-теоретического отдела при Петроградском отделении Главархива.

На заседании Кружка 17 октября 1921 г. делегатам конференции А.С. Николаеву, А.Е. Преснякову и И.Л. Маяковскому участники по предложению П.А. Шафранова выразили благодарность за активную подготовительную работу по организации съезда (никто из архивистов не называл его конференцией). Последующее обсуждение докладов делегатов конференции не состоялось, поскольку после информации Николаева всем стало не до теоретических вопросов. В протоколе об этом говорится коротко. Николаев отметил, что в связи с предстоящим (по настоянию Центрального управления) сокращением архивных служащих в Петрограде на 50%, а также с предстоящим закрытием отдельных архивов на зимнее время из-за отсутствия дров необходимо сосредоточиться на составлении плана зимних работ по отделениям.

Через неделю, 24 октября 1921 г., на заседании, которое вел А.С. Николаев, в присутствии Г.С. Габаева, А.И. Лебедева, А.Н. Макарова, А.Е. Преснякова, П.А. Шафранова, П.И. Измestьева, И.Л. Маяковского и А.А. Сиверса председательствующий и участники попытались наметить путь к спасению архивов в их прежнем виде от ликвидации, предпринятой по указанию из Москвы и озвученной на конференции М.Н. Покровским, В.В. Адоратским и В.В. Максаковым.

В журнале заседаний об этом говорится так.

Николаев сообщил, что из Управления учреждениями Академического центра Наркомпроса получена бумага от 17 октября 1921 г. о представлении в трехдневный срок плана дальнейших работ по Петроградскому отделению Главархива.

Николаев считает, что в плане особенно необходимо отразить вопрос о самой широкой популяризации архивного дела не только среди широких масс, но и *среди ответственных работников советских учреждений, проявляющих полную неосведомленность в этой области, что постоянно имеет крайне неблагоприятные последствия для архивного дела.*

Маяковский отметил, что план ближайших работ Петроградского отделения должен исходить из учета уже проведенного в Петрограде сокращения 50% персонала ЕГАФ в связи с общим сокращением всех советских учреждений и отсутствия отопления в большинстве архивных помещений. Нужно указать не текущие работы, подразумевающиеся сами собой, а ударные первоочередные задачи, *«которые должны указать государству, отдельным учреждениям, широким массам на важное государственное значение архивов. Это поможет правильному пониманию этого значения и оградит архивы от возможных попыток дальнейшего сокращения их штатов и создания всяких осложнений в текущей их работе...»* (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.).

Измestьев указал, что архивы необходимы для строительства Вооруженных сил Республики, и высшие военные сферы окончательно признали, что Красная армия не может существовать без старых архивов. С другой стороны, архивы самой Красной армии необходимы для выяснения опыта Гражданской войны. Эти выводы надо широко пропагандировать «среди ответственных работников, не уяснивших себе еще эти истины, и среди простой красноармейской массы, являющейся по своей недостаточной культурности (в оригинале зачеркнуто – «темноты». – Т. Х.) одним из наиболее опасных врагов архивного материала».

Пресняков в связи с выступлением *Измestьева* отметил необходимость подготовки для органов печати Красной армии и Красного флота популярных статей о значении архивов в деле государственного строительства.

Габаев добавил, что близится срок, когда в архивы поступит текущее делопроизводство советских учреждений за первое пятилетие их деятельности, и необходима большая предварительная работа, связанная с таким колоссальным притоком фондов и их размещением²²⁹.

Архивисты – участники Кружка возлагали свои надежды на помощь исполкома Петросовета. Их выступления в Петросовете с целью убедить неосведомленных ответственных работников в государственной важности архивной работы не состоялись.

В Петрограде были продолжены «политчистки» под прикрытием сокращения штатов. Их жертвами вскоре стали А.С. Николаев, И.Л. Маяковский, Г.С. Габаев и десятки других архивистов. Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского продолжал еще некоторое время работать в обескровленном составе, но вскоре, как это и предвидел с самого начала А.С. Николаев, прекратил свое существование ввиду неустребованности результатов его теоретических исследований со стороны нового состава архивного руководства.

Целесообразно проанализировать специфический, если не сказать уникальный в своем роде, характер научной деятельности Кружка.

В отличие от научно-теоретической комиссии во главе с Николаевым и других архивных организаций, включая постоянно действовавшее до начала 1920-х годов Совещание управляющих, Кружок по своему статусу общественной организации был лишен возможности даже надеяться на помощь Петросовета.

Существует документ, датированный 22 декабря 1920 г., в котором последний председатель Совещания управляющих И.А. Блинов, сменивший на этом посту А.С. Николаева, также просит заместителя заведующего Главархивом С.Ф. Платонова ходатайствовать перед исполкомом Петросовета о принятии срочных мер по законодательному закреплению декларированных в декрете от 1 июня 1918 г. мер по защите от гибели частных архивов. Угроза ликвидации свободы архивов со стороны нового руководства Главархива осознавалась участниками Кружка с не меньшей остротой, чем всеми архивистами. Он пишет Платонову, что Совещание управляющих, вследствие дошедших до него сведений о печальном положении частных архивов, образовало комиссию для выяснения этого вопроса.

На заседании, которое состоялось 9 декабря 1920 г., обсудив меры, предложенные комиссией, совещание пришло к следующим заключениям:

- 1) имея в виду, что провозглашенный декретом 1 июня 1918 г. принцип о сосредоточении в ЕГАФ и подчинении Главархиву всех архивов не получил относительно частных архивов дальнейшего развития, необходимо всемерно торопиться с изданием Положения о частных архивах;
- 2) учитывая медленность издания законодательных актов и принимая во внимание, что опасность гибели угрожает более всего документам, оказывающимся среди бесхо-

заявленного имущества, казалось бы необходимым обратиться в Исполком Петросовета с соответствующим заявлением, в котором должно быть указано:

- а) по общему декрету 1918 года все архивные материалы входят в состав ЕГАФ и подлежат ведению Главархива;
- б) при обнаружении во время инвентаризации какого-либо имущества архивных материалов необходимо немедленно сообщить о сем Петроградскому отделению Главархива;
- в) представлялось бы полезным избрать при Петроградском отделении Главархива особую «тройку», которая могла бы принимать случайные заявления как от членов Главархива, так и от частных лиц, производить по ним розыски и расследования уцелевших частных архивов²³⁰.

Очень важно выяснить, почему А.И. Андреев с момента образования Кружка в июне 1920 г. упорно сопротивлялся попыткам А.И. Лебедева и других его участников каким-то образом «институционализировать» его деятельность, зарегистрировав устав и войдя в какую-нибудь официальную организацию. Этот факт имеет существенное значение в контексте исследования развития классического архивоведения в советский период. Формальный отказ от регистрации Кружка и сотрудничества с какой бы ни было официальной властной структурой – явление для любого общественного объединения в советское время редчайшее. Даже Союз российских архивных деятелей, начав с отказа от любых контактов с представителями госаппарата, был вынужден под давлением внутренних и внешних обстоятельств радикально изменить свою позицию. Демонстративное подчеркивание участниками Кружка в 1920-е годы частного характера своей деятельности было последней попыткой архивистов – представителей классического архивоведения сохранить аполитичность (внепартийность) научной работы, уберечься от идеологизации теоретических исследований.

Рассмотрим эту тему, опираясь на документальные источники. На первом, учредительном, заседании Кружка А.И. Лебедев отметил, что необходимость тесного сближения архивных работников подтвердила архивная конференция, состоявшаяся в мае 1920 г. в Петрограде.

Как сказано в протоколе № 1 от 14 июня 1920 г., после обмена мнениями было решено в первое время, пока не намечен круг вопросов и неясны задачи и методы деятельности Кружка, не слишком растворять таковой широким разглашением и специальным привлечением новых членов, но вместе с тем сделать

его открытым для всех интересующихся и желающих работать. Впоследствии можно будет оповестить все отделения и привести новых участников; но Кружок никогда не должен стать особой корпорацией, а должен быть свободным учреждением²³¹.

Лебедев предложил перейти к конкретному содержательному наполнению тематики работ вопросами архивного дела, имеющими принципиальное значение. Князев предложил перечень задач терминологического характера, который поддержали участники заседания. Казалось бы, основное препятствие для широкого оповещения о работе Кружка и привлечения новых членов снято. Но уже на следующем заседании А.И. Андреев вновь сопротивляется попыткам точно определить содержание работы Кружка и придать его деятельности официальный характер.

Князев отмечает, что необходимо более точно назвать Кружок, добавив слова «по вопросам архивной техники».

Николаев, поддерживая Князева, добавляет, что без подобного рода уточнений под понятие Кружка подпадет слишком расплывчатое определение, которое может дать повод заподозрить под ним просто клуб.

Андреев решительно возражает: это преждевременно, поскольку свяжет Кружок, сузит его. Участники заседания соглашались с Андреевым²³².

Протоколы этих и всех других заседаний вплоть до декабря 1921 г. направляются Николаеву, который, видимо, продолжал поддерживать тесные контакты с Андреевым, давая ему нужную информацию о положении в «верхах». Так, заседание 17 января 1921 г. А.И. Андреев открыл сообщением, что во время последней поездки в Москву А.С. Николаева выяснилось, что в Наркомпросе считали Археографическую комиссию давно упраздненной или, точнее, поглощенной Академией истории материальной культуры, которую объединили с Археологической комиссией.

Вопрос стоял о возможности объединения при таком положении дел всех учреждений археографического характера для обеспечения большей согласованности. По информации Андреева, вопрос обсуждался на заседании представителей АН, Археографической комиссии, Общества любителей древней словесности, Общества российских архивных деятелей, Общества охраны памятников искусства и старины, Археологического института, Петровского отделения Главархива и Публичной библиотеки. Большинство высказалось за то, чтобы объединяющим центром стала Академия наук. Правда, по словам Андреева, Платонов го-

ворил о Постоянной исторической комиссии, но С.Ф. Ольденбург склонил участников к мнению, что более желательный вариант – создать в АН особый комитет, не предрешая его названия. Была образована особая комиссия для разработки основных положений объединения, причем Андреев и Николаев выступили против попыток исключить из состава объединения Общество РАД в связи с тем, что оно ничего не издает. Их аргументы состояли в том, что «оно не издает ничего только по условиям времени, но прежде кое-что готовило».

На следующем заседании Кружка (24 января 1921 г.) А.И. Андреев уточнил, что археографический комитет все-таки решено создавать при Постоянной исторической комиссии, поскольку комитет в виде нового учреждения создан не будет. С другой стороны, во главе научно-статистического отдела Петроградского отделения Главархива поставлен такой знаток и любитель архивного дела, как И.Л. Маяковский, а председателем научно-технической комиссии назначен А.С. Николаев, причем в эту комиссию приглашено персонально от разных отделений 12 человек.

Смысл информации Андреева состоит в том, что ввиду неясности положения с составом постоянно преобразующихся структур в московском центре лучше сохранять свое автономное положение в Петрограде, тем более что в состав руководящих органов вошли участник Кружка И.Л. Маяковский и активно следящий за его работой А.С. Николаев. Это подтверждается жестким ответом Андреева на вопрос одного из участников заседания 19 апреля 1921 г., направляются ли протоколы работ Кружка в Петроградское отделение Главархива:

«Андреев: Нет, не направляются. Кружок возник по частной инициативе и никакой легализации со стороны Главархива не имеет. Но его собрания открыты для всех и его протоколы могут быть предоставлены лицам, интересующимся вопросами архивной техники».

Таким образом, он последовательно придерживался линии, против которой на собрании, посвященном обсуждению отчета о работе Кружка за год, истекший после его создания, и состоявшемся 16 июня 1921 г., снова выступили Князев, Лебедев, Жукович и другие участники.

Лебедев сказал о том, что пришло время создать маленькую конституцию Кружка.

Князев поддержал Лебедева. Он выразил мнение, что важно сформулировать положение о целях Кружка, о составе президиу-

ма, «а то у нас нет даже официального председателя (напомним, что Андреев на учредительном собрании был избран “постоянным председателем на собраниях”, но не председателем как таковым. – Т. Х.). Бывают вопросы, которые следует заранее подготовить: к кому-то и куда-то обращаться, и все это – дело президиума. Необходимо принять меры к расширению кружка».

[Б.Н.] Жукович также отметил, что конституция Кружка predetermined и состав Кружка следует расширить.

Андреев выражает недоумение: зачем это нужно? Ведь написанная «конституция» лишит Кружок гибкости и живости.

Дальнейших записей по этому вопросу в протоколе нет, но, видимо, дебаты продолжались «в закрытом режиме», поскольку его обсуждение заканчивалось словами, что за поздним временем доклад Князева об архивной терминологии переносится на следующее собрание. Он раздаст листки с переработанными определениями терминов и просит к следующему разу обдумать их и внести поправки.

Андреев, учитывая пожелания большинства, предлагает посвятить вопросу конституции особое заседание, протокол которого должен будет сыграть роль своего рода конституции²³³.

Именно этот так называемый годичный протокол отсутствует в комплекте, собранном в личном фонде Николаева. Нельзя исключить, что Андреев не счел целесообразным направить этот документ на его имя. В то же время он имеется в числе немногих в личном архиве заведующего организационно-инструкторским отделом Главархива М.С. Вишневого, исполнявшего в то время в Петрограде роль своеобразного представителя московского центра.

Изучение текстов протоколов Кружка, принявшего имя А.С. Лаппо-Данилевского, и их сравнительный анализ с учетом конкретно-исторической обстановки, сложившейся под влиянием наступившей в начале 1920-х годов «контрреформы» архивного дела в связи с приходом к власти группы М.Н. Покровского, дают возможность получить обоснованный ответ на причины такого поведения А.И. Андреева: он хотел любой ценой сохранить обстановку научного свободомыслия, характерного для классического архивоведения. Продлить жизнь Кружка даже на этих условиях ему удалось только до декабря 1921 г.

Одновременно А.И. Лебедев безуспешно пытался реанимировать деятельность возглавляемого им Общества российских архивных деятелей: за весь 1921 г. состоялось только одно заседа-

ние его совета, пленарных заседаний не было ни одного «в связи с отсутствием свободного помещения», хотя общество в отличие от Кружка было официально зарегистрировано в объединении археографических учреждений при Постоянной исторической комиссии РАН²³⁴.

Так закончился «героический», по определению В.Н. Автократова, период развития архивоведческой мысли в первые три года после провозглашения всеобщей архивной реформы. Весь последующий период развития классического архивоведения будет отмечен сужением круга его создателей. Если после Февральской революции в дело строительства новой архивной системы на научной основе было вовлечено такое огромное число представителей всех культурных сил страны, что оно могло превратиться в объединяющую всех общенациональную идею, то во второй половине 20-х годов прошлого века оно постепенно стало делом жизни отдельных энтузиастов²³⁵, которые обеспечили преемственность научных традиций и вывели науку об архивах на новую ступень развития.

И.Л. Маяковский

Можно без преувеличения сказать, что драматическая, а порой и трагическая участь быть практически последним связующим звеном между «серебряным веком» отечественной архивоведческой мысли и качественно новым – гуманитарным (фундаментальным) – историко-архивоведением, выпала Илье Лукичу Маяковскому (1878–1954).

К сожалению, теоретические работы Маяковского, подвергшиеся идеологизированной критике в 1920-е годы, остаются библиографической редкостью. В определенной степени исключение составляет его монография «Исторический очерк архивного дела в России», изданная в 1920 г. на основе лекций, которые читал И.Л. Маяковский слушателям архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Позднее это издание было подвергнуто жесткой редакции и переиздавалось в качестве учебного пособия для студентов под названием «Очерки по истории архивного дела в СССР» дважды (в 1941 и 1960 гг.). Без анализа научных взглядов И.Л. Маяковского история отечественной архивоведческой мысли была бы лишена ярких и поучительных уроков архивного строительства в разные периоды жизни страны.

И.Л. Маяковский родился на Украине, в с. Новопавловском Екатеринославской губернии. В 1899 г. он поступил в Петербургский историко-филологический институт, который окончил со степенью кандидата университета и званием (дипломом) преподавателя гимназии. Общественный всплеск интереса к истории, который, как установил А.Д. Степанский²³⁶, стимулировал в период 1890–1904 гг. привлечение внимания самых широких кругов российской интеллигенции к проблемам архивов, источниковедения, археографии и других взаимосвязанных дисциплин, захватил и преподавателя мужской гимназии в маленьком городке Ананьеве Херсонской губернии. Его педагогическая и научная деятельность началась с 1 августа 1903 г., с поступления на должность преподавателя мужской гимназии в маленьком городе Ананьеве Херсонской губернии. В 1904 г. он был переведен в Одессу, где проработал почти 10 лет – до 1913 г. Именно в этот период сформировался его уникальный талант ученого, который сочетал в себе качества историка, архивиста и краеведа.

Наряду с преподаванием истории и географии на Высших курсах подготовки преподавателей для средних школ, а также – одновременно – в нескольких мужских и женских гимназиях Одессы, он начинает писать оригинальное исследование – магистерскую диссертацию о знаменитой одесской Ришельевской гимназии. Он избрал в начале своей научной деятельности исследование такой «микротемы», которая потребовала от Маяковского «макроусилий» – работы в архивах Новороссийского генерал-губернаторства, одесского градоначальства, Новороссийского университета, архиве попечителя учебного округа и, наконец, в архиве самой гимназии, чтобы воссоздать историю гимназии. Почти семь лет писал Маяковский свой двухтомный труд, неизданная рукопись которого хранится в его личном фонде в ЦМАМ под названием «История Ришельевской гимназии. Монография». Тема настолько захватила ученого, что даже после приезда в 1913 г. в Петербург он продолжал работать в архивах Министерства народного просвещения (МНП) и Санкт-Петербургского университета в поисках документов по истории возникновения и развития системы образования на юге России. Именно здесь его талант оценил А.С. Николаев, возглавлявший в эти годы архив МНП. Он привлек его к работе в Комиссии по научному описанию архива министерства.

В ходе работы над первым томом «Описания дел Архива Министерства народного просвещения» Маяковский познако-

мился с С.В. Рождественским – автором популярных «Очерков по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках». По отзыву В.И. Пичеты, помещенному в первом выпуске журнала «Архивное дело» (1923), «техника описания дел блестяща и может служить образцом подобного рода археографических работ»²³⁷. Здесь он работал под непосредственным руководством профессора, впоследствии академика С.Ф. Платонова, который возглавлял Комиссию по научному описанию архива МНП и являлся одним из двух редакторов вышедшего в свет в 1917 г. первого тома «Описания дел...»²³⁸. Вторым редактором был начальник архива МНП А.С. Николаев – один из руководителей Архивных курсов при Петроградском археологическом институте, открытых 31 августа 1918 г. Программа курсов была разработана С.Ф. Платоновым, А.С. Николаевым, И.Л. Маяковским, В.В. Снигиревым, Н.П. Черепниным.

Так И.Л. Маяковский вошел в круг историков и архивистов, имена которых составляли славу отечественной науки об архивах того времени. Он стал полноправным коллегой и единомышленником работавших в архиве академика С.Ф. Платонова, профессора С.В. Рождественского, В.В. Снигирева и других. Здесь же зажглась и главная «путеводная звезда» Маяковского как архивоведа-теоретика – научное наследие Н.В. Калачова, в котором он выделил для себя главное – направленность на создание такой системы российских архивов, которая не только обеспечила бы возможность контроля за архивами со стороны центрального органа управления, но и гарантировала бы доступность архивных материалов для широких кругов исследователей.

Символично, что практически последней крупной историко-архивоведческой работой Маяковского, которую ему удалось опубликовать в «Трудах МГИАИ» (М., 1948. Т. 4), стала статья «Н.В. Калачов, как историк-архивист».

В первое послереволюционное десятилетие Маяковский активно участвует в разработке правовых документов, провозглашавших коренную реорганизацию российского архивного дела и формировавших структуру руководящих органов. С 1918 по 1920 г. он выезжал в длительные командировки для спасения гибнущих архивов и других культурных ценностей в Петрозаводск, Вологду, Тверь и наконец в родную Одессу, где непосредственно создавал Одесское областное архивное управление, или, говоря слогом Маяковского того времени, «где я провел централизацию и концентрацию местных архивов»²³⁹. Результатом командировок

явились такие публикации в местных органах печати, как «Одесский областной архив (Исторический очерк)», опубликованный в «Вестнике Одесского губернского отдела народного образования» (1920. № 6), а также аналогичные заметки в украинском журнале «Наше минуле» (1918. Кн. 1 и 2).

В монографии Т.И. Хорхориной «История Отечества и архивы» подробно освещены перипетии того, как уполномоченный СНК Петроградской коммуны по ликвидации и реорганизации архивов Д.Б. Рязанов привлек к сотрудничеству архивистов и историков, в числе которых был и Маяковский. Сам Маяковский пишет, что он был привлечен «для участия в разработке проекта о реорганизации архивного дела».

Его самая известная работа – «Исторический очерк архивного дела в России», изданный в Петрограде в 1920 г. Это записи лекций слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте, которые Маяковский читал в 1918 г. в течение 15 академических часов. Почти 10 лет – до 1927 г. – он работал в Главархиве. Начав с должности ученого секретаря, Маяковский стал заведующим научно-теоретическим отделом и членом коллегии, а затем консультантом. Карьеру его нельзя назвать удачной. Уже в начале 1920-х годов он под давлением нового, «пост-рязановского» руководства Главархива в лице М.Н. Покровского, В.В. Адоратского и В.В. Максакова, начавших кампанию по «чистке» Петроградского отделения ГУАД, был отстранен от активной работы в архивах. Без надежд на опубликование осталась его оконченная в 1921 г. рукопись «Введение в науку об архивах».

Маяковский ушел на преподавательскую работу – благо, что его эрудиция была поистине потрясающей.

Снятый с руководящих должностей в Главархиве в начале 1920-х годов, Маяковский позднее будет вынужден отойти от активной практической работы в архивах. Так, с 1921 по 1934 г. он преподает обществоведение и историю классовой борьбы в Военно-морском училище, а также историю революционного движения в Хозяйственной академии Красной армии и флота.

Еще в 1918 г. он формулирует фундаментальные принципы, которые, на наш взгляд, сохраняют свое значение и в наши дни.

«1. Пора серьезно признать, что русское архивное дело есть наука.

2. Как наука, оно должно в своих пределах обладать самодовлеющим значением, а не быть в лучшем случае ancilla

historiae (служанкой истории. – Т. Х.) в худшем же – слугою канцелярий»²⁴⁰.

В чем же состоят «строгие научные методы» в архивном деле? В процессе размышлений на эту тему рождается еще одна оригинальная посылка ученого. Он считает, что на протяжении всей своей истории архивы как бы «саморазвивались», «самоорганизовывались» – вопреки всем «неблагоприятным условиям и с преодолением множества препятствий».

Маяковский настаивает на необходимости учитывать особенности связи «исторически слагавшихся архивов...с той почвой, из которой они вырастали и в которой находятся их глубокие корни»²⁴¹. Отсюда и «сверхзадача», которую он решал на заре своего творчества, до изгнания из науки об архивах: «Необходимо установить, хотя бы в грубых чертах, органический характер возникновения наших архивов и наметить внутреннюю преемственность между архивами отдельных эпох нашей истории»²⁴².

Таковы основные положения теоретической концепции «раннего» Маяковского, которые поразительно перекликаются с положениями, скажем, классика отечественного архивоведения В.Н. Автократова – о проблематике фондообразования как теоретическом ядре архивоведения и естественно-историческом характере происхождения архивов.

Ученый начинает выступать на различных форумах архивистов и в печати (журналы «Архивное дело» и «Краеведение»). Маяковский еще заведует научно-теоретическим отделом в Петроградском отделении ГУАД. Коллектив Петроградского археологического института избирает его профессором. Главная тема его научных исследований – решение проблемы о разграничении архива, библиотеки и музея. Именно так назывался доклад Маяковского, с которым он выступил на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г. в Москве. Архивное, библиотечное и музейное дело И.Л. Маяковский призывает рассматривать как три составные части «наших культурных начинаний», причем, по его мнению, устранить «ведомственные трения... путем отдельных соглашений между заинтересованными учреждениями и организациями полностью нельзя». Завершает свою статью Маяковский определением категорий документов и материалов, которые надлежит собирать архивам, библиотекам и музеям. Вкратце эти выводы выглядят так: «Архивы содержат в себе исторические первоисточники... Библиотеки заключают в себе письменные материалы, служащие проводниками различных отраслей знания, потом раз-

множенные механическим “машинным” способом. В музеях могут находиться такие оригиналы и копии письменных памятников, которые... отмечаются показательностью...».

Таким образом, лейтмотивом статьи проходят две основные мысли, ради которых она и была опубликована: «Общая цель архивов и библиотек – это хранение письменных материалов, в таком виде и в таких условиях, чтобы эти материалы целесообразно функционировали». Далее: «По своей цели музей ближе к архиву, нежели к библиотеке... Если архив имеет своей целью хранение письменных первоисточников и их функционирование... то в музеях... собраны подлинные отражения жизни, то есть те же первоисточники, но только вещественного характера». Отсюда следует, что «архивы, библиотеки и музеи должны спасать и собирать все исторические ценности.... Но не смешивать их спасение и соби- рание с распределением, которое должно производиться на основании только функционального разграничения этих учреждений»²⁴³.

В наиболее концентрированном виде его взгляды изложены в статье «Архивы, как одна из областей краеведческой работы»²⁴⁴, которая была подвергнута критике в 1920-е годы.

В чем была истинная суть идеологической «крамольности» его взглядов? Пожалуй, лучше всего об этом сказал патриарх современного отечественного краеведения академик РАО С.О. Шмидт: «Краеведческие общества, вообще работа краеведов была выражением демократической самостоятельности, восходящей иногда к традициям дореволюционным, даже земским. Приобщение к знаниям происходило зачастую минуя официальные каналы и в обход унифицированных методик и обязательных “руководящих указаний”. Это одно уже не соответствовало новым веяниям, порожденным обстоятельствами, характерными для периода культа личности Сталина и бюрократизации нашей общественной жизни»²⁴⁵.

Около года Маяковский был безработным, более 10 лет (с 1922 по 1934 г.) перебивался скудными заработками на преподавательской работе вне архивов, и только в 1937 г. он получил должность консультанта в Ленинградском областном управлении архивным делом, одновременно преподавая в местном архивном техникуме.

В 1942 г. по распоряжению Ленинградского областного управления государственных архивов НКВД СССР ученый был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Москву. Здесь по приглашению директора Историко-архивного института П.П. Смир-

нова он занимает должность заведующего кабинетом архивоведения. В качестве докторской диссертации он представляет изданную в 1941 г. монографию «Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства)», тщательно редактирует учебник К.Г. Митяева «Теория и практика архивного дела» и формирует фонды Кабинета²⁴⁶.

После гонений 1920–1930-х годов стиль работ Маяковского стал суше. Несомненно, этому во многом способствовала непростая атмосфера в Историко-архивном институте, подведомственных органах НКВД, а также напряженные личные отношения с вернувшимся из ташкентской эвакуации в Москву давним оппонентом – Владимиром Васильевичем Максаковым.

Как свидетельствуют документы, их отношения складывались непросто.

Пользуясь своим положением заведующего кафедрой архивоведения, Максаков поначалу вообще не допускал Маяковского к чтению лекций, позволяя вести лишь практические занятия. Затем мешал ему вести семинары по научно-описательным работам в архиве. В январе 1944 г. на заседании Ученого совета института Маяковский жаловался: «Только я начинал расхлябанную, безобразную аудиторию приводить в человеческий вид, прибежал товарищ Максаков и говорил: “Сматывайте удочки, довольно читать”». И далее: «Я должен заявить здесь протест против опорочивания той работы, которую я вел... исключительно собственными силами и средствами, не получая ни от кого никакой помощи... Как можно знать теорию и практику современного архивного дела, не зная исторических корней, а эти корни изучаются, в частности, мною... Я официально спрашиваю Совет – неужели мне придется оставить историю архивного дела, послать ее к черту, не нужно ее разрабатывать, ибо оказывается, что она не нужна... Значит, мне остается переключиться на другую работу, я должен переквалифицироваться, к черту бросить эту область и заняться... чем? Вот тут возникает вопрос. Методикой? Но... не может методика архивного дела существовать без истории архивного дела, и не может История существовать без этих дисциплин...»²⁴⁷.

Таков был подлинный Маяковский. Внешне мягкий, лояльный по отношению к властям, когда речь шла о его личной судьбе, но яростно-неуступчивый, когда это касалось дела всей его жизни – создания основ целостной науки об архивах.

Впрочем, вплоть до 1948 г., когда из Института был уволен директор Д.С. Бабурин, борьба велась, если можно так выразить-

ся, с переменным успехом. Более того. На знаменитой Всесоюзной конференции историков-архивистов СССР, которая состоялась 1–3 июня 1943 г., Илье Лукичу была предоставлена возможность выступить в прениях по докладу молодого кандидата исторических наук доцента ИАИ К.Г. Митяева «Развитие советского архивоведения за 25 лет». Он отметил, что главным достоинством доклада была четко выраженная концепция преемственности традиций отечественной науки об архивах начиная с XVIII в. и до наших дней. В перечне имен ярчайших представителей архивоведческой мысли наряду с А. Почайновым, М. Собакиным и Н.Н. Бантыш-Каменским были названы Н.Н. Оглоблин, А.Е. Пресняков, А.С. Николаев и, наконец, сам И.Л. Маяковский²⁴⁸. Постепенно налаживалась и жизнь в стенах Института. Ему очень помогает то, что в 1946 г. он был принят на работу в Архивное управление НКВД–МВД в качестве эксперта-консультанта (по совместительству). К тому же в 1946 г. кафедру архивоведения, которую возглавлял Максаков, разделили: кафедру истории и организации архивного дела возглавил В.В. Максаков, а кафедру теории и практики архивного дела – И.Л. Маяковский.

В годы «ждановщины» (борьбы с космополитизмом) из Института в 1949 г. изгоняют «за низкопоклонство перед Западом» давнего соратника Маяковского – А.И. Андреева. И в этом же году, одновременно с чествованием Маяковского по случаю 70-летнего юбилея, против него (точнее, против К.Г. Митяева, учебное пособие по архивоведению которого редактировал Илья Лукич) выступил директор Института Н.А. Елистратов, который заявил: «Пособие Митяева написано сухо-догматически, оно не насыщено примерами практики советских архивов... К тому же автор считает необходимым расшаркиваться перед школами западных буржуазных архивистов»²⁴⁹. И тут же следует не менее тяжкое обвинение в низкопоклонстве автора учебной программы «Архивы и архивное дело в иностранных государствах». Елистратов не называет его фамилии, но все знают, что ее автором был Илья Лукич Маяковский. В ответ он выступает с признанием своей вины – в очередной, теперь уже последний раз.

Обращаясь к аудитории, он говорит, что ему просто не хватило источников по архивному делу «в странах новой демократии»: «Я старик, мне жить уже осталось недолго, но и сейчас не покидаю мысли о том, что нужно непременно, чтобы я, либо кто другой был командирован в эти страны и получил возможность изучить непосредственно и увидеть своими собственными

глазами то, что там имеется в деле архивного строительства»²⁵⁰. Такое покаяние не удовлетворило аудиторию. Секретарь партбюро А.В. Бычков прибегнул к прокурорским приемам, предъявляя аудитории «неопровержимые улики» вины автора злополучной программы: «Стоит сослаться на страницы 31, 37 и 40, где вы увидите низкопоклонство перед капиталистическими государствами. Можете сами посмотреть эту программу и вполне естественно сделать выводы, что такую программу мог составить только буржуазный ученый, что она аполитична, в ней отсутствует дух большевистской партийности... Стоит снять с титульного листа “Министерство высшего образования СССР”, и в любой стране можно по ней заниматься»²⁵¹.

Остается только гадать, почему и на этот раз Маяковский уцелел. В последние годы своей жизни он уже с трудом передвигался. Специально для него рядом с кафедральным пюпитром ставили кресло. Бывало, что он засыпал в нем на минуту-другую.

Незадолго до своей кончины он вновь обращается к своей «путеводной звезде» – идеям Н.В. Калачова, с изучения которых он начался как архивовед-теоретик: «Нам, советским архивистам, есть чему научиться у Калачова, чтобы так полюбить архивное дело, как любил его он. Прививая молодежи, общавшейся с ним, любовь к документу, Калачов тем самым пробуждал и воспитывал в ней любовь к стране, обладающей несчетными документальными богатствами о своем прошлом». Так начинается статья Маяковского. А ее кульминацией является напоминание о «крылатой мечте» Калачова – вырастить новое «сословие архивистов», которое должно удовлетворять трем требованиям: «во-первых, они должны быть проникнуты любовью к архивному делу; во-вторых, должны обладать, по возможности, университетским образованием и, в третьих, отличаться честностью»²⁵².

Илья Лукич Маяковский скончался в 1954 г., на 76-м году жизни.

Подведем краткие итоги научно-теоретического наследия крупнейшего российского архивоведа нового, послереволюционного времени.

1. Архивное дело зиждется на научных основах.
2. Наука об архивах носит фундаментальный характер, поскольку объект ее исследований – архивы – имеет «самодовлеющий» характер.
3. «Самодовлеющий» характер архивов определяется имманентно присущей им способностью к самоорганизации,

- свойственной любому живому образованию естественно-органического происхождения.
4. Задача профессионального архивиста – выявить и сохранить взаимно обусловленные преемственные связи во внутренней структуре архивов с целью обеспечения их целостности.
  5. Исходя из этого, архивное дело является «необходимым звеном мерной поступи человеческого прогресса, а профессия архивного работника должна быть отнесена к числу необходимых человечеству, если только оно заинтересовано в своем духовном выживании.

Примечания

¹ Буравихин В.А., Егоров В.А., Идлис В.М. Биография электрона и его родословная. М., 1997. С. 146.

² Цит. по: Идеи В.И. Вернадского и проблемы современности: Тез. докл. М., 1995. С. 5–6.

³ Рубинштейн Н.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 11.

⁴ Козлов В.П. Заключительное слово // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков: Материалы конференции 1–2 марта 2001 г. М., 2002. С. 208.

⁵ Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России. 1917–1918 гг. // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 313–396.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 25–26. Цит. по: РЦХИДНИ. Науч.-информ. бюл. 1996. Вып. 7. Публ. В. Шепелева.

⁷ Козлов В.П. Архивы России как показатель политических, социально-экономических и общественных перемен на рубеже тысячелетий // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков. С. 16.

⁸ Цит. по: Зимин А.А., Киреева Р.А. Из рукописного наследия В.О. Ключевского: Новые материалы к курсу по русской историографии: История и историки // Историографический ежегодник за 1972 год. М., 1973. С. 316–317.

⁹ Афанасьев Ю.Н. Образ интеллектуала устрашает // Русский журнал. Февраль 2001. С. 29.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180; Оп. 3. Д. 4; Липто-Данилевский А.С. Особая комиссия при Императорском РИО и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911–1916 гг. Пг., 1916.

¹¹ *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России. 1917–1918 гг. С. 318.

¹² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. С. 66.

¹³ Там же. С. 117–118, 232, 238–239, 518. Краткий анализ методологических основ научного мировоззрения А.С. Лаппо-Данилевского приведен по результатам исследований О.М. Медушевской и М.Ф. Румянцевой.

¹⁴ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 237.

¹⁵ Там же. С. 233.

¹⁶ См.: *Ольденбург С.Ф.* Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 178.

¹⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Указ. соч. С. 238; *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 499–512.

¹⁸ *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921 гг. Киев, 1994. С. 252.

¹⁹ Цит по: *Ростовцев Е.А.* Указ. соч. С. 136.

²⁰ Там же. С. 172–173.

²¹ См.: *Добиаш-Рождественская О.* Архивный конфликт в Париже // Научный исторический журнал. 1914. № 3. С. 139–143.

²² *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение. М., 1902. С. 82.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ Там же. С. 90, 94.

²⁵ Цит по: *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 25–26.

²⁶ См.: *Ростовцев Е.А.* Указ. соч. С. 176.

²⁷ *Валк С.Н.* Советская историография. М.; Л., 1948. С. 44.

²⁸ *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.

²⁹ Цит. по: *Чирков С.В.* Археография в исторической науке России рубежа XIX и XX веков: Дис. ... д-ра ист. наук [рукопись]. С. 383.

³⁰ См.: *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект АН // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129–1139.

³¹ *Бельчиков Н.Ф.* Отчет о деятельности Кубанско-Черноморского областного архивного управления за 1920 год // Сб. материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». М., 1921. Вып. 1. С. 245.

³² См.: *Иванов А.Е.* Московский археологический институт – центр Российского исторического культуроведения // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996.

³³ См.: *Зубарев И.И.* Прошлое и настоящее русских архивов: Краткий исторический очерк. СПб., 1911.

³⁴ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1911. Т. 3. Стб. 854–855.

³⁵ См.: Русская энциклопедия. М., 1912. Т. 2. С. 44.

³⁶ См.: *Грачев В.И.* Смоленский городской историко-архивоведческий музей за 25 лет своего существования 1888–1913 // Русский архив. 1915. Кн. 2. Вып. 8. С. 498–500.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 32. Л. 72об.

³⁸ См.: *Зайцев В.А.* Московский археологический институт. Организация и деятельность в 1907–1917 гг. М., 1978. Дипломная работа, рукопись. С. 13.

³⁹ См.: *Валк С.Н.* Регесты в их прошлом и настоящем // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 28 (примеч. 18); *Бржостовская Н.В.* Архивы и архивное дело в зарубежных странах: История и современная организация. М., 1971. С. 74–75.

⁴⁰ См.: *Колесников И.Ф.* Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. 1940. № 2. С. 17.

⁴¹ *Ардашев Н.Н.* Теоретический курс по кафедре дипломатики: Программы лекций, читаемых в МАИ (1908–1909). Курс 1. С. 71–72.

⁴² См., например: *Колесников И.Ф.* Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России: Пособие и лекции по архивоведению, читанные в Московском археологическом институте его директором А.И. Успенским в 1908–1909 акад. году. М., б. г. Литограф. изд.

⁴³ Там же. С. 45–47.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 56. Л. 45; Ср.: *Колесников И.Ф.* Исторический обзор... С. 5–7.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 27. Л. 37об.

⁴⁶ *Смирнов А.И.* Очерки по истории архивного дела. Ч. 1: Записи лекций автора, изданные студентами Ярославского отделения МАИ. Ярославль, 1922. Вып. 1. С. 3, 5, 55.

⁴⁷ Цит по: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 245.

⁴⁸ *Ростовцев Е.А.* Указ. соч. С. 232.

⁴⁹ *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. С. 252.

⁵⁰ См.: *Медушевская О.М.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное знание // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 245.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2744. Л. 1–6.

⁵² ЭИА. Ф. 1421. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁵³ *Лебедев А.И.* Делопроизводство в учреждениях как базис архивной работы // *Морской сборник.* 1913. № 2. С. 41–80.

⁵⁴ ЭИА. Ф. 1421. Оп. 1. Д. 4. См., в частности, критику системы А.И. Лебедева Фридрихом Ниневе, который возглавил экспертную комиссию из 17 человек, образованную для рассмотрения рекомендаций А.И. Лебедева, и дал отрицательное заключение.

⁵⁵ *Лебедев А.И.* Указ. соч. С. 75.

⁵⁶ *Мандельштам О.* Разговор о Данте. М., 1967. С. 28.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Л. 6.

⁵⁹ Очерк составлен по: *Хими́на Н.И.* Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX веков // *Отечественные архивы.* 1998. № 4; *Автократов В.Н.* Из истории централизации.; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994; *Она же.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

⁶⁰ Очерк составлен по: *Алексеева А.И.* «На достоинствах нравственных, а не на силе» // *Человек.* 1991. № 6; *Шмидт С.О.* Записка С.Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С.Д. Шереметева: К 150-летию со дня рождения председателя Императорской Археографической комиссии графа С.Д. Шереметева // *Археографический ежегодник за 1994 год.* М., 1996; *Шохин Л.И.* С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях // Там же; Записка графа С.Д. Шереметева об истории Остафьевского архива князей Вяземских / Публ. подгот. Л.И. Шохин // *Археографический ежегодник за 2001 год.* М., 2002. С. 407–411.

⁶¹ Цит по: *Алексеева А.И.* Указ. соч. С. 67, 70.

⁶² Очерк составлен по: *Автократов В.Н.* Из истории централизации... С. 313–393; Об архивно-археологической деятельности Д.Я. Самокусова, И.Я. Стеллецкого, В.К. Клейна / Подгот. Л.И. Шохин // *Археографический ежегодник за 2000 год.* М., 2001; *Клейн В.Б., Панова Т.Д.* Минувшее – не значит забытое: Владимир Карлович Клейн // *Вестник архивиста.* 2002. № 4–5. С. 327–341.

⁶³ Очерк составлен по: *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов в 30-е годы. М., 1994; После обстрела Московского Кремля / Публ. В.О. Седельникова // *Звенья: Исторический альманах.* М., 1991. Вып. 1.

⁶⁴ РГИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1854. Л. 8–10.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁶⁶ Там же. Л. 250; Д. 18. Л. 13об.

⁶⁷ *Егоров Д.Н.* Образование архивиста на Западе // *Архивное дело.* 1923. Вып. 1. С. 12–25.

⁶⁸ См.: *Голицын Н.В.* С.М. Горяинов: Некролог // Исторический архив. Пг., 1919. Т. 1. С. 414–421.

⁶⁹ Очерк составлен по: *Шмидт С.О.* К юбилею Д.Б. Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997; *Автократов В.Н.* Из истории централизации...; *Рокитянский Я.Г., Мюллер Р.* Красный диссидент. М., 1996; *Сидорова В.А.* Документы о Д.Б. Рязанове в ГАРФ // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 394–396; *Шмидт С.О.* Д.Б. Рязанов и российская интеллигенция // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 200. С. 20–30.

⁷⁰ На боевом посту: Сб. к шестидесятилетию Д.Б. Рязанова. М., 1930. С. 141.

⁷¹ Цит по: *Рокитянский Я.Г.* Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 130.

⁷² Цит по: *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Указ. соч. С. 76, 144.

⁷³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 25. Л. 12.

⁷⁴ *Шмидт С.О.* К юбилею Д.Б. Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 40.

⁷⁵ Очерк составлен по: Академическое дело 1929–1930 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на великом переломе // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1; *Брачев В.С.* Дело академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5; *Он же.* Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1; *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Советская историография. М., 1996; *Цамутали А.Н.* Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; *Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 126–144; *Бухерт В.Г.* Новооткрытые письма академика С.Ф. Платонова к Д.Б. Рязанову // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 390–394; *Шмидт С.О.* Вступительное слово на заседании Археографической комиссии РАН 3 апреля 2003 г., посвященном памяти С.Ф. Платонова // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 37–40.

⁷⁶ *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1930 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. 35.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 30. Л. 53–53об.

⁷⁸ См.: *Голицын Н.В.* Союз Архивных деятелей // Исторический архив. 1919. № 1. С. 516–520.

⁷⁹ Там же. С. 517–518.

⁸⁰ Издания губернских ученых архивных комиссий 1884–1923 гг. / Сост. Л.Ф. Писарькова; отв. ред. С.О. Шмидт. N.Y., 1994. Вып. 1: Бесса-

рабская, Витебская, Владимирская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Иркутская, Калужская, Костромская и Курская архивные комиссии.

⁸¹ *Чирков С.В.* Рец. на «Издания губернских ученых архивных комиссий» // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 127.

⁸² *Языков С.Р.* К вопросу об архивном законодательстве // Вестник Императорского Общества ревнителей истории. Пг., 1916. Вып. 3. С. 191.

⁸³ *Голицын Н.В.* Указ. соч. С. 519–520.

⁸⁴ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 316.

⁸⁵ Очерк составлен по: *Богоявленский С.К.* Некролог С.А. Белокурова // Исторический архив. 1919. Кн. 1; Белокуров Сергей Алексеевич // Русский исторический журнал. 1921. Кн. 7; Белокуров Сергей Алексеевич // История исторической науки; Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Биобиблиографический справочник. М., 1996; *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. М., 1999; *Санин О.Г.* Научно-публикаторская деятельность С.А. Белокурова // Тр. Историко-архивного института. Т. 37. М., 2007. С. 51–65.

⁸⁶ Цит. по: *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 423.

⁸⁷ *Белокуров С.А.* Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года // Чтения Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1877. Кн. 1; *Он же.* О библиотеке Московских государей в 16 столетии. М., 1898; *Он же.* Русские летописи: В 3 т. М., 1897.

⁸⁸ *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 424.

⁸⁹ Очерк составлен по: Архив РАН. Ф. 553; С.К. Богоявленский: Некролог // Славяне. 1947. № 9; *Функ М.К.* Разработка С.К. Богоявленским теории и методики архивного дела (по неопубликованным статьям) // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990; *Шохин Л.И.* С.К. Богоявленский в РГАДА // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997; *Акишин М.О.* К истории сибирской ссылки С.К. Богоявленского // Отечественные архивы. 1997. № 6 и др.

⁹⁰ Цит. по: *Шохин Л.И.* С.К. Богоявленский в РГАДА. С. 366–367.

⁹¹ Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. АА. 1919. Д. 2а. Л. 25–27; Историки и краеведы Москвы; *Шapiro А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993; *Платонов С.Ф.* Неизданный некролог М.М. Богословскому / Подгот. А.В. Мельников // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 388–397; Список печатных трудов М.М. Богословского / Публ. подгот. А.В. Мельников // Архео-

графический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 320–335; *Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников* // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 280–301; *Шмидт С.О.* Вступительное слово на конференции, посвященной научному наследию М.М. Богословского и А.Е. Преснякова // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 247–253; *Муравьев В.А.* М.М. Богословский: выбор проблемы реформ // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 175–180; *Осипова Н.М.* Личный фонд М.М. Богословского в Архиве РАН // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 206–208.

⁹² РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 2а. Л. 25–27об.

⁹³ См. подробнее: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 95–102.

⁹⁴ Очерк составлен по: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992; Из переписки О.А. Добиаш-Рожественской 1920–1930-х годов / Публ. Б.С. Кагановича // Отечественная история. 1992. № 3; Неполную библиографию трудов В.Н. Бенешевича см.: Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 381; Скорбная летопись // Русский исторический журнал. 1921. № 7.

⁹⁵ 1-я конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 379–380.

⁹⁶ *Покровский М.Н.* Выступление на заседании Общества историков-марксистов при Коммунистической академии // Историк-марксист. 1929. № 4. С. 5, 9, 12.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 6. Л. 7; см. также: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров в 1920–1930-е годы // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 29–30.

⁹⁸ См.: Узаконения и распоряжения по архивному делу // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 101, 103.

⁹⁹ РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3. Л. 107, 107об., 108, 112.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 120. Л. 22об. (машинописная копия).

¹⁰¹ РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3. Л. 112.

¹⁰² Там же. Д. 1. Л. 3–4.

¹⁰³ Там же. Д. 2а; Д. 3. Л. 14–15об.; Д. 7. Л. 25.

¹⁰⁴ Очерк составлен по: Первая Всебелорусская конференция архивных работников. 15–25 мая 1924 г.: Документы и материалы. Минск., 1999; *Гесь А.М.* Документы Национального архива о деятельности В.И. Пичеты // Исторические источники: проблемы классификации, изучения и преподавания: Материалы к Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 120-й годовщине со дня рождения В.И. Пичеты.

Минск, 1998; Яновский А.А. Первый ректор Белорусского университета (к вопросу об источниках для изучения истории образования и науки в Белоруссии) // Там же; Перченко Ф.Ф. Академия наук на великом переломе; СЭС. 2-е изд. М., 1983 и др.

¹⁰⁵ Первая Всебелорусская конференция архивных работников. С. 16.

¹⁰⁶ Очерк составлен по: Съезд губернских уполномоченных Глав-архива. М., 1919; Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11; Она же. А.Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4; Она же. Предисловие // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5–32 и др.

¹⁰⁷ Съезд губернских уполномоченных Главархива. С. 45.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 117.

¹⁰⁹ Цит. по: Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге. С. 13.

¹¹⁰ Очерк составлен по: Украинские архивисты: Биобиблиографический справочник. Киев, 1999; Матяш И.Б. Архивоведение времен тоталитаризма: противоборство науки и политики // Проблемы истории Украины. Вып. 4. Киев, 1998; Матяш И.Б. Личность в украинской архивистике. Киев, 2001 и др.

¹¹¹ Архивоведение: Элементарный учебник / Под ред. В. Веретенникова. Харьков, 1932. С. 13–14.

¹¹² См.: 2-й съезд архивных работников РСФСР: Стенограф. отчет: В 2 т. М., 1929. Т. 2. С. 4–5.

¹¹³ РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3. Л. 97–98.

¹¹⁴ Хроника // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 496–497.

¹¹⁵ Черепнин Н.П. Летопись архивной жизни. М., 1918. С. 515.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3. Л. 99.

¹¹⁷ Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 85. Л. 85; Автократов В.Н. Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986; Химица Н.И. Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX веков // Отечественные архивы. 1998. № 4; Анянцев В.Г. Из истории дискуссий 1920-х гг. об архивном документе как музейном предмете // Отечественные архивы. 2010. № 5. С. 3–11.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 85. Л. 18–18об.

¹¹⁹ Проект архивной терминологии И.В. Пузино. ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 85. Л. 19.

¹²⁰ Пузино И.В. Западноевропейские периодические издания по архивному делу // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 44–46, 58.

¹²¹ См.: Пузино И.В. О принятых на Западе способах сохранения архивных документов. Пг., 1919.

¹²² См.: Черепнин Н.П. Указ. соч. С. 482–483.

¹²³ Предисловие // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Архивные курсы. История архивного дела: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. С. 4.

¹²⁴ Платонов С.Ф. Речь, произнесенная при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 года // Там же.

¹²⁵ Там же. С. 5.

¹²⁶ Борщаговский А. Обвиняется кровь. М., 1994. С. 12 (см. также о З.Г. Гринберге с. 43–45, 70).

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 7, 8, 13, 32, 34, 40–42, 47, 51–52, 73, 76.

¹²⁸ См.: Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2.

¹²⁹ Черепнин Н.П. Указ. соч. С. 511–513.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 91. Л. 39–40.

¹³¹ Там же. Д. 53, 82, 108, 132.

¹³² Николаев А.С. Главное управление архивным делом // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 48–49, 55, 57.

¹³³ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–38. Д. 84. Л. 1.

¹³⁴ Николаев А.С. Главное управление архивным делом. С. 22–23.

¹³⁵ Полянская Л.И. Первые шаги // Советские архивы. 1968. № 1. С. 39.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 6, 23. Л. 4.

¹³⁷ Николаев А.С. Речь, произнесенная при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 года // История архивного дела классической древности... С. 22–24.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–21.

¹³⁹ См.: Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945. М., 1969. С. 58, 61–62.

¹⁴⁰ См.: Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 8. С. 86–87.

¹⁴¹ Съезд губернских уполномоченных Главархива. М., 1919. С. 2–3.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 24.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 8. Л. 26об., 30, 34, 37.

¹⁴⁴ См.: Аннинский С.А. 1-я конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 373.

¹⁴⁵ Там же. С. 372–373, 384.

¹⁴⁶ Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9; Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История

СССР. 1991. № 1; *Он же*. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. М., 1995; *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы; *Она же*. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003 и др.

¹⁴⁷ *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 142.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 284. Л. 92, 93об.

¹⁴⁹ 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 105.

¹⁵⁰ *Покровский М.* Институт истории и задача историков-марксистов. Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 3–13.

¹⁵¹ 2-й съезд архивных работников РСФСР: Стенограф. отчет: В 2 т. Т. 1. С. 95.

¹⁵² Я себя считаю лично уже ушедшим: Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Исторический архив. 1993. № 4. С. 198.

¹⁵³ *Пресняков А.Е.* Образование Великоорусского государства: Речь перед защитой диссертации // Летопись занятий Археографической комиссии. Пг., 1920. Вып. 30. С. 4–5.

¹⁵⁴ Архивное дело. 1928. № 4. С. 74.

¹⁵⁵ См.: *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 128.

¹⁵⁶ *Максаков В.В.* Архивы и архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 119; *Он же*. История и организация архивного дела в СССР. С. 100.

¹⁵⁷ Архивное дело. 1928. № 4. С. 75.

¹⁵⁸ См.: *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института РГГУ. М., 1997.

¹⁵⁹ См.: *Емельянов Ю.Н.* Вступительная статья к работе С.П. Мельгунова «Осада Зимнего дворца» // Вопросы истории. 1993. № 1.

¹⁶⁰ Цит. по: Там же. С. 112.

¹⁶¹ Очерк составлен по: *Крылов В.В.* Его страстью был архивизм // Отечественные архивы. 1995. № 3; *Он же*. Д.Б. Рязанов и Б.И. Николаевский // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 89–87 и др.

¹⁶² Цит. по: Там же. С. 27–28.

¹⁶³ Там же. С. 28.

¹⁶⁴ Сборник документов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 1. С. 111–112.

¹⁶⁵ См.: *Курникова И.А.* Документы Первой конференции архивных деятелей по проблеме подготовки кадров исторических архивов // Архивы СССР: История и современность. М., 1989; *Она же*. Из

истории первых архивных курсов // Советские архивы. 1989. № 2. С. 19–25.

¹⁶⁶ 2-й съезд архивных работников РСФСР. Т. 1. С. 192–193.

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 97–120.

¹⁶⁸ Подробнее см.: *Курникова И.А.* Проблема архивных кадров. С. 192–201.

¹⁶⁹ См.: Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР 14–19 марта 1925 года. М.; Л., 1926. С. 232, а также: Первое пятилетие деятельности ленинградских архивов // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 369.

¹⁷⁰ *Николаев А.С.* Формуляр фонда // Архивное дело. 1928. № 14. С. 14–23.

¹⁷¹ Там же. Предисловие к статье «Формуляр фонда».

¹⁷² РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 1271. Л. 3–7.

¹⁷³ Там же. Оп. 3. Д. 1389. Л. 17.

¹⁷⁴ Тверской областной объединенный музей. Фонд музея. Оп. 1. Отдельная папка под № 431.

¹⁷⁵ РГИА. Ф. АА. Оп. 3. Д. 924. Л. 36–37 (рукопись); Л. 38–39 (машинопись).

¹⁷⁶ См.: *Снигирев В.В.* Делопроизводство Комиссии об учреждении народных училищ. 1782–1803 // Описание дел архива Министерства народного просвещения / Под ред. С.Ф. Платонова и А.С. Николаева. Пг., 1917. Т. 1.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. АА. Оп. 1. Д. 275, 385; см.: Советские архивы. 1988. № 4. С. 27–32.

¹⁷⁸ См.: Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 163.

¹⁷⁹ ЦМАМ. Ф. 3019. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–29; См. первое сообщение о В.В. Снигиреве и анализ: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 80–83; *Она же.* «Неизвестный» Маяковский. М., 2001. С. 21–23; *Она же.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 418–435.

¹⁸⁰ ЦМАМ. Ф. 3019. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–14, 29.

¹⁸¹ См.: Дела и дни. 1922. № 3. С. 238–239.

¹⁸² См.: *Автократов В.Н.* Петроградская брошюра об архивах // Советские архивы. 1988. № 4; Там же. 1988. № 3.

¹⁸³ Советские архивы. 1988. № 3. С. 4, 6–8.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. АА. Оп. 3. Д. 924; Оп. 1. Д. 119.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 132. Л. 24об.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 157об.

¹⁸⁷ Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка 431. Л. 8–14.

¹⁸⁸ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 287–288.

¹⁸⁹ Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка 431. Л. 18, 33, 47–48.

¹⁹⁰ В очерке использованы наблюдения И.И. Глебовой. См.: *Глебова И.И.* Историк – археограф – архивист: проблема диалога // *Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: Материалы междунар. науч. конф.* М., 1998.

¹⁹¹ *Рождественский С.В.* Историк – археограф – архивист // *Архивное дело.* 1923. Вып. 1. С. 1, 3–5, 8, 12.

¹⁹² Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480; РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 127; *Чирков С.В.* Александр Евгеньевич Пресняков // *Историки России. XVIII – начало XX века.* М., 1996; *Он же.* А.Е. Пресняков – археограф и архивист (К 125-летию со дня рождения) // *Археографический ежегодник за 1995 год.* М., 1997; *Он же.* А.Е. Пресняков и архивная реформа // *Археографический ежегодник за 2000 год.* М., 2001 и др.

¹⁹³ *Пресняков А.Е.* Исторические источники и подлинные документы в научной работе: Речь, произнесенная при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 года // *История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году.* Пг., 1920.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 17–26. Другой, сокращенный вариант статьи опубликован в *Русском историческом журнале* (1918. № 5).

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 19–20.

¹⁹⁶ *Известия Наркомвоен.* 1919. № 96. С. 2.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 23.

¹⁹⁸ *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела в России // *Русский исторический журнал.* 1918. № 5. С. 220–221.

¹⁹⁹ См.: *Пресняков А.Е.* Рец. на: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 450.

²⁰⁰ *Чирков С.В.* А.Е. Пресняков и архивная реформа. С. 257–258.

²⁰¹ Подробнее см.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 95–96.

²⁰² *Архивоведческие труды Е.В. Тарле: Тарле Е.В.* Национальный архив в Париже // *Архивные курсы: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году.* Пг.,

1920. Ч. 1; *Он же*. Значение архивных документов для истории / Подгот. к печати А.Г. Чернов // Вопросы архивоведения. 1961. № 3; см. также: Мастера русской историографии: Евгений Викторович Тарле (1874–1955) / Публ. подгот. М.Ю. Киселев // Исторический архив. 2008. № 2. С. 70–85.

²⁰³ Тарле Е.В. Национальный архив в Париже. С. 174–175, 198.

²⁰⁴ Любименко И.И. Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем: Лекции, чит. на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920. Ч. 1. С. 227; см. также: Солодкин Р.Я. Архивное дело в СССР и за рубежом в статьях историка И.И. Любименко в 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 12–21.

²⁰⁵ Тарле Е.В. Значение архивных документов для истории. С. 16.

²⁰⁶ Очерк составлен по: Архив РАН. Ф. 491; Шатило А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года; Избранная библиография Ю.В. Готье: Стокгольмский государственный архив // Древности: Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1898. Т. 1; Сборник статей по архивоведению / Под ред. И.И. Зубарева. СПб., 1911. Т. 1. Ч. 2; Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6–12; 1992. № 1–5, 11–12; 1993. № 1; Пичета В.И. Академик Юрий Владимирович Готье (некролог) // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 301–304; Емельянов Ю.Н. Готье Юрий Владимирович // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 4: Архив.-информ. бюл.: Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1997. С. 83–94; Тихонов В.В. Ю.В. Готье как историк-архивист // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 3–12 и др.

²⁰⁷ Готье Ю.В. Движение исторической науки в связи с развитием археографии: 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва, 29 сентября – 3 октября 1921 года // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 117–118.

²⁰⁸ Протокол № 27 годичного собрания Кружка архивных работников от 16 июня 1921 г. // ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 98.

²⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 581. Л. 150б.

²¹⁰ См.: Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 14.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85. Л. 119об. Ср.: Князев Г.А. Об архивной терминологии // 1-я конференция архивных работников Петрограда. Пг., 1920. С. 4.

²¹² Очерк составлен по: Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России; Левишин Б.В. Георгий Алексеевич Князев: К 100-летию со дня рождения // Советские архивы. 1987. № 4; Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга. Ч. 2 // Подвиг: Приложение к журналу «Сельская молодежь». М., 1987. Вып. 1; Козлов В.П.

Три «радиуса» архивиста Г.А. Князева // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 198–214.

²¹³ Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского: К 25-летию научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. 20. С. 114–115. Здесь и далее мы приводим выдержки по черновому варианту статьи В.Н. Автократова «Понятие архивного фонда в советском архивоведении 1920-х годов», опубликованной в сокращенном виде в Археографическом ежегоднике за 1984 г. (М., 1986. Личный архив автора. Дар М.И. Автократовой).

²¹⁴ Архивная терминология (в дискуссионном порядке) // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 52.

²¹⁵ Цит. по: Протокольная запись, хранящаяся в ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 288. Л. 99.

²¹⁶ Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР. М.; Л., 1926. С. 236–237, 254, 258–259; Шереметевский В.В. Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 56.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 931. Л. 113.

²¹⁸ См.: Князев Г.А. Теория и техника архивного дела. Л., 1935. С. 15.

²¹⁹ Очерк составлен по: Архив ИАИ РГГУ. Личный состав. Д. 13; РГИА. Ф. 6900. Оп. 2; Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. А.И. Андреев и развитие кафедры в начале 1950-х гг. // Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990 и др.

²²⁰ См.: Пичета В.И. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 122.

²²¹ Соответствующие выдержки и оценки см.: Автократов В.Н. Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении. С. 59–60.

²²² ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 931. Л. 120.

²²³ См.: Автократов В.Н. Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении. С. 48.

²²⁴ ЦМАМ. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 170. Л. 55–58об.

²²⁵ Там же. Л. 56.

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 24–25об. Цит. по: Шенелев В. Документы с комментариями: архивная реформа в первые годы Советской власти // НИБ РЦХИДНИ. М., 1996. Вып. 7. С. 48.

²²⁷ Там же. Л. 25–26.

²²⁸ ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85. Л. 133–133об. Символично, что именно этот протокол с ироничным, но достаточно точным пересказом А.И. Лебедева выступления М.Н. Покровского является последним, который отложился в личном архиве А.С. Николаева.

²²⁹ Там же. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 59–61об.

²³⁰ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 89. Л. 115–115об.

²³¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 82.

²³² Там же. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

²³³ Там же. Л. 82об–83, 97–98об.

²³⁴ Там же. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 30. Л. 53–53об. Отчет о деятельности ОРАД за 1920 и 1921 гг.

²³⁵ В первую очередь это относится к И.Л. Маяковскому и М.С. Вишневскому. И.Л. Маяковский – последний представитель старшего поколения архивистов, деятельность которого пришлась на несколько десятилетий советского периода (см.: *Хорхордина Т.И.* «Неизвестный» Маяковский. М., 2001). М.С. Вишневский был первым из сформировавшегося уже в советское время поколения архивистов, всеми силами пытавшимся сохранить генетическую связь с наукой об архивах прошлых лет, создавая теорию архивного дела в новых условиях (см.: *Крылов В.В., Хорхордина Т.И.* Михаил Станиславович Вишневский: судьба архивиста // Вестник архивиста. 2001. № 4–5 (70–71); № 6 (72); № 1 (73). См. также: Новые материалы к научной биографии И.Л. Маяковского (К 125-летию со дня рождения) / Публ. и предисл. подгот. М.Д. Эльзон, Т.И. Хорхордина // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 364–383.

²³⁶ См.: *Степанский А.Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987. С. 71.

²³⁷ *Пичета В.* Описание дел Архива Министерства народного просвещения: Рецензия // Архивное дело. 1923. Вып. I. С. 163.

²³⁸ Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Т. 1. Пг., 1917.

²³⁹ Архив ИАИ РГГУ. Л/С. Д. 426. Л. 4.

²⁴⁰ *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 12.

²⁴¹ Там же. С. 14.

²⁴² Там же. С. 20.

²⁴³ *Маяковский И.Л.* Архив, библиотека и музей // Архивное дело. 1926. Вып. VII. С. 21–36.

²⁴⁴ См.: Краеведение. 1927. № 1. С. 47–62.

²⁴⁵ *Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 165.

²⁴⁶ См.: ЦМАМ. Ф. 3019. Оп. 1. Д. 318, 294, 52 и др.

²⁴⁷ Там же. Д. 270. Л. 8–9.

²⁴⁸ См.: РГАЭ. Личный фонд В.В. Цаплина. Стенограмма конференции историков-архивистов СССР. 1–3 июня 1943 г. Л. 16.

²⁴⁹ ЦМАМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 443. Л. 25.

²⁵⁰ Там же. Л. 48.

²⁵¹ Там же.

²⁵² *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачов, как историк-архивист // Труды МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 170.

Контрольные вопросы

1. С.Д. Шереметев: разработка концепции сохранения усадебных архивов.
2. Московский археологический институт и развитие архивоведческой мысли.
3. Ф.А. Нинева: проект централизации архивов.
4. А.И. Лебедев и его вклад в развитие архивоведческой мысли.
5. Феноменологическая парадигма А.С. Лаппо-Данилевского и ее значение для нового понимания сущности архивного документа.
6. Союз российских архивных деятелей и развитие архивоведческой мысли.
7. Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР»: от замысла к реализации.
8. Концептуальные аспекты борьбы архивистов за сохранение частновладельческих архивов (А.М. Фокин, П.С. Шереметев, М.М. Богословский).
9. М.М. Богословский: вклад в историю архивоведческой мысли.
10. В.Н. Бенешевич и развитие архивоведческой мысли.
11. Архивные курсы при Петроградском археологическом институте и развитие архивоведческой мысли.
12. В.И. Веретенников и развитие архивоведческой мысли.
13. Архив, библиотека и музей: историко-архивоведческие взгляды И.Л. Маяковского.
14. И.Л. Маяковский и концепция расширяющегося понятия «архивы».
15. Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского: вклад в развитие архивоведческой мысли.

16. Роль А.И. Андреева и членов архивного кружка им. А.С. Лаппо-Данилевского в разработке теории архивоведения (В.К. Клейн, Г.А. Князев, А.И. Лебедев).
17. Петроградская и московская школы архивоведения в 1920-е годы.
18. И.И. Пузино о процессе движения в архивоведении от «знания» к «науке».
19. И.И. Пузино: толкование понятия «единый государственный архивный фонд».
20. Роль А.С. Николаева в становлении и развитии классического архивоведения.
21. А.С. Николаев об архивном фонде как основном принципе строительства архивов.
22. С.В. Рождественский и концепция гармонии в работе архивиста, археографа и историка-исследователя.
23. Роль Д.Б. Рязанова в консолидации историков и архивистов.
24. Д.Н. Егоров и сравнительно-исторический анализ архивного дела на Западе.
25. В.В. Снигирев: вклад в историю архивоведческой мысли.
26. А.Е. Пресняков: вклад в развитие архивоведческой мысли.
27. Г.А. Князев и разработка терминологии архивоведения.
28. Эволюция принципа происхождения в отечественной архивоведческой мысли в конце XIX – первой половине XX в.

Список источников и литературы

Источники

Обязательные

Архивные курсы: Лекции, читанные слушателям архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Вып. 2: *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. 175 с.

Великий князь Николай Михайлович. Письмо из заточения / Подгот. Н. Сидоров // Наше наследие. 1992. № 25. С. 86–87.

- Вишневский М.С.* Летопись архивной жизни провинции за 1920 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 77–101.
- Воронов А.П.* Статьи по архивоведению: Пособие для слушателей Имп. С.-Петербургского археологического института. СПб., 1909. 32 с.
- Записка И.Е. Забелина о комплектовании фондов Исторического музея* // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 348–354.
- Записка С.Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С.Д. Шереметева* / Подгот. С.О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 178–185.
- Зубарев И.И.* Прошлое и настоящее русских архивов: Краткий исторический очерк. СПб., 1911. 47 с.
- Иконников В.С.* Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1890. Киев, 1892. 36 с.
- Каманин И.* Записка об учреждении в Киеве Ученой архивной комиссии. Киев, 1911. 8 с.
- Колесников И.Ф.* Устройство и ведение архивов: Пособие к лекциям по архивоведению. М., 1910. 252 с.
- Львов А.Н.* Русское законодательство об архивах. М., 1900. 13 с.
- Маяковский И.Л.* Архив, библиотека и музей // Архивное дело. 1926. Вып. V–VI. С. 45–57; Вып. VII. С. 21–36.
- Маяковский И.Л.* 20 лет работы ленинградских центральных архивов // Архивное дело. 1938. № 3 (47). С. 125–144.
- «Нельзя в принципе не сочувствовать мысли о централизации архивов»: Протоколы совещания историков и архивистов в Московском университете. Июнь 1918 г. / Публ. подгот. Н.С. Зелов, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2008. № 3. С. 3–33.
- Николаев А.С.* Главное управление архивным делом (апрель–октябрь 1918 г.) // Исторический архив. 1919. № 1. С. 1–64.
- Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. Пг., 1918. Кн. 5. С. 205–222.
- Рождественский С.В.* Историк–археограф–архивист // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 1–12.
- Самоковасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902. 48 с.
- Самоковасов Д.Я.* Значение, форма и издание архивных описей // Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1898. Т. I. С. 169–171.
- Савелов Л.М.* В защиту губернских ученых архивных комиссий (По поводу книги Д.Я. Самоковасова «Архивное дело в России». М., 1902): Доклад Тверскому областному археологическому съезду. 12 августа 1903 г. Секция архивоведения. М., 1904. 16 с.

- Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время с 15 июня 1918 г. – 15 июня 1920 г. М., 1921. Вып. I. 124 с.
- «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели»: Из протоколов руководящих органов Управления архивным делом в 1918–1928 гг. / Публ. подгот. О.Н. Копылова, Т.И. Хорхордина // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 82–101; № 5. С. 96–118; № 6. С. 74–101.
- «Так совершилась созданная революцией реформа архивного дела в России»: Воспоминания академика С.Ф. Платонова. 1923 г. / Публ. подгот. А.В. Мельников // Исторический архив. 2008. № 3. С. 33–45.
- Труды первого съезда представителей Губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 года. СПб., 1914. 107 с.
- «Централизация архивного дела желательна»: Протоколы заседаний Комиссии по выработке проекта организации Центрального управления архивами. Май 1918 г. / Публ. подгот. Н.С. Зелов, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2008. № 2. С. 17–29.
- Центральный комитет по управлению архивами: Журналы заседаний под председательством Д.Б. Рязанова (апрель 1918 г.). М., [б.г.] 20 с.

Дополнительные

- Герасимов А.А.* Архивы Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 3–28.
- Герасимов А.А.* Краткая опись «Калачовского» фонда исторического архива Саратовской архивной комиссии. Саратов, 1911. 39 с.
- Голубцов И.А.* Краеведческие «поправки» к организации архивного дела в РСФСР // Архивное дело. 1927. Вып. 13. С. 11–26.
- Греков Б.Д.* Описание актовых книг, хранящихся в архиве Археографической комиссии. Пг., 1916. 238 с.
- Записка Н.Н. Ардашева о методике составления архивных справок. 1893 г. / Подгот. Л.И. Шохин // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 80–85.
- Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб., 1906. 61 с.
- Князев Г.А.* Теория и техника архивного дела (опыт систематического руководства). Л., 1935. 118 с.
- Колесников И.Ф.* Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России. М., 1908–1909. 308 с.

- Львов А.Н. Нужно ли в настоящее время принимать меры к охранению письменных памятников // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. 3. С. 274–277.
- Миронов А.А. Несколько слов об архивах уездных дворянских учреждений // Тр. XV Археологического съезда. М., 1914. Т. 1. С. 165–166.
- «Ни в коем случае не уничтожать никаких дел и бумаг...» (Волостные архивы и Сибирское правительство) / Подгот. П.Ф. Назыров // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 72–74.
- Пичета В. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей: Москва, 29 сент. – 3 окт. 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102–133.
- Покровский М.Н. Культурное и политическое значение архивов // Архивное дело. 1927. Вып. X. С. 3–13.
- Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР (14–19 марта 1925 г.). М.; Л., 1926. 312 с.
- «Положение ученого мира теперь тяжело» (Письмо Н.П. Лихачёва В.Д. Бонч-Бруевичу) / Подгот. О.Н. Наумов // Отечественные архивы. 1997. № 1. С. 110–113.
- Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916–1917. Т. I: Законодательные материалы. 1916. 710 с.; Т. II: Провинциальные архивы. Извлечения из дел, относящихся до архивной части. 1917. 456 с.
- Смирнов А.И. Владимир Галактионович Короленко, как архивный деятель: Доклад, прочитанный в Ярославском гос. университете на вечере, посвященном памяти В.Г. Короленко. Ярославль, 1922. 16 с.
- Смирнов А.И. Очерки по истории архивного дела: Записки лекций автора, изданные студентами Ярославского отделения Московского археологического института. Ярославль, 1922. Ч. I. Вып. I. 78 с.
- Состояние архивов правительственных и общественных учреждений в подведомственном Тверской ученой архивной комиссии районе. Тверь, 1914. 93 с.
- Союз Российских архивных деятелей: материалы по организации Союза. М., [б.г.] 20 с.
- «...У русских ученых хватит энергии и воли к возрождению русской науки и культуры в возрождающейся России»: Отец и сын Вернадские в Крыму в годы Гражданской войны. 1919–1920. / Подгот. С.Б. Филимонов // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 102–112.

- Успенский А.И.* Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России: Пособие к лекциям по архивоведению, читанным в Московском археологическом институте А.И. Успенским. М., 1908–1909. 308 с.
- Хованский Н.* К характеристике положения у нас архивного дела // Тр. Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 4–8.
- Цветаев Д.В.* Московский архив Министерства юстиции и губернские ученые архивные комиссии // Русский архив. 1916. Кн. 4. С. 407–415.
- Чернов С.* Из отчета о командировке в Москву и Ленинград осенью 1922 г. Саратов, 1924. 28 с.
- Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д. Шереметева / Подгот. Л.И. Шохин. М., 2001. 736 с.
- Шмелев Г.Н.* Теория и практика архивных описей. М., 1900. 10 с.

Литература

Учебники и учебные пособия

Обязательные

- Волкова Т.С., Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Российские архивы: история и современность: Электрон. учеб.-метод. комплекс. Версия 2.0. М.: РГГУ, 2010.
- Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 160–210.
- Старостин Е.В.* Архивы России. Методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. 46 с.

Дополнительные

- Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969. 432 с.
- Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела: Учеб. М., 1946. 248 с.
- Старостин Е.В.* Архивы Русской Православной Церкви (X–XX вв.): Учеб. пособие. М., 2011. 253 с.
- Хорхордина Т.И., Волкова Т.С.* Российские архивы. История и современность. М., 2011. 416 с.

Обязательная литература

- Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 3–20.
- Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 390–393.
- Акимов С.В.* Последние шаги к архивной реформе 1918 г. (Проекты Е.Н. Квашнина-Самарина, А.И. Лебедева, К.Я. Здравомыслова, Н.В. Голицына, Ф.А. Нинева) // Отечественные архивы. 2001. № 5. С. 24–32.
- Ананьев В.Г.* Из истории дискуссий 1920-х гг. об архивном документе как музейном предмете // Отечественные архивы. 2010. № 5. С. 3–11.
- Банасюкевич В.Д., Старостин Е.В.* Глядя in medias res декрета об архивном деле 1918 г. // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 21–26.
- Болотина Н.Ю.* Архивисты МГАМИД на переломе эпох (1917–1918 гг.) // Тр. Историко-архивного института. Т. 37. М., 2007. С. 128–136.
- Бурова Е.М.* Правовое регулирование и архивная среда // Вестник архивиста. 1997. № 4(40). С. 20–26.
- Елпатьевский А.В.* Заимствование или взаимовлияние? (Российское и западноевропейское архивоведение в 1920–1930 гг.) // Вестник архивиста. 1997. № 5 (41). С. 34–40.
- Иванов А.Е.* Московский археологический институт – центр российского исторического культуроведения // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 47–64.
- Иноземцева З.П.* Комплектование и экспертиза ценности документов в свете исторического опыта // Вестник архивиста. 1999. № 1 (49). С. 4–13.
- Козлов В.П.* Российское архивное дело. М., 1999. 335 с.
- Козлов В.П.* Три «радиуса» архивиста Г.А. Князева // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 198–214.
- Колышницкина Н.В.* Обзор документов фонда Петроградского археологического института // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 205–219.
- Кошелева Е.Ю.* Организация хранения архивных документов в ведомствах Саратовской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 32–40.
- Крылов В.В.* Д.Б. Рязанов и Б.И. Николаевский // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 89–97.

- Курникова И.А.* Петроградский археологический институт // Советские архивы. 1991. № 2. С. 25–31.
- Ларин М.В.* Проблемы научного обеспечения архивного дела в Российской Федерации // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 187–204.
- Матяш І.* Особа в українській архівістиці. Київ, 2001. 228 с.
- Матяш І.* Архівна наука і освіта в Україні 1920–1930-х років. Київ, 2000. 466 с.
- Медушевская О.М.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 238–255.
- Молчанов Л.А.* Военно-историческая комиссия по сбору и обработке документов Великой войны Юга-Западного и Румынского фронтов. 1918–1920 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 1. С. 126–135.
- Попов А.В.* Архивы Русской Православной Церкви: история и современность // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. М., 2006. С. 193–198.
- Санин О.Г.* Научно-публикаторская деятельность С.А. Белокурова // Труды ИАИ РГГУ. 2007. Т. 37. С. 51–65.
- Серковская Л.В.* Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 28–42.
- Старостин Е.В.* Выдающийся архивист XX столетия М.К. Любавский // Труды ИАИ РГГУ. 2007. Т. 37. С. 24–45.
- Старостин Е.В.* Не историки для архивов, а архивы для историков // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 85–86.
- Старостин Е.В., Прокопенко А.С.* К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 31–35.
- Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Декрет об архивном деле 1918 г. // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 41–55.
- Степанский А.Д.* Из истории архивной общественности. Первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений // Вестник архивиста. 1998. № 3 (45). С. 51–56.
- Тихонов В.В. Ю.В.* Готье как историк-архивист // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 3–12.
- Хими́на Н.И.* Документы Архивного фонда РФ как источник по истории архивного дела в России начала XX в. // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия

на современном этапе: Доклады и тезисы на Третьей Всерос. конф. 25–26 февр. 1999 г. М., 1999. С. 30–40.

Хими́на Н.И. Отечественное архивное строительство: идеи централизации на рубеже XIX–XX вв. // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 9–16.

Хорхорди́на Т.И. «Неизвестный» Маяковский. М., 2001. 98 с.

Хорхорди́на Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 252–482.

Черкасов И.А. Образ архивиста в русской литературе XIX – первой трети XX в. // Отечественные архивы. 2010. № 1. С. 3–11.

Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. 234 с.

Чирков С.В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005. 317 с.

Шабанова Т. Е. История и практика формирования документов Архивного фонда РФ // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 28–35.

Шмидт С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже веков // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 229–238.

Шмидт С.О. Вступительное слово на конференции, посвященной научному наследию М.М. Богословского и А.Е. Преснякова // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 247–253.

Шмидт С.О. Д.Б. Рязанов и российская интеллигенция // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 20–30.

Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории учреждения: Материалы юбилейн. науч. конф. архивистов Ленинграда. 13–14 июня. 1968 г. Л., 1970. С. 19–35.

Шмидт С.О. О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и истории его подготовки и реализации // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 134–138.

Дополнительная литература

Бонч-Бруевич В.Д. Об архивных фондах литературных деятелей // Архивное дело. 1939. № 2 (50). С. 15–27.

Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах России // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89–105.

Бржостовская Н.В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. 1954. Т. 5. С. 79–116.

- Волкова И.В., Иноземцева З.П. Биографическая и генеалогическая информация в документах Архивного фонда Российской Федерации (1917–1991 гг.): к выходу в свет справочного пособия // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 15–22.
- Елпатьевский А.В. Из истории формирования основных нормативно-методических документов отечественного архивного дела // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 16–25.
- Максаков В.В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. 160 с.
- Матяш И.Б. Украинское архивоведение 1920–1930-х гг.: Направления и особенности развития // Вестник архивиста. 2002. № 4–5 (70–71). С. 33–47.
- Назин И. Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских ученых архивных комиссий) // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 26–37.
- Крылов В.В. Д.Б. Рязанов и Б.И. Николаевский // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 89–97.
- Крылов В.В. Идеи Декрета от 1 июня 1918 г. родились в дискуссиях членов Союза РАД // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 12–15.
- Копылова О.Н. Новоромановский архив и роль его сотрудников в собирании документов царской семьи // Труды ИАИ РГГУ. 2007. Т. 37. С. 111–128.
- Курникова И.А. Документы Первой конференции архивных деятелей по проблеме подготовки кадров исторических архивов // Архивы СССР: История и современность. М., 1989. С. 115–122.
- Лобашкова Т.А. Публикаторская деятельность великого князя Николая Михайловича // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 34–44.
- Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 280–301.
- Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования // Материалы к русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998. 392 с.
- Старостин Е.В. К вопросу о периодизации архивов // Отечественные архивы. 1999. № 6. С. 3–10.
- Ханпира Э.И. Некоторые вопросы терминоведения в связи с подготовкой «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» // Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественно-научные вопросы архивного дела. М., 1981. С. 61–99.

- Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 1–139.
- Цаплин В.В.* Теоретические и практические вопросы экспертизы документов // Советские архивы. 1966. № 3. С. 14–22.
- Чирков С.В.* А.Е. Пресняков и архивная реформа // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 253–258.
- Шепелев Л.Е.* Проблемы архивной эвристики // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в.: Сб. статей. Л., 1967. С. 5–25.
- Шмидт С.О.* Архивы и историческая наука // Архивное дело в СССР / Тр. ВНИИДАД. М., 1980. Т. 12. С. 109–120.
- Шмидт С.О.* Путь историка: Избр. труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.
- Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «дело Платонова» // Россия. XX век. М., 1996. С. 215–240. (Серия «Советская историография»).
- Шобухов Н.Н.* Обзоры архивных фондов: История и методика их составления. М., 1959. 68 с.

Заключение

В условиях становления цивилизации нового типа, которую принято определять термином «информационное общество», исследование проблем возникновения и развития науки в целом и авторефлексии каждой из ее составных структур превратилось на рубеже XX и XXI вв. в один из важнейших процессов человеческого самопознания. Как показано в данном учебнике, этот феномен объективно обусловлен сменой концепции целостной системы научного знания. Архивоведение осталось одним из немногих исключений из всемирного процесса развития науковедения на новой основе. Об этом свидетельствует недостаточная степень разработки современной теории архивов и истории отечественной архивоведческой мысли. Сама историко-теоретическая проблематика в ее неразрывной целостности стала темой учебника впервые за почти полуторавековую историю существования архивоведения как науки. Аналогичная лакуна характерна и для состояния мировой науки об архивах. Как явствует из материалов XIII Международного конгресса архивов в Пекине (1996), «архивисты всего мира чувствуют некоторую неуверенность в оценках той сферы знаний, которой они занимаются. Это – следствие реальной неразработанности архивоведения как науки или научной дисциплины. Поэтому так трудно общение между архивистами разных стран, в отличие, скажем, от физиков или химиков, легко понимающих друг друга благодаря общепризнанным понятиям, знаниям, формулам»¹.

Развитие отечественной архивоведческой мысли от момента своего зарождения в середине XIX в. до начала XX в. позволяет охарактеризовать ее как важнейший вклад в комплекс наук о человеке и окружающем его мире. Классическое (фундаментальное) архивоведение на гуманитарной основе возникло в условиях социальных потрясений – Первой мировой войны, революций и Гражданской войны. В последующем в результате комплекса при-

чин объективного и субъективного характера научное наследие основателей и классиков отечественного архивоведения оказалось невостребованным. Вне поля зрения позднейших исследователей остались имена и труды многих архивоведов, сделавших научные открытия в переломные моменты истории общества и науки. В учебнике восстановлена реальная, персонифицированная история отечественной архивоведческой мысли и дана характеристика переломных этапов, которые объективно обусловили инновационный характер научного творчества российских архивоведов. На основе синергетики обоснована принципиально новая схема периодизации истории архивоведческой мысли, в соответствии с которой отечественная наука об архивах прошла эмпирический, традиционный и классический этапы своего развития в зависимости от «точек бифуркации» в момент смены научной парадигмы и социальных кризисов. В этом смысле вектор развития архивоведческой мысли полностью отвечает определению А. Эйнштейна, который назвал науку «попыткой привести хаотическое многообразие нашего чувственного опыта в соответствие с некоторой единой системой мышления»².

Научный анализ истории отечественной архивоведческой мысли за период с середины XIX по начало XX в. дает основания сделать следующие выводы.

1. Система знаний об архивах является составной частью глобального архивно-информационного пространства. В этом смысле архивоведческие концепции и идеи отвечают общим принципам синергетики, согласно которым процессы созидания и разрушения, деградация и эволюции, независимо от природы систем, в которых они осуществляются, носят объективный характер и имеют единый алгоритм нарастания сложности и упорядоченности.

Архивы и соответственно упорядоченная на определенном этапе система научных знаний о них при таком подходе представляют собой нелинейную, самоорганизующуюся, открытую многоуровневую систему, изменения в которой накапливаются и усиливаются благодаря флуктуации, что и приводит к возникновению нового порядка и новых структур. Самоорганизация и хаос при таком подходе являются основными параметрами исследования системы, а архивист моделирует развитие архивов в соответствии с изменением базисной среды их бытования, стремясь сохранить целостность архивов и создать благоприятные условия

для их адекватной трансляции во времени и пространстве. Категориальная и понятийная система коррелируется в соответствии с изменением среды бытования. В частности, приоритет методики, т. е. установления наиболее целесообразных методов и приемов текущей работы, над теорией приводит к подмене архивоведения как науки об архивах к «технологическому» архивоведению, что нашло свое отражение в жесткой регламентации научно-исследовательской работы, мелкотемье и практически затухании свободного наукотворчества в период господства принципов командно-административной системы. В это время произошло искусственное «сужение» смысла полисемантического понятия «архив», история и теория архивного дела перестали существовать как единое целое и были подменены эвфемизмом «теория и практика архивного дела». История архивоведческой мысли как учебная дисциплина исчезла из учебных программ и только в последние годы в ИАИ РГГУ восстановлен курс лекций под одноименным названием. Ключевое понятие «архив» по итогам проведенного анализа поменяло свое смысловое наполнение в сторону расширения, отражая дуалистическую природу обозначаемого им сложного онтологического и аксиологического явления.

2. Генезис, становление и развитие системы знаний об архивах соответствуют принятой в мировом науковедении концепции стадийного развития системы научных знаний в процессе освоения мира и самопознания человека. Основатель архивоведения как науки Н.В. Калачов опирался на результаты саморазвития архивоведческой мысли архивистов-предшественников. В учебнике проанализирована архивоведческая мысль его предшественников – дядяка Ивана Висковатого, М.Г. Собакина, Г.Ф. Миллера, барона Г.А. Розенкампа, в трудах которого впервые употребляется термин «архивная наука», Н.Н. Бантыш-Каменского, П.М. Строева, К.Ф. Калайдовича и других. В учебнике доказана неправомерность традиционного представления о Генеральном регламенте Петра I как исходной точке для развития системы архивов на рациональной основе. Подробно рассмотрен механизм преемственности архивоведческой мысли в «докалачовский» период. Переход от эмпирики к устройству архивов на научно-систематизированной основе рассматривается как первая «точка бифуркации» в развитии теоретических оснований системы архивоведческих знаний.

3. Научное наследие Н.В. Калачова отражает необходимость рациональной систематизации предыдущего эмпирического опыта отечественных архивистов в период подготовки и про-

ведения важных реформ и смены научной парадигмы в мировой системе архивоведческих знаний. Именно на этом этапе в России появляется традиционная наука об архивах, которая пытается преодолеть хаос в методике архивного дела, существовавший на эмпирическом (донаучном) этапе в результате применения в архивах опыта библиографии, в соответствии с которым в основу классификации документов был положен «пертиненцпринцип». В процессе осознания необходимости объективизировать оценки экспертизы ценности документов с целью предотвратить уничтожение «ненужных» документов в массовых масштабах архивоведческая мысль этого периода характеризуется колебаниями между «пертиненцпринципом» и «принципом происхождения» («провениенцпринципом», который основывается на признании особой ценности фонда как основного структурного элемента при классификации архивных документов). Восприняв эту идею из научного наследия европейских архивистов, русские ученые (И.Е. Андреевский, А.П. Воронов, Д.Я. Самоквасов) значительно усовершенствовали и обогатили ее. В отличие от западноевропейских стран на развитие архивоведческой мысли при этом решающее влияние оказывал коллективный опыт, накопленный в результате уникального в мировой истории явления – общенациональной деятельности общественных культурно-просветительских организаций во главе с местной интеллигенцией (губернские ученые архивные комиссии).

В ходе изучения тем и сюжетов, относящихся к «калачовскому» и «посткалачовскому» периодам, особое внимание уделялось анализу теоретико-архивоведческих аспектов деятельности «школы государственников», «историков-юристов» (Д.Я. Самоквасова, великого князя Николая Михайловича) и «архивной общественности» в лице ГУАК. Необходимость преодоления «разброса» в их позициях по отношению к организации архивного дела определила, на наш взгляд, следующую «бифуркационную точку» в развитии архивоведческой мысли. Особое внимание уделено оценке роли и значения последних перед революционными событиями 1917 г. съездов общественных организаций архивистов, которые проходили под руководством и при непосредственном участии историка, источниковеда, археографа и архивоведа великого князя Николая Михайловича (Романова).

4. В учебнике прослежен жизненный и творческий путь главных субъектов архивоведческой мысли – создателей архивоведения как науки на самых различных этапах развития архи-

---

ведческой мысли. В каждом из разделов содержатся доксографические очерки – анализ взглядов виднейших архивоведов – от представителей эмпирического периода до А.С. Лаппо-Данилевского и участников Союза российских архивных деятелей и Клуба им. А.С. Лаппо-Данилевского в первое послереволюционное десятилетие во взаимосвязи с общественной обстановкой соответствующих хронологических периодов. Ряд биографий, а также некоторые системы архивоведческих взглядов ученых разных поколений воссозданы на основе архивных материалов (В.В. Смигирев, Ф.А. Ниневе) или значительно дополнены и переосмыслены в соответствии с современной концепцией науки об архивах (А.С. Николаев, А.И. Лебедев, И.Л. Маяковский, А.И. Андреев и др.).

5. К началу XX в. архивоведческая мысль приобрела черты классической науки. Русская наука (А.С. Лаппо-Данилевский и его ученики) разрабатывает основы объективизированного отношения к документу как к самоценному свидетельству о жизни человеческого духа. В дальнейшем (Союз РАД, Клуб им. А.С. Лаппо-Данилевского) происходит усиление социального аспекта в архивоведческих представлениях о роли и месте архивов, все больше внимания уделяется прогностической функции науки об архивах в контексте учения о пространственно-временном континууме. Наука об архивах приобретает более интегральный характер, вбирая достижения самых разных наук. Она становится полноценной научной дисциплиной в системе гуманитарного знания.

Именно в этот период отечественная наука об архивах достигла в ряде фундаментальных архивоведческих разработок ведущего положения в мировой архивистике. Классическое (фундаментальное) архивоведение, созданное в последние предреволюционные годы, занимает особое место в истории архивоведческой мысли. В трудах его основателей (А.С. Лаппо-Данилевский, его ученики и последователи из Союза РАД, а также А.С. Николаев) исследование сосредоточивается на методологических проблемах становления особой сферы гуманитарных знаний – архивоведения как части наук о Человеке. В учебнике на основе архивных материалов раскрывается содержание деятельности Клуба им. Лаппо-Данилевского, который по существу явился последним островком архивного свободомыслия в России послереволюционного времени. Обоснована важная роль его участников в разработке теоретической основы и поиске путей реализации ра-

дикальной реформы архивного дела, подготовленной А.С. Лаппо-Данилевским и школой Московского археологического института к 1917 г., а также излагается суть «новой архивной доктрины», с которой выступили ученые – члены Союза Российских архивных деятелей. В дальнейшем положительные тенденции в развитии основ новой науки об архивах были искусственно прерваны. Возрождение архивоведения связано с восстановлением понимания архивов как общекультурной базы познания мира и самосознания человека, общества и государства.

Примечания

¹ Впечатления участников XIII Международного конгресса архивов // Отечественные архивы. 1996. № 5. С. 112.

² Цит. по: Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Основные концепции современного естествознания. М., 2000. С. 17.

X79   **Хорхордина Т.И.**
История архивоведческой мысли: Учеб. / Отв. ред.
Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2012. 448 с.
ISBN 978-5-7281-1297-6

Комплексный учебник представляет собой целостное изложение развития архивоведческой мысли в России, связывающее в единое целое архивную теорию, историю и практику. Обобщение громадного материала позволило по-новому поставить вопрос о периодизации истории российского архивного дела. Впервые освещается вклад выдающихся историков и архивоведов в развитие архивоведческой мысли.

Для историков, историков-архивистов, документоведов, культурологов и всех, кто интересуется историей Отечества и документального наследия России.

УДК 930.25(075)
ББК 79.3я73

Учебное издание

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна

ИСТОРИЯ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Учебник

Редактор *Т.В. Рютина*

Корректор *Н.М. Спиридонова*

Технический редактор *Г.П. Каренина*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 15.03.2012.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 28,9. Усл. печ. л. 28,25.

Тираж 1000 экз. Заказ 559

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РГГУ
Вышло из печати

Когнитивная история:
концепция – методы –
исследовательские практики

*Чтения памяти профессора
Ольги Михайловны Медушевой*

Статьи по актуальным проблемам источниковедения, истории исторического знания, архивоведения, археографии и документоведения, выполненные в русле Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института и соответствующие основным направлениям научной деятельности О.М. Медушевой (1922–2007).

Для специалистов в области гуманитарных наук.

А.М. Сморчков

Религия и власть в Римской Республике:
магистраты, жрецы, храмы

Представлен комплексный анализ роли религии в политической системе Римской Республики. Подробно исследуются такие проблемы, как сакральное содержание магистратской власти, религиозные полномочия высших магистратур (консулата, диктатуры, цензуры), политическое значение и формы влияния жрецов (понтификов и авгуров), участие религиозных и политических органов в процедуре учреждения храмов, статус храмов в римской общественно-политической организации. Ключевой проблемой исследования является изучение права на общественные ауспиции (гадания), выражавшего религиозно-политическое единство республиканского государственного устройства. Вопросы взаимодействия религии и власти рассматриваются в тесной связи с анализом специфики римского общества и особенностей его мировоззрения.

Для специалистов, студентов гуманитарных специальностей и всех интересующихся историей Древнего Рима и древнеримской религией.

Т. И. Хорхордина

ИСТОРИЯ
АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

РАН